

**Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории**

В.И. МЕНЬКОВСКИЙ, К. УЛЬ, М.А. ШАБАСОВА

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ 1930-х ГОДОВ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Сыктывкар 2013

УДК 930 (47 + 57) "193"

ББК 63 (2)

Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.А. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ 1930-х ГОДОВ В АНГЛО-ЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. Сыктывкар, 2013. 222 с.

В монографии на материалах англоязычной историографии предложена методика системного изучения национальных и региональных историографий, основанная на определении этапов в развитии исторических исследований, изучении инфраструктуры академической историографии, ее проблемно-содержательных приоритетов. Авторами проделан анализ важнейших советологических и русистических концепций, объяснены причины возникновения и смены методологических парадигм англоязычных «русских и советских исследований», обоснована долговременная динамика их изменений.

Книга предназначена как для специалистов-историков, так и для широкого круга читателей, интересующихся советской историей.

Монография подготовлена к изданию в рамках работы по Программе инициативных фундаментальных исследований УрО РАН, проект 12-У-6-1001 «История и культура Европейского Севера России в XVII – середине XX века (новые источники)».

На обложке: советский плакат 1930-х годов.

Научный редактор

доктор исторических наук И.Л. Жеребцов

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор О.В. Золотарев

доктор исторических наук, профессор В.И. Чупров

ISBN 978-5-906394-01-9

© Меньковский В.И., 2013

© Уль К., 2013

© Шабасова М.А., 2013

© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы внимание исследователей вновь и вновь обращается к проблемам советской истории, которые продолжают оставаться актуальными как для академической среды, так и для общества в целом. Несомненно, в круг этих проблем входит и история сталинизма в различных его измерениях и составляющих. Объективный анализ исторического опыта сталинского периода советской истории вновь приобретает общегражданское значение.

Республика Коми стала одним из признанных в России центров, где при поддержке руководства республики активно и целенаправленно развиваются исследования по советскому периоду истории, времени одновременно героическому и трагическому. Силами, в первую очередь, сотрудников Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук выполнен ряд крупных исследовательских и издательских проектов, связанных с изучением политических репрессий сталинских лет и сопротивлением несвободе.

Гуманитарные исследования на Европейском Северо-Востоке России имеют давнюю историю. В начале XX в. в крае были созданы краеведческие организации, объединившие местных исследователей. Первым шагом по пути реализации идеи создания в Коми академического научного учреждения стало создание в Сыктывкаре в 1934 г. научно-исследовательского института при облисполкоме. В 1940–1960-е гг. сформировался научный коллектив, благодаря трудам которого сложились основные направления историко-филологических исследований, что сделало возможным создание в 1970 г., на базе трех отделов Коми филиала АН СССР, Института языка, литературы и истории. Среди основных направлений современных исследований Института можно назвать вопросы взаимодействия культур на территории Евразии; изучение языка, литературы и фольклора пермских народов, разработку проблем исторической демографии, политической и социально-экономической истории.

В последние годы в Республике Коми прошел ряд международных научных форумов, посвященных памяти жертв политических репрессий. Особое внимание научного сообщества привлекли Всероссийские научные конференции с международным участием «Европейский Север в годы Великой Отечественной войны», «ГУЛАГ на Севере России» и международные научные конференции «История политических репрессий и сопротивления несвободе», «История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность».

Именно в ходе работы этих конференций и зародилась идея издания в Республике Коми книги известных зарубежных исследователей, активных участников научных форумов. Проблематика их работы органически сочетает фундаментальные и прикладные исследования, имеющие значимость для уральской академической науки, для Республики Коми, для международного сообщества. Поскольку именно стремление к поступательному движению общества, научный анализ сложного этапа российской истории являются базовой идеей книги, можно с уверенностью говорить о том, что авторами сделан серьезный шаг вперед в направлении понимания сталинизма.

*И.Л. Жеребцов,
Директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН, доктор исторических наук*

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир стал миром глобальным. Это относится не только к сферам высоких технологий, коммуникаций, экономики или снабжения, но и к академической сфере. Академическое сообщество сегодня не разделено государственными границами, континентами или языками. Английский язык стал *lingua franca* мировой науки в целом и исторической науки в частности. Мы обязаны знать достижения не только нашей отечественной историографии, но и тех трудов, которые подготовлены англо-американским академическим сообществом и опубликованы на английском языке. Предлагаемая читателям книга является отражением реалий современного академического мира и представляет собой попытку сделать англоязычную историографию, в нашем случае историографию советской истории 1930-х гг., более доступной и полезной для русскоязычного читателя.

Тот факт, что эта монография является результатом международного сотрудничества историков, подчеркивает глобальный характер современного академического мира. Основная часть предлагаемого исследования была написана В. Меньковским, родившемся в Восточной Германии, получившим образование в Советском Союзе, готовившим докторскую диссертацию в США и Беларуси, и работающим в настоящее время профессором Белорусского государственного университета. Глава «Постмодернистский анализ советской субъективности» подготовлена К. Уль, родившейся и получившей образование в Южной Германии и завершающей сейчас диссертационное исследование в Великобритании, в колледже Св. Антония Оксфордского университета. Глава «Становление и развитие инфраструктуры «российских и славянских исследований» была написана М. Шабасовой, кандидатом исторических наук, преподавателем Белорусского государственного университета. Информация об академических организациях, университетах, институтах и библиотеках подготовлена совместно М. Шабасовой и В. Меньковским.

Совместная публикация продолжает серию международных проектов по изучению российской и советской истории, начавшихся в 1990-е гг. и продолжающихся до настоящего времени. Мы рады, что наше исследование продолжает традицию международного сотрудничества и нашло достойное завершение в данной публикации.

Предметом авторского рассмотрения стали научные труды англоязычных исследователей по истории Советского Союза, в которых 1930-е гг. рассматриваются как специальный объект изучения или анализируются в контексте других проблем советской и мировой истории. Исследование фокусируется на научной литературе (монографиях, журнальных статьях, сборниках статей), опубликованной на английском языке со времени окончания Второй мировой войны до наших дней. Поскольку, как мы уже отмечали, академическая историография является глобальным феноменом, мы включили в наше исследование работы историков различных стран и различных историографических направлений, подготовленные и опубликованные на английском языке. С нашей точки зрения, практически невозможно, особенно в последнее время, провести четкую грань между англоязычными учеными, пытаясь определить их англо-американские, европейские или российские корни. Академический мир интернационален. Так, одна из самых влиятельных фигур среди исследователей советской истории, работающая в Соединенных Штатах Ш. Фитцпатрик, австралийка по происхождению, а ее более молодые коллеги, Й. Хелльбек и И. Халфин, родились, соответственно, в Германии и Израиле. Е. Добренко и Б. Колоницкий, публикующие свои работы на английском языке, имеют российское происхождение. И таких примеров можно приводить множество.

Наиболее востребованным англоязычными учеными периодом советской истории стали 1930-е гг. Именно историография данной проблематики является объектом нашей монографии. Реконструируя историю англоязычной историографии Советского Союза 1930-х гг., можно понять не только развитие историографии советской истории, но и общие методологические тенденции гуманитарных наук после Второй мировой войны.

1930-е гг. являются идеальным объектом для историографического исследования, поскольку включают в себя целую серию изменений и преобразований. Первый пятилетний план и насильственная коллективизация стали рубежом между периодом новой экономической политики и временем создания централизованной экономической системы. Индустриализация, инициированная государством мобильность населения, «культурная революция», массовое государственное насилие кардинальным образом изменили социальную структуру советского общества и создали базу для той системы, которая позже получит название «сталинизм». 1930-е гг., как исторический период,

начинаются с первого пятилетнего плана в 1928 г. и завершаются германским вторжением 1941 г. Сталинизм как репрессивная система и период советской истории достиг своего пика во время «большого террора» 1936–1938 гг.

Конечно, интеллектуальное объяснение сталинизма не было работой одного поколения. Для каждой новой генерации сталинский период означал что-то иное. И хотя количество возможных «сталинизмов» не безгранично, поскольку система связана с определенными конкретными историческими составляющими, она чрезвычайно велика и сложна. Ни одно из известных определений сталинизма не охватывает всей совокупности фактов. Каждая формулировка включает в себя только часть из них, подбираемых в зависимости от определенного угла зрения. В классической советской интерпретации истории СССР, т.е. в официальной сталинской версии, господствовавшей с середины 1930-х до середины 1950-х гг., феномен, который мы сейчас называем «сталинизмом», определялся как «строительство социализма». Обсуждение содержания этого понятия было ограничено цензурой и идеологическими рамками, а интерпретация вульгаризирована в пропагандистских целях. Тем не менее интеллектуальная основа в классической советской версии была. Она уходила корнями в марксизм и предположение, что экономический базис, прежде всего собственность на средства производства, является определяющим для политической надстройки, общественных и культурных институтов.

Таким образом, ключом к пониманию советского общества 1930-х гг. являлась государственная собственность на средства производства. Она была частично установлена после Октябрьской революции и значительно расширена в конце 1920-х гг. после уничтожения городского частного сектора, принятия первого пятилетнего плана и установления централизованного государственного планирования. Коллективизация крестьянских хозяйств, осуществленная быстрыми темпами и с большим количеством жертв в первой половине 1930-х гг., уничтожила капитализм в сельском хозяйстве. В соответствии с марксистской теорией это были базовые предпосылки социализма. Однако существовало и серьезное несоответствие классическому марксизму, предполагавшему безусловное уничтожение государства как аппарата насилия. Это противоречие было устранено в официальной интерпретации через подчеркивание сохраняющейся угрозы «капиталистического окружения», которое заставляло государство оставаться сильным и бдительным, а сам Сталин преподносился как продолжатель дела Ленина. Также указывалось на внутреннюю угрозу со стороны оставшихся классовых врагов. Сохраняющаяся угроза оправдывала существование монополии коммунистической партии на власть, роль вождя в советской политической системе, усиление карательных органов.

Но с официальной сталинской точки зрения эта черта не была постоянной и первостепенной. В системных терминах наиболее значимым показателем советского прогресса в «строительстве социализма» было принятие новой советской Конституции 1936 г., которая провозгласила, что в основном враждебные классы были уничтожены.

После XX съезда КПСС, осудившего «культ личности» Сталина и его злоупотребления властью, советская классическая модель сталинизма была заменена. Перечислив очень ограниченный ряд «ошибок» и «крайностей», совершенных Сталиным, власть направила все внимание только на его личность. Таким образом, ключом к пониманию сталинизма определялся сам Сталин – лидер, чьи патологические черты стали причиной «искажений социализма». Главное направление кампании десталинизации заключалось в демифологизации Сталина без демифологизации власти коммунистической партии. Теперь лично Сталин оказался причиной всех советских катастроф и неудач так же, как раньше он был причиной всех советских достижений.

В 1970-е гг. официальное советское отношение к сталинизму заключалось в том, что «ленинские нормы» были нарушены в «период культа личности», но основы системы тем не менее сохранились. Для поколения, выросшего в сталинские годы и идентифицировавшего себя с большевистской революцией и коммунистической партией, возможность отделить Ленина от Сталина была психологически важным моментом. Ускоренная сталинская индустриализация, несмотря на ее стоимость и жертвы, понесенные населением, оценивалась как необходимая и «социалистическая». Без нее страна не могла бы вырваться из отсталости и выйти на передовые позиции в мире после Второй мировой войны. СССР не победил бы в войне с Германией. Коллективизация была также необходима и в основном правильна, хотя допускались и «эксцессы» в отношении крестьян.

В годы перестройки позиция власти по отношению к сталинизму трансформировалась в сторону его неприятия и осуждения, однако это уже не была официальная точка зрения. Среди советского руководства стал возможен плюрализм мнений, и к концу 1980-х гг. единой точки зрения просто

не существовало. Впервые за весь советский период официальное мнение перестало быть обязательным для специалистов-исследователей. В эти годы среди советских историков доминировали два типа объяснения сталинской системы. Первое связывало генезис сталинизма с идеологической доктриной большевиков и однопартийной политической системой с запрещенными фракциями внутри партии, установленной после революции. Главной характеристикой сталинизма была репрессивная диктатура, и сталинизм в основном оценивался как продолжение ленинского этапа. Эта интерпретация была похожа на одно из стандартных западных объяснений в рамках тоталитарной парадигмы.

В другом варианте анализа обращалось внимание на социальные силы. Речь, прежде всего, шла о бюрократизации, создании нового бюрократического правящего класса, являвшегося квинтэссенцией сталинизма. Здесь прослеживалась связь с позицией многих европейских марксистов и западных историков-ревизионистов. Сторонники такой точки зрения предполагали, что единственной социальной опорой сталинизма была новая бюрократическая элита. Но высказывались и предположения, что сталинизм имел поддержку за ее пределами. Такие идеи обсуждались осторожно, поскольку могли быть истолкованы как оправдание сталинских действий.

Дискуссии о феномене сталинизма неизбежно приводили к вопросу об исторической необходимости – был ли сталинизм неотвратимым этапом советской истории или его можно было избежать. Историки стали использовать концепцию альтернатив, что позволило вырваться из жестких рамок марксистских закономерностей и причинной обусловленности. По отношению к 1930-м гг. это дало возможность концептуализировать советскую историю в терминах «серии решающих выборов» и моментов решения. Таким образом, они отказывались от подхода, основанного на «единственной правде», характерного для традиционной советской историографии, и приближались к более свободной методологии, характерной для мировой исторической науки.

Так как англоязычные исследователи начали научное изучение сталинского периода значительно раньше своих советских коллег, они первыми стали использовать и определение «сталинизм». В силу политических причин «сталинизм» как исторический термин не использовался в Советском Союзе даже в первые «перестроечные годы». В феврале 1986 г. М. Горбачев в интервью французской газете «Юманите» (*L'Humanité*) говорил, что «сталинизм» был придуман антикоммунистами для атаки на социализм и Советский Союз»¹.

Г. Бордюгов и В. Козлов отмечали, что «термин «сталинизм», которого раньше сторонились, который вызывал исключительно отрицательные эмоции, который политики и обществоведы считали «не нашим», зазвучал в СССР в середине 1987 г.»². Однако следует подчеркнуть, что несмотря на отсутствие официального утверждения термина «сталинизм», современники использовали его. Например, в дневнике за 1930 г. М. Пришвин пишет о «ленинизме» и «сталинизме», подчеркивая разницу между ними³. Применялся термин и официальными лицами сталинского периода, хотя и в неофициальных документах. Так, Л. Каганович использовал его в переписке с членами политбюро ЦК ВКП(б) в 1935–1936 гг. В письме Г. Орджоникидзе 1936 г. он писал: «То что происходит, например, с хлебозаготовками этого года – это совершенно небывалая ошеломляющая наша победа – победа Сталинизма»⁴.

В англоязычной литературе первым по отношению к политике Сталина это определение употребил В. Дюранти, московский корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс», который использовал его в серии репортажей 1931 г.⁵ Широкое распространение термина в академических кругах относится к периоду 1950–1960-х гг. Однако определенные разногласия, связанные с его значением, сохраняются в англо-американских исследованиях и поныне.

С. Коэн писал, что сталинизм – «ясно выраженный феномен со своей собственной историей, политической динамикой и социальными последствиями»⁶. Но не все исследователи рассматривали сталинизм лишь в рамках исторического периода, ограниченного временем пребывания у власти

¹ Цит. по: *Laqueur W. The Dream that Failed: Reflections on the Soviet Union. New York, 1994. P. 111.*

² *Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992.*

³ *Пришвин М. 1930 год // Октябрь. 1989. № 7. С. 179.*

⁴ *Сталинское Политбюро в 30-е годы. М., 1995. С. 151.*

⁵ *Laqueur W. Stalin: The Glasnost Revelations. New York, 1990. P. 361.*

⁶ *Cohen S. Bolshevism and Stalinism // Stalinism: Essays in Historical Interpretation. New York, 1977. P. 4.*

Сталина (обычно 1929–1953 гг.). Часть специалистов считала возможным раздвинуть границы понятия «сталинизм» как за пределы Советского Союза, так и за время сталинского правления. Термин «сталинизм» применялся ими в широком смысле, в качестве синонима «коммунистической диктатуры». Так, Ш. Фицпатрик использовала «сталинизм» как удобный термин для характеристики новой политической, экономической и социальной структуры, возникшей в Советском Союзе после событий, связанных с коллективизацией и первой пятилеткой¹. А Р. Такер считал, что сталинизм – это «историческая стадия в развитии российской и других коммунистических революций и коммунизма как культуры»². С. Уайт определял сталинизм как форму диктаторской, централизованной и репрессивной власти, характерную для советской политики во время правления Сталина и для других коммунистических стран в определенное время³.

С нашей точки зрения, в исторической литературе правомерно употребление термина «сталинизм» как в широком, так и в узком смысле слова в зависимости от контекста предмета исследования. Поскольку в монографии рассматривается англо-американская историография внутренней политики СССР 1930-х гг., мы будем использовать этот термин в узком смысле слова как совокупность действий Сталина и его окружения в период нахождения у власти и как комплекс событий, произошедших в эти годы.

Изучение истории антигуманной сталинской системы, применявшей насилие в столь большом масштабе, накладывало серьезный эмоциональный и психологический отпечаток на работы исследователей. М. Левин и Я. Кершау справедливо писали, что сталинизм как предмет исследования представляется одним из наименее «возвышенных» по сравнению с другими историческими темами⁴.

Сталинизм и сталинская система были в центре внимания западного академического мира в период после Второй мировой войны всякий раз, когда рассматривалась ситуация за «железным занавесом». Даже когда анализировалось современное политическое развитие, исследователи стремились найти его корни в сталинском прошлом. Сфера исследований не ограничивалась историей, американская и англоязычная академическая среда включала в себя достаточно широкий спектр дисциплин. Термин «советология» относился ко всем исследованиям, объектом которых был Советский Союз.

Термин «советология» получил широкое распространение в англоязычной историографии в 1960-е гг. Оксфордский словарь отмечает его первое употребление в лондонском еженедельнике «Наблюдатель» (*Observer*) 3 января 1958 г., хотя он был использован еще раньше, в 1956 г., во франкоязычной литературе. А сама концепция использования термина сформировалась в среде русских интеллектуалов-эмигрантов в США и Западной Европе, вынужденных покинуть Родину после российской революции и гражданской войны⁵.

В академических кругах термин поначалу был воспринят достаточно осторожно. На рубеже 1950–1960-х гг., как писал Д. Армстронг, «основатели американского изучения СССР все еще отвергали определение “советология”, отдавая предпочтение более банальному “изучению российского региона”»⁶. А. Улам отмечал в середине 1960-х гг., что “советология” – ужасное слово, но как можно его не использовать?»⁷. К такой позиции был близок и С. Коэн, для которого «советология – неэлегантное, но полезное слово»⁸. М. Малиа описывал советологию как «академическую дисциплину, известную сначала под скромным определением “изучение региона”, а затем под более амбициозным и научно звучащим понятием “советология”»⁹.

В русскоязычной историографии понятие «советология» используется с 1960-х гг., хотя в трудах различных авторов встречаются неоднозначные варианты его трактовки и перевода. Например, Б. Марушкин употреблял термины «советоведение», «советовед», а Р. Редлих писал о «боль-

¹ *Fitzpatrick S.* New Perspectives on Stalinism // *The Russian Review*. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 357.

² *Stalinism: Essays in Historical Interpretation*. New York, 1977. P. 77.

³ *White S.* Stalinism // *Political and Economic Encyclopedia of the Soviet Union and Eastern Europe*. London, 1990. P. 245.

⁴ *Lewin M., Kershaw I.* The Regimes and Their Dictators: Perspectives of Comparison // *Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison*. Cambridge; New York, 1997. P. 9.

⁵ *Barnett V., Zweynert J.* (ed.). *Economics in Russia. Studies in Intellectual History*. Aldershot, 2008. P. 123–4.

⁶ *Armstrong J.* New Essays in Sovietological Introspection // *Post-Soviet Affairs*. 1993. № 9. P. 171–175.

⁷ *Ulam A.* The State of Soviet Studies: Some Critical Reflections // *Survey*. 1964. № 50. P. 53–61.

⁸ *Cohen S.* Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. New York: Oxford University Press, 1985. P. 3.

⁹ *Malia M.* A Fatal Logic // *National Interes*. 1993. № 31. P. 80–90.

шевизмоведении»¹. Е. Петров определял советологию как «совокупность западных наук, изучающих советское общество во всем его многообразии и конкретности»². Автор отмечал, что в XX в. среди наук политического плана возникла, окрепла и обрела самостоятельность в мировом научном сообществе такая отрасль междисциплинарных исследований, как «советология», хотя ее название столь условно, поскольку другим она более знакома как «советоведение» или «кремленология». В литературе можно встретить самые разные и порой взаимоисключающие попытки ее наименования как «марксологии» либо «россиеведения»³. Он считал, что «русским вопросом» в США занималось множество нетрадиционных дисциплин от славистики и советологии до марксологии и кремленологии, но наиболее синтетической из них на протяжении столь долгих лет оставалась и остается «россиеведение». «Вопрос о ее релевантности (соответствия решаемых задач общественным потребностям) еще неоднократно будет дискутироваться в академических кругах. Ограничимся констатацией факта – россиеведческая элита Запада по праву доказала, что она существует, и с ее мнением нужно считаться»⁴.

Авторы справочника «Американские советологи» подчеркивали, что, устанавливая принципы отбора персоналий, составители с самого начала столкнулись с трудностями, вызванными отсутствием как в марксистской, так и в самой американской буржуазной литературе точных критериев определения понятия «советология». Расширительное толкование этого понятия допускало отнесение к советологам всех исследователей, кто в той или иной мере занимался изучением СССР и других социалистических стран, мирового коммунистического движения. При наиболее узком толковании круг советологов ограничивался теми, кто специализировался только по Советскому Союзу. Среди 273 персоналий, представленных в справочнике – представители гуманитарных дисциплин, занимавшиеся изучением истории, экономики, политического строя, социальной структуры, идеологии и культуры, внешней политики и международных связей социалистических государств⁵.

В англо-американской историографии термин «советология» имеет различное толкование. Многие авторы ограничивали советологию современностью (текущими событиями) при всей неопределенности того, что мы считаем современностью. Некоторые включали в нее весь период советской истории или даже расширяли временные рамки, начиная с российской истории XIX в., особенно тех ее аспектов, которые оказали серьезное влияние на дальнейший ход исторического развития. Например, так поступил В. Лакер в книге «Несбывшаяся мечта»⁶.

Р. Такер писал, что он решительно не любит слово «советология» и пользуется им в исключительных случаях. Он предпочитал термин «русоеведение», хотя имел в виду масштаб всего государства. «Советология», по его мнению, ограничивала изучение истории лишь советским временем, отрывая от нее весь дооктябрьский период. Он настаивал на другой точке зрения: нужно изучать советский период в рамках более глубокого изучения истории страны. «Когда я вернулся из России (это было в 1953 г.) и пришел в свой родной Гарвард, там работал профессор Карпович – эмигрант, преподававший русскую историю, и мне студенты сказали, что когда он дошел до конца курса, до периода революции в России, он объявил, что тут русская история и кончилась. Мне захотелось с ним поговорить о моих впечатлениях – ведь я провел в СССР девять лет. Он принял меня очень любезно и слушал целый час. Когда я заговорил о Сталине, о том, что при нем были возрождены многие прежние порядки, я заметил, что он улыбнулся. Я понял: он говорит мне «до свидания». Для него Россия после революции – уже другая страна, а для меня это не так»⁷.

Основное внимание советология концентрировала на политической ситуации в странах за «железным занавесом». В зависимости от взглядов авторов это могли быть Советский Союз, страны «советского блока» в Восточной Европе, а также все «коммунистические» или «советского типа» государства мира. Серьезные разночтения связаны и с классификацией советологии как академиче-

¹ Марушкин Б. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969. С. 5, 73; Редлих Р. Очерки большевизмоведения. Франкфурт-на-Майне, 1956.

² Петров Е. В. Американское россиеведение. Словарь-справочник. <http://petrov5.tripod.com/wellcome.htm>.

³ Петров Е. В. «Русская тема» на Западе. Словарь-справочник по американскому россиеведению. СПб., 1997. http://chss.irex.ru/db/zarub/view_bib.asp?id=682.

⁴ Петров Е. В. История американского россиеведения: курс лекций. СПб., 1998. http://chss.irex.ru/db/zarub/view_bib.asp?id=36.

⁵ Американские советологи. Справочник. М., 1981. http://chss.irex.ru/db/zarub/view_bib.asp?id=75.

⁶ Laqueur W. The Dream that Failed: Reflections on the Soviet Union. New York, 1994.

⁷ Цит. по: Петров Е. В. Американское россиеведение. Словарь-справочник. <http://petrov5.tripod.com/wellcome.htm>.

ской дисциплины. Во многих исследованиях она признавалась субдисциплиной политологии, имеющей дело с изучением советской политики. Работы специалистов в других дисциплинах – истории, экономике, социологии – относились к советологии в той степени, в какой они имеют точки соприкосновения с политологией. Так, А. Мотыль определял советологию как «изучение советской внутренней политики политологами и, в определенных случаях, историками»¹. С. Коэн отмечал истоки такой позиции: «В период становления советологии история и политология были практически неразделимыми дисциплинами в “советских исследованиях”. Политологи подготовили большинство стандартных работ по советской истории, а большинство политологических трудов было написано с использованием методологии исторической науки»².

С точки зрения Д. Нелсона, продвижение от советологии – изучения региона к советологии – социальной дисциплине произошло на рубеже 1960–1970-х гг., когда англо-американские исследователи постепенно отказались от представления о коммунистическом мире как о чем-то монолитном и неизменном и стали использовать эмпирические подходы, применяемые при изучении западного общества³.

Взгляд на советологию как на определенную академическую дисциплину (или субдисциплину) разделялся далеко не всеми англо-американскими исследователями. В среде специалистов прочно существовало также отношение к советологии как к сумме субдисциплин нескольких (обычно точно не определяемых) дисциплин в социальных или, реже, гуманитарных науках, объединенных общим объектом исследования – Советским Союзом. М. Малиа, описывая историю западной советологии, замечал, что в рамках исследования «будут охвачены четыре основные общественно-научные дисциплины: экономика, политология, социология и их общий предок – история»⁴.

Иногда, как отмечалось выше, географические рамки расширялись до определенного «коммунистического региона». Например, британский журнал «Советские исследования» (*Soviet Studies*) – современные «Европейско-Азиатские исследования» (*Europe-Asia Studies*) – принял именно такую территориальную трактовку советологии. Журнал фокусировался, и до сих пор фокусируется на «странах “бывшего коммунистического блока” Советского Союза, Восточной Европы и Азии»⁵. Но такой подход не встречал широкой поддержки в силу очевидного нарушения границ применяемого термина. Отношение к советологии как к изучению определенного региона, конечно, при соблюдении разумных границ этого региона, представляется наиболее рациональным. Именно по такому пути пошли создатели центров российских и советских исследований в англо-американском сообществе. При этом нужно отметить, как справедливо подчеркивал А. Анджер, что «советология отличалась от, например, египтологии или подобных дисциплин тем, что не занималась изучением определенной цивилизации как единого целого»⁶. Общий интерес к определенному региону представителей различных научных дисциплин не стирал различий между ними. Социологи, экономисты, историки, изучавшие Советский Союз, работали в рамках своей специальности, а не некой супердисциплины, состоящей из нескольких.

Для многих англо-американских специалистов советология была междисциплинарной сферой с широким спектром обществоведческих и гуманитарных наук. Так, С. Коэн определил в качестве главных интеллектуальных составляющих советологии историю и политологию, но предусматривал и включение других дисциплин. В своей резко критической оценке англо-американской советологии исследователь выражал сожаление, что основанная первоначально на идее многодисциплинарного изучения региона советология под негативным влиянием тоталитарной школы совершила ошибку самоограничения, заменив изучение реальной истории и политики изучением режима. По его мнению, для выполнения задачи реального изучения советского общества советология должна обратить большее внимание на социальную историю и политическую социологию⁷. Похожую точку зрения высказала в середине 1980-х гг. и Ш. Фицпатрик, заявив, что советология наполнилась более глубоким содержанием в 1970-е гг., когда новая когорта социальных историков бросила вызов гегемонии

¹ Motyl A. *Sovietology, Rationality, Nationality: Coming to Grips with the Nationalism in the USSR*. New York, 1990. P. 197.

² Cohen S. *Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917*. New York, 1985. P. 5.

³ Nelson D. *Comparative Communism: A Postmortem* // *Handbook of Political Science Research*. Westport, 1992. P. 305.

⁴ Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // *Отечественная история*. 1997. № 5. С. 93.

⁵ См. официальный сайт журнала <http://www.informaworld.com/smpp/title~db=all~content=t713414944~tab=summary>.

⁶ Unger A. *On the Meaning of «Sovietology»* // *Communist and Post-Communist Studies*. 1998. Vol. 31. № 1. P. 22.

⁷ Cohen S. *Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917*. New York, 1985. P. 7, 24.

политологов, хотя и была готова все еще ставить «старые советологические вопросы о политической системе»¹.

Попытки определить точный перечень дисциплин, входящих в междисциплинарную советологию, предпринимались, но специалисты не смогли прийти к единому мнению. Сказалась трудность определения дисциплинарных параметров при изучении любого региона, к которым добавились специфические проблемы терминологии советской истории. Р. Такер предлагал для советологии очень простую формулировку – «изучение СССР»², несмотря на то, что в таком варианте исчезал период 1917–1922 гг. как предмет исследования. Тем не менее именно такое понимание закреплено в «Оксфордском словаре», который определяет советологию как «изучение и анализ явлений и событий, происходящих в СССР». Поэтому вполне можно согласиться с той точкой зрения, которая видит в советологах «прежде всего ученых-обществоведов и гуманитариев, исследующих некоторые составляющие советского или российского социального феномена»³.

О важности точного определения региона исследований необходимо говорить потому, что иногда термин «советология» даже в междисциплинарном смысле употребляется как синоним «изучения коммунизма». В таком случае смысл определения вообще утрачивается, так как отсутствует точность и в дисциплинарном, и в географическом отношении. Р. Саква отмечал, что утверждения о том, что «в дисциплине не было ничего однородного», равнозначны отказу от признания дисциплины вообще⁴. Определение «коммунистический» является политическим, но никак не региональным. Коммунистический мир не характеризовался ни географической близостью, ни историческими связями или культурным сходством.

Ряд авторов относят к советологии изучение не советской политики в целом, а скорее «политики верхов», лидеров партии и государства, советских и партийных высших органов. Это связано с тем, что в английском языке употребление термина «политика» несколько отличается от его применения в русскоязычной литературе. Словом «политика» переводятся на русский язык два английских слова *policy* и *politics*, имеющие самостоятельное значение. *Policy* – это программа, метод действий или сами действия, осуществляемые человеком или группой людей по отношению к какой-либо проблеме или совокупности проблем, стоящих перед обществом. *Politics* – область общественной жизни, где конкурируют или противостоят различные политические направления, борются и взаимодействуют личности или группы, имеющие собственную *policy*.

Например, А. Адамс считал само собой разумеющимся, что советология включает, прежде всего, изучение «борьбы за власть и принятие решений в высших кругах партии»⁵. В дискуссии 1973 г. А. Даллина и Д. Армстронга советология рассматривалась как изучение «власти, ее целей и политики»⁶. При подобной трактовке возникала ситуация, когда советология практически уравнивалась с более узкой дисциплиной – кремленологией, отношение к которой в академической среде было достаточно критическим. В результате часть исследователей вообще не признавала советологию серьезной научной дисциплиной, считая, что советологи занимаются лишь теми сенсационными и неясными вопросами, от которых отказываются в силу разных причин серьезные ученые.

Еще один важный аспект отношения к советологии в академическом мире связан с ее взаимодействием с политическими науками в целом. Советология отличалась собственной техникой исследований, требовала специальных навыков интерпретации, подобных расшифровке тайнописи, которые обычно не использовались в изучении политики открытых систем.

Дискуссии о возможности применения западных обществоведческих дисциплин по отношению к советскому опыту, споры о советской исключительности сопровождали историю всей западной советологии. Французский автор Р. Арон отмечал, что те, кто живут в СССР, с трудом могут поверить, что за хаотическим фасадом конституционно-плюралистических режимов не скрывается всемогущество маленькой группы людей. Точно так же многие западные демократы были убежде-

¹ Fitzpatrick S. New Perspectives on Stalinism // The Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 357–373.

² Tucker R.. Foreword // Post-Communist Studies and Political Science: Methodology and Empirical Theory in Sovietology. Boulder, Colo., 1993. P. IX.

³ Cushman T. Empiricism versus Rationalism in Soviet Studies: A Rejoinder // Journal of Communist Studies. 1990. № 6. P. 86–98.

⁴ Sakwa R. Russian Studies: The Fractured Mirror // Politics. 1996. № 16. P. 175–186.

⁵ Adams A. The Hybrid Art of Sovietology // Survey. 1964. № 50. P. 154–162.

⁶ Dallin A. Bias and Blunder in American Studies on the USSR // Slavic Review. 1973. Vol. 32. Is. 3. P. 560–576; Armstrong J. Comments on Professor Dallin's «Bias and Blunders in American Studies on the USSR» // Ibid. P. 577–587.

ны, что Советскому Союзу присущи конфликты, которые составляют суть конституционно-плюралистических режимов. Иными словами, советские люди считали конституционно-плюралистические режимы «монополистическими олигархиями», поскольку хотели найти на Западе то же, что и дома. А сторонники конституционно-плюралистических режимов полагали, будто за фасадом партийной олигархии непременно есть свободное взаимодействие сил и группировок¹.

Западные лидеры имели такое же искаженное представление о многих реалиях советской жизни, как и рядовые граждане. Переводчик Сталина В. Бережков описывал встречи Сталина и Черчилля в Москве в 1942 г., в ходе которых Сталин резко менял свою линию поведения и стиль отношений с Черчиллем. Британский премьер терялся в догадках. Почему советский лидер, который в первые дни их переговоров был язвителен и даже груб, вдруг стал столь любезен? В конечном счете Черчилль нашел следующее объяснение. «Я думаю, – писал он в дневнике, – дело скорее всего в том, что его (Сталина) Комитет или комиссары не так, как он, восприняли привезенное мною известие. У них, возможно, больше власти, чем мы предполагаем, но и меньше познаний. И поэтому он хотел как бы отметить, а также выпустить собственный пар»². Эта цитата показывает, насколько туманны были представления в Лондоне о положении дел в советском руководстве, где Сталин являлся полновластным хозяином и непререкаемым авторитетом.

Споры об отношениях между методологией обществоведения и советологии были характерной чертой англо-американского академического мира. В 1973 г. краткий обзор методологических различий двух подходов – изучения региона или использования общих принципов социальных наук – был дан в статье Д. Каутского «Сравнительное изучение коммунизма против сравнительной политики»³. Сторонники первого подхода считали, что уникальность страны или региона требует использования прежде всего «культурного» подхода к изучению. Например, С. Соломон в редактированном ею сборнике «Плюрализм в Советском Союзе» видела опасность в неадекватном применении системы ценностей. Она писала, что существует опасность попасть в ловушку использования американских или западноевропейских ценностей как главной линии оценки советской реальности, и призывала не увлекаться сравнением, сконцентрировавшись на уникальности советской политики⁴.

Р. Шарлет аргументировал, что коммунистические системы были закрытыми обществами со сложно различаемым процессом принятия политических решений, юридически не определенными структурами, функциями и правилами. Это создавало условия, при которых многие ведущие концепции западной политической науки не могли быть применимы для изучения таких политических систем, так как их значение искажалось при описании соответствующих аспектов коммунистических режимов⁵. На подобную опасность обращал внимание и Дж. Хаф, отмечавший, что в сравнительном анализе психологически трудно отказаться от влияния собственной системы ценностей и нет ничего более легкого, чем применять определения и стандарты, которые сделают результаты подходящими для удовлетворяющих исследователя критериев⁶.

Одной из причин осторожного отношения к применению моделей в советологии являлся разделяемый частью исследователей антинатуралистический подход, опирающийся на признание принципиальных отличий методов естественных и общественных наук. Сторонник такой точки зрения А. Мейер утверждал, что советология, как и обществоведение в целом, является больше искусством, чем наукой⁷. При всей внешней парадоксальности и вероятной провокационности утверждений подобного рода следует признать, что разъяснения, даваемые автором, указывают на ряд действительных проблем советологии, отражающих общее состояние социальных и гуманитарных наук. Например, представляется чрезвычайно важным внимание к словарю науки, который должен являться точным языком, понимаемым каждым специалистом, использующим его. Реальное положение дел в советологии было таким, что каждый ученый должен был сначала разъяснить (хотя многие и не делали этого), в каком значении он применяет тот или иной термин. Даже лучшие англо-

¹ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 214.

² Бережков В. Рядом со Сталиным. М., 1998. С. 350.

³ Kautsky J. Comparative Communism Versus Comparative Politics // Studies in Comparative Communism. 1973. Vol. 6. Is. 2. P. 257–269.

⁴ Pluralism in the Soviet Union. London, 1983. P. 27–28.

⁵ Communist Studies and the Social Sciences: Essays on Methodology and Empirical Theory. Chicago, 1969. P. 211.

⁶ Hough J. The Soviet Union and Social Science Theory. Cambridge, 1977. P. 223.

⁷ Meyer A. Comparative Politics and Its Discontents: The Study of the USSR and Eastern Europe // Political Science and Area Studies: Methodology and Empirical Theory: Rivals or Partners? Bloomington, 1975. P. 108.

язычные энциклопедии по общественным наукам не являлись и не являются до сегодняшнего дня точным обобщением существующих знаний. Вместо этого они дискутируют по поводу ключевых слов, их истории, различных вариантов использования, систем идей, в которых они применяются, и трудностей оперирования ими.

Невозможно отрицать и тот факт, что советология, как и другие социальные науки, всегда несла в себе оценочные категории, связанные с ценностными ориентациями культуры и общества, к которому принадлежит исследователь. Любая ценностная характеристика всегда субъективна. Уже выбор темы, не говоря об анализе и выводах, предполагает включение шкалы ценностей исследователя в его работу. А. Тойнби справедливо отмечал, что «в каждую эпоху и в любом обществе изучение и познание истории, как и всякая иная социальная деятельность, подчиняется господствующим тенденциям данного времени»¹.

Вторая группа исследователей настаивала, что главным является не «чувство» страны, а умение перенести ее изучение в рамки выработанных схем, образцов и законов. Так, А. Мейер сожалел, что слишком долго коммунистический мир анализировался вне рамок сравнительного изучения, в условиях применения концепций и моделей, зарезервированных только для него самого. С точки зрения автора, одной из важнейших причин, помешавших англо-американским исследователям анализировать коммунистическое общество через систему координат широко используемых концепций и теорий, был климат холодной войны. Он предлагал для интегрирования изучения советского общества в социальную науку «просто избавиться от духа холодной войны»².

Эксперты в области советской внутренней политики крайне редко прибегали к сравнению советской политической системы с тоталитарными государствами Запада и третьего мира. Даже если такие попытки предпринимались, они чаще концентрировались на результатах политики, а не на институтах, ее проводящих и вырабатывающих. Р. Канет обращал на это внимание еще в середине 1970-х гг., но подобная ситуация сохранялась в течение длительного периода времени³. Причины заключались в чрезмерном подчеркивании в советологических исследованиях двух составляющих советской системы: тоталитарного режима и государственной коммунистической идеологии. Существовало ранее отмеченное нами согласие между «левыми» и консервативными исследователями в отношении уникальности СССР. Конечно, многие черты советской системы не позволяли говорить об идентичности коммунистических и западных государств. Но это не означало, что остальные составляющие систем также были несопоставимы. Советский опыт можно было рассматривать не только при изучении такого феномена, как «коммунизм».

Точку зрения, что Советский Союз был уникальным явлением и, следовательно, нормальные методы и техника социального исследования для него не подходят, мы встречаем и в постсоветскую эпоху. Аргумент, который можно противопоставить такой позиции, заключается в том, что в определенном смысле все явления уникальны, однако это не означает, что научное обобщение невозможно. В работе «Конструирование социального исследования» справедливо отмечается, что даже самое всестороннее описание, сделанное лучшими специалистами, с детальным пониманием контекста будет резким упрощением и сужением обзора реальности. Ни одно описание, каким бы полным оно ни было, и ни одно объяснение, независимо от количества привлеченных фактов, не может всесторонне передать многообразие мира. Поэтому систематическое упрощение является решающим шагом на пути к полезному знанию⁴.

В господствовавшей долгое время тоталитарной модели, со всеми плюсами и минусами ее классического варианта, сравнение делалось только с нацистской Германией и термин «тоталитарный» подразумевал полную непохожесть на государства Запада. В научном смысле отношения СССР и западных государств рассматривались как отношения противоположностей, различных абсолютно во всех составляющих. Советский Союз рассматривался даже не как крайность в едином сообществе, а скорее как изолированная система. Такой взгляд делал невозможным осознание того, что «советский вариант» является только одним проявлением широкомасштабной проблемы, общего вопроса об отношениях общества и государства. Конечно, любое сравнение является упрощением,

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 14.

² Communist Studies and the Social Sciences: Essays on Methodology and Empirical Theory. Chicago, 1969. P. 198.

³ Kanet R. Is Comparison Useful or Possible? // Studies in Comparative Communism. 1975. Vol. 8. Is. 1/2. P. 257–269.

⁴ King G., Keohane R., Verba S. Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research. Princeton, 1994. P. 219.

и обобщение всегда стирает детали. Но, используя сравнительный анализ, ученые могли обратить внимание на события, выходящие за пределы одной системы и оказывающие влияние на многие страны. В конечном итоге сравнение СССР с западными государствами было действительно политическим актом, позволяющим понять, что в советском и западном опыте есть общие черты, возникающие из насильственной функции государства.

Из нашего краткого обзора истории советологии видно, что основное внимание исследователей концентрировалось на политике и коммунистической идеологии Советского Союза, которые рассматривались как определяющие факторы советской системы. Как будет показано ниже, обе парадигмы потеряли свое значение после распада Советского Союза. Таким образом термин «советология» перестал быть соответствующим широкому спектру англоязычной историографии, характерному для периода после 1991 г. Он может употребляться только к узкому направлению в изучении советской истории, базирующемуся на антикоммунистическом идеологизированном подходе периода «холодной войны». Авторы настоящей книги будут использовать термин «советология» только для историографии периода, предшествующего распаду Советского Союза и окончания «холодной войны».

Важным аспектом всех советологических работ был анализ текущей советской политики с целью предсказания будущего советской системы и выработки рекомендаций в отношении возможного поведения советского руководства. Эта функция советологии рассматривалась как одна из ее важнейших задач, а ошибки ведущих экспертов в области советской политики были оценены как «крах советологии». Советологи не смогли предсказать распад Советского Союза, который, с точки зрения Запада, произошел достаточно неожиданно¹. Другая точка зрения на историю советологии более сдержана. Исследователи согласны с тем, что советология ушла в прошлое, но «она не потерпела крах, а просто прекратила существование»², поскольку прекратил существование объект ее изучения – Советский Союз.

Для советологии была характерна не только концентрация внимания на текущей политической ситуации, но и сильная идеологизация при оценке прошлого, настоящего и будущего. Как писал американский экономист М. Буравой «Советология была рождена и выросла в идеологическом пузыре»³. Советская идеология осуждалась как ограничивающая индивидуальную свободу, а термин «советский» (во всех его проявлениях) имел негативные ассоциации⁴. Такой подход базировался на взглядах периода «холодной войны» и, следовательно, был крайне политизирован. Все оценки, даже сделанные в историографическом контексте, связывались с текущей политикой и рассматривались как политические оценки. Советология была рождена в условиях «холодной войны» и это создало ситуацию, при которой политические деятели использовали выводы академических исследований для формирования общественного мнения и обоснования своей политики по отношению к Советскому Союзу. Таким образом, к советологическим исследованиям нельзя было относиться с чисто академической точки зрения, без учета значимости оказываемого на нее политического давления. Оценивая ситуацию в «советологии» с позиций сегодняшнего дня, мы можем видеть, что она («советология») была связана не только с анализом внутренней ситуации в СССР, но и с более широким аналитическим спектром вопросов, включавших взаимоотношения супердержав в годы «холодной войны»⁵.

¹ *Burawoy M. From Sovietology to Comparative Political Economy // Beyond Soviet studies. Washington, 1995. P. 72–102, цит. P. 73; Orlovsky D. Introduction: Judging the Past, Charting the Future; On Aquariums and Fish Soup // Beyond Soviet Studies. Washington D.C., 1995. P. 1–24.*

² Такая точка зрения была, например, высказана участниками Кенноновских семинаров (Kennan Seminars) в начале 1990-х гг. См.: *Orlovsky D. Introduction: Judging the Past, Charting the Future: On Aquariums and Fish Soup // Beyond Soviet Studies. Washington D.C., 1995. P. 1–24, цит. P. 15.*

³ *Burawoy M. From Sovietology to Comparative Political Economy // Beyond Soviet Studies. Washington D.C., 1995. P. 72–102, цит. P. 78.*

⁴ *Wallace W. From Soviet Studies to Europe – Asia Studies // Europe – Asia Studies. 1993. Vol. 45. Is. 1. P. 3–7, здесь С. 3.*

⁵ *Jones D., Smith M. Is There a Sovietology of South-East Asian Studies? // International Affairs. 2001. Vol. 77. Is. 4. P. 843–865, здесь С. 844.*

Распад советской системы снял необходимость политизации и идеологизации историографии советской истории¹. Поскольку объект исследования – Советский Союз – перестал существовать, дисциплине потребовалась новая концепция самоидентификации. Вместе с отказом от старых парадигм изучения советской истории, название дисциплины перестало соответствовать реальности и превратилось в анахронизм. Появилась возможность использования новой методологии, поскольку для специалистов стали доступны, ранее засекреченные, партийные и государственные архивные документы советского времени. Были опубликованы многочисленные сборники документов, газетные и журнальные публикации также создавали более благоприятные условия для историков и политологов.

Ранее, когда советские социологические данные были труднодоступны, специалисты часто обращались к результатам Гарвардского проекта (*Harvard Interview Project*), проведенного после окончания Второй мировой войны,² или к собственным впечатлениям, полученным в ходе поездок в Советский Союз³. Начавшая публикация документов проливала свет на многие стороны советской жизни, однако региональный аспект все еще оставался «в тени». К тому же, у специалистов сохранялся скептицизм в отношении достоверности источников. По мнению многих, советские архивные источники были скорее идеологическими конструкциями и, в большей степени, соответствовали желаниям советского руководства, чем жизненным реальностям. Таким образом, советология до советской перестройки находилась в ситуации, при которой исследователи в Западной Европе и Соединенных Штатах сомневались в тех источниках, которые предоставлялись советскими властями, но были вынуждены ими пользоваться⁴.

«Архивная революция», начавшаяся после 1991 г., стала переломным историографическим моментом⁵. Теперь западные историки, проводя исследования, могли свободно передвигаться по территории бывшего Советского Союза, сочетать возможности предоставляемые данными «устной истории», изучением советской и постсоветской политической культуры с архивными материалами. Изменения совпали по времени со сменой парадигм в гуманитарной науке. Основное внимание переместилось с проблем политической и социальной истории в сферу культурной истории, для которой наиболее важным является анализ дискурса, пространства, визуальных источников. Так называемый «лингвистический поворот» конца 1960-х гг. был только одним из многих «культурных поворотов» в развитии гуманитарных наук, за которым последовали «пространственный», «изобразительный», «визуальный», «перформативный» повороты⁶.

Эти изменения привели к росту сомнений среди историков в отношении письменного источника как ключевого в понимании исторического события, как инструмента, который «покажет то, что действительно произошло», как это было сформулировано основоположником теории историзма Л. фон Ранке.⁷ Письменный источник скорее показывает позицию его автора, чем реальный ход событий, и многие исследователи стали анализировать дискурс в том понимании, которое было предложено французским философом М. Фуко, и использовать такие источники как дневники, письма, мемуары для реконструкции мышления, менталитета определенного исторического периода. Методологические изменения не могли не коснуться и историографии истории сталинизма. Здесь историки также сфокусировали внимание на культурной истории, языке и анализе дискурса⁸.

¹ *Sawka R.* Postcommunist Studies: Once Again Through the Looking Glass (darkly)? // *Review of International Studies*. 1999. Vol. 25. P. 709–719.

² On the Harvard Interview Project see e.g. *Bauer R. A., Inkeles A.* The Soviet Citizen. Cambridge/Mass., 1961; *Bauer R. A., Inkeles A., Kluckhohn C.* How the Soviet System Works. Cultural, Psychological, and Social Themes. Cambridge/Mass., 1956.

³ См., например: *Alt H., Alt E.* The New Soviet Man: His Upbringing and Character Development. New York, 1964; *Mehnert K.* The Anatomy of Soviet Man. London, 1961.

⁴ *Fitzpatrick S.* Revisionism in Retrospect: A Personal View // *Slavic Review*. 2008. Vol. 67. P. 682–704, особенно P. 701–703; *Orlovsky D.* Introduction: Judging the Past, Charting the Future: On Aquariums and Fish Soup // *Beyond Soviet Studies*. Washington D.C., 1995. P. 1–24, особенно P. 3–4 and P. 8.

⁵ См., например: *Kotkin S.* 1991 and the Russian Revolution: Sources, Conceptual Categories, Analytic Frameworks // *Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70. P. 384–425.

⁶ См. более детальный анализ: *Smith P.* Cultural Theory: An Introduction. Oxford, 2001; *Bachmann-Medick D.* Cultural Turns: Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Reinbeck bei Hamburg, 2007.

⁷ *von Ranke L.* Sämtliche Werke. Vol. 33/34. Leipzig, 1885. P. 7.

⁸ См. главу «Постмодернистский анализ советской субъективности» этой книги.

Отмеченные изменения, имевшие место в конце 1980-х – начале 1990-х гг., меняли отношение к терминам «советология» и «советские исследования». На практике оба термина использовались как синонимы, хотя некоторые авторы и вкладывали определенные нюансы в толкование понятий. Например, Д. Орловски предлагал проводить разграничения между «советологией» и «советскими исследованиями» через ограничение первого изучением СССР и СНГ, направленным на анализ современного механизма власти и поддерживающих его социальных и политических институтов. Второе значение, по его мнению, включало исторические и культурные исследования и значительно меньше фокусировалось на настоящем¹. Но выделение различий не получило широкой поддержки и остается не признанным большинством исследователей.

Рассматривая труды авторов, исследовавших советскую историческую проблематику, мы используем термины «советология» и «советские исследования» как синонимы. Оба термина практически перестали использоваться после распада СССР, и мы употребляем их только по отношению к англоязычной историографии периода существования Советского Союза. Авторам данной книги представляется, что единого термина, который бы адекватно характеризовал все дисциплины, пришедшие на смену советологии, не существует. В большинстве случаев в качестве главного критерия используется пространственный фактор, и вместо «советологии» употребляются такие характеристики дисциплин, как «российские и восточноевропейские исследования» или «восточноевропейская история». Мы будем употреблять, в контексте нашего исследования, термины «англоязычная историография советского периода» или, в конкретных случаях, «историография сталинизма».

Авторы стремились показать в книге не только развитие исторической науки от «советологии» до «восточноевропейской истории», но и проследить общие тенденции изменений западной историографии после Второй мировой войны. Во второй половине XX в. мировая историческая наука прошла сложный и противоречивый путь. В целом это было поступательное развитие, которое привело к обновлению теоретических основ, методологии и методики историографии.

«Историография» определяется в научной и справочной литературе как: 1) история исторической науки в целом, а также совокупность исследований, посвященных определенной эпохе, теме, проблеме; 2) отрасль исторической науки, изучающая ее становление и развитие, накопление исторических знаний и источниковой базы, борьбу и смену методологических направлений; 3) само описание истории, исторического процесса. Поскольку термин имеет различные толкования, мы считаем необходимым уточнить, какой смысл вкладывается в это понятие в монографии. Мы рассматриваем историографию как специальную историческую дисциплину, изучающую историю накопления исторических знаний, развитие исторической мысли и методики исследования, историю создания исторических трудов и биографии ученых, влияние явлений общественно-политической жизни на творчество историков и воздействие исторической мысли на общественное сознание, историю научных учреждений, организации исторического образования и распространения исторических знаний. Подобная точка зрения уже нашла свое место в трудах по методологии историографии и источниковедения².

Представляется важным отметить, что для определения тенденций развития исторической науки необходимо изучать не только «классические» произведения, но и «рядовые» работы. Только сумма (как можно более полная) исторических трудов дает реальное представление о динамике историографического процесса.

Как объект изучения англоязычная историография сталинизма имеет все компоненты историографического комплекса. Мы рассматриваем генезис этого комплекса как процесс, в развитии которого определенно выделяются три периода: 1) середина 1940-х – середина 1960-х гг. – время становления англоязычной советологии в качестве академической дисциплины, создание инфраструктуры «российских и советских исследований», господство «тоталитарной концепции» как методологической парадигмы советологии; 2) середина 1960-х – середина 1980-х гг. – закрепление положения советологии в англоязычном академическом сообществе, укрепление организационной и финансовой базы, усиление позиций историков в советологической среде, ревизия тоталитарной парадигмы и широкое использование методологии западных социальных и гуманитарных наук в «российских и советских исследованиях»; 3) середина 1980-х – настоящее время – продуктивное использование историками достижений мировой историографии, определение своего нового поло-

¹ Beyond Soviet Studies. Washington, 1995.

² Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 178.

жения в англоязычной системе гуманитарных и социальных исследований в связи с кардинальными изменениями в изучаемом регионе, перестройка организационной инфраструктуры.

Англоязычные исследования советской истории за послевоенные годы доказали свое право на достойное место в мировой историографии, оказались востребованы не только в государствах Запада, но и в странах бывшего Советского Союза.

Изученную литературу на русском языке можно разделить на три направления по степени близости к нашей теме. Первое представлено работами по общей истории, теории и методологии западной историографии XX в.¹ Подготовленные в последние годы, эти труды дают достаточно полное представление об основных тенденциях развития западной историографии и философии истории.

Предшествующие поколения советских историков и историографов также занимались подобной проблематикой и внесли заметный вклад в ознакомление научной общественности с развитием мировой исторической науки. Не их вина, что в силу господствовавшей в Советском Союзе идеологии они были вынуждены анализировать западную историографию через ее критику². Мы не беремся судить, в какой степени авторы были искренни, «подвергая критике» «буржуазную историческую науку». Прежде всего, нам хотелось бы отметить, что при закрытости советского общества знакомство с их трудами было одной из немногих возможностей получить информацию о тенденциях мировой исторической мысли, дискуссиях и обсуждениях, привлекавших внимание исследователей.

Второе направление связано с трудами по общей истории англоязычной советологии. Для советской историографии западные советологи были «противниками» и «фальсификаторами» по определению, и авторы публикаций были вынуждены их «разоблачать». Как писал Б. Марушкин, автор одного из самых серьезных исследований американского «советоведения», «история человечества наполнена историографическими битвами, подчас не менее ожесточенными, чем те, которые составляют предмет исторического исследования»³.

Литература, целью которой было «разоблачение фальсификаторов» и создание особой «методологии критики буржуазной историографии», составляла неотъемлемую часть советской исторической науки. Но за «критическим фасадом» скрывались действительно серьезные исследования, которые давали вполне адекватное представление об организации изучения истории СССР в англоязычном мире, теоретических основах советологии, важнейших теоретических концепциях западных специалистов. Нам представляется возможным отметить, прежде всего, монографии «Антикоммунизм и советология: критический анализ советологических концепций», Ю. Малова «Критика буржуазных фальсификаторов марксистско-ленинского учения о руководящей роли коммунистической партии в социалистическом обществе», Б. Марушкина «История в современной идеологической борьбе (строительство социализма в СССР сквозь призму антикоммунистической историографии США)», «История и политика. Американская буржуазная историография советского обще-

¹ Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. http://www.amstud.msu.ru/full_text/texts/demytyev/; История социологии в Западной Европе и США. М., 2001; *Людтке, А.* История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / Пер. с нем. М., 2010; Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Л.П. Репиной, Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. М., 2004; Новейшие подходы к изучению истории в современной зарубежной историографии: Материалы международных семинаров историков в Ярославле. Ярославль, 1997; *Одиссей.* Человек в истории. Личность и общество: проблемы самоидентификации. М., 1999; Россия в XX веке: Историк мира спорят. М., 1994; *Шутова, О.М.* Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX – начале XXI века. Минск, 2008.

² *Вайнштейн О.В.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX веках. Л., 1979; *Ирибаджакоев Н.* Клио перед судом буржуазной философии. К критике современной буржуазной философии истории. М., 1972; *Кон И.С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959; *Мерцалов А.Н.* В поисках исторической истины: Очерки методологии критики буржуазной историографии. М., 1984; *Салов В.И.* Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977; *Семенов Ю.Н.* Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии: Критический очерк американских и английских теорий. М., 1965; *Скворцов Л.В.* История и антиистория: К критике методологии буржуазной философии истории. М., 1976; Современные буржуазные теории общественного развития. М., 1984; *Тышков В.А.* История и историки в США. М., 1985.

³ *Марушкин Б.И.* История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969. С. 5.

ства», «Советология: расчеты и просчеты»¹, справочники «Американские советологи» и «Советологические центры США: справочник», «Национальные отношения в СССР и советология – центры, архивы, концепции»², статьи Э. Баскакова, Н. Болдыревой, И. Гиндина, Р. Илюхиной, Б. Каневского и др.³

В последние годы исследования западных историков вновь оказалась в центре внимания российских исследователей, но уже не как объект критики, а как предмет объективного изучения. Появились возможности научных контактов между учеными Запада и Востока, многие труды советологов были переведены на русский язык, новое поколение российских исследователей знало английский язык значительно лучше, чем их предшественники. Англоязычное сообщество перестало быть экзотикой для многих россиян. Все это вызывало естественный интерес, и зарубежная историография, казавшаяся прежде чем-то единым, предстала как сложная система, состоящая из множества течений и направлений.

Среди публикаций конца XX – начала XXI в. следует отметить антологию «Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период», курс лекций А. Некрасова «Становление и этапы развития западной советологии», работы Е. Петрова «Американское россиеведение. Словарь-справочник», «История американского россиеведения», «Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США: Первая половина XX столетия: Источники и историография», «Русская тема» на Западе. Словарь-справочник по американскому россиеведению»⁴.

К третьему историографическому направлению мы относим работы, анализирующие англоязычную историографию сталинизма. Хотя в последние годы специалисты, изучающие сталинизм, посвящают отдельные страницы своих трудов оценке западной исторической литературы, приходится, к сожалению, констатировать, что далеко не все исследователи достаточно полно ориентируются в зарубежной историографии. Включение западных идей в контекст российской историографии представляет для многих историков серьезную трудность. Пренебрежительное отношение к зарубежной литературе, которая десятилетиями числилась в разряде «буржуазных фальсифика-

¹ Антикommунизм и советология: критический анализ советологических концепций. Киев, 1986; Малов Ю. Критика буржуазных фальсификаторов марксистско-ленинского учения о руководящей роли коммунистической партии в социалистическом обществе. М., 1983; Марушкин Б. История в современной идеологической борьбе (строительство социализма в СССР сквозь призму антикоммунистической историографии США). М., 1972; Марушкин Б.И. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969; Марушкин Б.И. Советология: расчеты и просчеты. М., 1976.

² Американские советологи. Справочник. М., 1981; Блишкин Я.А. Советологические центры США: справочник. М., 1989; Национальные отношения в СССР и советология – центры, архивы, концепции. М., 1988.

³ Баскаков Э.Г. Документальные материалы по истории народов СССР в архивах и библиотеках США // История СССР. 1959. № 2. С. 223–228; Болдырева Н.Д. Документальная «россика» в архивах Англии // История СССР. 1959. № 5. С. 214–218; Гиндин И.Ф. Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ // История СССР. 1971. № 4. С. 204–232; Игрицкий Ю.И. Самоанализ буржуазных советологов // История СССР. 1965. № 5. С. 174–186; Илюхина Р.М. Вопросы истории советского общества на страницах американского журнала «The American Slavic and East-European Review» 1941–1961 // История СССР. 1962. № 3. С. 179–191; Каневский Б.П. Национальная программа публикации исторических документов в США // Исторический архив. 1956. № 3. С. 238–243; Краснов И.М. Изучение темы СССР в США: некоторые цифры и факты // История СССР. 1964. № 6. С. 166–183; Кузьмина В.Д., Хорошкевич А.Л. Вопросы истории СССР в Oxford Slavic Papers // История СССР. 1958. № 1. С. 202–213; Романовский Н.В. Изучение истории СССР в Бирмингемском университете // История СССР. 1975. № 4. С. 210–215; Сахаров А.Н. История Советского Союза под пером консервативных советологов 80-х годов // История СССР. 1988. № 2. С. 185–208; Селунская Н.Б. Проблемы изучения массовых исторических источников в современной американской историографии // История СССР. 1975. № 4. С. 201–207; Смирнов И.В. Прогрессивные американские авторы о Советском Союзе // История СССР. 1966. № 6. С. 178–183; Современная немарксистская историография и советская историческая наука (Беседа за круглым столом) // История СССР. 1988. № 1. С. 172–203; Соколов А.К. Политическая система советского общества в оценке американского советолога // История СССР. 1981. № 4. С. 195–198.

⁴ Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001; Некрасов А.А. Становление и этапы развития западной советологии: Текст лекций. Ярославль, 2000; Новейшие подходы к изучению истории в современной зарубежной историографии: Материалы международных семинаров историков в Ярославле. Ярославль, 1997; Петров Е.В. Американское россиеведение. Словарь-справочник. <http://petrov5.tripod.com/twellcome.htm>; Петров Е.В. История американского россиеведения: курс лекций. СПб., 1998; Петров Е.В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США: Первая пол. XX столетия: Источники и историография. СПб., 2000; Петров Е.В. «Русская тема» на Западе. Словарь-справочник по американскому россиеведению. СПб., 1997.

ций», сохраняется у части исследователей. Например, М. Горинов писал о том, что, хотя на русском языке вышел ряд работ западных авторов, лишенных налета вульгарного антисталинизма, достижения зарубежной советологии не следует преувеличивать¹. Вполне возможный вывод, отражающий авторскую позицию. Но не совсем понятно, на основании каких источников делает такой вывод автор, знаком ли он в достаточной степени с оригинальными работами зарубежных советологов. Дело в том, что в статье М. Горинова используется лишь «вторичное цитирование». Нет ни одной ссылки на труды на языке оригинала, а все цитаты приводятся в лучшем случае по русскоязычным переводам, а зачастую и просто по рецензиям, опубликованным в русскоязычных изданиях.

Г. Бордюгов и В. Козлов обратили внимание на еще одну серьезную проблему российской историографии – некритическое использование западной литературы. Они отмечали, что, казалось бы, заимствования из западной историографии могут быть только полезными и конструктивными, ибо позволяют имплантировать богатый мировой социологический и историографический опыт в отечественные исследования. Однако недостатки методологической подготовки порождают не содержательный синтез западных и отечественных идей и концепций, а практику прямых и порой вульгарных заимствований, в ряде случаев даже без указания источника². Подобной ситуации они дали точную характеристику «западные источники грядущих откровений»³.

Конечно, недостатки такого рода присущи не всем работам российских исследователей. Можно отметить целый ряд трудов, в которых дан глубокий анализ отдельных аспектов англоязычной историографии сталинизма. Диалог с западными исследователями стал органичной частью монографии О. Хлевнюка «Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы»⁴. Автор, демонстрируя глубокое знание работ Р. Такера, Дж. Гетти, Ш. Фицпатрик, многих других историков, в определенных случаях приходил к согласию с ними, иногда полемизировал. Свободное владение материалом позволило О. Хлевнюку рассмотреть российские и зарубежные публикации как составные части единого историографического комплекса.

Историографический раздел выделен в работе Е. Осокиной «За фасадом “сталинского изобилия”: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941». Автор отмечала, что ее книга, «опираясь на достижения историографии и неизбежно разделяя недостатки ее современного этапа развития, входит в состав работ по истории советского общества периода сталинизма, одного из наиболее бурно развивавшихся в последнее десятилетие направления исследований»⁵.

Большое внимание англоязычной историографии советской истории 1930-х гг. уделяется в публикациях И. Павловой, автора монографии «Механизм власти и строительство сталинского социализма»⁶ и целого ряда статей по рассматриваемой тематике. Она была одним из активных участников дискуссии, организованной редакцией журнала «Отечественная история» в 1998–1999 гг. по проблемам англоязычных исследований истории сталинизма. Занимая «антиревизионистские» позиции, И. Павлова отстаивала приоритет тоталитарной теории в изучении сталинизма⁷, что вызвало острую реакцию других участников полемики – А. Соколова, И. Олегиной, Ю. Игрицкого, Н. Щербань⁸. Отметим и обсуждение на страницах журнала в 2000 г. проблемы «Власть и советское общество в 1917–1930-е гг.: новые источники» с привлечением ведущих западных авторов⁹.

Серьезный вклад в исследование зарубежной историографии сталинизма внес Е. Кодин, автор монографии «Смоленский архив» и американская советология» и редактор сборника «Сталинизм в

¹ Горинов М.М. Советская история 1920–30-х годов: от мифов к реальности // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет: Сб. ст. / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1996. С. 262.

² Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 35.

³ Там же. С. 139.

⁴ Хлевнюк О. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

⁵ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999. С. 26.

⁶ Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001.

⁷ Павлова И.В. Современные западные историки сталинской России 30-х гг. (Критика «ревизионистского» подхода) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 107–121.

⁸ И снова об историках-«ревизионистах» // Отечественная история. 1999. № 3. С. 121–141.

⁹ Власть и советское общество в 1917–1930-е годы: новые источники // Отечественная история. 2000. № 1. С. 129–142.

российской провинции: смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков»¹.

С нашей точки зрения, уникальное место занимает издательская серия РОССПЭН «История сталинизма». На сегодняшний день русскоязычные читатели смогли познакомиться с работами Н. Барона, Ф. Буббайера, Л. Виолы, В. Голдман, П. Грегори, Р. Даниелса, Дж. Истера, Дж. Кипа, С. Майнера, Т. Мартина, П. Соломона, Ш. Фицпатрик, Е. Юинга. Во многих случаях издательство предложило оригинальные переводы, сделав работы англоязычных авторов доступными для широкого круга исследователей.

В англоязычной историографии было много гипотез и моделей, объяснявших генезис сталинизма, периодизацию сталинского этапа советской истории, взаимодействие общества и государства в 1930-е гг., взаимовлияние политики, экономики и идеологии. В течение длительного периода времени они не были и не могли быть соответствующим образом документированы. Однако и после открытия советских архивов, несмотря на введение в научный оборот новых материалов, остаются нерешенные вопросы, связанные со Сталиным и сталинизмом. Поле деятельности исследователей остается огромным.

Проблема сегодня заключается не в том, что историкам не хватает эмпирического материала, хотя, конечно, академическое сообщество приветствовало, приветствует и будет приветствовать расширение источниковой базы. Вопрос в большей степени связан с аналитическими возможностями самой исторической науки.

История во взаимодействии с другими социальными и гуманитарными науками способна дать варианты объяснения сталинизма и дает их. Тема остается востребованной как в англоязычной, так и в постсоветской академической среде. Происходит процесс углубления анализа, расширения предмета исследования. Однако, как всякий процесс познания, он не только увеличивает число решенных проблем, но и постоянно расширяет область неизвестного.

В последние годы изменилась не только проблематика историографии, но и методологический инструментарий историков и их роль в процессе написания исторических работ. Англоязычные авторы, в отличие от своих российских коллег, сегодня не заявляют об «объективности» своего взгляда на исторические проблемы. В авторефератах кандидатских и докторских диссертаций, подготовленных в России и странах СНГ, тезис об «объективности» и следовании концепции «историзма» практически обязателен. Западные авторы стремятся подчеркнуть, что они, безусловно, готовят свои работы на репрезентативных источниках, но сам выбор источников, формулировка рассматриваемых проблем, выводы, к которым они приходят, не могут быть абсолютно объективными в силу зависимости от столь субъективных обстоятельств как научная подготовка, культурная и социальная база самого исследователя.

Авторы коллективной монографии разделяют такой подход. Каждый из нас имеет свои взгляды на историю англоязычных исследований советского государства и общества 1930-х гг., однако это не только не помешало совместной работе, но и позволило всем соавторам обогатить и углубить понимание рассматриваемых проблем.

Основная часть книги подготовлена Вячеславом Меньковским на основе докторской диссертации «Власть и советское общество 1930-х годов в англо-американской историографии» и первого издания его монографии «История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов»². Он предлагает читателю обзор основных тенденций послевоенной историографии сталинизма в англоязычных исследованиях.

Первая часть книги «История и историография» дает обзор методологических этапов англоязычной историографии сталинизма. В первой главе анализируется тоталитарная парадигма, тесная взаимосвязь истории и политики, наиболее значимые направления теории тоталитаризма и общие черты тоталитарного и неомарксистского подходов к изучению исторического процесса. Вторая глава фокусируется на рассмотрении ревизионистского направления советологических исследований и критике историками-ревизионистами, на основе структурно-функционального подхода, тоталитарной модели и «концепции непрерывности» советской истории. В третьей главе

¹ Кодина Е. «Смоленский архив» и американская советология. Смоленск, 1998; Сталинизм в российской провинции: смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков / Под общ. ред. Е.В. Кодина. Смоленск, 1999.

² Меньковский В.И. История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. Минск: БГУ, 2007.

внимание сосредоточено на влиянии социальной истории на ревизионистскую историографию, особенно на «новую когорту» социальных историков. Автор обращается к дискуссии «нового» и «старого» поколений ревизионистов по вопросам социальной истории сталинизма. Четвертая глава посвящена рассмотрению историографии сталинизма в годы после распада Советского Союза. В. Меньковский дает анализ состояния социальной истории после «архивной революции». Катарина Уль концентрирует внимание на постмодернистских подходах к изучению истории сталинизма. Анализируя оценку личности советского человека в англоязычных исследованиях 1990–2000-х гг., она находит много общего в выводах историков-постмодернистов и исследователей, базировавшихся на тоталитарной концепции.

Во второй часть книги представлена современная инфраструктура англо-американских «российских и восточнославянских» исследований». В первой главе Марина Шабасова пишет о трансформации «российских и славянских исследований» и состоянии современного «россиеведения» и «советоведения» в англо-американском мире. Вторая глава, подготовленная М. Шабасовой и В. Меньковским на материалах интернет-публикаций, представляет читателям информацию об академических организациях, университетах, институтах и библиотеках Соединенных Штатов Америки, Австралийского Союза, Канады и Соединенного Королевства.

Авторы выражают искреннюю благодарность Екатерине Сакович и Ксении Вощенко за помощь при подготовке переводов для данного издания.

ЧАСТЬ I

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

ГЛАВА 1

ТОТАЛИТАРНАЯ ПАРАДИГМА

1.1. «Классическая» тоталитарная модель и ее модификации

В 1950-х – начале 1960-х гг. главной целью западных специалистов-советологов было стремление к обобщенному описанию советской политической системы. Именно политическая система определяет отношения управляемых и правителей, устанавливает способ взаимодействия людей в управлении государственными делами, направляет государственную деятельность, создает условия для замены одних правителей другими. Представляя собой сложный комплекс взаимосвязанных, взаимодействующих друг с другом или же противодействующих друг другу политических институтов, политическая система является многоуровневым динамическим образованием. В ней выделяют три составные части: 1) подсистема политических идей, теорий, взглядов, эмоций, чувств, определяющих политическое сознание; 2) подсистема политических отношений между обществом и государством, различными классами и социальными группами; 3) подсистема политических институтов, образующих политическую организацию общества. Все элементы политической системы взаимосвязаны и обуславливают друг друга¹.

Таким образом, именно анализ политической системы дает возможность обнаружить своеобразие каждого режима. Однако уточним, что некоторые исследователи указывали на неправомерность общего употребления терминов «советская система», «политическая система СССР», считая их статичными и не отражающими историческую динамику. По мнению А. Мейера, изменения политического режима в истории Советского Союза были настолько глубокими, что точнее было бы применять концепцию взаимосвязанных, но меняющихся политических систем².

Часть работ англоязычных авторов была посвящена изучению того, как советская политическая система функционирует, часть – описанию существенных характеристик советского режима как «идеального типа» в веберовском понимании этого термина. К первой категории можно отнести труды Р. Бауэра, А. Инкелеса и К. Клухона «Как советская система работает», М. Фейнсода «Как Россия управляется» и «Смоленск под властью Советов», Б. Мура «Советская политика: Дилемма власти» и «Террор и прогресс. СССР»³. В процессе создания модели советской системы важнейшее значение имели работы Х. Арндт «Истоки тоталитаризма» и К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия», в которых политическая система СССР описывалась как уникальный тоталитарный тип диктатуры⁴. Так, Х. Арндт в «Истоках тоталитаризма», характеризуя всю историю советского государства как диктатуру, подчеркивала различия между «революционной диктатурой» в ленинские годы и «тоталитарной диктатурой» в годы Сталина, определяя в каче-

¹ Палітычная сістэма грамадства // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Т. 12. Мн., 2001. С.10.

² The U.S.S.R. after 50 Years; Promise and Reality. New York: Knopf, 1967. P. 39–60.

³ Bauer R., Inkeles A., Kluckhohn C. How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes. Cambridge, 1956; Fainsod M. How Russia is Ruled. Cambridge, 1953; Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, Mass., 1958; Moore B. Soviet Politics: The Dilemma of Power; The Role of Ideas in Social Change. Cambridge, 1950; Moore B. Terror and Progress USSR: Some Sources of Change and Stability in the Soviet Dictatorship. Cambridge, 1954.

⁴ Arndt H. The Origins of Totalitarianism. New York, 1951; Friedrich C., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1956.

стве водораздела 1929 г. – время установления единоличной власти Сталина и начала процесса массовой коллективизации¹.

Термин «тоталитаризм» впервые стал использоваться во время полемики, последовавшей за захватом власти фашистами в Италии. Определенная ирония заключается в том, что первоначально в 1920-е гг. он употреблялся в позитивном смысле двумя видными теоретиками Дж. Джентиле и А. Рокко. Дж. Джентиле писал о фашистской доктрине, которая связана не только с политическими организациями и политическим действием, но и с желанием, мыслями и чувствами нации. А. Рокко использовал термин в более узком смысле как абсолютную монополию государства на власть. Муссолини сначала был более близок к позиции Дж. Джентиле, говоря о «неистовой тоталитарной воле фашизма», однако затем стал использовать термин «тоталитарное государство», которым определял итальянскую фашистскую систему – *uno stato totalitario*, подразумевая национальное единство, отсутствие оппозиции, общность интересов различных социальных групп. В конце 1920-х гг. его оппоненты, например Ф. Турати, также определяли фашистское государство как «тоталитарное», но включали в эту характеристику негативный смысл.

Термин «тоталитаризм» изначально не нес положительный или отрицательный смысл, он являлся такой же характеристикой, как, например, коммунизм, фашизм или либерализм. Каждый из этих вариантов общественного устройства кем-то поддерживается, кем-то отрицается. Как и всякий «изм», он приобретает реальное содержание только после того, как теоретическая доктрина становится политической практикой.

К концу 1930-х гг. термин начал использоваться в разных странах, различные его характеристики слились в понятие радикально нового типа государства и общества и соотносились с деятельностью итальянского, немецкого и советского режимов. Определение стало распространяться и в англоязычном мире, приобретая значение, связанное с тотальным государственным контролем над личностью, не встречавшимся ранее в силу отсутствия технологических возможностей. Хотя сторонники этой концепции осознавали трудности точного определения и описания феномена, они считали, что коммунистический Советский Союз, фашистская Италия и нацистская Германия являются новым, специфическим явлением политической жизни. Принято считать, что первым употребил термин «тоталитаризм» для определения новой формы государства историк К. Хайес в 1939 г. в работе «Новизна тоталитаризма в истории западной цивилизации». К. Хайес выделял в качестве важнейших черт тоталитарной политической системы присвоение государством всех властных полномочий; использование популизма для общественной поддержки; эффективное применение пропаганды; опору на национализм и использование силовых методов.

Определенные различия в интерпретации тоталитарной концепции сохранялись постоянно. Однако мы можем выделить базовые идеи и характеристики, являющиеся общими для всех авторов. Во-первых, тоталитарная диктатура отличается от всех традиционных форм авторитарной власти массовой социальной базой и имеет народный или псевдонародный характер. Во-вторых, тоталитаризм, в отличие от более традиционных диктатур, является крайне бюрократизированной системой власти. В-третьих, для тоталитарного режима характерно систематическое использование террора не только в отношении реальных противников, но и против ни в чем неповинных людей. В-четвертых, тоталитарное государство является чрезвычайно динамичным феноменом, существующим в состоянии «перманентной революции» или «перманентной войны». В-пятых, в тоталитарной системе диктатор обладает большей реальной властью, чем политический лидер в других общественных системах.

Концепция тоталитаризма как нового, присущего XX в. явления в теории и практике деспотизма для англоязычных исследователей стала базой для сравнительного анализа Советского Союза 1930-х гг. и фашистских и нацистских государств. Они выделяли «левый» и «правый» тоталитаризм – два различных проявления одного общего явления, считая, что, несмотря на отдельные отличия, в основном два типа систем совпадают. Внимание обращалось на такие общие черты, как вождизм (фюрерство); наличие единственной массовой партии, контролирующей все общественные организации; агрессивную идеологию; контроль над масс-медиа; «атомизацию» общества; государственный террор; внешнюю экспансию и некоторые другие.

Х. Арендт находила происхождение тоталитарной системы в национализме и империализме, подчеркивая, что максимальная концентрация власти в «центре» обеспечивалась деятельностью

¹ *Arendt H. The Origins of Totalitarianism. New York, 1951. P. 391.*

нескольких организаций (массовой партии, тайной полиции, военных органов), ни одна из которых не обладала всей полнотой власти и делегировала ее вождю. К. Фридрих и З. Бжезинский представили общую модель тоталитарной диктатуры, основанную на следующих критериях: официальная монополия идеологии; единственная массовая партия; террористический полицейский контроль; монополия на средства массовой информации; монополия на оружие; централизованно управляемая экономика. Эти шесть характеристик в совокупности формировали феномен, названный ими «тоталитарный синдром».

Раскрывая содержание отдельных составляющих, авторы отмечали, что идеология основывалась на официальной доктрине, охватывающей все аспекты жизни и требовавшей, чтобы каждый член общества их придерживался и поддерживал, хотя бы пассивно. Идеология проектировалась на «светлое будущее человечества» и полностью отвергала существующее общество. Единственная партия возглавлялась диктатором и состояла из относительно небольшого количества людей (до 10 % населения). Члены партии «страстно и безоговорочно» поддерживали идеологию режима и любыми путями способствовали ее распространению. Партия была иерархично организована, стояла над правительственной бюрократией или даже поглощала ее. Система физического и психологического террора осуществлялась партией и секретной полицией не только против реальных врагов режима, но и против более или менее произвольно выбранных слоев населения. Партия и правительство обладали технологически обеспеченным, практически полным контролем над всеми эффективными средствами массовой информации. Такое же технологическое обеспечение давало властным структурам возможность обладать монополией на использование боевого оружия. Власть централизованно контролировала и управляла всей экономикой, включая как бывшие независимые корпорации, так и большинство других ассоциаций и групп¹.

«В тоталитарном обществе те, кто владеет политической властью, стремятся для достижения своих целей взять под контроль и использовать все материальные и человеческие ресурсы общества, вторгаясь даже в частную жизнь людей»² К. Деуч, сравнивая различные политические системы, писал: «При демократии все, что не запрещено, разрешено; при авторитаризме все, что не разрешено, запрещено; при тоталитаризме все, что не запрещено, является обязательным»³.

К. Фридрих и З. Бжезинский утверждали, что тоталитарные режимы являются автократиями, адаптированными к индустриальному обществу XX в. Однако фашистские и коммунистические диктатуры, которые в основном одинаковы, являются исторически новым явлением. Они более близки друг другу, чем любые другие системы власти, включая ранние формы автократии. При всем этом К. Фридрих признавал, что не может дать адекватного объяснения их генезиса. «Почему они такие, какие они есть, мы не знаем»⁴.

Система управления, подобная тоталитарной диктатуре, никогда ранее не существовала. «Никогда восточный деспотизм далекого прошлого или абсолютные монархии, недавно существовавшие в Европе, тирании античных греческих городов-государств или Римской империи, тирании городов-государств эпохи итальянского Возрождения или бонапартистская военная диктатура, другие диктатуры этого или прошлых столетий не обладали этим сочетанием характерных черт, хотя могли обладать одной или другой из них»⁵.

Историки стали использовать термин в начале 1950-х гг., когда неопределенное понимание тоталитаризма приобрело более точный смысл в рамках аналитических категорий сначала как «синдром», а затем – «модель». Тоталитарная концепция не была особенностью англо-американской советологии, она признавалась исследователями Советского Союза практически во всех западных странах. В том числе и теми, кто был критически настроен по отношению к США. Например, английский историк И. Дойчер писал, что и Сталин, и Гитлер «построили машину тоталитар-

¹ Friedrich C., Brzezinski Z. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. 2d ed., rev. by Carl J. Friedrich. Cambridge, 1965. P. 22.

² Bauer R., Inkeles A., Kluckhohn C. *How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes*. Cambridge, 1956. P. 20.

³ Totalitarianism; Proceedings of a Conference held at the American Academy of Arts and Sciences, March 1953. Edited with an introd. by Carl J. Friedrich. Cambridge, 1954. P. 309.

⁴ Totalitarianism; Proceedings of a Conference held at the American Academy of Arts and Sciences, March 1953. Edited with an introd. by Carl J. Friedrich. Cambridge, 1954. P. 60.

⁵ Friedrich C., Brzezinski Z. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. 2d ed., rev. by Carl J. Friedrich. Cambridge, 1965. P. 23.

ного государства и подвергли людей его постоянному безжалостному давлению»¹. В течение 1950-х гг. тоталитарная модель доминировала в советологии. Ведущие авторы интерпретировали советский опыт и политические процессы прежде всего, если не исключительно в терминах этой концепции². Основное внимание фокусировалось на центральной роли коммунистической партии в политической системе СССР, персональной роли лидера и репрессивной политике режима. Дискуссии, которые возникали при интерпретации советской истории, касались лишь отдельных аспектов, формулировок и не выходили за пределы теории тоталитаризма. В эти годы история и политология были почти едины в англоязычной советологии.

Тоталитарная модель, обеспечивая схему исследований для большинства работ западных советологов в течение десятилетий после Второй мировой войны, отдавала предпочтение политике и рассматривала экономические и социальные структуры как производные. Тоталитаризм определялся как политическая система, которая доводит до максимума государственный и партийный контроль над обществом и его отдельными членами, поддерживается политическими репрессиями и террором, направленными на мобилизацию населения для достижения целей режима. Харизматический лидер вдохновлял население, единственная разрешенная массовая партия действовала как приводной ремень от руководителей режима к населению. Степень участия населения в этой политической системе была минимальной, а пропаганда, направленная на промывание мозгов, вездесущей. Общественные и даже семейные связи были ослаблены, так как режим воспринимал все взаимоотношения, находящиеся вне сферы государственного и партийного контроля, как потенциальный вызов.

В середине 1960-х гг. представление об основных характеристиках советской политической системы как тоталитарной прослеживалось в работах англоязычных исследователей. Примерами такого рода могут служить переработанные издания Х. Арендт, К. Фридриха и З. Бжезинского, а также оригинальные работы З. Бжезинского и А. Мейера³.

В новое издание книги Х. Арендт было добавлено введение, объясняющее позицию автора по отношению к советскому тоталитаризму. Она писала, что после смерти Сталина «Советский Союз начал подлинный, хотя и неровный процесс детоталитаризации»⁴. Х. Арендт не предпринимала попыток объяснить динамику этого процесса, но из контекста можно сделать вывод, что она придавала первостепенное значение самому факту смерти Сталина, т.е. соглашалась с точкой зрения Р. Такера, который считал построение тоталитарного режима в СССР прямым результатом личного сталинского мышления, его специфической психики⁵. Возможно, поэтому она была уверена, что при сохранении партии, армии, секретной полиции, контроля над идеологией и духовной сферой «Советский Союз может выйти из тоталитаризма без серьезных потрясений»⁶.

В «Истоках тоталитаризма» Х. Арендт писала о «кризисе нашего времени», связанном с разрушением в XX в. национального государства и классового общества с доминирующей буржуазией. Тоталитаризм представлялся ей лишь одним из проявлений этого кризиса наряду с антисемитизмом и империализмом. Х. Арендт определяла тоталитаризм как форму правления, основой которой является террор, а принципы действия логически вытекали из идеологической доктрины⁷. Это политическая система, «основанная на постоянной тотальной власти над каждой личностью во всех сферах жизни»⁸. Сутью этой формы власти является не идеология, а террор; секретная полиция, а не партия или армия – стражем системы; концентрационные лагеря – лабораторией этого эксперимента тотальной власти⁹. Концентрационные лагеря, писала Х. Арендт, «представляли собой не что иное, как средневековые картины ада»¹⁰.

¹ *Deutscher I.* Stalin, a Political Biography. London, New York, 1949. P. 566.

² *Schapiro L.* The Communist Party of the Soviet Union. New York, 1960.

³ *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. New ed. New York, 1966; *Friedrich C., Brzezinski Z.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2d ed./ Rev. by Carl J. Friedrich. Cambridge, 1965; *Brzezinski Z.* Ideology and Power in Soviet Politics. New York, 1962; *Meyer A.* The Soviet Political System; An Interpretation. New York, 1965.

⁴ *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. New ed. New York, 1966. P. IX.

⁵ *Tucker R.* The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change / rev. ed. New York, 1971. P. 20–48.

⁶ *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. New ed. New York, 1966. P. IX.

⁷ *Ibid.* P. 474.

⁸ *Ibid.* P. 326.

⁹ *Ibid.* P. 344, 392.

¹⁰ *Ibid.* P. 447.

Х. Арендт считала тоталитаризм абсолютно новой и уникальной формой власти, институты которой и способы их деятельности настолько радикально отличаются от других политических систем, что «наши традиционные категории закона, морали, здравого смысла не могут помочь понять их»¹.

Соответствующими этим характеристикам она считала только два режима – национал-социалистический и большевистский. Другие режимы, даже выросшие из тоталитарных движений, например, фашистскую Италию, она не относила к тоталитарным. Х. Арендт придерживалась концепции «единого тоталитарного подхода», утверждая, что нацизм и советский коммунизм настолько похожи, что могут оцениваться как практически идентичные. Единственное различие, на которое она указывала, – их идеологическая база (расовая в Германии, классовая в Советском Союзе). Также она отмечала специфику становления режимов, заключающуюся в том, что Сталин должен был сам создавать атомизированное общество, которое для Гитлера было подготовлено историческими условиями.

Однако изменения в Советском Союзе, последовавшие после смерти Сталина, поставили под сомнение некоторые положения тоталитарной теории Х. Арендт, прежде всего акцент на значимости террора и идентификацию гитлеровского и сталинского режимов.

Например, Р. Бурровес, выражая крайние взгляды противников тоталитарной школы, называл ее теорию «великолепной ошибкой»². Он считал, что неадекватность взглядов Х. Арендт в значительной степени была связана с тем, что теория строилась прежде всего на изучении нацистского опыта, а затем по аналогии была перенесена на Советский Союз. Процесс аналогизации всегда опасен, тем более в том случае, когда данные о системе, на которую переносятся аналогии, недостаточны или недостоверны. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. достоверных данных о нацизме было достаточно, в то время как Советский Союз 1930–1940-х гг. оставался *a terra incognita*. В этой ситуации Х. Арендт, которая воспринимала тоталитаризм как попытку преобразовать реальность в страшную фантазию, «сама произвела фантастическую теорию. Что действительно волнует – это то, что истерия холодной войны, вовлекшая и академические круги, может превратить фантазии Арендт в реальность»³.

Еще одна классическая работа о тоталитаризме – книга К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия» – была переработана К. Фридрихом в 1965 г. В предисловии он писал, что изменено около трети книги, в том числе раздел о терроре, однако в целом «теория и практика тоталитарной диктатуры подтвердили правильность нашего анализа»⁴.

К. Фридрих и З. Бжезинский считали, что фашистская и коммунистическая диктатуры в основном похожи, но в отличие от Х. Арендт не утверждали, что они абсолютно одинаковы. В число тоталитарных режимов они включали не только сталинский Советский Союз и нацистскую Германию, но и фашистскую Италию. Однако в книге не было точного определения тоталитаризма. Употребляя знаменитый термин «тоталитарный синдром», авторы не дали цельного описания системы. Концепция стала слишком эластичной и позволяла включать в перечень «тоталитарных государств» практически все современные диктатуры.

В переработанном издании К. Фридрих ввел понятие «стадий тоталитаризма» – «ранняя», «зрелая», писал о циклах – «жесткой» и «мягкой» фазах. В результате «синдром» размывался и исчезали стандарты, по которым можно было отнести то или иное государство к тоталитарным. Он даже заявил о том, что «тоталитаризм скорее относительная, чем абсолютная категория»⁵.

Постепенный отход от позиций «холодной войны» привел к критике тоталитарной модели со стороны тех, кто должен был использовать ее не в контексте идеологической борьбы, а в научных целях. Дж. Армстронг, Ф. Флерон, Р. Такер, Р. Шарлет отмечали в 1960-е гг., что модель, которая включает персональную диктатуру и массовый террор в качестве важнейших черт, стала далекой от реальности многих коммунистических систем⁶. «Конечно, очень немногие заходили так далеко,

¹ Ibid. P. 460.

² Burrows R. Totalitarianism. The Revised Standard Version // Between Totalitarianism and Pluralism. New York; London, 1992. P. 280.

³ Ibid.

⁴ Friedrich C., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2d ed., rev. by Carl J. Friedrich. Cambridge, 1965. P. VIII.

⁵ Friedrich C., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2d ed., rev. by Carl J. Friedrich. Cambridge, 1965. P. 375.

⁶ Tucker R. Towards a Comparative Politics of Movement Regimes // American Political Science Review. 1961. Vol. 55. June. No. 2. P. 281–289; Sharlet R. Systematic Political Science and Communist Systems // Slavic Review. 1967. Vol. 26. Is. 1. P. 21–32.

что могли в конце какого-либо предложения, относящегося к советской политике, написать "...точно также, как на Западе", но все в большей степени ученые прибегали к аналитическим приемам, которые уже использовались для изучения других индустриальных и развивающихся обществ»¹.

Р. Шарлет предложил шесть характеристик «коммунистической системы», которые отличались от шести признаков «тоталитарного синдрома» К. Фридриха и З. Бжезинского. Он определял коммунистические системы как: 1) «закрытые общества»; 2) не имеющие автономных подсистем; 3) концентрирующие политические ресурсы в руках узкой правящей страты; 4) имеющие относительно неопределенные политические структуры, функции и роли; 5) не имеющие границ между политической и социальной системами или имеющие чрезвычайно относительные границы; 6) трудно поддающиеся изучению методами западного обществоведения².

Мы уже подчеркивали, что причины долгожительств концепции тоталитаризма следует объяснять не только научными, но и политическими факторами. По мнению В. Лакера, главный недостаток концепции с точки зрения научной методологии заключался в том, что никому не дано превратить все общество в *toto*, и поэтому власть, стремясь к своей тотальности, никогда ее не достигает *in toto*³. Можно говорить лишь о разной степени тотальности власти в недемократических обществах, но практически невозможно обозначить ту грань, за которой то или иное государство из просто недемократического превращается в тоталитарное. Однако в отличие от некоторых других современных споров, дискуссия по поводу тоталитаризма не могла быть чисто академическим делом. Лишь частично она шла вокруг слов, категорий и дефиниций, однако прежде всего была связана с политической реальностью и поэтому имела существенное практическое значение.

Поскольку критическое отношение к тоталитарной модели усиливалось в академическом мире, а необходимость концепции, позволявшей западным исследователям дифференцировать Советский Союз и другие политические системы советского типа от традиционного авторитаризма, сохранялась, ряд англоязычных ученых предприняли попытки модернизации тоталитарной модели. Многие специалисты стали относиться к тоталитаризму как к «идеальному типу», никогда не реализованному на практике, но к которому сталинский Советский Союз подошел ближе, чем любой из существовавших режимов.

Например, Р. Такер считал концепцию тоталитаризма важной частью теоретического инструментария и написал несколько работ, анализирующих возможность включения концепции в типологию современных форм диктатуры. В 1960 г., выступая на конференции американской ассоциации политологов, Р. Такер призвал к более эффективному использованию теории в советологии. Он первым официально выразил точку зрения, разделявшуюся многими исследователями, – изучение Советского Союза изолировано от новейших методов социальных дисциплин. Необходим широкий сравнительный подход, а тоталитарная парадигма предлагала сравнение СССР лишь с нацистской Германией, при этом ставя знак равенства между коммунизмом и сталинизмом.

Р. Такер считал, что тоталитарные системы могут быть отнесены к «режимам-движениям», определявшимся тремя важнейшими характеристиками: революционными целями и динамизмом, активным организованным участием масс и наличием централизованной авангардной партии. К разновидностям «режимов-движений» Р. Такер относил однопартийные коммунистические, фашистские и националистические системы. Тоталитаризм, по его мнению, не занимал отдельного места, а являлся крайней формой каждой из разновидностей. В фашистском и коммунистическом варианте он принял форму «фюрерства» – гитлеризма и сталинизма⁴.

А. Кассоф в статье «Управляемое общество: тоталитаризм без террора» предложил термин «управляемое общество» как вариант тоталитаризма, который имеет существенные отличия в механизме действия, отказе от иррациональных элементов, характерных для тоталитарной системы предшествующих десятилетий⁵. Важнейшей характеристикой «управляемого общества» было наличие чрезвычайно сильной правящей группы, претендующей на эксклюзивное знание исторических и общественных законов, и моральное право определения и координации сверху развития об-

¹ Gleason A. «Totalitarianism» in 1984 // Between Totalitarianism and Pluralism. New York; London, 1992. P. 9.

² Sharlet R. Systematic Political Science and Communist Systems // Slavic Review. 1967. March. P. 22–23.

³ Цит. по: Петров Е.В. Американское руссиеведение. Словарь-справочник. <http://petrov5.tripod.com/wellcome.htm>.

⁴ Tucker R. Towards a Comparative Politics of Movement Regimes // American Political Science Review. 1961. Vol. 55. June. P. 283–284.

⁵ Kassof A. The Administered Society: Totalitarianism Without Terror // World Politics. 1964. Vol. 16. Is. 4. P. 559.

щества по пути прогресса¹. Отметим, что в русскоязычной и белорусскоязычной литературе с конца 1980-х гг. широко используются определения «административная система» «административно-командная система», которые являются прямым переводом с английского языка «управляемого общества» (*administered system, command society*). Первым термин «административная система» в русскоязычной литературе употребил Г. Попов². В «Беларускай энцыклапедыі» «административно-командная система» определяется как «антидемократичная іерархічна арганізаваная сістэма кіравання, заснаваная на прынцыпах бюракратычнага цэнтралізму і адміністравання»³.

Однако научный мир продолжал высказывать сомнения по поводу тоталитарной концепции. Слишком много возникало нерешенных вопросов, недостаточно точных определений, слишком размытой была грань, отделяющая тоталитаризм от других типов автократии. Таким образом, в советологии создалась ситуация, характерная для многих интеллектуальных моделей. Сначала – попытка вместить сложную политическую реальность в «прокрустово ложе» модели, создать некий «идеальный тип», а затем – разочарование в несовершенстве модели, не дающей ответы на все поставленные вопросы. Более того, у части исследователей возникло недоверие к самой идее применения какой-либо модели к советским реалиям, разочарование в теории. Например, Р. Конквест говорил как об очевидном факте, что большинство историков, изучающих сталинский период, обращают мало внимания на моделирование исследований⁴. «Для современных исследований ключевым понятием является “модель”. Но любая политическая система уникальна, и хотя для определенных целей обобщающие категории полезны, при изучении конкретной страны модели приносят больше вреда, чем пользы, поскольку для них более важны общие черты нескольких систем, а не их особенности»⁵. Такая позиция была характерна для специалистов-историков, многие из которых отказывались от использования научных моделей вообще и от тоталитарной модели в частности.

Такая крайняя точка зрения также встретила возражения в академической среде. Д. Бреслауэр отмечал, что неудовлетворенность тоталитарной моделью не должна вести к отказу от использования моделей вообще, это – неадекватный ответ на возникающие сложности. Развитие теории, поиск закономерностей необходимы для оценки советской истории и действительности. Б. Мур в работе «Террор и прогресс. СССР» подчеркивал необходимость поиска рациональных сторон различных теорий, их комбинаций для объяснения происходящего в СССР, в том числе использования рациональных аспектов тоталитарной теории. Дискуссии, связанные с выяснением значимости и преемственности различных теорий познания советского опыта, позволили точнее определить сферу применения тоталитарной модели.

М. Левин считал, что термин «тоталитаризм» хорошо выполнял идеологическую функцию, но был значительно менее полезен как научная категория. Тоталитарная теория не объясняла происхождение советской системы, ее изменения и не предлагала методiku исследования. В определенном смысле концепция тоталитаризма сама страдала «тоталитарными пороками», будучи статичной и не учитывая исторических изменений⁶. Л. Шапиро, анализируя историю использования тоталитарной концепции, применил формулировку «сохраняющая ограниченную полезность». Р. Сани подчеркнул, что несмотря на все недостатки тоталитарной модели – стремление уравнивать сталинизм с фашизмом, превалирующее внимание к лидеру и высшим эшелонам власти, неспособность учитывать исторические изменения, невнимание к национальному вопросу, фундаментальные черты сталинского режима были освещены исследователями. Значимость тоталитарного подхода заключалась также в поддержке внимания советологов к теоретическим моделям и концепциям⁷. Можно согласиться, что модель тоталитарного общества позволила на определенном этапе развития англоязычной историографии глубже понять сталинскую систему и внести системность в изучение Советского Союза.

¹ Ibid. P. 558.

² Попов Г. С точки зрения экономиста // В кн.: Бек А.А. Новое назначение. М., 1987. С. 187–213.

³ Адміністрацыйна-камандная сістэма // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Т. 1. Мн., 1996. С. 114.

⁴ *Conquest R. Revisionizing Stalin's Russia // The Russian Review. 1987. Vol. 46. No. 4. P. 389.*

⁵ *Conquest R. History, Humanity, and Truth // National Review. 1993. Vol. 45. Is. 11. P. 30.*

⁶ *Lewin M. The Gorbachev Phenomenon. Berkeley, 1991. P. 3.*

⁷ *Beyond Soviet Studies. Washington; Baltimore, 1995. P. 105–106.*

1.2. Тоталитаризм и неомарксизм

Господство тоталитарной модели в советологии отражало влияние политической ситуации периода «холодной войны». Политический консерватизм в значительной степени ответственен за изоляцию советологии от англоязычной социальной науки. Однако свести все причины только к влиянию правых означало бы упростить ситуацию – «левые» также несут свою долю ответственности. Для них также было удобнее рассматривать Советский Союз и его историю как изолированную ситуацию, поскольку советская практика порождала тревожные вопросы о социализме, которые «левые» хотели бы относить только к СССР. Таким образом, проблема советологии как дисциплины в целом заключалась в неспособности использовать советский опыт в критическом смысле. А. Чандлер дала справедливую оценку этой ситуации, подчеркнув, что «советский опыт не использовался для возможной иллюстрации того, что плохо в нашем собственном обществе или в современном мире, но только для иллюстрации советских недостатков»¹.

Т. Али также обращал внимание на то, что некоторые группы левых, даже, несмотря на их враждебность к своей собственной стране, тем не менее разделяли такое отношение к Советскому государству. Они применяли термин «тоталитаризм» и рассматривали Советский Союз как образец тоталитарного государства. Использование теории тоталитаризма для формирования американского общественного мнения имело впечатляющее интеллектуальное обоснование. Создателями «либерализма холодной войны» (либерализма, поддерживающего холодную войну), с его точки зрения, были бывшие сторонники того или иного направления марксизма М. Истман, Б. Вольф, С. Хук, Д. Макдональд – талантливые писатели и пропагандисты. Их журнал «Обзор сторонников» (*Partisan Review*) стал голосом интеллигенции, стоящей на стороне Пентагона. В 1955 г. М. Истман писал: «Сталинское полицейское государство не приблизительно, не в какой-то степени, не в чем-то сравнимо с гитлеровским. Оно является тем же самым, только более безжалостным, более хладнокровным, более хитрым, более крайним в экономической политике, более откровенно совершающим мировой захват и более опасным для демократии и цивилизованной морали». Такую же оценку давал Б. Вольф, заявивший в 1962 г., что «Советский Союз существовал дольше, являлся более тоталитарным, власть Сталина и его наследников была более абсолютной, чистки более кровавыми, всеохватывающими и продолжительными, концентрационные лагеря большими, чем то, о чем Муссолини мог мечтать или Гитлер представлять. Только в крематориях гитлеровское воображение превзошло сталинские действия»².

Необходимо отметить, что идея рассмотрения сталинизма как исторического феномена также принадлежала левой – марксистской – школе. В первую очередь следует отметить работы Троцкого, определяющее влияние которых на западных исследователей-марксистов сохраняется по сей день, хотя в англоязычной историографии марксистское направление не получило широкого распространения. Это связано как с особенностями становления советологии в качестве научной дисциплины, так и со спецификой марксистского и неомарксистского анализа. Однако полностью отрицать влияние марксизма на англоязычных исследователей было бы ошибкой. Например, британские историки-марксисты Э. Томпсон, Э. Хобсбоум, группировавшиеся вокруг журнала «Прошлое и настоящее» (*Past and Present*), сыграли заметную роль в переориентации интересов исследователей с анализа социально-экономических структур на изучение массового сознания и поведения.

Одним из немногих сторонников марксистской методологии в современной англоязычной советологии является Х. Тиктин – выходец из ЮАР, преподававший в университете Глазго, возглавивший там Центр изучения социалистических теорий и основавший научный журнал «Критика» (*Critique*). Он выделял пять направлений советологических исследований с позиций «критического марксизма». К первой «школе» Х. Тиктин относил ученых, которые стремились «защитить СССР от критики». Фундамент этого направления был заложен в первые послевоенные годы главой Центра славянских и восточно-европейских исследований Лондонского университета Э. Ротштейном, М. Доббом из Кембриджа, основателем журнала «Советские исследования» (*Soviet*

¹ Chandler A. The Interaction of Post-Sovietology and Comparative Politics: Seizing the Moment // *Communist and Post-Communist Studies*. 1994. Vol. 27. Is. 1. P. 9.

² Цит. по: Ali T. The Soviet Union is Far Too Important to be Left to the Sovietologist // *Revolution from Above*. London, 1988. P. 159.

Studies) Дж. Миллером. Хотя следует отметить, что в первом номере журнала за июнь 1949 г. декларировалось стремление редакции «не атаковать и не защищать СССР». Вторую группу, по мнению автора, составляли те, кто относился к Советскому Союзу как к «противоестественному образованию», считая любую некапиталистическую систему деспотичной и нестабильной. Наиболее влиятельной фигурой он считал Р. Пайпса, с именем которого связывал возрождение неоконсервативной идеологии в США ¹.

Доминирующие позиции в западной советологии в течение десятилетий, писал Х. Тиктин, занимали представители третьего течения, относившего СССР к деспотичным, но стабильным системам. Становлению позиций этого направления способствовали, в первую очередь, работы К. Фридриха и З. Бжезинского. К четвертой группе относились либералы и социал-демократы, например А. Ноув, С. Коэн, многие сотрудники Бирмингемского центра российских и восточно-европейских исследований. Они заявляли о «нейтралитете» в конкуренции Запада и Востока, капитализма и социализма. Несмотря на критику, которой они подвергались в англо-американском академическом мире, это направление значительно укрепило свои позиции на рубеже 1960–1970-х гг. И наконец, в последнюю группу входили сторонники «критического марксизма», большинство которых сотрудничало с журналом «Критика». Кроме автора, можно назвать, например, Д. Филтцера, М. Кокса. Поскольку, будучи марксистами, они критически относились к советскому опыту, эти исследователи не находили поддержки ни в Советском Союзе, ни на Западе и являлись «диссидентами» в англо-американской советологии ².

Безусловно, критерии градации, предлагаемой Х. Тиктином, откровенно политизированы и не учитывают главное – научное качество трудов представителей различных направлений. Сильные и слабые работы создавались и консерваторами, и либералами, и марксистами. Но поскольку советология действительно испытывала политическое давление, как со стороны правительственных органов Запада, так и из Советского Союза (допуск в архивы и библиотеки, получение виз), нам представляется, что интересно познакомиться и с такой точкой зрения.

Используемая терминология, приоритетность рассматриваемых проблем, отдельные элементы марксистского анализа стали реальной составной частью исследований западных ученых. Так, по мнению Т. Ригби, высказанному в 1992 г., концепции «нового класса» и бюрократизации с учетом необходимого обновления, могут быть интегрированы в современную структуру советских и постсоветских исследований ³.

Среди тех, кто в наибольшей степени был близок к марксистскому, но не ортодоксальному советскому анализу сталинизма, следует выделить, прежде всего, И. Дойчера. В его работах, ставших классикой западной историографии, троцкистское влияние наиболее заметно. Р. Арон считал, что его книги не только могут служить примером неомарксистской позиции, но и называл Троцкого героем И. Дойчера. При этом Р. Арон указывал на существование оптимистической и пессимистической версий неомарксизма. И. Дойчером была выдвинута оптимистическая версия. Он связывал наличие негативных сторон советского режима со спецификой экономического развития Советского Союза, окруженного врагами и находившегося под угрозой нападения. Идеологическую ортодоксальность, террор, эксцессы однопартийности И. Дойчер объяснял необходимостью индустриализации. «Когда этот этап пройдет, все, что нам, на Западе, не нравится в советском режиме, будет постепенно отмирать, коль скоро его патологические черты объяснятся либо особенностями личности Сталина, либо требованиями индустриализации» ⁴. Подобной точки зрения придерживался и Б. Мур, видевший в советском режиме сочетание трех начал – традиционного, рационального и террористического. Со временем, по его мнению, режим должен был становиться все более традиционным и рациональным, а советские лидеры будут уделять все меньше внимания идеологии, а значит, все реже склоняться к использованию крайних средств ⁵.

¹ Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia. London; New York, 1998. P. 74.

² Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia. London; New York, 1998. P. 75.

³ Developments in Soviet and Post-Soviet Politics. London, 1992. P. 300–319.

⁴ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 254.

⁵ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 265.

Пессимистический неомарксизм, с точки зрения Р. Арона, руководствовался концепцией азиатского способа производства, объясняя советский режим полным бюрократизацией жизни и утверждая, что явления, расцениваемые оптимистами как патологические, изначально присущи режиму бюрократического абсолютизма, однопартийности и идеологической ортодоксальности¹.

Рассматривая сталинизм в ряду других революционных деспотий и отмечая его взаимосвязь с большевистским якобизмом, И. Дойчер оценивал сталинизм как варварский, но необходимый метод вывода страны из состояния отсталости. Он был убежден, что в своих основных чертах сталинизм был продолжением ленинизма. Но если для буржуазных критиков подобная убежденность служила подтверждением опасности социализма, а для правых социалистов – опасности революционного социализма, то для И. Дойчера, признававшего законность российской революции, это являлось историческим оправданием сталинизма. Он считал, что особые обстоятельства, сложившиеся после революции: культурная и экономическая отсталость, унаследованная от царизма; разруха, оставленная мировой и гражданской войнами; поражение революции на Западе – делали необходимым ограничение пролетарской демократии для сохранения основных завоеваний революции. В этом И. Дойчер видел позитивную функцию сталинизма, хотя и выполненную с излишней жестокостью. Более того, он считал, что установление диктатуры элиты над массами является неизбежным законом всякой революции. Оно завершает ее героический период и дает возможность довести до конца разрушение старого строя и реализовать долговременные революционные цели.

Сталинизм был для И. Дойчера болезненной формой социализма в отсталой стране. Как и большинство марксистов, он признавал, что только определенные материальные и культурные предпосылки могут сохранить социалистические идеалы. Но он не отвергал большевистскую революцию как преждевременный и случайный феномен. То, что последовало после 1917 г., в соответствии с историческим анализом И. Дойчера, было не разрывом между высокими революционными идеалами и низким культурным и материальным уровнем, но их взаимосвязью – процессом, который дал рост сталинизму.

Важнейшие элементы причин генезиса сталинизма у И. Дойчера совпадают с анализом Троцкого в «Преданной революции». Во-первых, это слабость российского рабочего класса, который не смог стать ни широкой и стабильной социальной базой советской власти, ни источником руководящих кадров для большевистской партии. Во-вторых, влияние материальной отсталости на социалистические институты и социалистическое сознание. Сочетание слабости рабочего класса и материального дефицита, по мнению Троцкого, стало основой бюрократизации советского государства и вырождения революции.

Троцкий видел в Сталине представителя консервативной бюрократии, которая оказалась способна установить контроль над революционным процессом и исказить его реальные цели. Бюрократия смогла сделать это главным образом из-за международной изоляции революции и низкого уровня социально-экономического развития России. Анализ взаимосвязи Сталина и бюрократии вызывал возражения ряда англо-американских исследователей. Например, Г. Джилл считал, что, пытаясь принизить роль личности в истории и подчеркнуть значимость социальных сил, Троцкий характеризовал Сталина просто как представителя или инструмент бюрократии. Учитывая ту независимую роль, которую играл Сталин, и значительную поддержку, которую он имел вне бюрократических кругов, с этим было сложно согласиться. Оставался необъясненным и вопрос о «чистках»: если бюрократия реально управляла, а Сталин был лишь ее инструментом, почему «чистки» 1930-х гг. нанесли такой удар по бюрократической структуре?²

И. Дойчер, в основном соглашаясь с выводами Троцкого, расширил их. Троцкий отвергал любое объяснение вырождения революции, которое подчеркивало национальные характеристики и культурную отсталость России, признавая лишь материальные и классовые факторы. В интерпретации И. Дойчера сталинизм становился не столько социальной, сколько культурной системой, использовавшей традиции старой России. «Нужно иметь в виду противоречие между сталинским конструктивным и деструктивным влиянием. В то время как он беспощадно раздавил духовную жизнь интеллигенции, он сохранил... основные элементы в широких массах нецивилизованного населения. Под его властью русская культура была в упадке, но сохранила дыхание... Возможно, в будущем будет сказано, что сталинский стиль был адаптирован к задачам правителя, который, будучи

¹ Там же. С. 258.

² Gill G. Stalinism. N. J., 1990. P. 58.

сам не слишком образованным, выдавливал из “мужика” и бюрократии, происходившей от “мужика”, их анархическую бедность и темноту»¹.

Сталин и Иван Грозный, Сталин и Петр I, «ориентализация» марксизма, сплав русского варварства и марксизма, мужицкий социализм – такими образами пользовался И. Дойчер для подчеркивания взаимосвязи русской и советской истории, которая для него не была прервана в 1917 г., несмотря на всю значимость разрыва. «Новый советский человек» сталинского периода не был ни официально описываемым социалистическим человеком, ни термидорианским узурпатором, ни старым русским крестьянином-индивидуалистом. Скорее он включал в себя элементы каждого. Его социализм был определен и ограничен его прошлым и тем, что его окружало в настоящем. Для И. Дойчера «социализм в одной стране» был грубой подменой настоящего, демократического социализма, но он не был полным вырождением, это был социальный миф по форме, но по содержанию это был прагматичный, полный террора этап на пути к коммунистической России.

Сталинизм, писал И. Дойчер, был, прежде всего, «продуктом изоляции русского большевизма в капиталистическом мире и взаимной ассимиляции изолированной революции и российских традиций». Позже он оценивал сталинский режим с его культом, автократией, дисциплиной и ритуалом как политическую надстройку, воздвигнутую на базе примитивного первоначального социалистического накопления².

Теоретические труды Троцкого стали отправной точкой исследований и Р. Дэниелса, который в своих работах опирался также на сравнительный анализ американской, французской и российской революций, данный К. Бринтоном в «Анатомии революции», но развивал и уточнял его. Р. Дэниелс отвергал распространенное в англо-американских академических кругах отношение к Сталину как к продолжателю ленинского видения тоталитарного социализма. Он писал, что Сталин убил социализм в марксистском понимании в ходе проведения революции сверху в 1930-е гг.

Если К. Бринтон считал, что «революционная лихорадка» продолжается от умеренного начала до экстремистского кризиса и затем через Термидор возвращается к отправной точке³, то с точки зрения Р. Дэниелса, революционный процесс не завершался термидорианской реакцией, а перерастал в новую фазу, синтезирующую элементы революции и старого режима. Эта фаза характеризовалась многими авторами, в том числе Троцким, как бонапартизм. Р. Дэниелс предпочитал использовать термин, менее связанный с отдельными странами или личностями. Он назвал ее «постреволюционной диктатурой» и считал сталинизм ее очевидным проявлением в советской истории.

Сущность постреволюционной диктатуры заключалась в восстановлении после хаоса первых революционных фаз власти и порядка, более упорядоченных, деспотичных и модернизированных, чем старый режим. Процесс «рутинизации харизмы» (в веберовских терминах) отвечал реальной экономической необходимости и неизбежно вел к бюрократизации⁴. В англоязычной историографии эта фаза традиционно определялась как тоталитарная, но Р. Дэниелс считал ее постреволюционной диктатурой, использующей современные средства контроля и насилия. Как любой другой обобщенный исторический феномен, постреволюционная диктатура характеризовалась широкой вариативностью в деталях, могла проявляться под «левым» знаменем революции или «правым» контрреволюции. В обоих случаях идеология лишь маскировала реальные интеграционные функции постреволюционного режима⁵.

Характерной чертой советской постреволюционной диктатуры было подчеркивание организационной и идеологической связи революционной эпохи и сталинского периода. Сталин вышел из аппарата революционной экстремистской партии и сделал этот аппарат основой своей властной структуры. Одновременно он настаивал на формальном сохранении революционной идеологии, получившей название «марксизм-ленинизм» и игравшей ключевую роль в легитимизации его власти внутри страны и ее пропаганде вовне. Он мог использовать доктрину для этих целей, поскольку контролировал органы, интерпретирующие ее смысл в зависимости от его выбора. Используя мар-

¹ *Deutscher I.* Stalin, a Political Biography. London, New York, 1949. P. 367–368.

² *Deutscher I.* Russia in Transition and Other Essays. New York, 1957. P. 155–156; *Deutscher I.* The Prophet Unarmed: Trotsky, 1921–1929. London; New York, 1959. P. 466.

³ *Brinton C.* The Anatomy of Revolution. New York, 1952.

⁴ *Weber M.* Essays in Sociology. New York, 1958. P. 54.

⁵ *Daniels R.* Stalinism as Postrevolutionary Dictatorship // Trotsky, Stalin and Socialism. Boulder, 1991. P. 123.

ксистский термин, можно сказать, что Сталин превратил марксизм в систему идеологического «фальшивого сознания».

Для сталинской постреволюционной диктатуры была характерна бюрократическая социальная база. Во всякой революции социальный класс или группа, которые наиболее активно участвовали в экстремистской фазе, не становятся доминирующими. В русской революции рабочие и крестьяне привели большевистскую партию к власти. Многие выходцы из этих классов сделали быструю карьеру при новом режиме, но они никогда не были правящим классом. Доминирующей социальной силой стала новая партийная бюрократия – «новый класс».

Доминирование нового класса сопровождалось усилением консерватизма в культурной и социальной политике. Революционные эксперименты во всех сферах – от образования и трудовых отношений до криминального и гражданского кодексов – были отвергнуты. Под прикрытием марксистской терминологии произошло возвращение к традиционалистской политике, восстановление индивидуальной дисциплины и ответственности. Такая тенденция свойственна постреволюционной диктатуре, которая всегда агрессивна по отношению к внутренним и внешним врагам, всегда националистична и шовинистична ¹.

Постреволюционная диктатура становится характерной чертой революционного процесса, когда народное желание возвращения к порядку и власти перевешивает преданность ценностям революции, а утопический энтузиазм растрачивается в терроре или гражданской войне, оставляя общество опустошенным и циничным. Эти обстоятельства создавали возможность для сильной личности, контролирующей наиболее эффективную организацию, оставленную в наследство революцией, превратить себя в диктатора. Как любой диктатор, Сталин наложил отпечаток собственного стиля на политику государства. Р. Дэниелс считал, что сталинская историческая роль была более значительной, чем об этом говорили даже его апологеты. Он направлял режим к решению тех задач, которые являлись реальным вызовом времени (в терминологии А. Тойнби). В этом смысле он отражал необходимость для постреволюционной России стабильности и власти, всеобщую тенденцию к бюрократизации современной ему политической и экономической жизни, предлагал свои ответы на вызовы модернизации и военной самозащиты.

Но эти ответы принимали форму неконтролируемых личных сталинских действий и решений. Они сопровождалась его манией тотального контроля, базирующегося на царистской традиции авторитарного централизма, и способствовали установлению самой крайней формы диктатуры. Сталин персонально инспирировал атмосферу террора и насилия, поразившего страну. Р. Дэниелс оставлял психоисторикам возможность разбираться в корнях сталинского поведения, лежащих в глубинах его психики. Если Сталин и был душевнобольным человеком, то он являлся лишь очередным историческим примером страдающего манией величия деспота. Именно такой тип личности приходит к власти в постреволюционной ситуации.

Сталинская постреволюционная диктатура приобрела окончательную форму не сразу. Так же, как его предшественники в других революциях, лидер должен был проходить через определенные стадии, отвечая на вызовы времени, а затем на новые проблемы, порождаемые его ответами. Под прикрытием доктринальной непрерывности Сталин принимал решения, которые в других случаях приходилось решать откровенно контрреволюционным режимам или реставраторам монархии.

Сталинское правление часто описывается как «революция сверху». С точки зрения Р. Дэниелса, термин не совсем точен, поскольку революция означает насильственное ниспровержение существующей системы. Тем не менее он считал, что термин можно принять, если понимать его как радикальное насильственное изменение системы, проведенное правящим лидером. В этом смысле годы первой пятилетки были периодом «революции сверху» и составили первую фазу постреволюционной диктатуры. В работе «Сталинская революция: Основы тоталитарной эры», опубликованной под редакцией Р. Дэниелса, отмечаются такие характерные для этой фазы процессы, как тотальная социализация и милитаризация экономики, подчинение прав рабочих и профсоюзов интересам государства, усиление бюрократического аппарата ². Контроль сверху был распространен также и на все другие социальные институты, культурную и интеллектуальную жизнь.

Основным фактором, вызвавшим эти шаги, была необходимость модернизации. Однако нельзя сказать, что сталинские методы были наиболее эффективными и рациональными. Существует много

¹ Daniels R. Stalinism as Postrevolutionary Dictatorship // Trotsky, Stalin and Socialism. Boulder, 1991. P. 124–125.

² The Stalin Revolution: Foundation of Soviet Totalitarianism. Lexington, 1972.

свидетельств того, что он принял ключевые решения, не имея глубокой концепции, ограничиваясь серией краткосрочных политических маневров. Парадоксально, но долгое время тоталитарная составляющая ускоренной модернизации оправдывалась фашистской угрозой, хотя реально к этому времени программа уже реализовывалась в течение нескольких лет. Более того, серьезным вопросом остается, действительно ли сталинские методы были лучшими для подготовки страны к отражению внешней агрессии. Например, коллективизация, хотя и была негуманным процессом, имела рациональную цель, связанную с усилением финансирования промышленности. Но сталинские методы, превратившие борьбу в самоцель и приведшие к уничтожению миллионов подозреваемых «врагов», были иррациональными и контрпродуктивными.

Второй период сталинской постреволюционной диктатуры, по мнению Р. Дэниелса, достаточно сложно отделить от первого. К концу первой пятилетки Сталин пользовался своей властью для того, чтобы радикально изменить социальную, культурную и интеллектуальную политику. Накопленные в 1932–1936 гг., эти изменения свидетельствовали о серьезной закономерности – отвержении радикальных экспериментов в социальной и культурной жизни и возвращении традиционных ценностей и норм в одну сферу за другой. Проводимые изменения тем не менее камуфлировались словарем марксистско-ленинской терминологии. Старые идеи, провозглашавшиеся также от имени марксизма, отвергались как буржуазные и контрреволюционные. Таким образом, вслед за «революцией сверху» 1929–1931 гг. период 1932–1936 гг. стал «контрреволюцией сверху».

Для большинства сталинских изменений в консервативном направлении существовали прагматические причины, которые отражали нужды и возможности общества, все еще находившегося перед вызовом модернизации. Под лозунгом «Кадры решают все» Сталин реализовывал необходимость соединения бюрократической организации и власти элиты в современной индустриальной жизни с русской традицией бюрократического централизма. Он отверг идеологическое обоснование равенства, заявив в 1934 г., что уравниловка в уровне жизни не имеет ничего общего ни с марксизмом, ни с ленинизмом. Образовательная политика, пройдя стадию экспериментов, вернулась к академическому традиционализму для элиты и практической грамотности и профессиональной подготовке для масс. Партийный «максимум» денежных доходов был отменен, пролетарские преимущества в образовании сменились реальными привилегиями для детей элиты. Все эти шаги отражали сталинское постреволюционное согласие с гегемонией бюрократического «нового класса»¹.

Вместе с принятием требований стратифицированного индустриального общества Сталин отверг почти все, что было предпринято во имя революции в области социальных экспериментов и культурных инноваций. Господствующей идеей социальной мысли досталинской эры было «отмирание» – отмирание всех социальных институтов в духе утопизма Руссо. Предполагалось отмирание государства, а вместе с ним и закона, школы, семьи. В сталинские годы все эти институты были реабилитированы как столпы социалистического общества. Нация была восстановлена как историческая категория. Традиционный левый подход к индивидуальным проступкам как последствиям неблагоприятных социальных условий и классовых лишений был отвергнут в пользу философии и практики индивидуальной ответственности и насильственной дисциплины.

Консервативные сталинские изменения в ходе «контрреволюции сверху» не являлись неожиданностью, поскольку смысл контрреволюционной диктатуры заключается именно в синтезе нового и старого, выборе из каждого источника реальной политической целесообразности. Своеобразие заключалось в том, что Сталин смог выполнить глубокую трансформацию режима под прикрытием революционной риторики. При этом Сталин зашел в изменениях так далеко, как вряд ли это смогли бы сделать даже монархисты.

Третий период сталинской постреволюционной диктатуры, относящийся ко второй половине 1930-х гг., стал действительным эквивалентом монархической реставрации. В годы «большого террора» были уничтожены кадры старых большевиков. Однако «чистки», ударившие по верхушке «нового класса», не покончили с этой социальной структурой, а просто сменили его состав. Новая номенклатура была менее интеллектуальной и более практичной, бюрократическая ментальность и стремление к привилегиям приобрели большую очевидность.

Завершая анализ генезиса сталинизма, Р. Дэниелс отметил, что Сталин стал объектом такого официального прославления, как всезнающий и всемогущий руководитель, которого не было в истории русской монархии. Ранги и иерархии были восстановлены везде, где это было возможно, от

¹ Daniels R. Stalinism as Postrevolutionary Dictatorship // Trotsky, Stalin and Socialism. Boulder, 1991. P. 129.

воинских званий и дипломатической униформы до официальных лимузинов и кремлевской спецбольницы. Система государственных трудовых ресурсов и принудительный труд в лагерях ГУЛАГа свидетельствовали о фактическом восстановлении крепостного права в индустриальном и аграрном секторе¹.

Р. Дэниелс, как и А. Мейер, считал историю в большей степени искусством, чем наукой. Но это искусство, которое дисциплинируется фактами. Какие бы сложные конструкции историк ни выдвигал, его собственно профессиональная работа оценивается участниками цеха по тому, насколько корректно он смог свести фиксированные факты друг с другом в рамках той или иной исторической концепции. Ф. Блюхер справедливо отмечал, что именно данное умение позволяет сохранить само единство профессиональной организации научного сообщества². Схожую позицию занимал и М. Мандельбаум, считавший, что функция истории состоит «не в формулировке законов, проявлением которых является конкретный случай, а в описании событий в их реальных определяющих взаимосвязях друг с другом; в видении событий как результатов и побудительных сил изменений»³.

Использование моделей, конечно, не является «смирительной рубашкой» для каждого исторического феномена, дает возможность проводить сравнительный анализ исторических явлений и событий. Это, по мнению Р. Дэниелса, относилось и к тоталитарной модели, предлагающей определенные стандарты для оценки политических систем. Он считал, что концепция тоталитаризма не представляет собой непреодолимую противоположность социальной истории, поскольку политическая и социальная история не противостоят, а дополняют и корректируют друг друга⁴.

Вопрос о возможности сосуществования тоталитарной теории и социальной истории будет сопровождать англоязычную советологию на всех этапах ее развития. Мы отмечаем данную проблему в контексте анализа марксистского влияния на англоязычное научное сообщество, поскольку для многих исследователей влияние марксизма на методологию социальной истории представлялось очевидным. Например, Р. Лью считал, что социальную историю сложно определить как научную дисциплину или субдисциплину. Социальные историки не нашли взаимопонимания относительно объекта, методов, источников исследования. Однако, по его мнению, марксистское влияние было очевидно в попытке показать советскую общественную систему как целое, интегрирующее различные социальные элементы. В отношении России это представлялось особенно важным, поскольку перед исследователями стоял вопрос о признании самого факта существования советского общества, которое практически игнорировалось в тоталитарной модели⁵.

Пионером изучения социальной истории СССР в целом и сталинского периода в частности стал М. Левин. Советские реалии – общество, режим, история – оставались серией загадок для исследователей. В принятых для того времени узких рамках исторического и обществоведческого изучения они не могли быть систематически проанализированы и, почти по формуле Черчилля, оставались загадкой, окружающей тайну. Для тоталитарной школы самым важным было найти «принцип работы» системы, ее отличие от «принципов работы» других систем. Ни о каких стадиях развития системы не шло и речи, т. е. исследования сторонников тоталитарной школы не были историческими. Подход М. Левина был совершенно другим. Хотя он считал, что 1930-е гг. были важнейшим периодом формирования Советского Союза, все-таки он относился к ним только как к одной из стадий советской истории.

В работе «Русские крестьяне и советская власть», которая в определенном смысле может считаться манифестом социальной истории и в дальнейшем вошла в сборник «Формирование советской системы»⁶, М. Левин писал о внутренней нестабильности общества под сталинским руководством. Общество находилось в состоянии постоянных изменений. Сталинская политика разрушила традиционную крестьянскую цивилизацию, привела к раскрестьяниванию деревни и окрестыванию

¹ Daniels R. Stalinism as Postrevolutionary Dictatorship // Trotsky, Stalin and Socialism. Boulder, 1991. P. 132.

² Блюхер Ф.Н. Антиномии исторического знания. <http://www.philosophy.ru/iphras/library/wealtrue/bluchera.html>.

³ Mandelbaum M. The Anatomy of Historical Knowledge. Baltimore, 1977. P. 13–14.

⁴ Daniels R. Thought and Action under Soviet Totalitarianism: A Reply to George Enteen and Lewis Siegelbaum // The Russian Review. 1995. Vol. 54. July. No 3. P. 341–350.

⁵ Lew R. Grappling with Soviet Realities: Moshe Lewin and the Making of Social History // Stalinism: Its Nature and Aftermath: Essays in Honour of Moshe Lewin. Armonk, 1992. P. 14.

⁶ Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985.

нию города. С помощью партийно-государственной машины диктатор мобилизовал, дезориентировал и опрокинул общество. Однако внутренняя логика общественного устройства в конечном итоге возобладала над режимом. М. Левин видел именно исторический процесс взаимодействия советского общества и государства, в том числе в 1930-е гг. и в сталинский период в целом.

М. Левин считал, что в 1930-е гг. произошла «революция статуса». Поскольку государство заняло центральное место в советском варианте социализма, режим перешел от ориентации на рабочих к поддержке номенклатуры. Рост власти государственных чиновников сопровождался изменением идеологии, которая во все большей степени становилась зависимой от реальности, от того, в чем в данный момент было заинтересовано государство.

М. Левин не соглашался с Троцким в том, что Сталин был лишь «порождением бюрократии». Сталин, по его мнению, был скорее «порождением партии», а политическую систему 1930-х гг. М. Левин считал в большей степени автократической, чем бюрократической. Деспотизм зависел от бюрократии, но не доверял ей. Сталин фактически стал хозяином всей собственности и рабочей силы в стране, и кроме него в верхних эшелонах власти не осталось ключевых игроков¹.

Принадлежность М. Левина к социалистической традиции и в определенной степени к марксизму ни у кого не вызывала сомнения. Это не облегчало его путь в науке, поскольку он работал около двадцати лет в англосаксонском научном мире, враждебном этим традициям. Историк в действительности был не так далек и от большевизма, как он сам считал. Он симпатизировал Ленину, что было редким явлением в англоязычной историографии СССР. Однако, возможно, невольно, он показал в своих работах ограниченность большевизма, его неспособность выдвинуть реальную альтернативу авторитаризму.

Важной причиной принятия западной советологией тоталитарной модели в конце 1940-х – начале 1950-х гг. была невозможность для дисциплины использовать другие концепции общественной науки. Хотя работы М. Мид «Советское отношение к власти», Д. Горера и Дж. Рикмана «Великороссы» были основаны на антропологическом подходе², а структурный функционализм и некоторые подобные теории были доступны социологам, они практически не использовались историками и политологами, не имевшими необходимой подготовки. А специалистов-социологов, занимавшихся СССР, в это время было чрезвычайно мало. Лишь несколько человек в Гарварде работали по интервью-проекту с советскими эмигрантами. Недостаток специалистов был связан, прежде всего, со слабой подготовкой советологов в теоретических и методологических вопросах, ставших приоритетными в социальных науках.

Следует отметить и то, что, пользуясь одним термином – тоталитаризм, многие авторы вкладывали в него содержание, зачастую не во всем соответствующее взглядам создателей тоталитарной модели. Так, Б. Мур и М. Фейнсон рассматривали тоталитаризм, прежде всего не как достигнутый результат, а как цель советского режима, стремящегося создать «нового человека» с помощью тотального манипулирования социальной средой. Они подчеркивали в своих работах, что оценка степени достижения советской властью поставленной цели является сложной задачей эмпирического исследования. Среди советологов не было согласия в отношении реальных результатов советского эксперимента.

Д. Армстронгу представлялось, что тоталитарную теорию вообще нельзя считать парадигмой советских исследований, принимая во внимание неопределенность и разночтения термина «тоталитаризм». На самом деле, с его точки зрения, господствующей парадигмой являлся историцизм, понимаемый в узком смысле³. Ограничение термина представляется важным, поскольку само понятие «историцизм» трактуется в англоязычной историографии неоднозначно. Например, К. Поппер критиковал сторонников историцизма, считая, что «они настаивают на том, что задача науки... состоит в том, чтобы делать предсказания, или, точнее, улучшать наши обыденные предсказания, строить для них более прочные основания, и что, в частности, задача общественных наук состоит в том, чтобы обеспечивать нас долгосрочными историческими предсказаниями. Они настаивают также на том, что уже открыли законы истории, позволяющие им пророчествовать о ходе истории.

¹ *Lewin M. Bureaucracy and the Stalinist State // Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison. Cambridge; New York, 1997. P. 71–72.*

² *Mead M. Soviet Attitudes to Authority. New York, 1951; Gorer G., Rickman J. The People of Great Russia. London, 1949.*

³ *Armstrong J. Comments on Professor Dalin's «Bias and Blunders in American Studies on the USSR» // Slavic Review. 1973. Vol. 32. Is. 3. P. 581.*

Множество социально-философских учений, придерживающихся подобных воззрений, я обозначил термином «историцизм»¹. Из текста книги К. Поппера и из его личных пояснений следует, что историцизм для него – это требование смотреть на вещи исторически, и ничего предосудительного в этом требовании, конечно, нет. Историцизм же для автора – это социально-философская концепция, утверждающая возможность открытия объективных законов истории, более того, считающая, что такие законы уже открыты и на их основе можно пророчествовать о путях исторического развития.

Д. Армстронг понимал историцизм как соблюдение принципа историцизма и пристальное внимание к фактам. Он считал, что в советологии противопоставление внимания к фактическому материалу сознательному использованию концептуальных рамок было чрезвычайно сильным. Причина заключалась, прежде всего, в негативной реакции на характерное для раннего периода советских исследований используемое обобщение. Использование историцизма внесло большую научную строгость в советологию, но одновременно создался и определенный перекокс в сторону изучения вопросов политической культуры. Д. Армстронг писал, что вряд ли случайным является то, что американские специалисты, изучающие СССР, создали ассоциацию «славянских исследований», а не «советских исследований» и издавали журнал «Славянское обозрение», а не «Советское обозрение». Хотя вопрос приоритетов внимания англо-американских исследователей представляется не столь однозначным, а их интерпретация вопросов советской политической культуры вызывала серьезную полемику, русоцентризм советологии отмечен абсолютно правильно.

Историцизм как дисциплинарная парадигма, применяемая в российских и советских исследованиях, объясняет, почему советология в целом не очень охотно использовала методы социальных наук. Но развитие всего комплекса гуманитарных и общественных наук, их заметные достижения и увеличение влияния на жизнь общества делало невозможным полный отказ от моделирования.

В 1960-е гг., когда недостатки тоталитарной концепции стали слишком очевидными, споры о роли теории в советологии приобрели более практический характер. Для этого времени характерен отказ от поиска единой парадигмы – советологи начинают использовать множество моделей в зависимости от конкретной ситуации, когда концепции и модели обществоведения помогали пониманию специфических советских проблем. А. Инкелес был прав, когда отмечал, что все модели в определенном случае верны и полезны, но ни одна модель не может претендовать на полное объяснение чрезвычайно богатых исторических событий. Хотя противники применения методологии социальных наук продолжали отстаивать свои позиции, большинство исследователей дискутировало вопросы о ценности той или иной концепции, а не о принципиальной возможности применения моделей.

¹ *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М., 1992. С. 32.

РЕВИЗИОНИЗМ

2.1. Неприятие тоталитарной парадигмы

Слабость тоталитарной модели в объяснении послесталинских изменений в Советском Союзе была очевидной. Модель предполагала, что тоталитарные режимы бесконечно воспроизводят себя (можно даже использовать понятие «клонировать»), а изменения допускала лишь как результат внешнего воздействия. Однако советский режим чрезвычайно заметно изменился и потерял многие «тоталитарные» характеристики. Основные составляющие тоталитарной парадигмы были четко очерчены. Советская система во времена Сталина являлась неплюралистичной, иерархической диктатурой, в которой решения принимались лишь на вершине политической власти. Идеология и насилие были монополизированы правящей элитой, которая направляла свои приказы и распоряжения через организованную по военному образцу сеть учреждений, созданных на основе ленинских принципов построения партийной организации. Ленинские недемократические нормы были сохранены и усилены Сталиным, находившимся на вершине элиты и обладавшим неограниченным контролем над всеми сферами жизни. Большинство серьезных событий являлось претворением в жизнь сталинских планов и идей, в свою очередь вызванных его личными интересами и психологическим состоянием. В Советском Союзе не существовало автономных сфер общественной и политической активности. Однако в некоторых, наиболее тонких, исследованиях признавалось наличие групп интересов, таких как партия, госаппарат, армия. Но в любом случае советские граждане и рядовые члены партии оставались вне политического процесса и были лишь объектом манипуляции сверху. Тоталитарная теория никогда не отрицала зависимость режима от общества, но рассматривала общество только как пассивный субъект, поскольку социальная поддержка режима достигалась посредством пропаганды и поддерживалась насилием. Неотъемлемой чертой режима был систематический, планируемый сверху террор, проникавший в каждый уголок общества.

Такой взгляд на сталинскую систему, как всякая научная парадигма, в определенный период времени давал удовлетворительную возможность для интерпретации происходивших событий. Тоталитарная теория никогда не была абсолютно догматичной и долгое время выдерживала критику в свой адрес и конкуренцию с альтернативными подходами к изучению Советского Союза. С ее помощью были поставлены вопросы и предложены методы исследования. В течение десятилетий исследования проводились в предложенных границах и в целом позволяли восполнять пробелы в понимании советской системы. В результате было опубликовано значительное количество серьезных научных работ.

Дж. Гетти и Р. Мэннинг считали, что тоталитарная модель отражала единство научного сообщества в том, что, как казалось, был найден приемлемый вариант объяснения советских реалий. Как и все научные парадигмы, она имела под собой определенные основания. Работы и заявления активных антисоветских и антисталинских политиков в сочетании с мемуарами жертв режима и ограниченным кругом других источников из закрытого советского общества создавали впечатление существования монолитной диктатуры, сохраняющейся благодаря террору. Доступные в то время свидетельства обосновывали тоталитарное видение как логичное, честное и научное¹.

Но совершенно естественно, отмечали Дж. Гетти и Р. Мэннинг, что в процессе работы в рамках определенной парадигмы начали возникать нерешенные вопросы, «аномалии», на которые тоталитарная теория не находила ответов. Их количество значительно увеличилось после того, когда изучением сталинского периода наряду с политологами стали заниматься историки, которые в большей степени концентрировали внимание на обществе и его влиянии на политику, а не только на структурировании моделей власти. В 1970-е гг. новая генерация исследователей стала применять новую методологию для изучения сталинского периода. Замена господствовавших в течение длительного времени методов исследования дала возможность изучать сталинский период именно как исторический.

¹ Stalinist Terror: New Perspectives. Cambridge; New York, 1993. P. 1.

Отвержение тоталитарной модели было стартовой точкой для западного ревизионизма, ставшего реакцией части молодых ученых на доминирование исследователей старшего поколения, принадлежащих, с их точки зрения, к политизированной «научной школе холодной войны». В течение 1960-х гг., во время вьетнамской войны, эти теоретики подверглись атаке со стороны более критически настроенных представителей академического мира, которые отвергали то, что они считали «циничной манипуляцией политической теорией для службы интересам американской политики».

Однако отметим, что тоталитарная модель существовала в нескольких вариантах, и прежде чем подвергать ее критике, следует разобраться в ее сути. Две основные формы модели – операционная, описывающая существовавшее советское общество, и эволюционная, фокусирующаяся на истоках тоталитаризма и ответственности марксизма-ленинизма за сталинизм. Оценку операционной модели удобнее всего провести в рамках анализа, предложенного Д. Истоном, – рассматривать политику в следующих системных терминах: «черный ящик», т. е. люди и органы, принимающие решения; «импульсы», идущие в «черный ящик» от общества и включающие в себя предложения, требования, просьбы; «результаты», т. е. решения, идущие от «черного ящика» к обществу, и «отклики» – реакция общества на принятые решения.

Это чрезвычайно упрощенная схема, но она помогает разобраться в дискуссиях, связанных с тоталитаризмом. Как отмечали А. Мейер и Г. Скиллинг, главная проблема операционной тоталитарной модели была не в том, что она раскрывала, а в том, что оставалось вне ее внимания. Она фокусировалась почти исключительно на результатах – решениях, принимаемых советскими лидерами, и контроле с использованием силы.

Лишь немногие ученые, например М. Фейнсон в работе «Как Россия управляется», рассматривали борьбу внутри «черного ящика» (за «тоталитарным фасадом»), вопросы социальной поддержки и несовершенство контроля. Но даже в детальном и сбалансированном анализе М. Фейнсона внимание к «импульсам» и «черному ящику» было минимальным. Его работу точнее было бы назвать «Как Россия контролируется». В работах других авторов этим составляющим политического процесса уделялось еще меньше внимания.

Говоря об истории критики тоталитарной модели, необходимо отметить, что она прошла несколько этапов, в течение которых выдвигались различные, часто противоречивые аргументы. Первые возражения прозвучали со стороны троцкистов, когда тоталитарный подход еще не оформился в сложившуюся систему взглядов. Они отрицали взаимосвязь ленинизма и тоталитаризма. Отрицание ответственности марксизма-ленинизма за сталинизм повторилось и в работах советологов-ревизионистов, критиковавших эволюционную модель и те аспекты операционной модели, которые подчеркивали идеологические «импульсы».

Представители «конфликтной школы» обращали мало внимания на социальные «импульсы» и «результаты» политики. Их критицизм был связан с тоталитарными взглядами на «черный ящик». Тоталитарная модель признавала наличие сильного диктатора и рассматривала идеологию как источник принимаемых решений. «Конфликтная школа», отодвигая на задний план идеологию, настаивала на признании постоянной жесткой борьбы внутри «черного ящика» советского руководства.

Операционная тоталитарная модель критиковалась также сторонниками теории «групп интересов», рассматривавшими вопросы предложений, информации, т. е. «импульсов», исходящих от общества, и социальной поддержки. «Бюрократию» они оценивали не как правящий класс в марксистском понимании, а как образованный средний класс с внутренними конфликтами и различными интересами. Представители этого направления вели исследования в русле социальной истории. Однако их критика тоталитарной модели относилась к послесталинскому периоду советской истории.

Критицизм советологов-ревизионистов, чрезвычайно резкий по тону, фокусировался, прежде всего, на злоупотреблениях научными стандартами ради уравнивания СССР с нацистской Германией. Многие ревизионисты считали, что это уравнивание служило оправданием американских военных приговоров и военной угрозы в отношении Советского Союза.

Такая позиция представляется нам слишком политизированной. Многие исследователи, не принимавшие тоталитарную модель, все-таки признавали не только возможность, но и необходимость сравнения сталинизма и гитлеризма. Например, М. Левин и Я. Кершау в сборнике «Сталинизм и нацизм: Диктатуры в сравнении» писали, что обычное теоретическое возражение против исторического сравнительного анализа базируется на утверждении, что история исследует уникальные, неповторяющиеся события в отличие от научных дисциплин, имеющих дело с феноменами,

которые могут повторяться и, таким образом, дают возможность для обобщения и конструирования моделей.

Как известно, существует мнение о том, что наука не имеет дела с уникальными объектами, а в истории каждое событие уникально; значит, история не может быть наукой в том же смысле, в котором наукой является, например, физика. В этой связи иногда выделяются две группы наук – номотетические, которые ищут законы, описывающие поведение сходных явлений, и идеографические, к которым принадлежит и история. Идеографические науки, как утверждают сторонники этой точки зрения, могут только описывать происходящее.

М. Левин и Я. Кершау считали эту дихотомию ошибочной. Только сравнение дает возможность понять уникальность. Сравнение заключается не только в поиске подобия. По крайней мере, столь же важно найти и объяснить фундаментальные различия сравниваемых обществ или систем. Но в стремлении объяснить «аномалии» исторического развития России и Германии, сравнивая их с либерально-буржуазными западными обществами, некоторые ученые скорее обращают внимание на несвершившиеся события, а не на то, что действительно имело место ¹.

Именно распространенность в научных кругах концепции тоталитаризма – по-настоящему сравнительной модели – являлась, по их мнению, одной из причин того, почему представлялось полезным сравнение нацистской Германии и сталинского Советского Союза. Хотя тоталитарная парадигма подвергалась серьезной критике многими исследователями, ее использование в качестве модели научного сравнения, а не пропагандистского механизма не должно вызывать возражения, даже если в результате окажется, что различий у сравниваемых систем больше, чем подобий. Целью является объяснение причин того, как такие во многом разные, а во многом похожие диктатуры практически одновременно были созданы в странах, значительно отличающихся друг от друга. Поиск «общих основ» значительно более полезен, чем перечисление одинаковых черт ².

Для советологии это представляется важным еще и по той причине, что многие аспекты истории нацистской Германии были изучены значительно лучше, чем истории Советского Союза. С нашей точки зрения, такой подход к тоталитарной модели представляется наиболее продуктивным. Авторы не критиковали или восхваляли выводы ее сторонников, а предлагали использовать возможности, заложенные в ней, независимо от того, сумели ли воспользоваться ими их предшественники.

А. Буллок, подготовивший фундаментальный труд «Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание», подчеркивал, что ему было интересно сопоставление двух режимов в пределах конкретных исторических рамок, а также выявление как различий между ними, так и сходных черт. Его цель заключалась не в демонстрации того, что и та и другая системы являлись разновидностью некоей общей категории, а воспользоваться приемом сопоставления, чтобы показать особые черты, присущие каждой из них ³.

Отметим, что такой серьезный, действительно научный подход к столь спорному вопросу, как тоталитаризм, далеко не всегда присутствовал в англоязычной советологии. Чаще сторонники и противники концепции становились на путь взаимных обвинений, среди которых не последнее место занимало утверждение именно о превалировании политики над наукой в работах оппонентов.

В наиболее полном виде неприятие концепции тоталитаризма было выражено С. Коэном в работе «Переосмысливая советский опыт» ⁴. Главу «Советология как призвание» из этой книги часто называют ревизионистским манифестом ⁵. С точки зрения С. Коэна, советология, развивавшаяся как быстрорастущая «противоречивая и энергичная» область американской академической жизни в конце 1940-х – начале 1960-х гг., к началу 1970-х гг. была поражена глубоким кризисом. Советологическая литература стала интеллектуально выдохшейся, она просто повторяла или расширяла основные положения, развиваемые десятилетиями. Он прослеживал влияние холодной войны на формирование «консервативного согласия» в советских исследованиях, выразившегося в подчеркивании линейного развития от российского большевизма к сталинизму и господства тоталитарной концепции. Советология перестала концентрироваться на неизвестном и начала праздновать дос-

¹ Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison. Cambridge; New York, 1997. P. 1–2.

² Там же.

³ Буллок А. Гитлер и Сталин: жизнь великих диктаторов. В 2 т. Смоленск, 2000. Т. 1. С. 14–15.

⁴ Cohen S. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. New York, 1985.

⁵ Fitzpatrick S. Constructing Stalinism: Reflection on Changing Western and Soviet Perspectives on the Stalin Era // The Stalin Phenomenon. London, 1993. P. 82.

тижение того, что стало аксиоматичным. «Если стандартная версия советской истории и политики была неоднократно опубликована к началу 1960-х гг., что оставалось для ярких, амбициозных новичков или для самой профессии?» – задает вопрос С. Коэн. Выход он видел в ревизионистском подходе к советской истории, при котором «советофобия» не будет оказывать преобладающего влияния и советология станет областью конкурирующих взглядов, подходов и интерпретаций, способных дать ответы на сложный, многоцветный советский опыт¹.

Известный американский историк А. Рабинович отмечал в интервью «Беларускаму гістарычнаму часопісу», что ревизионистская теория была создана поколением, на которое влияли интерес к социальной истории, вьетнамская война, возможность работы в Советском Союзе. «Когда появились первые ревизионистские работы, нам стало ясно, что мы не знаем советской истории. История, написанная в Советском Союзе, и советская история, написанная во время “холодной войны” в Соединенных Штатах, – это извращение реальности»². А. Янов также высказывал подобную точку зрения: «Разумеется, советские идеологи пели осанну новому строю, тогда как антикоммунисты возглашают ему анафему, но, в принципе, теоретически между ними нет разногласий: и те и другие убеждены, что вековые образы политического изменения в России неприменимы к изучению советской действительности... Старое поколение советологов, выросшее за четверть века сталинской тоталитарной диктатуры, ожидало после смерти Сталина только новых сталиных»³.

Кроме американских исследователей, в методологическом, теоретическом и организационном оформлении ревизионистского направления участвовали: в Англии – группа историков из Бирмингема во главе с Р. Дэвисом; в Германии – специалисты по социальной и экономической истории Р. Лоренц, Х. Хауман, Г. Мейер и Д. Гайер; в Италии – школа, оформившаяся вокруг Д. Прокаччи во Флоренции (Ф. Бенвенути, Ф. Беттанин, С. Понс).

Сторонники тоталитарной модели подходили к СССР как к закрытой системе, фундаментально отличающейся от западной. Применяя эту модель, они пренебрегали возможностью политических изменений. Ревизионисты, наоборот, видели некоторое подобие в функционировании западных демократий и коммунистических государств. С этой точки зрения было возможно использовать в изучении СССР эмпирические методы и теории, применяемые к западным системам.

Многие исследователи чувствовали себя достаточно некомфортно, полемизируя с тоталитарной концепцией, так как она обеспечивала адекватные термины, описывающие страшные стороны сталинизма. Ученые продолжали использовать модель, поскольку не хотели забывать сталинскую жестокость или снижать степень осуждения насильственной коллективизации и террора.

Однако историки-ревизионисты перенесли критическое восприятие тоталитарной модели и на сталинский период. Основываясь на эмпирическом изучении советской истории, они находили в сталинском режиме не только системность, планирование и механизм властного контроля, но и очевидную импровизацию, стихийность и непоследовательность. Так, Дж. Хаф в значительно переработанном и измененном им издании книги М. Фейнсода «Как Россия управляется» (книга стала называться «Как Советский Союз управляется») постарался сбалансировать описание советской системы 1930-х гг., применив термин «неэффективный тоталитаризм». В 1980-е гг. историки-ревизионисты «второй волны» пошли еще дальше, заявив, что «неэффективный тоталитаризм» вообще перестает быть тоталитаризмом⁴.

Дж. Хаф писал, что, безусловно, советская политическая система стала более авторитарной при Сталине. Но в исследованиях западных авторов количество жертв сталинских «чисток» было чрезвычайно преувеличено, а вывод об «атомизации» советского общества не соответствовал действительности, поскольку советская «мобилизационная» программа была беспрецедентной попыткой интеграции, а не атомизации общества. Тем не менее научная литература продолжает говорить о тоталитарной системе. Это представление должно быть пересмотрено⁵.

Ш. Фицпатрик не дискутировала специально с тоталитарной моделью, однако ее работы в значительной степени способствовали изменению направления «детоталитаризации» с послеста-

¹ *Cohen S. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. New York, 1985. P. 86.*

² *Рабинович А. Меня считали буржуазным фальсификатором // Беларускі гістарычны часопіс. 1998. № 4. С. 29.*

³ Цит. по: *Петров Е.В. Американское руссиеведение. Словарь-справочник. <http://petrov5.tripod.com/welcome.htm>.*

⁴ *Getty A. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938. New York, 1985. P. 198.*

⁵ *Hough J. The Cultural Revolution and Western Understanding of the Soviet System // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington, 1978. P. 246–247.*

линского периода советской истории на время «сталинской революции»¹. Она в первую очередь исследовала влияние сталинской политики на те группы советского общества, которые извлекали пользу из преобразований. В предисловии к сборнику «Культурная революция в России, 1928–1931» Ш. Фицпатрик писала, что авторы не стремятся в очередной раз рассматривать вопросы партийного вторжения в сферу культуры – традиционную тему предыдущих западных исследований. Их интересовали аспекты, связанные с выдвижением рабочих, их вхождением в ряды интеллигенции, заинтересованностью в успешной реализации сталинских планов². Таким образом отвергалась одна из важнейших посылок тоталитарной концепции – полная пассивность общества.

2.2. Критика «концепции непрерывности»

Неприятие тоталитарной модели было лишь одной из задач ревизионистского научного направления. Во многом продолжая советскую линию на десталинизацию конца 1950-х – начала 1960-х гг., западные авторы, прежде всего М. Левин и С. Коэн, писали с симпатией о большевизме и революции, указывая на базовые расхождения ленинского и сталинского периодов советской истории и считая сталинизм отклонением от правильного пути³.

Ревизионисты резко критиковали «теорию непрерывности», которая рассматривала сталинизм как логическое продолжение революции и ленинского этапа советской истории. Сталинизм явился наиболее логичным продолжением ленинизма, его теоретической концепции и политической практики. В основных чертах ленинизм и сталинизм представляли собой единое целое. Так, в сборнике «Преемственность и изменчивость в русском и советском мышлении», выпущенном в Кембридже в 1955 г., Т. Хаммонд писал, что анализ отношений ленинского периода показывает, что, хотя советский авторитаризм достигает крайней формы при Сталине, основа его заложена значительно раньше Лениным. А. Улам, задавая вопрос о том, с помощью какой политической силы Сталин занял господствующее положение в обществе, отмечал, что ответ необходимо искать, прежде всего, в характере большевистской партии в ленинские годы. М. Фейнсод подчеркивал, что Т. Хаммонд и А. Улам приходят к выводу, с которым он полностью согласен: хотя советский тоталитаризм достигает крайней формы при Сталине, его основа была заложена Лениным⁴.

Идея непрерывности, почти идентичности советской истории, не ограничивалась одним периодом времени или одной областью исследования. Она применялась ко всем сторонам жизни советского общества. Авторы исследовали, например, такие проблемы, как культ вождя или массовые репрессии в сталинские годы, и находили им частичное объяснение в ленинских методах политического лидерства и управления партией. Англоязычная литература 1950–1960-х гг. давала огромное количество примеров точки зрения, отмечавшей, что сталинская победа была не победой личности, а триумфом символа, человека, который воплотил и правила ленинизма, и методы их осуществления. А. Мейер писал, что сталинизм может и должен быть определен как образец мышления и действия, прямо вытекающих из ленинизма. Д. Тредголд считал сталинский режим логическим следствием господства однопартийной олигархии, стремившейся строить социализм в стране, которая не была к этому готова. Д. Решетар, находя различия между ленинизмом и сталинизмом достаточно существенными, все-таки отмечал, что они отходят на второй план перед тем, что является общим. Ленин заложил основы, которые были развиты Сталиным и логично завершились «большими чистками», т. е. массовыми репрессиями⁵.

¹ *Fitzpatrick S.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge; New York, 1979; *Fitzpatrick S.* Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1937 // *Slavic Review*. 1979. Vol. 38. Is. 3. P. 377–402; *Cultural Revolution in Russia, 1928–1931*. Bloomington, 1978.

² *Fitzpatrick S.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge; New York, 1979. P. 4.

³ *Cohen S.* Bukharin and the Bolshevik Revolution; A Political Biography, 1888–1938. New York, 1973; *Lewin M.* Lenin's Last Struggle. New York, 1968; *Lewin M.* Political Undercurrents in Soviet Economic Development: Bukharin and the Modern Reformers. Princeton, 1974.

⁴ *Continuity and Change in Russian and Soviet Thought*. Cambridge, 1955. P. 145, 160, 175.

⁵ *Daniels R.* The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, 1960. P. 403; *Meyer A.* Leninism. Cambridge, 1957. P. 282; *Reshetar J.* A Concise History of the Communist Party of the Soviet Union. New York, 1964. P. 217–219; *Treadgold D.* Twentieth Century Russia. Chicago, 1972. P. 276.

Фактором, способствовавшим закреплению теории непрерывности в качестве господствующей в англоязычной историографии, была ее близость к концепции тоталитаризма, остававшейся базовой для западной политической мысли почти в течение 20 лет. Дискуссии, которые возникали при интерпретации советской истории, касались лишь отдельных аспектов, формулировок и не выходили за пределы теории тоталитаризма. В эти годы история и политология были почти едины в англо-американской советологии. В рамках рассматриваемого нами вопроса термины «тоталитаризм» и «сталинизм» для сторонников идеи непрерывности практически слились. Тоталитарная школа поддерживала идею непрерывности в развитии советского общества и внесла свой весомый вклад в поддержку этой идеи в академических кругах Запада. Теоретик тоталитаризма Х. Арндт в 1967 г. оценивала уверенность в неразрывной преемственности советской истории как господствующую тенденцию западного мышления¹. Р. Такер отмечал, что должно было пройти длительное время, прежде чем западные историки пришли к пониманию необходимости анализировать сталинизм не только как следствие ленинизма, но и как самостоятельное явление².

В 1950–1960-е гг. сталинский период в англоязычной историографии рассматривался скорее единым целым, практически не изменявшимся в течение времени, чем феноменом, имевшим собственную эволюцию. 1930-е гг. оценивались как время, когда большевистская, а не только сталинская система достигла зрелости и завершенности. Западные советологи воспринимали официальную доктрину как идеологию всего населения, зачастую не учитывая существенную разницу между официальной пропагандой и реальной жизнью, а процессы в советском обществе объясняли «внутренней тоталитарной логикой». Внимание в первую очередь фокусировалось лишь на некоторых аспектах советской истории – действиях руководства, государственном и партийном аппарате. Всем этим составляющим сталинской системы находились аналогии в предшествующих периодах советской истории. Так, Р. Слассер писал, что принятие тезиса о том, что ленинская политика напрямую привела к сталинской, вызвала у многих западных исследователей иллюзию, что проблема исторических корней сталинизма уже решена и больше не требует серьезного анализа³.

В 1960-е гг. безраздельное господство теории непрерывности стало вызывать критические отклики в среде западных исследователей. Дж. Хаф считал первую половину 1930-х гг. «большим отступлением» (термин Н. Тимашефа). Режим не только преследовал радикальных марксистов, но и отказывался от программ, с которыми они ассоциировались. «Отступление» середины 1930-х гг. было в большей степени связано с отказом от политики периода первой пятилетки, чем от политики 1920-х гг. С его точки зрения, непонимание западной историографией этого «разрыва» между первой и второй пятилетками привело к ошибочной трактовке многих чрезвычайно важных проблем советской истории и стало одной из серьезных причин поддержки тоталитарной модели⁴.

Целый ряд ученых, принадлежащих к англо-американской исторической школе, в той или иной форме отклоняли тезис о непрерывности. Среди них можно назвать Р. Такера, А. Рабиновича, С. Коэна, М. Левина. Эти авторы не соглашались с выводом о безальтернативности развития советского общества, концентрировали внимание в своих исследованиях на переломных моментах в истории СССР и большевистской партии. Они признавали, что элементы преемственности между Октябрьской революцией, ленинизмом и сталинизмом существуют, считали это очевидным, но предлагали не ограничиваться констатацией общего, находить не только сходства, но и различия в разных периодах советской истории. С их точки зрения, самый слабый пункт в концепции непрерывности заключался в неспособности объяснить события, связанные с усилением, а затем и полной победой в послеленинский период именно сталинского направления. Названные авторы утверждали о наличии бухаринской альтернативы сталинизму, согласовавшейся с ленинскими взглядами последних лет жизни.

С точки зрения С. Коэна, вопрос о взаимосвязи большевизма и сталинизма являлся настолько важным для понимания советской истории, что следовало ожидать его серьезного обсуждения в англоязычной историографии. На самом деле в 1940–1960-е гг. дискуссий по этой проблеме прак-

¹ *Arendt H.* Comment on Ulam Adam «The Uses of Revolution» // *Revolutionary Russia*. Cambridge, 1968. P. 345.

² *Tucker R.* Revolution from Above. // *Stalinism: Essays in Historical Interpretation*. New York, 1977. P. 77.

³ *Slusser R.* A Soviet Historian Evaluates Stalin's Role in History // *American Historical Review*. 1972. December. No. 5. P. 1393.

⁴ *Hough J.* The Cultural Revolution and Western Understanding of the Soviet System // *Cultural Revolution in Russia, 1928–1931*. Bloomington, 1978. P. 242, 302.

тически не было, господствовала одна точка зрения. Идея непрерывности развития в значительной степени препятствовала пониманию необходимости изучения сталинизма как феномена с собственной историей, политической динамикой и социальными последствиями.

Непрерывность социального и политического развития объяснялась характером большевистского партийного режима и его агрессией против пассивного общества, ставшего жертвой режима. Взаимодействие партии, государства и общества полностью игнорировалось. Советология практически не уделяла внимания изучению общества, концентрируясь лишь на изучении режима, при характеристике которого термины «тоталитаризм» и «сталинизм» использовались как синонимы. Классическое обобщение такой позиции принадлежало М. Фейнсоду, писавшему о «превращении тоталитарного эмбриона в завершённый тоталитаризм»¹.

Советская история до 1929 г. рассматривалась лишь как прелюдия сталинизма, как процесс становления тоталитаризма. Например, А. Улам считал, что «после своей победы в Октябре коммунистическая партия начала движение к тоталитаризму»². Даже Э. Карр и И. Дойчер, не разделявшие антипатию большинства советологов к большевизму и имевшие собственные взгляды на многие аспекты советской истории, соглашались с идеей непрерывности развития ленинского и сталинского периодов. Э. Карр писал о том, что «Сталин продолжил и развил ленинизм»³. И. Дойчер, несмотря на признание многих «отличий ленинской и сталинских фаз советского режима», считал, что сталинизм «продолжает ленинскую традицию». При этом И. Дойчер отмечал, что определение баланса между общим и противоположным является самой сложной проблемой, с которой сталкиваются исследователи советской истории⁴.

С. Коэн соглашался с тем, что этот вопрос входит в число наиболее сложных проблем исторического анализа и требует внимательного эмпирического изучения. С его точки зрения, сталинизм представлял собой крайность, чрезвычайный экстремизм во всех своих проявлениях. Например, проводилась не просто насильственная политика по отношению к крестьянству, а настоящая гражданская война; не просто репрессии, а террор в форме холокоста; не просто возрождение националистических традиций, а шовинизм; создание не просто культа вождя, а прославление деспота. Западные исследователи, характеризуя различные периоды советской истории, часто употребляли выражение «сталинизм без крайностей». С. Коэн считал, что такое выражение не имеет смысла, поскольку крайности составляли сущность сталинизма и именно они требовали объяснения историков⁵.

Одним из первых среди англоязычных исследователей высказался против теории непрерывности Р. Такер. Он подверг ревизии именно тот аспект, который казался большинству советологов абсолютно ясным и устоявшимся. Р. Такер подчеркивал существенные отличия советской политической системы в 1930-е гг. по сравнению с предшествующими периодами. Большевистская система, на его взгляд, была однопартийной диктатурой с олигархическим руководством в правящей партии. Хотя в 1930-е гг. политическая система сохраняла многие традиционные для большевиков организационные формы, она базировалась не на власти партии, а на власти личности. Был совершен переход от олигархического партийного к автократическому вождистскому режиму. Власть продолжала употреблять привычную терминологию – партия, лидер, террор, марксизм, чистки и т.д., но термины принципиально изменили свое реальное содержание⁶.

Р. Такер интерпретировал сталинскую «вторую революцию» как «поворот к проводимой государством “революции сверху”, направленной, прежде всего, на превращение России в мощную военно-промышленную силу, способную сохранить себя во враждебном международном окружении и насколько возможно расширить свои границы»⁷. Эта цель была связана не только с желанием Сталина, являвшегося автономной политической силой, но и с долговременной традицией репрессивного российского государства. В этом контексте Р. Такер рассматривал русских царей, прежде всего Ивана Грозного и Петра I, как исторических предшественников Сталина и создателей модели

¹ *Fainsod M.* How Russia is Ruled. Rev. ed. Cambridge, 1963. P. 59.

² *Ulam A.* The New Face of Soviet Totalitarianism. Cambridge, 1963. P. 48.

³ *Carr E.* Studies in Revolution. New York, 1964. P. 214.

⁴ *Deutscher I.* Ironies of History. London, 1966. P. 216–218.

⁵ *Cohen S.* Bolshevism and Stalinism // Stalinism: Essays in Historical Interpretation. New York, 1977. P. 12–13.

⁶ *Tucker R.* The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change / Rev. ed. New York, 1971. P. 55–56.

⁷ *Tucker R.* Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941. New York, 1990. P. 14.

автократического, централизованного, бюрократического государства, в котором репрессивная власть контролировала покорное население ¹.

Такой взгляд принципиально расходился с позицией сторонников тоталитарной теории, которые до сего дня подчеркивают приоритет других факторов в становлении сталинизма. Так, М. Малиа в книге «Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991» счел необходимым обратить первостепенное внимание на идеологию и политику, а не на социальные и экономические силы для понимания советского феномена. Он писал, что тоталитарная природа коммунизма не может быть объяснена продолжением традиций российского авторитаризма или восточного деспотизма. Коллективистский характер советского общества не может рассматриваться как продолжение российских общинных отношений. С его точки зрения, очень трудно найти взаимосвязи между старой и новой Россией в проводимой большевиками политике. Зато истоки этой политики легко найти в социалистических идеях ленинской партии ².

Подобную точку зрения в 1990-е гг. подтвердил и Р. Конквест, писавший в работе «Сталин: Разрушитель наций», что весь период сталинского пребывания у власти можно рассматривать как череду попыток привести реальный мир в соответствие с идеологическими фантазиями, а затем, когда это не удавалось, попыток навязать убеждение, что фантастический мир все-таки стал реальностью ³.

Развитие сталинской системы, по оценке Р. Такера, прошло через несколько стадий. 1930-е гг. в свою очередь могут быть разделены на три периода: социальный поворот 1929–1933 гг.; борьба за выбор пути развития в высшем руководстве (междоусобица) 1934–1935 гг.; окончательная победа сталинизма над большевизмом и политическое завершение «революции сверху» 1936–1939 гг. С. Коэн считал, что для общего понимания сталинизма особенно важны 1929–1933 гг., с его точки зрения, замалчиваемые западной историографией. Именно в эти годы сформировались основные черты сталинской системы.

Позицию С. Коэна можно объяснить именно в контексте неприятия им теории непрерывности. Считая сталинизм отрицанием ленинизма, он должен был искать истоки сталинского режима во второй половине 1920-х гг. При таком подходе естественно выделение периода, когда Сталин и его сторонники одержали победу над «правой» бухаринской оппозицией и могли реализовывать свой вариант «построения социализма». То есть можно говорить о том, что, критикуя тоталитарную теорию за превалирующее внимание к политике верхов, С. Коэн использовал именно этот критерий для выделения стадий сталинизма. Подтверждением такой оценки может служить и его характеристика последующих периодов – «междоусобицы» и «политического завершения революции сверху». Однако следует отметить, что для подтверждения своей концепции он использовал и выводы М. Левина, основанные на методах социальной истории. М. Левин через «взгляд снизу» пришел к заключению, что формирование основных черт «зрелого сталинизма» не было результатом реализации большевистской программы. Более того, он считал, что оно не было и результатом заранее продуманного сталинского плана. Многие составляющие сталинизма конца 1930-х гг. просто являлись реакцией сталинского руководства на кризис, вызванный его собственными действиями в 1929–1933 гг.

С точки зрения М. Левина, три фактора были решающими в формировании феномена сталинизма: разрушение социальных структур и их постоянные изменения, связанные с индустриализацией; нестабильность аппарата управления; историко-культурные традиции. Все факторы действовали в одном направлении – укрепления веры во всемогущество государства и его символа – генерального секретаря. Советская бюрократия, новые институты власти и управления на практике действовали в направлении укрепления традиционных российских государственных традиций, таких как этатизм и национализм.

«Предшественники» Сталина, например Иван Грозный, Петр I, Николай I, также разрушали устоявшуюся социальную иерархию и создавали новые элиты. Возглавив новый правящий слой, они устанавливали автократические режимы. Сталин стал высшим бюрократом в течение короткого периода времени, резко сжав и ускорив исторический процесс. Он не удовлетворился ролью одного из элементов, даже очень сильного, в созданной им машине власти. Он занял положение базиса всей системы, человека, на котором держится абсолютно все, отождествляя себя с государством и

¹ Ibid. P. 23.

² Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York, 1994. P. 143.

³ Conquest R. Stalin: Breaker of Nations. New York, 1991. P. 323.

историческим процессом. В тех случаях, когда возникала угроза, даже потенциальная, его месту в системе, он «перетряхивал» весь аппарат управления, включая его высшие уровни. Борясь за сохранение власти, он был готов разрушить созданный им механизм или направить его развитие по пути, далекому от реальных интересов страны¹.

Для М. Левина сталинская модель управления являлась образцом власти, при которой социальная структура подчинялась и подстраивалась под имеющиеся государственные институты и была объектом контроля со стороны аппарата управления, представлявшего собой гибрид старого царского и нового революционного режима. Он отрицательно отнесся к оценке А. Улама, считавшего, что Сталин действовал деспотично и иррационально только в тех сферах, которые находились полностью под его контролем. В этих ситуациях ошибочная и безответственная политика определялась его «большевистским мышлением». Когда он действовал рационально, то это были действия выдающегося политика. А. Улам оценивал Сталина как более важную политическую фигуру, чем Ленин. М. Левин категорически не соглашался с такой трактовкой, считая, что историк не должен использовать абстрактное понятие «большевистское (или коммунистическое) мышление», поскольку большевизм прошел стадии в своем развитии, менялся в зависимости от обстоятельств, и этот термин бессмысленно использовать вне исторического контекста².

Позицию М. Левина, считавшего сталинизм «не столько прямым результатом большевизма, сколько автономным и параллельным феноменом, и в то же время могильщиком большевизма», поддерживал и Р. Дэниелс, писавший, что сталинский режим очень недолго представлял то движение, которое взяло власть в 1917 г.³ Дж. Томпсон считал, что сталинизм эволюционировал в результате взаимодействия четырех элементов: авторитарных черт, присущих политической культуре царизма и ленинского большевизма; форсированной индустриализации и урбанизации; пассивности и низкого культурного уровня традиционного крестьянского общества; ментальности и заблуждений самого Сталина⁴.

А. Ноув приводил свою систему анализа соотношения ленинизма и сталинизма и доказательств того, что обстоятельства времени требовали сильного лидера и толкали политику в направлении «первоначального социалистического накопления», но при этом не оправдывал крайности сталинизма. Он также предложил определение «крайние крайности»: насильственная политика имела собственную логику и на практике реализовывалась со значительно большей жестокостью, чем это было действительно необходимо. А. Ноув называл эту ситуацию сталинщиной и подчеркивал, что, в отличие от сталинизма, для нее не было объективных объяснений. Сталинизм же он объяснял реальными обстоятельствами и писал, что легче представить Сталина, проводящего другую политику, чем ситуацию, в которой на посту лидера оказался бы не Сталин, а кто-либо другой из большевистского руководства. При этом А. Ноув подчеркивал, что даже если бы кто-нибудь из них оказался на этом посту, он вынужден был бы проводить политику, подобную сталинской. Уникальность сталинщины для А. Ноува заключалась в масштабе репрессий и в том, что они были направлены против своих (своих в двух смыслах – советских граждан и членов партии)⁵.

«Завершенный» сталинизм со всеми его крайностями не был обязателен, но возможность сталинизма была предопределена попыткой небольшой группы захватить и удержать власть, осуществить социально-экономическую революцию быстрыми темпами. В таких условиях некоторые элементы сталинизма были практически неизбежны. Варианты выбора на практике ограничиваются не только физической возможностью, но и идеологическими принципами. В Советской России 1920-х гг. со многими вариантами решения стоящих перед страной проблем коммунисты, находящиеся у власти, не могли согласиться только потому, что они были коммунистами. Коммунистам нужна была диктаторская власть, если они хотели продолжать управлять страной. Если они хотели проводить индустриализацию, они сталкивались с рядом проблем, которые для своего разрешения требовали еще большего ужесточения политического и экономического контроля. Принимая во внимание характер партийного аппарата, ментальность и уровень политического развития российского населения, логику политической власти, А. Ноув считал, что следует признать определенные элементы той политики,

¹ Lewin M. The Social Background of Stalinism // Stalinism: Essays in Historical Interpretation. New York, 1977. P. 130–131.

² Lewin M. Stalinism – Appraised and Reappraised // History. 1975. Vol. 60. Is. 198. P. 73.

³ Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985. P. 9.

⁴ Thompson J. A Vision Unfulfilled: Russia and the Soviet Union in the Twentieth Century. Lexington, 1996. P. 319.

⁵ Цит. по: Nove A. Stalin and Stalinism – Some Afterthoughts // Stalin Phenomenon. London, 1993. P. 204.

которая получила название «сталинизм», необходимыми. В этом смысле Сталин действовал как продолжатель ленинского курса. Такой вывод не служит оправданием или осуждением действий Сталина, это лишь признание того, что сталинизм был во многом предопределен сложившимися обстоятельствами¹.

Подобную точку зрения высказывал и Р. Петибридж. В работе «Социальная прелюдия сталинизма», сравнивая Ленина и Сталина, он приходит к выводу, что действия обоих были ограничены реальными политическими и экономическими обстоятельствами. Но если Ленин во многих случаях стремился бороться против их негативного влияния, то Сталин цинично манипулировал ими для достижения своих целей².

Однако некоторые англоязычные исследователи находили возможным оправдать действия Сталина в сложившейся ситуации. Серьезный резонанс вызвала публикация Т. фон Лауэ «Сталин между моральными и политическими императивами, или Можно ли судить Сталина?». Он считал, что, подвергая суду других, мы всегда судим и себя. Оценивая Сталина, мы оцениваем собственную способность понять наше время, нашу страну и нашу способность предотвратить повторение сталинизма. Т. фон Лауэ спрашивал: «Какое право имеют американцы оценивать действия граждан российской империи во времена общественного хаоса и кризиса? Американцы всегда относятся к другим нациям и обществам так, как будто те имеют такой же исторический опыт и придерживаются тех же ценностей. Однако сталинизм формировался совершенно в других условиях, наши знания о которых остаются неполными и неточными»³. Похожие взгляды были и у М. Малиа, по мнению которого Россия в XX в. – страна, не похожая ни на какую другую, а западноевропейцы, берясь судить о русской и советской истории, говорили о ней лишь с позиций своих надежд или страхов в отношении собственных обществ⁴. С. Коэн также считал, что «лучше оставить право моральной оценки советской истории советским исследователям. Ее трагедии и достижения, как и обязанность оценивать, – их, а не наши»⁵.

Далее Т. фон Лауэ отмечал ряд объективных сложностей, в которых оказалось советское государство, и делал вывод, что сталинский вариант ответа на эти проблемы был наиболее адекватен российским традициям и менталитету российских граждан. Исследователь признавал правоту знаменитой фразы Р. Конквеста о том, что сталинизм в такой же мере можно считать методом достижения индустриализации, как каннибализм – формой получения пищи, богатой протеином. Но он считал, что среди всех лидеров большевиков именно Сталин был наиболее близок русскому народу. «Организационный и моральный фундамент для сталинизма был подготовлен сложившимися обстоятельствами, и у Сталина хватило мужества и цинизма в полной мере воспользоваться этим». Сталинская революция была более значима, писал Т. фон Лауэ, чем ленинская, поскольку Ленин имел дело с идеями, а Сталин с реальными людьми. Реальной предысторией пятилеток и коллективизации были не 1920-е г., а российская история со времен татарского нашествия⁶.

Статья Т. фон Лауэ, опубликованная в 1981 г. в журнале «Советский Союз», вызвала возражения со стороны многих известных англо-американских исследователей. А. Мейер категорически не соглашался с тем, что достигнутая советская мощь может оправдывать сталинскую тиранию. Он не считал революционный, а тем более сталинский вариант развития единственно возможным и признавал наличие небольшевистских путей выхода из российской отсталости⁷. С его точки зрения, исследователь должен в первую очередь симпатизировать жертвам, а не творцам истории. Ф. Баргхорн также отмечал, что сталинизм, отрицавший свободу, был скорее продуманной формой укрепления и сохранения власти правящего слоя, чем неизбежностью российского исторического развития. Он не разделял отношения Т. фон Лауэ к Сталину и другим большевикам как к «патриотам России». Ф. Баргхорн писал, что это был странный патриотизм, если он требовал смерти мил-

¹ Цит. по: Nove A. Was Stalin Really Necessary? // Stalin and Stalinism. New York, 1992. P. 309–312.

² Pethybridge R. The Social Prelude to Stalinism. New York, 1974.

³ Laue von T. Stalin Among Moral and Political Imperatives, or How to Judge Stalin? // Soviet Union. 1981. Vol. 8. Pt. 1. P. 1–3.

⁴ Малиа М. Советская история // Отечественная история. 1999. № 3. С. 134.

⁵ Cohen S. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. New York, 1985. P. 34.

⁶ Laue von T. Stalin Among Moral and Political Imperatives, or How to Judge Stalin? // Soviet Union. 1981. Vol. 8. Pt. 1. P. 12.

⁷ Meyer A. On Greatness // Soviet Union. 1981. Vol. 8. Pt. 1. P. 254–255.

лионов советских граждан¹. Но для Т. фон Лауэ, как он отметил в заключительной статье дискуссии, все эти аргументы звучали лишь как продолжение традиции вестернизации и американизации российских реалий.

Т. фон Лауэ оправдывал сталинизм не из симпатии к нему, а скорее из желания «поставить на место» англо-американское научное сообщество, подчеркивая в одной из последующих статей, что, как эмигрант, он видит серьезную опасность в американском отношении к сталинизму и Советскому Союзу². Нужно отметить, что Г. Киссинджер был безусловно прав, когда говорил о «неистощимом мазохизме американских интеллектуалов»³. Так, Т. фон Лауэ в заключение дискуссии 1981 г. даже заявил о связи между научной оценкой сталинизма и гонкой ядерных вооружений. В. Лакер вернулся к оценке позиции Т. фон Лауэ в 1991 г. в книге «Сталин: открытия гласности». Он писал, что отношение к осуждению Сталина как к «моральному империализму» (формулировка Т. фон Лауэ) можно встретить только среди неосталинистов⁴.

В своей интерпретации сталинизма ревизионисты использовали также многие положения известных антисталинистов, стоящих на марксистских позициях, прежде всего Л. Троцкого и М. Джиласа. Наибольшее внимание в англоязычной советологии привлек вывод Троцкого о формировании в сталинском Советском Союзе «нового класса», под которым подразумевалась бюрократия. Практически все авторы признавали наличие в советском обществе привилегированного правящего слоя, возникшего в годы сталинского правления, но выражали сомнение в правильности употребления термина «класс» по отношению к этой группе. Т. Ригби и С. Коэн, например, предпочитали термин «сословие», А. Эрлих – «страта»⁵. Такая позиция принципиально отличалась от взгляда Э. Карра, считавшего, что правящей группой в советском обществе был не класс, а партия⁶. А с точки зрения А. Ноува, Сталин не только не выражал интересы бюрократической элиты, но боялся ее консолидации и поэтому проводил безжалостные чистки⁷.

Таким образом, в центре внимания историков оказывался более широкий круг вопросов, чем тот, который интересовал сторонников тоталитарной теории. Например, западные исследователи стали уделять серьезное внимание вопросам модернизации Советского Союза. В предшествующие годы теория модернизации зачастую отвергалась теоретиками тоталитаризма, во-первых, как потенциально конкурирующая парадигма и, во-вторых, из-за ее вывода о том, что Советский Союз не во всех случаях следует рассматривать как уникальное явление.

Влияние этой концепции заметно в работах Б. Мура, А. Инкелеса, З. Бжезинского и С. Хантингтона⁸. Авторы, прежде всего, подчеркивали общее влияние индустриализации и модернизации на общество и ее воздействие на социальную и политическую мобильность. Сторонники теории модернизации считали, что историко-культурные и идеологические факторы постепенно теряют свое значение по мере индустриально-технического развития. С их точки зрения, собственная политика режима, направленная на урбанизацию и индустриализацию, заставляет советских лидеров отходить от «социальной утопии» и принимать во внимание реальные интересы и требования общества⁹. Таким образом, концепция модернизации вступала в противоречие с попытками объяснить динамику советского общества лишь идеологическими мотивами, которые были чрезвычайно важны для тоталитарной теории.

Динамизм развития в значительной степени был связан, по мнению исследователей, с насильственными сторонами советской системы. А. Даллин и Дж. Бреслауэр отмечали, что коммунистические режимы характеризуются обширными программами преобразований, когда глубокие изме-

¹ *Barghoorn F.* 'Understanding' Stalin – or Critically Judging Him? // *Soviet Union*. 1981. Vol. 8. Pt. 1. P. 265.

² *Laue von T.* Stalin in Focus // *Slavic Review*. 1983. Vol. 42. Is. 3. P. 373–389.

³ *Kissinger H.* White House Years. Boston; New York, 1979. P. 112.

⁴ *Laqueur W.* Stalin: The Glasnost Revelations. New York, 1990. P. 234.

⁵ *Rigby T.H.* Stalinism and the Mono-organizational Society // *Stalinism: Essays in Historical Interpretation*. New York, 1977. P. 65; *Cohen S.* Bolshevism and Stalinism // *Ibid.* P. 27; *Erllich A.* Stalinism and Marxian Growth Models // *Ibid.* P. 153.

⁶ *Carr E.* The October Revolution: Before and After. New York, 1969. P. 91.

⁷ *Nove A.* Stalinism and After. London, 1975. P. 60.

⁸ *Moore B.* Terror and Progress USSR: Some Sources of Change and Stability in the Soviet Dictatorship. Cambridge, 1954; *Inkeles A.* Models and Issues in the Analysis of Soviet Society // *Survey*. 1966. No. 60. P. 3–17; *Brzezinski Z., Huntington S.* Political Power, USA/USSR. New York, 1965.

⁹ *Lowenthal R.* Developments vs. Utopia in Communist Policy // *Change in Communist Policy*. Stanford, 1970. P. 108–116.

нения совершаются в короткий период времени. При этом революционный строй стремился использовать насилие для консолидации власти, уничтожая реальных и потенциальных врагов. Даже если режим приходил к власти, опираясь на поддержку населения, он мог не иметь серьезной альтернативы использованию террора, поскольку не владел средствами адекватного материального стимулирования масс. Более того, материальные стимулы могли быть идеологически неприемлемы для коммунистической элиты, особенно на ранней стадии становления режима. Режим также не мог быстро создать необходимое законодательное обоснование власти ¹.

На более поздней стадии систематический террор стал доминирующей чертой советской системы – страх превратился в организующий принцип «мобилизационного развития». Термин «мобилизационная система» использовался рядом авторов, например Л. Шапиро, вместо «тоталитарной системы» для характеристики стремления государства установить контроль над всеми человеческими и экономическими ресурсами общества и направить их на достижение единственной доминирующей цели ². Элита, проводящая эти изменения, ожидала растущего сопротивления и отчуждения части общества и идентифицировала определенные слои как требующие упреждающего давления, угроз или устранения.

Но этот процесс имел тенденцию к собственной динамике и стал поглощать целые социальные группы, уничтожать любую автономию в обществе, распространившись и на сторонников режима. Когда террор перестал выполнять функции контроля и стимулятора изменений и превратился в непродуктивный инструмент политики, это означало, что система вышла за пределы мобилизационной стадии.

Для режима, достигшего успехов в индустриализации и собственной легитимизации, стали характерными три тенденции: 1) большая опора на материальные стимулы; 2) снижение роли террора, рассматривавшегося элитой как нефункциональный метод, и 3) растущая бюрократизация и опора на административно-бюрократические процедуры. А. Даллин и Дж. Бреслауэр называли подобный переход «революцией растущих ожиданий» ³.

Выводы теории модернизации, социологической по своей сущности, широко использовались в историко-экономических и исторических работах. Однако следует отметить, что само понятие «модернизация» имело достаточно разные толкования. Е. Петров справедливо отмечал, что в значительной по объему специальной и еще более обширной неспециальной литературе мы не найдем двух одинаковых его расшифровок ⁴. Для некоторых авторов (У. Ростоу) «модернизация» связывается преимущественно с экономическим развитием, для других (М. Леви, С. Эйзенштадт и др.) – с социально-политическим, у третьих (Т. Парсонс, Н. Сменсер, Р. Бендикс, Д. Эптер, С. Блэк) она вмещает совокупность экономических, социальных и политических изменений в обществе. У одних авторов (Р. Уорд, Р. Макридис, Дж. Неттл, Р. Робенсон) «модернизация» – специфическое явление, вызванное необходимостью подтягивания не западных стран до западного уровня, у других (М. Леви, С. Эйзенштадт) – это общеисторическое явление, определенная стадия или даже целая эпоха в развитии всех стран, включая западноевропейские.

Возникновение теории модернизации лишь частично было связано с советской историей. Прежде всего, она явилась отражением процессов, происходивших в государствах третьего мира. Антиколониальное движение привело к возникновению целого ряда новых государств, которые столкнулись с проблемами экономической отсталости, крайне низкого жизненного уровня населения, слабостью политических институтов. Развитие чрезвычайно отсталых регионов стало одной из наиболее драматических проблем мирового сообщества и привлекло внимание исследователей.

Тема отставания в развитии, точнее стартового (первоначального) отставания, и его преодоления впервые в советологии была проанализирована в сборнике «Трансформация русского общества: Аспекты социальных изменений с 1861 г.», составленном на основании материалов конференции, прошедшей в Нью-Йорке в апреле 1958 г. ⁵ Участники форума, среди которых были экономисты, социологи, экономические историки, предложили новый взгляд на проблему советского развития, которое рассматривалось в контексте общемировых тенденций, а не в противопоставлении им,

¹ *Dallin A., Breslauer G. Political Terror in Communist Systems. Stanford, 1970. P. 5.*

² *Schapiro L. Totalitarianism. New York, 1972. P. 111.*

³ *Dallin A., Breslauer G. Political Terror in Communist Systems. Stanford, 1970. P. 8.*

⁴ *Петров Е. В. Американское россиеведение. Словарь-справочник. [http:// petrov5. tripod.com/welcome.htm](http://petrov5.tripod.com/welcome.htm).*

⁵ *The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861. Cambridge, 1960.*

как это было характерно для тоталитарной школы. Основное внимание было уделено модернизации страны, понимаемой как процесс перехода от аграрного к индустриальному обществу, базирующийся на значительном углублении человеческих знаний. Впервые, сравнивая Советский Союз с некоммунистическими странами, исследователи подчеркивали не только различия, но и общие черты. Например, рассмотрение истории индустриализации в России не ограничивалось сталинским периодом. Она анализировалась как процесс, начатый в конце XIX в. и продолженный большевиками.

С точки зрения А. Гершенкрона, сталинская политика должна была рассматриваться, прежде всего, как реакция на экономическую отсталость страны и продолжение курса на «вестернизацию», начатого реформами С. Витте. Подобный взгляд был поддержан также Т. фон Лауэ, К. Блэком, У. Росту¹. Хотя предложенные аргументы были достаточно схематичны, заявленная позиция представляла интерес в качестве нового аспекта советологии. Сталинская политика рассматривалась в большей степени как ответ на реальные нужды страны, чем продолжение идеологической концепции, предложенной Лениным. Например, А. Органски писал, что он предпочитает использовать термин «сталинизм», а не «коммунизм» при описании периода индустриализации². При этом сталинские методы не оправдывались, более того, подчеркивались архаизм и жестокость многих мероприятий, превалирование насильственных методов решения сложных проблем. Действия советского руководства, с точки зрения многих авторов, далеко не всегда были адекватны сложившейся ситуации.

В середине 1960-х гг. внимание специалистов привлекли статьи, а затем и монография А. Ноува, рассматривавшего вопрос о «необходимости» Сталина для советского развития. То, что может быть названо сталинизмом, писал он в работе «Экономическая рациональность и советская политика: Был ли Сталин реально необходим?», являлось продуктом индустриализации, а точнее, решения об ускоренном развитии тяжелой промышленности. Поскольку это решение было непопулярным, для его реализации необходимо было применять социальное принуждение. Отсюда возникала и неизбежность полумилитаризованной партии и диктатора³. В своих более поздних работах А. Ноув вновь отстаивал данную точку зрения. Например, в опубликованной в середине 1970-х гг. монографии «Сталинизм и после» он писал, что относиться к Сталину просто как к человеку, одержимому жаждой власти, было бы неполной правдой. Реальной причиной формирования сталинского режима была проблема индустриализации, уходящая своими корнями во время царей, войн и революций⁴. А. Ноув открыто не оправдывал Сталина, но был достаточно близок к этому.

Другой точки зрения придерживался американский историк и экономист А. Эрлих. Он впервые в англоязычной историографии проанализировал внутрипартийную борьбу 1920-х гг. не только как борьбу за власть между «наследниками Ленина», но и как «дебаты об индустриализации». А. Эрлих пришел к выводу, что сталинский выбор стратегии развития страны в 1928–1929 гг. был обусловлен как политическими, так и экономическими причинами, которые следует рассматривать только в комплексе. Альтернативы, отвергнутые Сталиным, по мнению А. Эрлиха, могли принести Советскому Союзу лучшие результаты и потребовали бы меньших человеческих и материальных затрат⁵. Этот вывод во многом предопределил направление дальнейших дискуссий о советской индустриализации и сталинской стратегии модернизации в западной историографии.

Но теория модернизации поддерживалась далеко не всеми советологами. Так, австралийский исследователь Г. Джилл выразил несогласие с вариантом объяснения истоков сталинизма, основанном на тезисе об отсталости России, стремлении большевиков как можно быстрее индустриализовать страну и неизбежности генезиса диктаторского режима. Он соглашался с тем, что цели большевиков в сочетании с социально-экономическими условиями, в которых оказался новый режим, делали насильственную диктатуру возможной. Однако это не означало, что сталинизм был неизбежен. Политические деятели имели возможность выбора, они не были жестко связаны системой ценностей или

¹ The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861. Cambridge, 1960. P. 223–225, 669; *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962. P. 28–29; *Rostow W.* The Stages of Economic Growth. Cambridge, 1960. P. 66.

² *Organski A.* Stages of Political Development. New York, 1975. P. 94.

³ *Nove A.* Economic Rationality and Soviet Politics: Or, Was Stalin Really Necessary? New York, 1964.

⁴ *Nove A.* Stalinism and After. London, 1975. P. 29.

⁵ *Erich A.* The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928. Cambridge, 1960. P. 164–187.

институтов, которые обязывали идти только по сталинскому пути¹. Традиционная русская культура могла способствовать выбору этого варианта, как подчеркивали, например, М. Левин и Р. Такер², но не делала его единственно возможным. Марксизм в ленинской интерпретации, конечно, имел внутреннюю связь и много общего со сталинизмом, но также давал возможность разных вариантов развития и не вел автоматически к сталинизму.

Российская отсталость и большевистская идеология были факторами, способствовавшими возникновению сталинизма, но не являлись решающими. Наибольшее значение для генезиса сталинизма, по мнению Г. Джилла, имело принятие решений о «революции сверху» и терроре. Это не означало, что советские лидеры, принимавшие данные решения, таким образом сознательно устанавливали сталинскую систему, это не было их целью. Также нельзя считать, что какое-либо одно решение привело к курсу на «революцию сверху» и террору. В обоих случаях события были результатом ряда решений, приоритетность которых все еще вызывает споры в академическом сообществе. Но самым важным является то, что эти решения и события не были продолжением ранней стадии советского развития, они означали резкий разрыв с ней, осуществленный по воле советского политического руководства. Таким образом, сталинизм нельзя рассматривать как неизбежный результат революции 1917 г. и ленинской (большевистской) идеологии. И революция, и большевизм несли в себе черты, как проявившиеся потом в сталинизме, так и отвергнутые им. Именно политические решения оказались первостепенно важными для генезиса сталинской системы. Принятие этих решений было связано как с персональным сталинским влиянием, так и с наличием определенных социальных сил, заинтересованных в них³.

Признавая, что как феномен сталинизм не поддается легкой категоризации, Г. Джилл, используя аналогию с выделением черт «тоталитарного синдрома» К. Фридрихом и З. Бжезинским, предпринял попытку выделить характерные черты «сталинского синдрома». К числу важнейших признаков сталинизма он отнес: 1) формально высокоцентрализованную, направляемую экономическую систему, характеризующуюся массовой мобилизацией и приоритетным развитием тяжелой индустрии; 2) социальную структуру, первоначально характеризующуюся высоким уровнем социальной мобильности, приводящей бывшие низшие классы на властные и привилегированные позиции, а затем закрепляющую результаты структурализации в рангах, статусах и иерархии; 3) политическую мотивированность сфер культуры и интеллектуального труда, определяемую целями и интересами высшего руководства; 4) личную диктатуру, базирующуюся на терроре, при которой политические институты являются не более, чем инструментами диктатора; 5) политизированность всех сфер жизни, которые таким образом становятся областью государственных интересов; 6) слабо структурированную систему местной власти, возникшую в результате сочетания концентрации власти в центре и его неспособности осуществлять контроль; 7) вытеснение первоначальных революционных тенденций консервативной ориентацией, направленной на сохранение существующего положения⁴.

Ревизионистский подход предполагал использование методов и концепций, заимствованных из других дисциплин, и был основан на номотетической методологии, предполагавшей наличие внутренних закономерностей развития, применении дедуктивно-гипотетического метода для анализа скрытых процессов, происходивших в СССР. Таким образом был сделан важный шаг, приближающий советологию к современному пониманию истории как научной дисциплины, использующей не только специфические, но и общенаучные методы исследования.

2.3. Структурно-функциональные модели

С течением времени Советский Союз становился для англоязычной советологии понятным в традиционных для западной историографии категориях. Национализм, геополитическое положение, попытки преодолеть отсталость, авторитарная политическая культура – комбинация этих взглядов

¹ Gill G. Stalinism. N. J., 1990. P. 26.

² Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985; Tucker R. The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change / rev. ed. New York, 1971.

³ Gill G. Stalinism. N. J., 1990. P. 59, 62–63, 69.

⁴ Gill G. Stalinism. N. J., 1990. P. 57–58.

стала более важной для аналитиков, чем тоталитарная модель. Многие в этих объяснениях не исключало того, что в определенном смысле СССР являлся тоталитарным государством. Однако его тоталитарные характеристики стали оцениваться как динамичные и исторически специфичные.

Характеризуя сталинизм как систему, «ревизионисты» учитывали последовательность формирования и меняющееся содержание входящих в него частей. Завершенный вариант сталинизма, включавший экономическую, социальную, культурную и политическую составляющие, по мнению большинства исследователей, был создан к концу 1930-х гг.

Сталинская экономическая система была сформирована в начале 1930-х гг., и до 1953 г. структурные изменения в ней были минимальными. Экономическая структура, работающая на основе директивных принципов, стала инструментом для достижения политических целей. Это нашло свое отражение в приоритете, отдаваемом развитию тяжелой индустрии и военно-промышленного комплекса в целом. На нужды и требования потребителей обращалось мало внимания, постоянно ощущался дефицит потребительских товаров. Развитие экономики было скорее экстенсивным, чем интенсивным, и требовало возрастающего притока трудовых ресурсов и массовых мобилизаций.

Главной чертой социальной составляющей сталинизма в 1930-е гг. был очень высокий уровень социальной мобильности, вызванной «революцией сверху» и террором. Во всех сферах общественной жизни члены традиционно низших классов выдвинулись на властные позиции. Это стало кульминацией революции 1917 г., сломавшей классовую структуру, основанную на наследовании. Новая социальная структура не была эгалитарной, значительная часть нового правящего слоя получила привилегии, но и для широких масс, вовлеченных в общественные изменения, революция означала шаг к реализации мечты о более комфортабельной жизни.

Культурная составляющая сталинизма в 1930-е гг. претерпела значительные изменения по сравнению с ранними стадиями советской истории. Первоначально культурная революция поддерживала эгалитаризм и доминирование пролетарских ценностей, но затем произошел переход к более консервативной ориентации в сфере культуры. Центр внимания переместился от «маленького человека» к лидерам во всех сферах жизни. Место эгалитаризма в качестве позитивных ценностей заняли ранги, статус, иерархия. Возможно, наиболее серьезным проявлением консервативного направления стала легитимизация русского национализма, пришедшая на смену интернационализму первых послереволюционных лет. Возрождение национальных ценностей сопровождалось как прославлением русского прошлого, так и отходом от идеи «мировой революции» и обоснованием необходимости укрепления СССР.

Политическая система сталинизма в полном варианте оформилась к концу 1930-х гг. после периода террора. Одной из ее важнейших черт стала персональная диктатура Сталина, который мог решать все, что он хотел, невзирая на взгляды других лидеров. Это не означало, что Сталин решал все, но право решать то, что он считал нужным, всегда сохранялось за ним. Сталин стал важнейшей силой внутри системы, направление политики, ее приоритеты и методы действия были построены в соответствии с его волей. Средством, с помощью которого создавались такие условия, был террор или угроза его применения. Террор стал инструментом управления. В таких обстоятельствах личные черты лидера были чрезвычайно важны для системы в целом. Деспотизм действий Сталина, не желавшего признавать ничего, что казалось опасным для его власти, основывался на сочетании уверенности и подозрительности, ставшем доминирующим элементом его стиля руководства.

Результатом установления личной диктатуры, базирующейся на терроре, стала крайняя слабость всех политических институтов. Они были неспособны действовать независимо на советской политической сцене, не могли структурировать собственные внутренние операции и всегда были объектом для вмешательства и контроля со стороны лидера. Так же как высшие политические органы не могли контролировать Сталина на вершине власти, местные политические органы были неспособны контролировать местных политических лидеров.

Наряду с культом высшего руководителя в стране существовала система «культиков» местного руководства. Ряд авторов, ставших в 1980-е гг. лидерами «ревизионизма второй волны», считали, что это позволяет сделать вывод о слабости и эпизодичности контроля со стороны центральных органов и, следовательно, ошибочности признанной англо-американской советологией высокоцентрализованной модели сталинской политической системы. С нашей точки зрения, такой вывод может быть в данном случае оспорен, поскольку слабость местных органов власти могла вполне устраивать центр, которому значительно проще было влиять на местных политических лидеров, чем на политические органы. Система страха в сочетании с привилегиями делала лидеров легко управляемыми, а слабость

местных политических институтов, их подконтрольность местным «вождям» позволяла легко проводить через них любые решения.

Спектр концепций, пришедших на смену тоталитарной модели, был достаточно широк. Это и структурализм, и бихевиоризм, и ряд холистских моделей, объяснявших политические процессы через действия социальных сил и политических институтов, конфликты и борьбу между ними. Ревизионистская историография не была монолитной, острые споры об уникальности советской системы, возможности ее сравнения с «обычными» западными политическими структурами шли в течение десятилетий и продолжают до сего дня.

Новой моделью анализа советской политической системы стала «конфликтная модель»¹. Она не была статичной, т.е. не предполагала, что система будет неизменной в течение длительного времени, и подчеркивала, что власть внутри советского руководства была постоянным объектом борьбы. В рамках подобного подхода была переработана и переиздана книга М. Фейнсода «Как Россия управляется» – одна из самых известных работ о сталинском Советском Союзе, доминировавшая в советологии более десятилетия. Это авторитетное исследование, основанное на исторической базе, ориентировалось на тоталитарную модель, хотя и не принижало проявление разногласий и различий в Советском Союзе. Дж. Хаф добавил в переработанный вариант текста М. Фейнсода такие темы, как фракционные конфликты, политические дебаты, плюралистические тенденции в советском обществе. Он объяснял эти изменения тем, что «в трудах, исследующих западную политическую систему, внимание концентрируется на политическом процессе, и серьезное исследование Советского Союза требует постановки таких же вопросов»².

Сторонники «конфликтной модели» поддерживали вывод о системе, в которой решения принимались «сверху вниз», но в которой конфликты между соподчиненными структурами были терпимы или даже поощрялись. Г. Скиллинг, один из самых последовательных сторонников такого подхода, писал: «Идея, что “группы интересов” могут играть серьезную роль в коммунистической системе, до недавнего времени не находила поддержки среди ученых, изучавших Советский Союз. Уникальность тоталитарной системы по определению исключала любую сферу автономного поведения какой-либо группы, кроме государства или партии»³.

Первой серьезной попыткой обоснования внешних проявлений советской политической системы с помощью анализа ее внутренней структуры была работа Ф. Баргхорна «Политика в СССР»⁴. Хотя главное внимание концентрировалось на вершине властной пирамиды, а не на политической системе в целом, подобный анализ конфликтующих групп был ранее невозможен ни в ортодоксальных исследованиях советских ученых, ни в ортодоксальных работах западных сторонников тоталитарной школы.

Впечатляющим образцом исследования взаимовлияния идеологических и исторических составляющих в формировании советской политической, экономической и общественной системы была работа Б. Мура «Советская политика». В ней, а затем и в книге «Террор или прогресс» аргументировался вывод о том, что под влиянием исторической реальности в СССР сформировалась общественная система, во многом отличавшаяся от прогнозов коммунистической теории и идеологии. На историческом фундаменте базировались и опубликованные в 1950-х – начале 1960-х гг. труды А. Улама, Дж. Хазарда, Дж. Армстронга⁵.

Хотя социологические и антропологические теории имели определенное влияние на работы Б. Мура, до публикации «Политической системы» Д. Истона, «Процесса принятия решений» Х. Лассвела и «Сравниваемых политических систем» Г. Алмонда системно-функциональные концепции мало использовались при изучении коммунистических систем⁶. Д. Лейн считал, что в начале 1970-х гг. изучение роли классов, национальностей, «групп влияния» в политическом процессе занимало маргинальное положение в советских исследованиях. Он связывал это с негативным влия-

¹ *Linden R. Khrushchev and the Soviet Leadership, 1957–1965. Baltimore, 1966; Kelley D. Toward a Model of Soviet Decision-Making // American Political Science Review. 1974. Vol. 68 (December).*

² *Hough J., Fainsod M. How the Soviet Union is Governed. Cambridge, 1979. P. VII.*

³ *Skilling H. Interest Groups and Communist Politics // World Politics. 1966. Vol. 18. Is. 3. P. 435.*

⁴ *Barghoorn F. Politics in the USSR. Boston, 1966.*

⁵ *Hazard J. The Soviet System of Government. Chicago, 1957; Armstrong J. Ideology, Politics and Government in the Soviet Union. New York, 1962; Ulam A. The New Face of Soviet Totalitarianism. Cambridge, 1963.*

⁶ *Easton D. The Political System. Chicago, 1953; Lasswell H. The Decision Process. Bureau of Governmental Research, 1956; Almond G. Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956. Vol. 18. Is. 3. P. 391–409.*

нием «кремленологии», рассматривавшей лишь результаты деятельности политических лидеров и институтов¹. В работе «Политика и общество в СССР» Д. Лейн обосновывал системно-функциональный подход к изучению советских политических институтов стремлением интегрировать результаты западных исследований, использовавших социологические методы².

Работы, в которых использовался структурно-функциональный подход, позволили рассмотреть взаимосвязь между политическими институтами и процессом принятия решений как более сложное и многогранное явление, чем оно представлялось в ранних советологических исследованиях. Общество стало рассматриваться не только как «управляемое», но и оказывающее влияние на государственные и партийные институты. Политический процесс анализировался более детально, через отдельные фазы, такие как постановка задач, принятие решений, их выполнение и оценка результатов.

Также усилилось внимание исследователей к оценке роли и места технократической бюрократии в советском обществе. Так, А. Мейер описывал СССР как «огромную бюрократическую машину, сравнимую по структуре и функциям с гигантскими корпорациями, армиями и подобными организациями»³. Система объединялась общими целями, направлялась и контролировалась из единого центра. Такая точка зрения была близка к позициям тех авторов, которые рассматривали Советский Союз как «управляемое общество», «командную систему». Например, А. Кассоф отмечал наличие сильной правящей группы, обладающей монополией на знания, необходимые для планирования и координации деятельности системы⁴. Т. Ригби подчеркивал наличие одной группы (партия и ее лидер), которая осуществляла контролирующую функцию, в то время как остальная система покорно и точно выполняла намеченные планы⁵. Дж. Армстронг также писал об иерархическом управлении, но считал, что структура не полностью однообразна и жестка, поскольку сказываются как факторы личных отношений, так и недостаточно эффективные коммуникационные связи⁶.

Следует отметить, что среди исследователей не было единого взгляда на то, какие слои партийной, государственной, военной, промышленной, научной бюрократии могут быть отнесены к правящей страте. Более того, часть исследователей считала, что было бы ошибкой говорить о единстве интересов советской элиты. Так, с точки зрения Ф. Баргхорна, «факты свидетельствовали, что разногласия, конфликты и внутренняя политическая борьба могут играть в однопартийных системах большую (хотя и скрытую) роль, чем в демократических странах»⁷.

Подобные взгляды в сочетании с отрицательным отношением к тоталитарной парадигме вели к стремлению исследователей использовать плюралистические теории, прежде всего такие, как модели «групп интересов» и корпоратизма. Модель «групп интересов» первоначально использовалась при изучении американской политической системы, а в 1950–1960-е гг. стала применяться и для исследования европейского и латиноамериканского регионов. Возможность ее использования по отношению к коммунистическим системам первым обосновал Г. Скиллинг в статье «Группы интересов и коммунистическая политика», опубликованной в 1966 г. в журнале «Мировая политика»⁸. В 1971 г. под редакцией Г. Скиллинга и Ф. Гриффитса вышел сборник «Группы интересов в советской политике», некоторые авторы которого утверждали, что подобные группы не только существуют в коммунистических странах, но и оказывают реальное влияние на принятие решений и формирование политики советских лидеров⁹.

Новая модель вызвала неоднозначную реакцию в среде специалистов. Даже один из соредкторов (Ф. Гриффитс) предпочитал говорить о существовании в Советском Союзе «скорее тенденций, чем групп». В ответ на прозвучавшую критику Г. Скиллинга подчеркивал, что он не претендует на то, чтобы рассматривать применяемый подход как единственную модель объяснения советской системы. Он соглашался, что «группы интересов» не являются важнейшей чертой политической

¹ Lane D. *Politics and Society in the USSR*. New York, 1978. P. XIII.

² Ibid.

³ Meyer A. *The Soviet Political System; An Interpretation*. New York, 1965. P. 468.

⁴ Kassof A. *The Administered Society: Totalitarianism Without Terror* // *World Politics*. 1964. Vol. 16. Is. 4. P. 558–575.

⁵ Rigby T. *Traditional, Market, and Organization Societies* // *World Politics*. 1964. Vol. 16. Is. 4. P. 539–557.

⁶ Armstrong J. *Sources of Administrative Behavior: Some Soviet and Western European Comparisons* // *American Political Science Review*. 1965. Vol. 59. Is. 3. P. 643–655.

⁷ Barghoorn F. *Politics in the USSR*. Boston, 1966. P. 202.

⁸ Skilling H. *Interest Groups and Communist Politics* // *World Politics*. 1966. Vol. 18. Is. 3. P. 435–451.

⁹ *Interest Groups in Soviet Politics*. Princeton, 1971.

системы СССР, но их изучение позволяло лучше понять отдельные аспекты советской реальности¹. С этим утверждением, с нашей точки зрения, можно согласиться. Однако следует иметь в виду, что «группы интересов» в Советском Союзе не были открытыми и автономными. Следовательно, их наличие не означало, что советскую систему можно было характеризовать как плюралистическую.

Корпоративистскую модель при изучении Советского Союза использовали на рубеже 1970–1980-х гг. В. Банс и Дж. Эчолс, считая, что понятие «государственный корпоратизм» наиболее точно отражает сущность политической системы СССР². Однако общее количество «корпоративистских» работ было невелико и можно считать, что модель не оказала значительного влияния на англо-американскую советологию.

Шагом вперед в понимании политики внутри политбюро как производной части всей политической системы стали структуралистские концепции. Они базировались на анализе взаимодействия политических и экономических институтов, учреждений и обезличенных экономических и географических понятий, не связанных с «намерениями» личностей, групп или партий³. Сторонники этого направления создавали более сложную картину советской политической системы, чем тоталитарная и конфликтная модели. Структуралистский подход признавал наличие множественных интересов в партийном и советском аппарате, трактовал принятие политических решений как результат согласования различных интересов, подчеркивал разницу в процессах принятия решений и их выполнения и оценивал отношения между партийно-государственным аппаратом и обществом как интерактивные.

В 1970-е гг. более заметное влияние начало приобретать объяснение функционирования политической системы СССР с помощью модели «патрон – клиент». Это было связано с очевидной важностью фракционности, покровительства, коррупции в коммунистической системе. Ни плюралистические, ни тоталитарная модель не смогли дать адекватного объяснения этим явлениям и первоначально «клиентелизм» нашел отражение в кремленологических исследованиях, например в работе Р. Конквеста «Власть и политика в СССР», в которой он исследовал «советские династии»⁴.

Схема «патрон – клиент» возникла как элемент антропологических и социологических исследований. Через взаимоотношения двух личностей и совокупность таких взаимоотношений в ней анализировалась деятельность партий, групп интересов, бюрократических структур. Как считал Дж. Хоскинг, Россия по разным причинам не имела возможности создать государство на основе институтов и законов и вместо этого она создала свою государственность на основе личных отношений, т.е. патроно-клиентских⁵. Важнейшими ценностями в системе отношений «клиентелизма» являлись власть и покровительство. Дж. Виллертон отмечал наличие связей «патрон – клиент» на уровне членов Политбюро и Центрального Комитета КПСС. Подтверждением наличия таких взаимоотношений служило изменение служебного положения членов ЦК в результате взлетов или падений их «патронов» в политбюро⁶.

Т. Ригби считал, что хотя «клиентелизм и покровительство» являются широко распространенными явлениями в любых общественных системах, наибольшее значение отношения «патрон – клиент» имели в феодальных или квазифеодальных обществах, где они, возможно, играли центральную роль. Советская бюрократическая система имела свои особенности, связанные с сочетанием традиционных черт клиентелизма с большевистской идеологией и особенностями политической системы.

На состояние советологических исследований на рубеже 1960–1970-х гг. большое влияние оказала «бихевиористическая революция» в социальных науках, вызвавшая особое внимание к поведению масс и элиты⁷. Предметом углубленного исследования советологов стали отдельные аспекты функционирования советской системы. Акцент делался на природе политического лидерства, приня-

¹ Skilling H. Interest Groups and Communist Politics Revised // World Politics. 1983. Vol. 36. Is. 1. P. 5.

² Bunce V., Echols J. From Soviet Studies to Comparative Politics: The Unfinished Revolution // Soviet Studies. 1979. Vol. 30. Is. 1.

³ Himmelfarb G. A Letter to Robert Conquest // Academic Questions. 1991. Vol. 4. Is. 4. P. 44.

⁴ Conquest R. Power and Policy in the U.S.S.R. The Study of Soviet Dynasties. New York, 1961.

⁵ Хоскинг Дж. Я – русский националист // Известия. 2001. 1 авг.

⁶ Willerton J. Clientilism in the Soviet Union: An Initial Examination // Studies in Comparative Communism. 1979. Vol. 12. Is. 1. P. 159–183.

⁷ The Behavioral Revolution and Communist Studies; Applications of Behaviorally Oriented Political Research on the Soviet Union and Eastern Europe. New York, 1971.

тии решений и дебатах внутри партийного и советского руководства, смене политических лидеров¹. Наиболее заметной работой 1960-х гг. была книга Дж. Хафа «Советские префекты», анализирующая деятельность первых секретарей обкомов КПСС². В. Банс отмечала, что эта работа выделялась потому, что, сочетая эмпирический и теоретический подход, она показывала реальный смысл функционирования и логику построения партийного и советского аппарата³.

Диктаторский и закрытый характер советской системы вместе с долговременным влиянием тоталитарной модели на советологию привели к активному развитию кремленологии, сосредоточившей внимание на изучении высших эшелонов власти. Сочетая старые традиции политической истории XIX в. с немарксистскими тенденциями социологии XX в., советологи отображали историю СССР во «властных» политических терминах. Так, А. Улам отмечал, что для советологии и кремленологии «наиболее практичный и серьезный подход к изучению Советского Союза – это анализ его политической системы, что, в свою очередь, требует обращать первостепенное внимание на политическое руководство»⁴.

Частью исследователей кремленология воспринималась как карикатура на политический анализ, использующая только политические и личностные характеристики. М. Луис писал, что какие бы сферы жизни советского общества ни рассматривали эти специалисты, в конечном итоге они неизменно сводили изучение всех институтов, реформ, новых элементов развития к «властным потребностям» правящей группы⁵.

Однако при всех своих недостатках кремленологи расширили знания о советской политической системе. Например, Р. Конквест писал, что среди серьезных исследователей кремленологи пользовались дурной репутацией. Они воспринимались как гадалки, изучающие призрачные фигуры с помощью хрустального шара. Кремленология была «черным искусством». Однако в тех реальных условиях, в которых приходилось действовать исследователям, изучавшим Советский Союз, именно гипотезы были естественным научным методом⁶.

С. Коэн, описывая историю ревизионистского направления советологии, также отмечает положительное влияние кремленологии. Первая ревизионистская волна в советологии относится ко второй половине 1960-х гг., а в 1970-е гг. историками-ревизионистами были опубликованы серьезные монографические исследования. Советологи-ревизионисты подвергли критике три важнейшие составляющие тоталитарной парадигмы: утверждения о статичности и монолитности советской политической системы и ее абсолютном отличии от западных систем власти. По мнению С. Коэна, появление нового направления было вызвано влиянием общественных наук, создавших ситуацию «методологической революции» в советских исследованиях. Сказалось и воздействие кремленологии, которая, несмотря на присущие ей недостатки и не слишком солидную научную репутацию, смогла представить достаточно глубокий анализ борьбы среди советского руководства. И хотя кремленология рассматривала ситуации только в высших эшелонах власти, она способствовала разрушению мифа о монолитном режиме, который предлагала тоталитарная школа⁷.

Первым направлением анализа стали биографии советских руководителей, дававшие возможность проследить изменения в персональных данных советских руководителей и связать их с такими факторами, как интересы, позиции, ценности элиты. Кремленологи также изучали институционную структуру политической власти в СССР, рассматривая вопросы взаимоотношений местных и центральных органов, структуру политбюро и ЦК партии, отношения между партийным и государственным аппаратом, реальное положение органов народного представительства. Объектом постоянного внимания кремленологической литературы были первые (генеральные) секретари ЦК КПСС, вопросы о масштабах власти партийного лидера и ее ограничениях.

¹ *Conquest R. Power and Policy in the U.S.S.R. The Study of Soviet Dynasties. New York, 1961; Ploss S. Conflict and Decision-Making in Soviet Russia. Princeton, 1965; Rigby T. Communist Party Membership in the USSR, 1917–1968. Princeton, 1968.*

² *Hough J. The Soviet Prefects. Cambridge, 1969.*

³ *Bunce V. Union of Soviet Socialist Republics // Handbook of Political Science Research on the USSR and Eastern Europe: Trends from the 1950s to the 1990s. Westport, 1992. P. 173.*

⁴ Цит. по: *Kotkin S. Kremlinologist as Hero // New Republic Online. <http://www.thenewrepublic.com/110600/kotkin110600.html> (2000, 11 June).*

⁵ *Deutscher I. The Man and His Work. New York, 1983. P. 148.*

⁶ *Conquest R. Power and Policy in the U.S.S.R. The Study of Soviet Dynasties. New York, 1961. P. 3, 8, 9.*

⁷ *Cohen S. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. New York, 1985. P. 29–30.*

Первоначально для англоязычных исследователей ответ на этот вопрос представлялся относительно легким, поскольку тоталитарная модель предполагала по определению, что партийные лидеры были всемогущи и не имели каких-либо внутренних ограничителей власти. Но постепенно распределение политической власти стало анализироваться как более сложное, а советская политическая система – более похожая на другие политические системы. В 1970-х гг. большинство западных исследователей считало власть советских политических лидеров сильной, но ограниченной. Вопрос об ограничениях рассматривался через анализ ситуации внутри правящей элиты, а также в масштабах всего советского общества и составляющих его различных групп интересов. Однако отсутствие точного законодательного определения власти в СССР, противоречия между Конституцией и повседневной жизнью, ограниченность информации неизбежно сохраняли неопределенность понимания многих аспектов советского политического лидерства.

В 1960-е гг. ученые сделали первые шаги в направлении сравнительного изучения советской политической системы. Заметный след в истории советологии оставил сборник статей «Изучение коммунизма и общественные науки: эссе о методологии и эмпирической теории», изданный под редакцией Ф. Флерона в 1969 г.¹ Он подчеркивал разрыв между советологией и западным обществоведением и предлагал использование «сравнительного коммунизма» как формы применения методов обществоведения в советологии. После публикации Ф. Флерона тенденция сравнительного анализа коммунистических систем стала заметным явлением англоязычной историографии. Концепция подразумевала наличие различий в странах «восточного блока» и возможные различные пути их развития. Хотя сравнительный коммунизм не обязательно вел исследователей к сравнению советской политической системы с нетоталитарными режимами, он, безусловно, являлся заметным продвижением в применении концепций и теорий западного обществоведения в советологии.

Наряду с изучением политической системы особое внимание исследователей было привлечено к советской идеологии, пропаганде и, как производной от них, культуре. Среди первых исследователей, применивших концепцию «политической культуры» к изучению Советского Союза, был Ф. Баргхорн, для которого это направление стало базовым при подготовке книги «Политика в СССР»².

Однако исследование советской политической культуры вызывало серьезные разногласия в англоязычной академической среде. Ф. Флерон писал, что «политическая культура» была флюгистоном советологии, т.е. классическим примером концепции, одновременно объясняющей все и ничего. Это означало не то, что политическая культура реально не существовала, а скорее то, что она использовалась как *a deus ex machina* для объяснения иначе необъяснимых феноменов российской и советской политики. Подобное использование концепции политической культуры было фактическим признанием неспособности объяснить определенные феномены исторических процессов³. А. Даллин добавлял, что в отношении Советского Союза политическая культура постоянно использовалась как остаточная категория, с помощью которой объясняли то, что по-другому объяснить не могли.

То же можно сказать и о часто используемых аналогиях из российской истории. А. Даллин справедливо отмечал, что «из книги в книгу, из статьи в статью кочевали “смертельные параллели” между Иваном Грозным и Сталиным, между безжалостной модернизацией Петра I и советским развитием, между отсутствием свободы в царской России и контролем во времена Берия. Даже рассматривая эти примеры как продолжение традиций российской политической культуры, надо признать, что такие сравнения больше дезинформировали, чем информировали, так как игнорировали различия в уровне развития и сопутствующих условиях... Постоянные напоминания о долговечности диктатуры вели к пренебрежению кропотливым микроанализом советской политики. В крайнем виде это приводило к заявлениям о том, что детальное изучение советских явлений и событий – это пустая трата времени, поскольку основные тенденции и так известны и неизменны»⁴.

¹ Communist Studies and the Social Sciences: Essays on Methodology and Empirical Theory. Chicago, 1969.

² Barghoorn F. Politics in the USSR: A Country Study. Boston, 1966.

³ Fleron F. Post-Soviet Political Culture in Russia: An Assessment of Recent Empirical Investigations // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. Is. 2. P. 225–260.

⁴ Dallin A. Bias and Blunders in American Studies on the USSR // Slavic Review. 1973. Vol. 32. Is. 3. P. 571.

Тезис о преемственности российской политической культуры со времен Московской Руси до советского периода отстаивал Э. Кинан в статье «Традиционные пути московской политики»¹. Под «политической культурой» автор понимал «комплекс верований, практик и ожиданий, который – в умах русских – придавал порядок и значение политической жизни и... позволял его носителям создавать как основополагающие модели их политического поведения, так и формы и символы, в которых оно выражалось». В свете его теории генеральный секретарь и политбюро оказываются «законными наследниками» московских царей и их бояр².

А. Керенский, в годы эмиграции занявшийся историческими исследованиями, отмечал по этому поводу, что «русское слово “грозный” отнюдь не означает “ужасный”... Ссылками на Ивана Грозного стремятся зачастую подкрепить расхожие на Западе утверждения о том, что Россия – отсталая страна, где полностью отсутствует свобода в ее западном понимании. Конечно, он совершил немало ужасных преступлений, но преступления такого рода совершались в те времена повсеместно по всей Европе: Филипп II в Испании, Генрих VIII и “Кровавая Мэри” в Англии, Людовик XI во Франции, Эрик в Швеции, герцог Альба – все они в равной степени виновны в совершении таких преступлений»³.

Однако далеко не все исследователи считали возможности «исторических параллелей» исчерпанными. Например, Р. Пайпс характеризовал российскую систему как «патримониальную», используя термин М. Вебера для обозначения общества, где земля и жившие на ней люди были собственностью суверена. Пайпс видел в патримониализме, более традиционно выражающемся понятием «восточный деспотизм», основу советской системы, в генезисе которой, по его мнению, марксизм играл второстепенную роль. М. Малиа писал, что Р. Пайпс «отмечает свой возврат в мир советологических дискуссий, воскрешая и совершенствуя тоталитарную модель, от которой он не отрекся в эпоху ревизионизма. Для него ключ к советизму скорее находится в русской национальной традиции и в практически неизменной российской политической культуре, суть которой – деспотизм верхов и рабская покорность низов, традиции, по которой страна и ее жители являются собственностью правителя, а права власти смешиваются с правами собственности»⁴.

Р. Такер в начале 1990-х гг. вновь отмечал слабое внимание исследователей к оценке влияния российского прошлого, его политических и культурных традиций на советскую систему. Он подчеркивал важность понимания цикличности российской истории, чередования периодов усиления и ослабления государственной экспансии по отношению к обществу. Советологические работы, даже анализирующие политическую культуру, оценивали влияние дореволюционных традиций в лучшем случае в рамках концепции линейного развития или теории стадий⁵.

Ошибки в применении концепции не означали неверность самой концепции и не умаляли важности вопроса, вызывавшего серьезные споры среди советологов, – о степени взаимосвязанности между традиционной российской и советской политической культуры. Проблемы, связанные с изменениями в политической системе и политической культуре, не могут быть решены априори, а только с помощью эмпирических исследований. Объяснения, базирующиеся на национальной культуре, могут быть убедительны только в сочетании со структурными и институциональными объяснениями. Необходимо и сочетание со сравнительными исследованиями, которые могут обосновать возможность объяснения определенного явления в рамках национальной истории и культуры или в масштабах, выходящих за национальные границы. В западной советологии до второй половины 1980-х гг. в силу закрытости советского общества ощущалась нехватка систематических эмпирических данных. Лучшее, что удалось сделать в таких условиях, – массовые интервью советских эмигрантов. Первый раунд интервью был предпринят в США в рамках Гарвардского проекта (*Harvard Refugee Interview Project – HIP*) в 1950–1951 гг. Следующим шагом стал проект советских интервью (*Soviet Interview Project – SIP*), проведенных в 1983 г.⁶

¹ Keenan E.L. Muscovite Political Folkways // The Russian Review. Vol. 45. No. 2. 1986. P. 115–181.

² Цит. по: Кром М.М. Историческая антропология. http://www.eu.spb.ru/history/reg_hist/posobie.htm.

³ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1996. С. 34.

⁴ Цит. по: Петров Е.В. Американское россияеведение. Словарь-справочник. <http://petrov5.tripod.com/welcome.htm>

⁵ Tucker R.C. Sovietology and Russian History // Post-Soviet Affairs. 1992. Vol. 8. Is. 3. P. 161.

⁶ Обобщение результатов HIP дано в работе Bauer R., Inkeles A, Kluckhohn C. How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes: Cambridge, 1956; SIP – Politics, Work, and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Soviet Citizens. Cambridge, 1987.

Гарвардские исследователи А. Бауэр, А. Инкелес, К. Клухон, используя социологические методы, подготовили по итогам *Harvard Refugee Interview Project* книгу «Как работает советская система». Публикация была основана на докладе «Важнейшие психологические стороны советской общественной системы», подготовленном для ВВС США, заказавших и оплативших пятилетнее исследование данной проблемы. В определенном смысле книга отразила слабые стороны спонсированного исследования, поскольку авторы были вынуждены подготовить упрощенный «популярный» вариант издания для заказчика. Однако собранные в ходе реализации проекта материалы представляют значительный интерес. Было проведено комплексное интервьюирование 329 беженцев из СССР. Кроме этого, дополнительно опрошено 435 чел. В общей сложности собрано 33 тыс. страниц данных, подготовлено 50 неопубликованных и 35 опубликованных исследований. Гарвардские ученые обратили внимание прежде всего на изучение сильных и слабых сторон общественной системы СССР, поведение отдельных групп населения в советском обществе. Экономические и политические аспекты интересовали исследователей в меньшей степени¹.

Один из важнейших выводов Гарвардского проекта заключался в том, что «этническая самоидентификация играет в Советском Союзе значительно меньшую роль, чем классово-социальная, и в меньшей степени влияет на формирование ценностей человека, его отношение к режиму»². Авторы в соответствии с теорией модернизации считали, что индустриализация и урбанизация оказывают решающее влияние на советских людей. «Тоталитарные черты советской системы», писали они, «долго не давали нам возможность увидеть, что основные характеристики советского и современного индустриального общества чрезвычайно близки»³.

Основной проблемой стал вопрос о соответствии «отношения» советских граждан к той или иной ситуации и их «поведения» в этой ситуации. Часть исследователей, например Р. Верба, считали, что в понятие политической культуры следует включать только «отношение». Однако большинство специалистов, и среди них такие известные ученые, как Р. Такер и С. Уайт, включали в это понятие и «отношение» и «поведение». Нам представляется правомерной последняя точка зрения, так как в ситуации, когда люди практически полностью зависимы от власти и не имеют возможности свободно выражать свою позицию, их отношение и поведение, конечно, не равнозначны. Одна из задач советской политической системы заключалась именно в том, чтобы заставить людей действовать не в соответствии со своими взглядами и оценками, а в соответствии с желанием («отношением») власти.

Лишь в 1970–1980-е гг. «поведенческое» понимание политической культуры стало доминирующим в советологии. Г. Алмонд отмечал, что единственным объяснением того, почему в изучении коммунизма ученые выводят «отношение» из «поведения», является недостаток возможностей для прямого изучения «отношения». Главным вопросом, который должен исследоваться в политической культуре, он считал взаимодействие и взаимовлияние «отношения» и «поведения»⁴.

На англоязычную советологию влияло и изменение международного климата, особенно состояние советско-американских отношений, во многом формировавшее подходы к интерпретации советской ситуации. Для 1950–1960-х гг., времени чрезвычайной враждебности двух сверхдержав, была характерна концентрация внимания на негуманных и нефункциональных сторонах советской системы. Период разрядки, сотрудничества Востока и Запада сделал советские исследования более открытыми для применения разнообразных интерпретаций и сравнения с другими странами. В советологии стал использоваться широкий спектр методологических подходов – от кремленологии до количественного анализа. Но новая ситуация породила и свои крайности. Многие концепции легко переносились из обществоведения в советологию, Советский Союз стал рассматриваться как слишком похожий на западные государства, а многие исследователи стремились больше говорить о позитивных и функциональных характеристиках советской системы.

Большинство англоязычных ученых в 1970-е гг. приветствовали применение западных концепций, считая, что приспособление моделей для изучения Советского Союза полезно и будет способствовать взаимному обогащению советологии и общественной науки в целом. Но слишком легкое использование западных концепций таило в себе опасность, которую Д. Сартори назвал «концептуаль-

¹ Bell D. Ten Theories in Search of Reality // World Politics. 1958. Vol. 10. Is. 3. P. 348.

² Inkeles A., Bauer R., Raymond A. The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, 1959. P. 351.

³ Ibid. P. 383–384.

⁴ Almond G. Review of White // Soviet Studies. 1981. Vol. 33. Is. 2. P. 307.

ной эластичностью»¹. Он не отрицал возможности сравнения политических систем, но подчеркивал необходимость учитывать различия в компонентах, зачастую носящих одинаковые названия. В первую очередь следует обратить внимание на опасность сглаживания черт различия советской и западной систем, поскольку применяемые концепции подчеркивают прежде всего их общность.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. наличие слабых сторон применяемых концепций вызвало не только резкие критические оценки в англо-американском академическом сообществе, но и обсуждение самой возможности применения моделей в советологии. Так, В. Банс и Д. Эчолс отрицали возможность применения сравнительных исследований, считая, что этот метод принесет в советологию лишь новые ошибки, не исправив старых, порожденных региональным подходом к изучению СССР. Хотя они и признавали важность применения идей социальных наук из-за очевидных недостатков тоталитарной теории, но одновременно критиковали и отдельные моменты пришедшей ей на смену теории модернизации. Последняя заимствовала западные модели развития и плюрализма, но не уделяла должного внимания репрессивным тенденциям советского режима².

Более обещающие подходы в применении теорий западных социальных наук в советологии появились в начале и середине 1980-х гг. Ученые стали применять более строгие в теоретическом отношении подходы к изучению отношений между государством и обществом, центром и периферией, этнической политики, институтов советской системы и роли элиты в политике. Это стало особенно важно во второй половине 1980-х гг., когда появилась возможность использования новых материалов и проведения эмпирических исследований.

Оценивая влияние теоретических концепций на советологию, Г. Алмонд и Л. Роселле отмечали, что усиление интереса ученых к теории привело к использованию в исследованиях СССР целого ряда моделей, первоначально примененных к изучению таких регионов, как Европа, США, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия. Наряду с исторической методологией начали использоваться элементы концепций, заимствованных из политологии, социологии, социальной психологии, антропологии. Хотя ни одна из моделей не могла охватить все аспекты изучения советской реальности, каждая из них способствовала лучшему пониманию отдельных аспектов советской системы и, следовательно, давала возможность англоязычным советологам глубже понять систему в целом³.

Изучение советского общества в 1960–1980-е гг. становилось все более детальным и эмпирическим. Хотя задача описания системы в целом сохранялась, значительный интерес вызывал анализ ее отдельных составляющих. В то время как на ранней стадии изучения Советского Союза «советская политика» была практически равнозначна политике высшего руководства, в дальнейшем большее внимание уделялось политике низших уровней и комплексу взаимоотношений между гражданами и правительством. Исследователи также стали анализировать не только политический процесс, но и его результаты и последствия. Англоязычная советология обогатилась новыми темами исследований, применяемыми методами и сделанными выводами. Различия стали столь же значительными, как при изучении других регионов мира.

¹ *Sartori G. Concept Misinformation in Comparative Politics // American Political Science Review. 1970. Vol. 64. Is. 4. P. 1033–1053.*

² *Bunce V., Echols J. From Soviet Studies to Comparative Politics: The Unfinished Revolution // Soviet Studies. 1979. Vol. 30. Is. 1. P. 44–46.*

³ *Almond G., Roselle L. Model Fitting in Communism Studies // The Nature of the Soviet System, 1992. P. 467.*

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ «СТАЛИНСКОГО» СОВЕТСКОГО СОЮЗА

3.1. «Новая когорта» социальных историков

Исследований советского общества и работ по социальной истории в англоязычной историографии 1940–1960-х гг. было чрезвычайно мало. Это произошло, прежде всего, потому, что общество не рассматривалось как независимый субъект при тоталитарном режиме. Однако в 1970-е гг. многие молодые ученые, занявшиеся советскими проблемами, были или хотели быть социальными историками. Частично это отражало текущие тенденции исторической профессии в целом. Но это также подразумевало убеждение, что движущими силами советского исторического развития были не только политика и идеология, как утверждала тоталитарная школа. Ревизионисты хотели акцентировать внимание на социальных силах и процессах. Как отмечал М. Кокс, тоталитарная парадигма создала миф о политической системе, не имеющей социальной базы. Система может быть нелегитимной в западном понимании. Но это не значит, что она не имеет социальной поддержки ¹.

Ключевыми публикациями «новой когорты ревизионистов» были книги Дж. Гетти «Истоки больших чисток: Новый взгляд на советскую коммунистическую партию в 1933–1939 гг.», Л. Виолы «Лучшие сыны отечества: Рабочие в авангарде советской коллективизации» и статьи, легшие в основу сборника «Жизнь и террор в сталинской России, 1934–1941 гг.» ². Хотя в перечень ревизионистских трудов этого периода можно включить еще целый ряд работ, именно названные публикации вызвали наибольшие споры.

Для некоторых авторов казалось особенно важным изучать советский рабочий класс. Другие предпочитали тему социальной мобильности, предполагая, что возможность для рабочих и крестьян войти в новую элиту играла определенную роль в легитимизации сталинского режима ³. Ревизионистские историки разделяли предположение, что советское общество не было просто пассивным объектом для манипуляций режима и что ученые должны исследовать сталинизм «снизу» так же, как и «сверху», а во многих случаях изучение «снизу» даже важнее.

В 1986–1987 гг. на страницах американского журнала «Российское обозрение» (*Russian Review*) развернулась острая полемика по вопросу написания социальной истории СССР 1930-х гг. Важность указанного обмена мнениями сегодня признается практически всеми англоязычными исследователями. Например, Дж. Бурбанк отмечала, что эта дискуссия играет важнейшую роль в понимании идей ревизионистов 1980-х гг. ⁴ Столкнулись взгляды нескольких поколений советологов, представителей разных подходов к изучению советского прошлого. Звучало много взаимных обвинений, полемика велась в очень жестком тоне, авторы иногда с трудом удерживались в рамках приличий. Приведем в качестве примера лишь одно высказывание участника дискуссии, которое может дать представление об остроте полемики. «Тон почти всех публикаций ревизионистов чрезвычайно воинственный по отношению к своим предшественникам. В свою очередь я должен сказать, что

¹ Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia. London; New York, 1998. P. 21.

² Getty J. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938. New York, 1985; Viola L. The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. New York, 1987; Thurston R. Fear and Belief in the USSR's «Great Terror»: Response to Arrest, 1935–1939 // Slavic Review. 1986. Vol. 45. Is. 2. P. 213–234; Thurston R. Social Dimensions of Stalinist Rule: Humor and Terror in the USSR, 1935–1941 // Journal of Social History. 1991. Vol. 24. Is. 3. P. 541–563; Thurston R. The Soviet Family During the Great Terror, 1935–1941 // Soviet Studies, 1991, Vol. 43, Is. 3, P. 553–575; Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996; Kuromiya H. Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932. Cambridge, 1990; Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge, 1988.

³ Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. New York, 1979.

⁴ Burbank J. Controversies over Stalinism: Searching for a Soviet Society // Politics & Society. 1991. Vol. 19. Is. 3. P. 339.

взгляды ревизионистов представляются мне настолько диковинными, что мне трудно объяснить причины выбора их варианта объяснения прошлого»¹.

Оценки, последовавшие в более позднее время, были еще острее. М. Малиа, сторонник тоталитарной концепции, писал о «ревизионистской авантюре на поле историографии советской системы» и о «битве тоталитарного льва с ревизионистским единорогом»². Он считал, что коммунистическая система представляла собой поистине мир наизнанку, где идеократическое партия-государство придавало форму и порядок обществу, лишенному внутренней организации, и где надстройка породила свой промышленный и пролетарский базис. Ревизионистскую концепцию М. Малиа назвал попыткой свести политику в истории к ее социальному аспекту, закончившейся повсеместной политизацией предмета, что было опасно, поскольку политика в этом случае переставала называться политической³.

Предмет спора был действительно острым и противоречивым. Ш. Фицпатрик в статье, открывшей дискуссию, поставила перед своими коллегами целый ряд новых вопросов, связанных с пониманием сталинизма, использованием источниковой базы и, в целом, тенденциями развития исторической науки.

Вопросы, вызвавшие дискуссию на страницах «Российского обозрения», во многом повторяли тот круг проблем, которые рассматривались теоретиками «групп интересов» в 1960–1970-е гг. Ш. Фицпатрик первой обратила внимание историков сталинизма на возможность подобного анализа, и ее работу «Образование и социальная мобильность»⁴ можно классифицировать как основанную на теории «групп интересов». А. Брумберг считал, что академическая советология в Соединенных Штатах началась после Второй мировой войны с изучения советского общества. На основании материалов Гарвардского проекта, интервью советских беженцев было подготовлено несколько исследований, показывавших, как функционирует советская система и какое влияние она оказывает на повседневную жизнь советских людей. Но по мере становления дисциплины фокус постепенно перемещался с социальных вопросов на политические. «Большой заслугой Ш. Фицпатрик являлось то, что ее работы вновь возвращали внимание исследователей к жизни советского общества»⁵.

Однако отметим, что сама Ш. Фицпатрик с иронией относилась к вопросу о первенстве среди «ревизионистов». «Я немного знала об американской советологии до приезда в США в начале 1970-х гг. (Ш. Фицпатрик родилась и получила образование в Австралии, а диссертацию готовила и защищала в Великобритании.) Одним из первых американских советологов, с которыми я познакомилась, был С. Коэн. От него я и узнала о том, что среди советологов были ревизионисты и что я – одна из них»⁶.

Первый раунд полемики 1980-х гг. состоялся в октябрьском номере «Российского обозрения» 1986 г., где была опубликована статья Ш. Фицпатрик «Новые перспективы изучения сталинизма», ответы С. Коэна, Д. Элей, П. Кенеза, А. Мейера и «Послесловие» Ш. Фицпатрик⁷. Инициатор дискуссии отмечала, что целью ее статьи является рассмотрение влияния историков, в том числе социальных историков, на изучение сталинского периода. Она относилась к названной группе историков, но подчеркивала, что публикация не должна рассматриваться как манифест новой когорты. Ее констатирующая и рекомендательная часть адресовались всем социальным историкам, которые могли и не соглашаться с автором. Самоидентификация новой когорты с социальными историками, исследующими другие страны и периоды, также давала возможность обеспечить внешнюю поддержку в борьбе против влияния холодной войны на раннюю советологию. Социальные историки в целом были более радикальными противниками тоталитарной парадигмы, чем представители исторической профессии в целом.

¹ *Kenez P. Stalinism as Humdrum Politics // The Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 400.*

² *Малиа М. Советская история // Отечественная история. 1999. № 3. С. 138.*

³ *Малиа М. Советская история. 1999. № 3. С. 138–139.*

⁴ *Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge, 1979. P. 400.*

⁵ *Brumberg A. Review «Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times, Soviet Russia in the 1930s» by Sheila Fitzpatrick // The Nation. 1999. Vol. 269. Is. 6. P. 32–34.*

⁶ *Fitzpatrick S. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca, N.Y., 1992. P. XII.*

⁷ *Fitzpatrick S. New Perspectives on Stalinism // The Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 357–373; Cohen S. Stalin's Terror as Social History // Ibid. P. 375–384; Eley G. History with the Politics Left Out – Again? // Ibid. P. 385–394; Kenez P. Stalinism as Humdrum Politics // Ibid. P. 395–400; Meyer A. Coming to Terms with the Past... And with One's Older Colleagues // Ibid. P. 401–408; Fitzpatrick S. Afterward: Revisionism Revisited // Ibid. P. 409–413.*

Ш. Фицпатрик отмечала, что приход историков в область исследований, где долгие годы доминировали политологи, оказал серьезное влияние на англо-американскую советологию. Конечно, среди изучавших период 1917–1953 гг. всегда было несколько историков, в том числе серьезных. Но новая когорта значительно многочисленнее, в определенном смысле осознает себя группой и подчеркивает принадлежность к историкам. Профессиональная идентификация, с ее точки зрения, была важна по нескольким причинам. Во-первых, обращалось внимание на советскую историю как самостоятельную область исследований, возможность изучения которой связана с профессиональной квалификацией ученых, доступом к архивам и другим ресурсам. Во-вторых, подчеркивалось отличие от старшей генерации советологов, в которой доминировали политологи – сторонники тоталитарной модели¹.

Однако возможность использования методики социальной истории для таких динамичных периодов, как советские 1930-е гг., признавалась далеко не всеми исследователями. По мнению А. Буллока, социальные и экономические историки, подобно ученым-социологам, считали естественным искать исторические объяснения в таких неличностных факторах, как демографические изменения, миграция населения, влияние индустриализации и технологических новшеств на общество. Они рассматривают людей как членов групп, в которых индивидуальные характеристики растворяются в усреднении. Он считал, что такой подход возможен для тех стран, где стабильность сочетается с демократическими институтами. Но в ситуациях, связанных с войной, революцией и иными формами насилия, прерывающими нормальное развитие общества, поведение людей делается непредсказуемым. В таких условиях индивидуум может оказать мощное, порой решающее влияние на ход событий и вытекающей из них политики².

Природа сталинизма всегда была спорным вопросом, связанным для всех исследователей с политической значимостью. В начальный период холодной войны, когда политический аспект вызывал наибольшее напряжение, советские и западные исследователи, расходясь в оценке системы, разделяли предположение, что ситуация, возникшая в Советском Союзе в 1930-е гг., была исторически неизбежным результатом большевистской революции и развития советской системы. Западные ученые, за исключением небольшой группы тех, кто симпатизировал Советскому Союзу, считали результатом тоталитарную диктатуру.

Изменения, произошедшие в Советском Союзе после смерти Сталина, заставили обе стороны произвести переоценку своих позиций, в частности в отношении неизменяемости советской системы. Некоторые черты сталинского режима подверглись критике и были отвергнуты в Советском Союзе, где была предпринята попытка отделить «подлинный ленинизм» от «крайностей» сталинского периода. На Западе пересмотр позиций холодной войны во многих сферах побудил советологов к переоценке тоталитарной модели, подвергшейся критике за политизированность и несоответствие современной советской реальности. На конференции в Беладжио, организованной Р. Такером в 1975 г., термин «сталинизм» предпочитался тоталитаризму, хотя наиболее сильные возражения по поводу тоталитарной модели относились к досталинскому периоду. С этого времени исследователи предпочитали отказываться от тоталитарного взгляда на Советский Союз до и после Сталина, хотя молчаливо принимали его применимость к сталинской системе.

Общей темой, которую западные исследователи использовали для интерпретации сталинского периода, являлось противостояние государства и общества. В соответствии с таким взглядом государство действовало на общество, стараясь изменить его в направлениях, служащих государственным интересам. Действия общества являлись ответной реакцией на государственное давление. Тоталитарная модель предполагала, что советское государство стремилось изменить общество в соответствии с марксистско-ленинской идеологией, используя в качестве инструмента коммунистическую партию и усиливая свой диктат с помощью насилия и террора. Общество рассматривалось как объект инертный и безликий, формирующийся и управляющийся энергичными действиями тоталитарного режима.

Такой взгляд на отношения между государством и обществом направлял внимание ученых на изучение государственных механизмов, а не социальных процессов. Исследование СССР фокусировалось на государстве и партии, общество рассматривалось почти исключительно в контексте государственного и партийного вмешательства. Научная литература, посвященная сталинскому пе-

¹ Fitzpatrick S. *New Perspectives on Stalinism* // *The Russian Review*. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 358.

² Буллок А. Гитлер и Сталин: жизнь великих диктаторов: В 2 т. Смоленск, 2000. Т. 2. С. 643–644.

риоду, включала работы, анализирующие такие формы вмешательства, как насильственная коллективизация, подчинение профсоюзов, ужесточение трудового законодательства, стахановское движение, преследование старой интеллигенции, установление партийного контроля над культурой и наукой.

Некоторые из этих работ поднимали и вопросы, связанные с реакцией общества на действия государства, например об отношении крестьянства к коллективизации или интеллигенции к контролю над культурой. Но общество всегда представлялось жертвой государственных действий, а его реакция оценивалась как сочетание скрытой враждебности и пассивного принятия силы государства.

Не абсолютизируя данную точку зрения, мы, безусловно, должны подчеркнуть, что свидетельства очевидцев сталинизма, ставшие доступными в последние годы, во многом рисуют похожую картину. Приведем лишь один пример из многих возможных. Известный историк С. Дмитриев записывал в дневник на излете сталинской эпохи: «Общество... распалось совершенно. Какое же общество возможно, когда общение между работающими совместно можно поддерживать только на основе надзора каждого за всеми и всех за каждым, когда духом недоверия, мнительности проникнуты все, когда самое лучшее – сократить круг знакомств, друзей, общений»¹. Конечно, такое осознание ситуации и ее трагическое восприятие было характерно лишь для части общества, а сторонники тоталитарной теории, повторим, воспринимали общество как единое целое.

Ученые объясняли недостаток более активного общественного сопротивления традиционной неразвитостью социальных классов и организаций в России и безжалостным применением государством насилия и террора. Некоторые теоретики, например Х. Арндт, отмечали, что режим атомизировал общество, разрушил или подчинил все институты, которые могли способствовать активному общественному сопротивлению. Общество в трудах советологов часто представлялось как единое целое, поскольку внутренние социальные отношения и процессы в тоталитарной модели практически не рассматривались.

Наиболее пристальное внимание участников дискуссии вызвали подходы Ш. Фицпатрик к таким принципиальным проблемам, как социальная стратификация советского общества 1930-х гг., последствия высокой социальной мобильности и соотношение инициативы «сверху» и «снизу». Она подчеркивала, что социальные историки не могут удовлетвориться взглядом на общество как на единое целое и тезисом о противостоянии единого общества единому государству.

Важной чертой тоталитарной концепции был тезис о том, что только политика центра, а точнее воля и желание Сталина, определяла функционирование системы. Так, Л. Шапиро писал, что если что-то имело место в то время и в той форме, как этого желал Сталин, «я не вижу другой причины для объяснения этого, кроме той, что Сталин наметил это и был способен достичь реализации намеченного»².

В отношении к Сталину как к всемогущему лидеру чувствовался отголосок «героического» взгляда на историю, при котором историческая личность наделяется особыми качествами, которые не присущи «простым» людям. «Вождь» действует не в результате метода проб и ошибок, не исходя из вероятностной оценки событий, а в результате осознаваемого им предопределения, плана, которому он подчиняется и который выполняет. В противовес такой точке зрения «ревизионисты» считали, что центр и Сталин оказывали меньшее влияние на формирование режима, чем экономические и социальные силы. Поэтому первой проблемой, на которую обращали внимание социальные историки сталинского периода, являлся вопрос о приемлемых принципах общественной стратификации.

Английский исследователь Д. Филтцер отмечал, что в работах американских авторов был определен элемент ограниченности, связанный со слабым знанием мировой историографии, в частности различных направлений антитоталитарной аналитики. Поскольку в Соединенных Штатах философские традиции Гегеля и Маркса были чрезвычайно слабы, во многих работах американских исследователей преобладал эмпирический подход. Внимание обращалось лишь на социальные группы, а не на социальные отношения, которые направляли движение системы, порождая как импульсы развития, так и внутренние противоречия³.

¹ Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 5. С. 135–153.

² Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. New York, 1959. P. X.

³ Filtzer D. Review «Stalinist Terror»// Social History. 1994. Vol. 19. №. 3. P. 421–424.

Среди западных исследователей была достаточно влиятельна точка зрения Троцкого и других марксистских критиков сталинизма, обративших внимание на возникновение новой социальной иерархии в 1930-е гг. Они считали, что на вершине иерархической пирамиды находилась бюрократия, которая контролировала средства производства (но не владела ими), обладала материальными привилегиями и тем самым была отделена от остального общества. Однако сама бюрократия была иерархичной, общественное положение и классовые интересы низов и верхушки значительно отличались, возможно, иногда даже противостояли. Когда Троцкий говорил о новом правящем классе, он имел в виду высший слой бюрократии. Но было не ясно, где проходит линия разграничения между отдельными бюрократическими группами. Также существовала проблема идентификации профессиональной и технической интеллигенции, представители которой часто, но не всегда привлекались к работе государственных органов и институтов, иногда в административной роли, иногда просто как специалисты. Эта группа также имела материальные привилегии высшего слоя, высокое образование и другие элитные характеристики. Ш. Фицпатрик отмечала, что социальные историки, серьезно анализирующие общественную иерархию, должны определить, какую элиту они исследуют – марксистский «правлящий класс» или просто группу, обладающую высоким статусом и экономическими привилегиями ¹.

Хотя в контексте западных общественных наук термин «элита» нейтрален, в марксистской терминологии он звучал пренебрежительно. Но Ш. Фицпатрик считала, что это не является причиной для замены его эвфемизмом «интеллигенция», с помощью которого советские марксисты пытались обойти сложную теоретическую проблему. Она подчеркивала, что западные историки не обязаны использовать терминологию марксистов, даже таких антисталинистов, как Троцкий и Джилас, только потому, что как профессионалы советологи изучали марксистскую идеологию. «Термин “социальная мобильность”, например, почти не употребляется в марксизме, но чрезвычайно полезен для исследователей советского общества. Понятие “элита” следует использовать в советологических исследованиях без уничижительного контекста, без оглядки на Троцкого или Джиласа» ².

Тщательного рассмотрения заслуживало также положение низших слоев общества. Это направление изучения социальной иерархии ставило не менее сложные вопросы. Например, положение стахановцев в рядах рабочего класса являлось частью проблемы, связанной с квалифицированным и неквалифицированным трудом, «новыми рабочими», пришедшими из деревни, трудом заключенных и свободных рабочих на предприятиях и стройках. Классовая аграрная дифференциация, достаточно исследованная в отношении 1920-х гг., являлась не менее важной темой и для 1930-х гг.

Конечно, утверждение о том, что сталинское общество было иерархически стратифицированным, нельзя назвать открытием, поскольку это относится к любому обществу. И это утверждение само по себе не могло изменить взгляда на природу сталинизма. Социальные историки должны были искать ответы на вопросы о принципах стратификации, отношениях между различными слоями, способах улучшения советскими гражданами своего социального и материального положения и защиты от различных потрясений.

Долгое время не привлекала внимания англо-американской советологии тема социальной мобильности в сталинском Советском Союзе. Западные исследователи считали, что этот процесс не относится к тоталитарному обществу. Публикации Ш. Фицпатрик ³ привлекли внимание к этому вопросу, но многие ученые выражали сомнение в возможности применения к сталинскому периоду этого понятия, имеющего в западных социальных науках положительное значение, других больше интересовал не сам процесс, а участие в нем государства.

Например, К. Бейлис соглашался с ней в том, что сталинский режим создавал возможности для продвижения вверх выходцев из низших классов и что это являлось серьезным фактором легитимизации для Сталина. Однако, по его мнению, Ш. Фицпатрик создавала ошибочное впечатление, что Сталин стал защитником высшего образования в конце 1930-х гг., особенно высшего технического образования как основного средства социальной мобильности в советском обществе. Это не полностью соответствовало действительности. Для Сталина технические знания представляли цен-

¹ *Fitzpatrick S. New Perspectives on Stalinism // The Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 358.*

² *Fitzpatrick S. A Reply // Slavic Review. 1980. Vol. 39. Is. 2. P. 291.*

³ *Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union. 1929–1934. Cambridge, 1979; Fitzpatrick S. Stalin and the Making of a New Elite // Slavic Review. 1979. Vol. 38. Is. 3. P. 377–402.*

ность только в сочетании с политической лояльностью. Кроме того, между техническими знаниями и обладанием дипломом не ставился знак равенства. Практический опыт, обучение в ходе работы представляли не меньшую возможность для продвижения вверх. Именно «практики» составляли основу слоя наиболее влиятельных сталинистов, и сам «хозяин» был «практиком»¹.

А. Ноув был еще резче в своих оценках. Он характеризовал сталинизм как «триумф полуграмотности» и подчеркивал, что полуграмотные исполнители воли Сталина наслаждались возможностью преследовать представителей образованных слоев общества, добиваясь от них признания своей вины, уничтожать интеллектуалов. Жестоки они были и по отношению к тем, кто стоял ниже их на социальной лестнице. Люди, с удовольствием преследовавшие интеллектуалов, с не меньшей готовностью отправляли в тюрьмы и лагеря рабочих и крестьян².

Ш. Фицпатрик настаивала, что общество нельзя анализировать в статичных терминах. Феномен высокой социальной мобильности только частично объяснялся специфической политикой режима. В большей степени это был неизбежный результат быстрой индустриализации Советского Союза, создавшей новые рабочие места для «белых и синих воротничков». Определяющей тенденцией мобильности в сталинский период было движение «вверх», в отличие от движения «вниз» привилегированных классов после революции и драматических эпизодов чистки элиты в 1930-е гг.³ Именно тезис о первостепенной значимости массового движения вверх по сравнению с воздействием террора на общество являлся принципиально новым для «новой когорты» ревизионистов. Эта позиция, прежде всего, и была подвергнута острой критике как сторонниками тоталитарной модели, так и представителями «первой волны» советологов-ревизионистов.

С высокой социальной мобильностью Ш. Фицпатрик связывала и вопрос о слабости социальных классов сталинского периода, общественных связей и, как результат, неспособности общества сопротивляться силе и экспансии государства. Высокий уровень государственного насилия, с ее точки зрения, также заслуживал переосмысления в контексте высокой социальной мобильности. Два этих явления не могли быть адекватно оценены один без другого. С одной стороны, государственное насилие создавало вынужденную общественную мобильность, как в случаях депортации кулаков, экспроприации нэпманов, проведения «чисток» и депортации «классовых врагов». С другой – спонтанная общественная мобильность в масштабах начала 1930-х гг. создавала для государства проблемы контроля, которые в свою очередь вызывали новые насильственные меры и ужесточение законодательства. Мобильность была не только следствием действий режима по преобразованию общества, но и препятствием для продолжения этого процесса. При всех амбициях режима реальный контроль, который он осуществлял, был зачастую ограничен. И один из факторов ограничения – непредсказуемая мобильность населения и ротация бюрократических кадров, выполняющих функции контроля.

Вывод, к которому пришла Ш. Фицпатрик, не мог не вызвать острую критику со стороны оппонентов. Она считала, что хотя «тоталитарная» оценка сталинской власти правильно подчеркивала стремление режима использовать насилие и террор для изменения общества, было бы ошибочно считать, что при отсутствии эффективного общественного сопротивления насилие было беспричинным и не имело под собой социальной почвы. Именно крайне высокая социальная мобильность, а не сопротивление стала социальной проблемой, непосредственно связанной с террором⁴.

Обосновывая необходимость пересмотра многих сложившихся в западной советологии взглядов, Ш. Фицпатрик настаивала на перенесении внимания историков сталинизма «вниз», на изучение локальной истории. Социальные историки в целом склонны предпочитать взгляд «снизу» – изнутри общества или даже с позиций широких масс – правительственной или элитной точке зрения «сверху». Например, классическим образцом изучения советской истории «сверху» являлась работа «Коммунистическая партия Советского Союза» Л. Шапиро. Он вообще не рассматривал события «на местах», предметом его анализа стала только деятельность центральных органов власти. История «центра» и являлась для автора историей Советского Союза⁵.

¹ *Bailes K. Stalin and the Making of a New Elite: A Comment // Slavic Review. 1980. Vol. 39. Is. 2. P. 288.*

² *Nove A. Review R. Conquest «The Great Terror» // Soviet Studies. 1969. Vol. 20. Is. 4. P. 540.*

³ *Fitzpatrick S. New Perspectives on Stalinism // The Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 365.*

⁴ *Fitzpatrick S. New Perspectives on Stalinism // The Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 366.*

⁵ *Gleason A. Totalitarianism: The Inner History of the Cold War. New York, 1995. P. 138.*

Интерес нового поколения советологов-ревизионистов к истории «снизу» был даже более акцентирован из-за негативной реакции на тоталитарную модель, базирующуюся исключительно на взгляде «сверху». Они сопоставляли картину жизни на местах с теми обобщениями, которые были сделаны исследователями-предшественниками на основании изучения решений и постановлений центральных органов, и часто находили серьезные противоречия в получаемых результатах. Творцы сталинской политики, писала она, как и западные советологи, были очень далеки от советского общества и поэтому проявляли склонность к схематизму в его понимании.

Однако необходимо отметить, что эмпирические исследования ревизионистов основывались прежде всего на материалах Смоленского архива, являвшегося в 1950–1980-е гг. главным источником первичных данных о ситуации в 1930-е гг. Опыт одного региона зачастую распространялся на всю страну. Вопрос о репрезентативности ограниченного круга источников, имевшихся в распоряжении западных советологов, долгие годы оставался предметом острых дискуссий. Но именно на основании этих источников были сделаны выводы о необходимости ревизии многих устоявшихся положений.

В соответствии с привычным советологическим взглядом социальные изменения сталинского периода были результатом радикальной политики, инициированной режимом и безжалостно проводившейся вне зависимости от реакции общества. В качестве парадигмы выступала «революция сверху», собственный сталинский термин, включающий форсированную индустриализацию, коллективизацию и другие амбициозные и разрушающие общество мероприятия периода первой пятилетки. Сюда же относились и «чистки» конца 1930-х гг. Взгляд «снизу» бросал вызов существующей парадигме.

Ш. Фицпатрик отмечала, что в опубликованных работах ревизионистов и обменах мнениями между ними можно было выделить новые альтернативные объяснения действий сталинской власти. Во-первых, режим реально имел меньший контроль над обществом, чем это провозглашалось; его действия часто были скорее импровизацией, чем выполнением единого плана; результаты политики зачастую отличались от намерений тех, кто принимал политические решения; политика во многих случаях приводила к непредвиденным и неожиданным последствиям. Во-вторых, политика режима соответствовала определенной общественной ситуации, реагировала на социальное давление и недовольство и модифицировалась в результате неформальных общественных согласований. В-третьих, наиболее радикальным утверждением ревизионистов являлось то, что политический процесс скорее был результатом инициативы «снизу», а не «сверху»¹.

Следует отметить, что в отношении последнего аспекта автор давала неоднозначное объяснение, которое в конечном итоге сводилось к признанию необходимости учитывать инициативы и «сверху», и «снизу». Способность режима генерировать «революцию сверху» не соответствовала его способности планировать социальную инженерию. Он был способен разрушать социальный ландшафт, но не мог в полной мере перестроить его в соответствии с собственными планами.

Ш. Фицпатрик сожалела, что новые данные еще недостаточно изменили старое представление о сталинском режиме как инициаторе социальных изменений 1930-х гг. Но одновременно она поддерживала позицию Р. Такера о значимости «революции сверху», допускала признание инициатив партийного руководства даже в том случае, когда процесс был генерирован силами внутри общества. А важнейшим вкладом ревизионистов она считала привлечение внимания к тому, что сталинский режим действовал не в социальном вакууме. Общественное давление, социальные составляющие, неформальный процесс взаимодействия власти и общества действовали в ходе «революции сверху». Таким образом, спорный момент возникал лишь в случае четкого указания на то, каким инициативам отдавать приоритет. Но реально обсуждать можно было лишь вопросы тактических действий сталинского режима. Выработка стратегии, безусловно, являлась прерогативой «верхов». А вот разногласия с тоталитарной теорией были действительно фундаментальны, поскольку последняя в принципе не учитывала возможность воздействия общества на власть. Тоталитарная парадигма признавала, что на режим, полностью подчинивший общество, может быть оказано лишь внешнее воздействие.

Подчеркнув важность того, что социальные историки показали, насколько одностороннюю и упрощенную картину взаимодействия государства и общества дает тоталитарная модель, автор призывала отказаться от концентрации внимания на старых советологических вопросах о политической

¹ Fitzpatrick S. New Perspectives on Stalinism // The Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 368.

системе¹. Она признавала тенденцию возврата социальной истории к переосмыслению роли государства, но считала, что в случае советской социальной истории ситуация специфична: советологи возвращали государство в центр внимания, хотя никогда его оттуда не убрали. Это создавало риск потерять возможность постановки новых вопросов и реального освещения сталинского периода с позиций социальной истории.

3.2. «Старые» ревизионисты против «новых»

Первой реакцией на публикацию Ш. Фицпатрик стала статья С. Коэна «Сталинский террор как социальная история». Он писал о том, что советологии действительно нужна социальная история, так же как и современные социологические исследования для расширения крайне скудных эмпирических знаний и обогащения односторонних интерпретаций. Потенциальная значимость новых социальных историков связана с их обещаниями сделать общество основным объектом изучения. Именно это вызывало интерес к ним. Хотя было опубликовано лишь несколько профессиональных работ, относящихся к социальной истории, и не все из них действительно изучали общество, но исследователями новой генерации было подготовлено значительное количество диссертаций и следовало ждать появления новых работ. Советологи, стремившиеся понять прошлое и настоящее Советского Союза, должны были приветствовать развитие дисциплины, надеясь, что оно приведет к разрушению старых догм.

Однако, являясь сторонником социальной истории и выступая против догм периода холодной войны, С. Коэн основное внимание сконцентрировал на критических замечаниях. Он считал, что статья Ш. Фицпатрик определенно могла рассматриваться как «манифест новой когорты», хотя автор и отрицала это. Некоторые положения публикации вызвали у него серьезные сомнения. Во-первых, социальные историки далеко не первые бросили вызов тоталитарной модели. С конца 1960-х гг. ряд советологов, среди которых были и историки, отвергал тоталитаристский взгляд на Советский Союз, фокусирующийся лишь на действиях Кремля, и исследовал советскую элиту и группы интересов. Не все из них занимались сталинским периодом, но, безусловно, привлекали внимание к социальным составляющим советской политики и истории.

Во-вторых, вывод о том, что сталинская революция сверху вела во многих направлениях к нежелательным и неожиданным для власти результатам, не являлся открытием «новой когорты». С. Коэн высказал удивление, как можно было предать забвению труды старейшины социальной истории в советологии М. Левина, который лишь раз, и то вскользь, упомянут в статье.

Отметим, что в современной российской историографии роль М. Левина в становлении социальной истории оценивается чрезвычайно высоко. Например, Е. Петров писал, что работа М. Левина «Российские крестьяне и советская власть» была для западной историографии Советского Союза настоящим поворотом – от чисто политической истории, где все сводилось к борьбе за власть и сентенциям власти, к истории социальной, к истории общества. Это было начало разрушения сложившегося стереотипа западного восприятия, когда шло постоянное сравнение между изначальной идеологической утопией и тем, что происходит на самом деле. Вместо этого предлагалось спуститься на землю и более внимательно взглянуть на экономические и социальные основы происходящего. В то же время М. Левину удалось избежать другой крайности, свойственной некоторым его последователям, для кого в связи с интересом к социальной истории политическая проблема вроде и перестала существовать. Ему в своих работах удавалось сочетать вопросы социального развития советского общества с пониманием центральной роли государства и власти в этой системе².

Публикация Ш. Фицпатрик оставляла впечатление, что новые социальные историки не имели предшественников. Вставал вопрос не только о профессиональной этике, но и о роли ревизионистов в советологии. Если они стремились улучшить ситуацию в научной сфере, они должны были отметить ее плюсы и минусы, достижения и недостатки работ тех исследователей, кто развивал и развивает дисциплину. Иначе новая группа могла сыграть роль раскольников, а не коллег. Для небольшой группы социальных историков еще рано было считать, что они существенно ревизовали пред-

¹ Fitzpatrick S. New Perspectives on Stalinism // The Russian Review. 1986. Vol. 45. P. 373.

² Петров Е. В. Американское руссиеведение. Словарь-справочник. [http:// petrov5. tripod.com/welcome.htm](http://petrov5.tripod.com/welcome.htm).

ставления ученых о сталинизме. Они только начали необходимое эмпирическое изучение советского общества. К тому же их публикации скорее фокусировались на советской элите и среднем административном уровне, чем на низших слоях общества, которые должны были стать предметом их изучения. Исследования, способные создать обобщенную картину социальной динамики сталинизма, требовали участия десятков исследователей и многих лет работы. Спешка в ревизионистской интерпретации могла лишь подорвать доверие к социальной истории в советских исследованиях. Обобщениям должно было предшествовать накопление достаточно обширных данных ¹.

С. Коэн был прав, говоря о преждевременности оценки вклада социальных историков в советологию. Но статья Ш. Фицпатрик может рассматриваться, прежде всего, как «заявление о намерениях», определение перспектив развития области исследований. Манифесты именно для этого и предназначены. Кардинальное изменение ситуации в советологии на рубеже 1980–1990-х гг. позволило специалистам, изучавшим советское прошлое, вплотную заняться социальными проблемами. Однако надо признать, что остается непонятным, как социальные историки предполагали изучать сталинское общество при тех скудных материалах, которыми они обладали в начале и середине 1980-х гг.

Наиболее острую реакцию автора вызвало отношение «новой когорты» к сталинскому террору. Напомним, что вывод ревизионистов о том, что общественная ситуация в определенной степени формировала и модифицировала действия партийного руководства, относился и к террору 1930-х гг. Этот аспект вызывал обвинения со стороны многих оппонентов в обелении сталинского режима или, по крайней мере, в неприемлемом отказе от морального осуждения сталинизма.

С точки зрения С. Коэна, существовали серьезные причины беспокоиться, что «новая когорта» предаст забвению важнейшую составляющую общественной реальности сталинских лет – продолжительный массовый террор. «Во всех их публикациях террор игнорируется, затемняется или минимизируется тем или иным путем: подчеркиванием чрезвычайной важности других составляющих; игнорированием соответствующих источников; уменьшением оценки количества пострадавших; сведением террора главным образом к “чисткам” 1937–1938 гг.; оценкой его как своеобразной формы борьбы внутри бюрократического слоя; употреблением таких эвфемизмов, как недобровольная мобильность» ².

Автор соглашался, что многие представители ранней советологии описывали сталинские годы прежде всего в терминах террора, исключая почти все остальное, и делали выводы, основанные скорее на моральном осуждении и полемических крайностях, чем на реальном анализе. Но эти недостатки не давали права «новой когорте» игнорировать изучение террора. Социальные историки могли бы отказаться от анализа террора только в том случае, если бы он не был общественным явлением, т.е. если бы распространялся только на правящие «верхи» и не затрагивал «низы» общества. Однако все доступные источники и здравый смысл говорят, что сталинский террор был действительно общественным явлением. С. Коэн выделял четыре важнейшие составляющие этого явления: во-первых, террор имел огромные демографические последствия; во-вторых, невозможно было проанализировать такие важнейшие социальные процессы, как коллективизация, индустриализация, урбанизация, мобильность, исключая роль террора в их реализации; в-третьих, иерархическая стратификация сталинского общества была непредставима без характеристики большого класса (или страты) зеков ГУЛАГа, созданного сталинским террором и находившегося в самом низу общества; в-четвертых, террор оказывал серьезное влияние на массовое сознание и психологию общества ³.

Что же касается вопроса о социальной мобильности, нельзя было забывать, что в то время, когда миллионы людей двигались «вверх», миллионы других были отправлены «вниз», в различные круги ада ГУЛАГа, о чем Ш. Фицпатрик упоминала в своей статье лишь вскользь. С. Коэн призывал к тому, чтобы ни одно из направлений террора не было преувеличено или предано забвению. Изучение террора сталинского времени должно находиться в центре внимания социальной истории не потому, что он был важнее всего остального, а потому, что он был существенной составляющей практически всех сторон жизни советского общества.

Аналогичная точка зрения высказывалась и в статье П. Кенеза «Сталинизм как скучная политика». Он считал, что историки должны писать о терроре не потому, что они хотят дать выход своему

¹ *Cohen S. Stalin's Terror as Social History // The Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 377.*

² *Cohen S. Stalin's Terror as Social History // The Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 378.*

³ *Ibid. P. 380–383.*

возмущению, а потому, что этот вопрос важен для понимания абсолютно всех аспектов советской жизни в 1930-е гг. Изучение террора не равносильно исследованию истории советского спорта или советской оперы. В условиях террора родители иначе разговаривали со своими детьми, писатели иначе писали, рабочие и администрация иначе строили свои отношения. В условиях террора возрастала социальная мобильность. В условиях террора миллионы людей погибали. О каком бы аспекте советской жизни мы ни говорили, мы не можем уйти от того, что это были кровавые времена и сталинизм был кровавой системой¹.

Оценивая появление представителей нового направления в советологии, П. Кенез отмечал, что среди историков, за исключением марксистов, звание «ревизионист» является почетным. Многие историки исправляли ошибки ортодоксальных взглядов, формируя преемственность со своими предшественниками. Ортодоксальной точке зрения вызов может быть брошен с различных позиций. Так как ревизионисты зачастую не сходятся во взглядах между собой, их обычно трудно идентифицировать как определенную группу. Однако в случае со Ш. Фицпатрик такая идентификация новой ревизионистской группы была корректной. Эта группа состояла из Р. Мэннинг, Г. Риттешпорна, Л. Виолы, У. Чейза и Дж. Гетти, – единственного имевшего опубликованную монографию². Эти историки (за исключением Г. Риттешпорна, американцы) представили взгляд на сталинизм, радикально отличающийся от привычного.

Стремясь охарактеризовать определяющую черту этой группы историков, П. Кенез отмечал, что это не просто отвержение тоталитарной модели, поскольку последняя, справедливо или ошибочно, отвергнута большинством исследователей советской истории. Характерна позиция С. Коэна, который выступал против тоталитарной модели, хотя его взгляды были настолько же далеки от концепции сторонников тоталитаризма А. Улама и М. Фейнсода, как и от подходов ревизионистов. Также следовало обратить внимание на точку зрения М. Левина, не отрицавшего социальной поддержки абсолютной диктатуры, но подчеркивавшего, что это была абсолютная диктатура и Сталин представлял собой институт власти, поэтому его личные мотивы зачастую становились определяющим фактором политического выбора.

П. Кенез не соглашался с оценкой Ш. Фицпатрик, для которой новым в ревизионистской историографии сталинизма являлся перенос особого внимания с идеологии и политики на социальную историю³. Если под социальной историей она понимала анализ общественных отношений и социальной мобильности, то работы Ш. Фицпатрик о социальной мобильности являлись единственными среди трудов ревизионистов. Если социальная история рассматривалась как изучение реальной жизни простых людей, то лучшей книгой оставался классический труд М. Фейнсода «Смоленск под властью Советов»⁴.

Ревизионисты, считал П. Кенез, также интересовались вопросами власти и политики, как и те исследователи, чьи работы они атаквали. Разница заключалась во взгляде на природу власти. Ш. Фицпатрик отмечала в своей статье, что «новая когорта» по-прежнему концентрирует внимание на старых советологических вопросах. Внимание историков к политическим вопросам понятно: именно политика определяла сталинскую систему. Лидеры большевиков были крупными политическими новаторами. Хотя их действия имели далеко идущие социальные и экономические последствия, именно их политика была принципиально новым явлением XX в. Поэтому постоянное возвращение историков к политическим вопросам представляется естественным.

Новым в работах ревизионистов являлось отрицание экстраординарного характера государственного вмешательства в жизнь общества в 1930-е гг. Они «дедemonизировали» Сталина и его политбюро настолько, что сталинизм исчезал как феномен. Р. Дэвис замечал по этому поводу, что в определенном смысле Сталин был заложником системы. Сталинский деспотизм существовал внутри определенных социальных, политических, экономических и идеологических границ. Но это был деспотизм⁵.

В представлении ревизионистов политика 1930-х гг. была скучной политикой: группы интересов боролись друг с другом, действия правительства были ответом на давление общества или об-

¹ *Kenez P. Stalinism as Humdrum Politics // The Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 399.*

² *Getty A. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938. New York, 1985.*

³ *Kenez P. Stalinism as Humdrum Politics // The Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 395.*

⁴ *Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, 1958.*

⁵ *Davies R. Economic Aspects of Stalinism // The Stalin Phenomenon. New York, 1993. P. 69.*

стоятельств. Фактически они утверждали, что советское правительство было подобно любому другому правительству, действующему в сложных обстоятельствах. Этот взгляд, с точки зрения П. Кенеза, кардинально противоречил всем доступным свидетельствам¹.

Ревизионисты неоднократно повторяли, что власть, особенно в сельской местности, была слаба и дезорганизована. В этом не было ничего нового, об этом писал еще М. Фейнсон. Неожиданным являлось то, что ревизионисты, делая вывод о слабости машины управления, снимали ответственность с лидеров страны за массовое уничтожение людей². Возможно, партийные органы были не слишком хорошо организованы, как об этом писал Дж. Гетти, а сельские органы НКВД небольшими по численности, как отмечала Р. Мэннинг, но это не опровергает того факта, что миллионы людей были уничтожены.

На утверждение Дж. Гетти о том, что роль Сталина в планировании «большого террора» должна рассматриваться как вторичная, обратил внимание и Р. Дэвис. Он соглашался с точкой зрения Дж. Гетти о том, что «российское плебейство», игнорируемое большинством историков, было важным фактором становления советской системы. Но вывод последнего о том, что «привычное (рутинное) уничтожение оппонентов» и другие негуманные аспекты сталинизма были результатом российской истории и традиции, а не действий Сталина, вызвало недоумение даже у Р. Дэвиса. В данном случае «даже» представляется уместным, поскольку Р. Дэвис, как и некоторые другие сотрудники Бирмингемского центра российских и восточноевропейских исследований, поддерживал кардинальный пересмотр многих традиционных советологических концепций. Но в отличие от своих последователей Р. Дэвис был значительно осторожнее в не критичном использовании документов советских архивов. Он отмечал, что Дж. Гетти недооценивает ценность мемуаров и слишком доверяет государственным документам³.

Ревизионисты подчеркивали важность фракционной борьбы внутри советского руководства. Они были уверены, что таким образом разрушают монолитный фасад советской политики, созданный как западными исследователями, так и советскими пропагандистами. Г. Риттешпорн и Дж. Гетти стремились представить массовые убийства результатом фракционной борьбы. П. Кенез писал, что, обращаясь к выступлениям советских руководителей, они отмечали наличие различных акцентов в их речах. Но это сложно считать доказательством наличия фракционной борьбы.

Далее П. Кенез справедливо замечал, что, вполне возможно, советские руководители не соглашались друг с другом по тем или иным вопросам. Но Г. Риттешпорн и Дж. Гетти не объясняли, почему это несогласие вело к кровопролитию. В других политических системах фракционная борьба не являлась причиной смерти миллионов людей. Наверное, было что-то специфическое в советском политическом порядке. И эта специфика требовала объяснения.

В-третьих, ревизионисты говорили о значительной общественной поддержке важнейших решений советского правительства. Это также не являлось их открытием. Большевики действительно умели использовать в своей политике энтузиазм населения, в том числе и в годы первой пятилетки. Но нельзя забывать, что это был управляемый энтузиазм и он не сохранился после периода террора⁴. С нашей точки зрения, здесь П. Кенез ошибался. Ревизионисты подчеркнули чрезвычайно важный аспект сталинизма. Власть действительно опиралась на определенные социальные слои, эксплуатируя и утопическую надежду людей на светлое будущее, и низменные инстинкты части населения. Для многих действительно возникала возможность продвинуться вверх по социальной лестнице, что отмечала в своих работах Ш. Фицпатрик. Вопрос заключается в том, составляла ли эта часть населения большинство. Ш. Фицпатрик давала утвердительный ответ, но не приводила достаточно серьезных доказательств.

Нельзя забывать и о динамичном изменении социального состава сторонников сталинской политики. Неизбежное разочарование старшего поколения, не увидевшего реальных результатов построения социализма, заменялось бездумной верой новых поколений, воспитанных в советской системе пропаганды и образования. Для многих из них уже не стоял вопрос о том, почему нужно поддерживать сталинскую власть. Сталин для них являлся не только политическим лидером, а в первую очередь харизматическим объектом поклонения. Если не богом, то полубогом. Годы террора, сопровождавшегося

¹ Kenez P. Stalinism as Humdrum Politics // The Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 397.

² Getty J.A. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938. New York, 1985. P. 220.

³ Davies R. Economic Aspects of Stalinism // The Stalin Phenomenon. New York, 1993. P. 65–74.

⁴ Kenez P. Stalinism as Humdrum Politics // The Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 398.

массированной психологической обработкой населения, уничтожение малейшего инакомыслия укрепили веру такого рода. Сочетание веры и страха являлось феноменом сталинского общества.

Д. Элей в статье «История без политики – снова?» отметил историографический прецедент спора «ревизионистов» и «ортодоксов»: споры между «интенционалистами» и «структуралистами», изучающими нацистскую Германию. Первые освещали историю нацистского государства как реализацию идеологической программы, основанной на идеях гитлеровской «*Mein Kampf*». Вторые подчеркивали хаотичность властных структур, действовавших за фасадом режима. Среди них даже нашлись «младотурки», видевшие в Гитлере слабого диктатора. «Интенционалисты» подозревали «структуралистов» в тривиализации ужасов нацизма и создании определенной апологетики нацистского режима. «Структуралисты», в свою очередь, считали «интенционалистов» представителями консервативного историцизма, не способными использовать достижения современных социальных наук.

Д. Элей обратился к вопросу о смысле социальной истории и о соотношении социальной истории и истории общества. В противовес Ш. Фицпатрик, которая рассматривала социальную историю как отказ от концентрации внимания на исследованиях государственной политики, он считал, что для современной социальной истории характерно расширение понятия «политика» по отношению к общественной жизни, изменение взгляда на границы между личным и общественным. С 1960-х гг. в сфере исследований происходила деинституализация в понимании политики, которую ученые связывали не только с традиционными государственными и общественными организациями в узком смысле, но и семьей, различными субкультурами, рабочим местом и т.д., так как государство оказывало влияние на все эти составляющие.

Государство рассматривалось в широком контексте создания и изменения социальных отношений, а не только в привычной сфере управления. В этом направлении, в отличие от традиционного советологического понимания политики и идеологии, шло развитие новой социальной истории. Создавая механическое разделение общества и государства и призывая к обновлению, Ш. Фицпатрик, считал Д. Элей, оказывалась в плену старого подхода. Социальная история должна изучать не одну из составляющих в отношениях общества и государства, а сложный комплекс отношений между ними. Изучать социальный контекст сталинизма важно. Но совершенно другая ситуация возникает, если делать это изолированно от важнейших политических составляющих 1930-х гг., отделяя «государственную» сферу и в результате приходя к выводам о меньшей роли террора и насилия в сталинский период. Трудно понять, как в таком случае «социальная» и «политическая» составляющие могут быть интегрированы¹. При забвении того, что государство инициировало глубокие изменения 1930-х гг. не только через насильственную революцию «сверху», но и через агрессивное вмешательство во все сферы жизни, напоминая ревизионистов о том, что сталинизм имел не только политическую, но и социальную составляющую, будут оставаться просто банальностью.

Д. Элей также с удивлением отмечал, что в статье Ш. Фицпатрик не упоминались исследователи, заложившие основы социальной истории Советского Союза. Так, бросалось в глаза, что Ш. Фицпатрик игнорировала исследования Бирмингемского центра российских и восточноевропейских исследований, где М. Левин, Р. Дэвис и их коллеги в 1970–1980-е гг. внесли серьезный вклад в изучение социальной и экономической истории сталинского периода. После переезда М. Левина в Филадельфию он подготовил сборник «Формирование советской системы: Эссе о социальной истории России межвоенного периода»², во введении к которому дал обоснование направлению исследований социальной истории сталинизма. А. Ноув и другие сотрудники Центра советских исследований в Глазго, а в определенном смысле и все британские исследователи в значительной степени обогатили советологические традиции, сложившиеся в Соединенных Штатах.

О необходимости более уважительного отношения к сложившимся традициям и достижениям предшествующих поколений исследователей напоминал и А. Мейер в статье «Приходя к соглашению с прошлым... и с некоторыми старыми коллегами». Он считал естественным, что историки постоянно переписывают историю, используя новые подходы, модели и концепции. Признавал, что серьезное влияние на исследователей оказывает обстановка, в которой создаются их работы. Но подчеркивал, что многие идеи, которые ревизионисты призывают рассматривать, обсуждались несколько десятилетий назад. Например, анализ советских заключенных как определенной социальной страты, находящейся на самой низшей ступени общественной иерархии, был предпринят авто-

¹ Eley G. History with the Politics Left Out – Again? // The Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 393–394.

² Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985.

ром еще в середине 1960-х гг.¹ Таким образом, амбиции ревизионистов казались ему несколько преувеличенными.

Истерия «холодной войны» в 1940–1950-е гг. оказывала серьезное воздействие на советологов. Это было время, писал А. Мейер, когда мы занимались самоцензурой не только потому, что хотели как исследователи быть точными в отношении приводимых фактов и делаемых выводов, но и потому, что не хотели дискредитировать себя в политическом отношении². Но исследователи советской истории стремились изгнать дух маккартизма из советологии. Политологи, по крайней мере, с середины 1960-х гг., начали использовать методологию бихевиористических исследований, позволяющих избавиться от субъективизма в изучении советской политики. Первой работой в данном направлении было интервьюирование советских беженцев (*Harvard Interview Project*) в 1950-е гг. Хотя проект финансировался ВВС США как целевое исследование, ученые, проводившие его, поставили перед собой задачу действительно понять советское общество и использовали для этого социологические, антропологические и психологические концепции. Они отметили наличие в советском обществе определенных групп, неформальных организаций и неофициальной культуры, т. е. социальной жизни, существующей вне рамок официальных институтов. Исследователи обращали внимание не только на социальные группы, но и на личную жизнь советских людей, что нашло отражение в названии подготовленной ими работы: «Советские граждане: Повседневная жизнь в тоталитарном обществе»³.

Ни тоталитарная школа, ни ревизионисты не отрицали факт террора в сталинские годы, но по-разному оценивали ответственность за него. С точки зрения «новой когорты ревизионистов», Сталин контролировал страну не в такой степени, как утверждала тоталитарная школа, и таким образом с него снимается вина за некоторые жестокие эпизоды. Книга Дж. Гетти о «больших чистках» показывала, что террор середины 1930-х гг. имел значительную поддержку масс, а в совокупности работы Дж. Гетти и Г. Риттешпорна перекладывали ответственность за ужасные события на советское государство и правящую партию. Г. Риттешпорн характеризовал эти события как самоуничтожение государства, неспособность власти выполнять свои функции. Дж. Гетти показывал хаос, коррумпированность и некомпетентность местных партийных органов, отсутствие постоянной связи с центром. Но его точка зрения лишь подтверждала слова Х. Арендт, которая, перефразируя оценку Энгельсом террора Великой французской революции, подчеркивала, что только слабые государства прибегают к насилию. Наиболее квалифицированные представители тоталитарной школы понимали сложность составляющих советского общества, хотя и подчеркивали важность инициатив, идущих сверху.

Завершалась дискуссия 1986 г. послесловием Ш. Фицпатрик «Вновь возвращаясь к ревизионизму», в котором она уточнила свое понимание некоторых спорных аспектов. Наиболее важными представляются разъяснения в отношении марксистской и тоталитарной парадигм, а также роли террора в советской истории. Автор отмечала, что марксистские подходы популярны среди социальных историков, но она скептически относилась к их полезности в социальной истории сталинизма. Опасность виделась в возможных невольных ограничениях рамок исследований из-за влияния советской марксистской историографии. Западные историки, изучающие советское общество, могли оказаться под сильным влиянием аналитических категорий, предложенных в многочисленных советских исследованиях. Альтернативная (не советская) марксистская интерпретация, базирующаяся, прежде всего, на работах Троцкого, имела свои плюсы и минусы, но представлялась Ш. Фицпатрик более близкой современной генерации историков.

Тоталитарная модель, писала она, раньше была общепризнанным достижением, а теперь стала общепризнанной целью критики. Поэтому, с ее точки зрения, в 1960–1970-е гг. было чрезвычайно полезно подчеркивать недостатки модели и ее неспособность объяснить все стороны жизни советского общества. Теперь, когда новое поколение исследователей, похоже, убеждено в том, что тоталитарная модель абсолютно бесполезна, важнее подчеркивать, что некоторые аспекты советской действительности она объясняла очень хорошо⁴.

¹ Meyer A. *The Soviet Political System; An Interpretation*. New York, 1965.

² Meyer A. *Coming to Terms with the Past...And with One's Older Colleagues* // *The Russian Review*. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 403.

³ Inkeles A, Bauer R. *Soviet Citizens: Daily Life in a Totalitarian Society*. Cambridge, 1956.

⁴ Fitzpatrick S. *Afterward: Revisionism Revisited* // *The Russian Review*. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 409–410.

Террор Ш. Фицпатрик считала частью советской социальной истории, и не просто частью, а явлением, оказывавшим влияние на все остальные части. Но в исследовании террора, по ее мнению, следовало избегать повторения привычных данных (или псевдоданных), найденных в привычных вторичных источниках и сопровождаемых привычным моральным осуждением. Это было приемлемо для журналистской полемики, но не для научных работ.

В равной степени неприемлемыми для нее являлись и попытки снять с режима ответственность за террор, отказаться от моральных оценок. Это опасная ловушка для ревизионистов, исследующих как сталинский, так и предшествующие периоды советской истории. Однако она подчеркивала различие между отказом от моральных оценок и критическим отношением к источникам и данным. Мы должны, писала Ш. Фицпатрик, применять к фактам, относящимся к террору, те же стандарты, что и ко всем остальным данным. В противном случае вообще нет смысла вести исследования в этом направлении¹.

Позиция Ш. Фицпатрик была выражена точно и ясно. Более того, абсолютно понятны мотивы подобного утверждения, связанные со стремлением к научной точности и достоверности. Но вопрос об источниках изучения террора сталинского времени, как и всего сталинского периода, и советской истории в целом представляется чрезвычайно сложным. Большинство исследователей признает, что официальные документы зачастую не отражают реального положения вещей. Многие из них фальсифицированы. Многие реалии жизни советского общества не отражены в официальных документах и материалах. Но ревизионисты верили именно этим официальным документам и на них строили свое отношение к сталинизму. Ш. Фицпатрик писала о необходимости переоценки «привычных данных (или псевдоданных) и вторичных источников», но что предлагалось взамен? Вся последующая ревизионистская историография основана на некритичном использовании официальной советской статистики. Резонно задать вопрос: статистики или псевдостатистики? «Лукавые цифры» сталинской статистики сослужили плохую службу многим англо-американским советологам. В том числе и в вопросе оценки террора и насилия сталинского периода. Ш. Фицпатрик опасалась влияния советской марксистской историографии. Более опасным оказалось влияние открытых советских архивов, к материалам которых западные исследователи не всегда подходили критически.

3.3. Второй раунд дискуссии

Второй раунд дискуссии о социальной истории сталинского периода развернулся на страницах «Российского обозрения» в октябре 1987 г. – ровно через год после появления первых публикаций. Во вступительной статье «Больше полемики» редактор журнала А. Вилдман отметил большой интерес, который вызвала дискуссия в среде советологов, сообщил о большом количестве материалов, присланных для публикации, в том числе теми авторами, чьи работы анализировались в ходе полемики. Социальные историки, писал он, защищают свои работы по-разному, но все они настаивают на том, что просто применяют к изучению сталинского периода те методы и подходы, которые другие историки применяют по отношению к другим периодам истории. Они «держатся за платье Клио, а не за сапоги Сталина»².

Всего в журнале было опубликовано одиннадцать небольших по объему статей, часть которых принадлежала перу социальных историков³, часть – их критикам⁴. Необходимо отметить, что это деление достаточно условно и принадлежит нам, а не участникам дискуссии или редактору

¹ Ibid. P. 410–411.

² Wildman A. More Controversy // The Russian Review. 1987. Vol. 46. No. 4. P. 375.

³ Chase W. Social History and Revisionism of the Stalinist Era // The Russian Review. 1987. Vol. 46. No. 4. P. 382–385; Getty A. State, Society, and Superstition // Ibid. P. 391–396; Kuromiya H. Stalinism and Historical Research // Ibid. P. 404–406; Manning R. State and Society in Stalinist Russia // Ibid. P. 407–411; Rittersporn G. History, Commemoration and Hectoring Rhetoric // Ibid. P. 418–423; Viola L. In Search of Young Revisionist // Ibid. P. 428–431.

⁴ Brower D. Stalinism and the «View from Below» // The Russian Review. 1987. Vol. 46. No. 4. P. 379–381; Conquest R. Revisionizing Stalin's Russia // Ibid. P. 386–390; Hough J. The «Dark Forces», the Totalitarian Model, and Soviet History // Ibid. P. 397–403; Nove A. Stalinism: Revisionism Reconsidered // Ibid. P. 412–417; Tucker R. The Stalin Period as an Historical Problem // Ibid. P. 424–427.

журнала «Российское обозрение». Условность связана с тем, что все участники отрицали свою принадлежность к какой-либо группе или течению. Однако позиции, изложенные в их публикациях, отношение к изучению сталинского периода позволяют нам пойти на такой шаг.

В публикациях оппонентов социальных историков была развита линия, определенная на первом этапе дискуссии. Д. Брауэр высказал сомнения в репрезентативности материалов, использованных «новыми ревизионистами». Он отмечал, что работы Дж. Гетти и Р. Мэннинг, описывающие хаос на уровне местных органов власти и отсутствие реального контроля со стороны центра, созданы на основании изучения документов Смоленского архива. Но насколько правомерно перенесение выводов, сделанных на базе документов этого удаленного и второстепенного региона, на всю страну? Их работы являются примером ошибочной идентификации.

После десятилетий относительного невнимания Смоленский архив стал основным источником социальной истории Советского Союза 1930-х гг. Этот растущий интерес обращал внимание на некоторые методологические проблемы, связанные с ограниченностью используемых ресурсов. Десятилетия невнимания могли смениться несколькими годами потенциально ошибочного использования архивных документов. Методы изучения локальной истории требовали особого внимания к оценке репрезентативности полученных результатов в широком политическом или социальном контексте. Смоленские документы могли иллюстрировать значительные тенденции национального масштаба, но только с учетом особенностей региона¹.

А. Ноува и Р. Конквеста настораживало отношение ревизионистов к свидетельствам очевидцев. В работах ревизионистов, писал А. Ноув, видна тенденция принижать значение неофициальных источников и мемуаров. То, что не все из них достоверны, что они должны подтверждаться другими свидетельствами, очевидно каждому. Но такие же критерии должны применяться и к официальным источникам. Он напомнил, что многие официальные лица, писавшие официальные документы в 1930-е гг., были уничтожены и одним из обвинений в их адрес было предоставление верхам недостоверной информации². А. Ноув сохранил свою точку зрения и в последующие годы. Уже в условиях советской «гласности» он вновь напоминал о многих случаях фальсификации статистики сталинскими центральными органами власти и задавал вопрос: Почему мы должны считать, что местные власти сообщали руководству правдивые данные в условиях, когда они понимали, что от них хотят услышать? А. Ноув был уверен, что зачастую «оральная история», воспоминания тех людей, которые пережили то или иное событие, являются единственным источником для историка³.

Р. Конквест также соглашался с тем, что почти все свидетельства не являются абсолютно точными. Но специфика написания советской истории состояла в том, чтобы искать правду в материалах и документах, которые не бывают абсолютно точными и адекватными. Это относилось как к официальным, так и к неофициальным источникам. Ограничение сферы исследований, игнорирование ряда исторических свидетельств деструктивно сказывались на изучении истории. Р. Конквест был уверен, что сопутствующие этому непоследовательность, упущения и искажения могли привести к серьезным ошибкам⁴. Он признавал, что ревизионизм способствует развитию сферы исследований и установлению фактов, которые иначе были бы преданы забвению. Возражения были связаны не с детализацией, к которой призывала Ш. Фицпатрик, а с возможным искажением картины в целом.

Дж. Хаф отмечал, что анализ взглядов социальных историков следует проводить в контексте истории отношения советологии к тоталитарной теории. Ее противники высказывали неудовлетворение разными аспектами тоталитарной модели, при этом часто не соглашаясь друг с другом. Автору представлялось ценным в работах молодых ревизионистов то, что они, возможно невольно, поддержали один из аспектов тоталитарной модели, который подвергался резкой критике «ревизионистов времен вьетнамской войны». Предшествующее поколение ревизионистов, поколение С. Коэна – М. Левина, старалось снять с Ленина и революции ответственность за сталинизм. Они критиковали тоталитарную модель за то, что Дж. Хаф считал наиболее ценным в ней, – за подчеркивание опоры

¹ Brower D. Stalinism and the «View from Below» // The Russian Review. 1987. Vol. 46. No. 4. P. 379.

² Nove A. Stalinism: Revisionism Reconsidered // The Russian Review. 1987. Vol. 46. No. 4. P. 416.

³ Nove A. Stalin and Stalinism – Some Introductory Thoughts // Stalin Phenomenon. London, 1993. P. 203.

⁴ Conquest R. Revisionizing Stalin's Russia // The Russian Review. 1987. Vol. 46. No. 4. P. 387, 390.

как левого (большевизм), так и правого (нацизм) тоталитаризма на наиболее низменные инстинкты масс, «темных людей»¹.

Ксенофобия, антилиберализм, ненависть к более развитым и свободным государствам подерживались властью и создавали ей социальную опору среди населения, прежде всего его маргинальной части. Ленинский вариант марксизма и практическая деятельность большевиков после революции приняли столь жестокую форму именно потому, что в определенной степени являлись выражением диктатуры пролетариата, который был не только плохо образованным, но и жестоким из-за страха, связанного с неустойчивостью социального положения, сложностью вхождения в русло новых общественных отношений, отсутствием опыта цивилизованного решения проблем. Нет ничего удивительного в том, что эти люди приветствовали Сталина и разделяли его отношение к нравственным ценностям и политическим методам.

Признание или отрицание взаимосвязанности ленинского и сталинского этапов советской истории являлось фундаментальным вопросом для историков советской России. Противоречие взглядов С. Коэна и Ш. Фицпатрик было значительно более глубоким, чем разногласия с ней молодых историков-ревизионистов. «Новые ревизионисты» признавали наличие «темных» социальных сил, видели их за фасадом революции. Поэтому они находились на одной стороне баррикады с Ш. Фицпатрик, считал Дж. Хаф². Будущее анализируемого направления исследований представлялось ему неопределенным. «Новые ревизионисты» относились к научному течению, которое концентрировало внимание на обществе и на результатах политики. Он отмечал, что если они ограничатся лишь констатацией сложности социальных сил, возможности некоторых независимых действий в период сталинизма и существования определенной социальной поддержки сталинской политики, они не будут настоящими ревизионистами, каковыми они себя считают. Однако их работы станут полезным развитием имеющейся литературы.

Р. Такер, один из ведущих «ревизионистов первой волны», прежде всего напомнил о вкладе исследователей своего поколения в изучение сталинизма. Он писал о том, что термин «ревизионизм» может означать разные процессы, происходящие в научной среде. Одно дело, когда ревизионисты оценивают и пересматривают старые взгляды и подходы, без чего оригинальные научные исследования просто невозможны. Но совершенно другая ситуация складывается, когда ревизионизм означает ниспровержение коллективного «ортодоксального» врага и забвение вклада предшественников.

Тоталитарная парадигма, как уже отмечалось в ходе дискуссии, подвергалась критике задолго до появления нового поколения социальных историков. Ее первыми критиками были политологи, в том числе и Р. Такер³. К середине 1960-х гг. необходимость новых подходов к изучению Советского Союза стала настолько очевидной, что в 1967 г. Американский совет научных обществ (*American Council of Learned Societies*) создал Группу планирования для выработки новых подходов сравнительного изучения коммунизма. Один из проектов группы базировался на идее, что основанная русским большевизмом социополитическая система является новой формой культуры или «политической культуры», в которой сочетаются элементы послереволюционной и дореволюционной культур. Такой подход внес историзм в советские и коммунистические исследования, позволил устранить воздвигнутый тоталитарной парадигмой искусственный барьер между русской и советской историей. Культурологический подход также позволил, с точки зрения Р. Такера, отказаться от слишком жесткой дихотомии «сверху – снизу»⁴.

В 1975 г. Группа планирования организовала конференцию по проблеме «Сталинизм и коммунистическая политическая культура», результаты которой отражены в сборнике «Сталинизм: Эссе в исторической интерпретации»⁵. Впоследствии появился целый ряд работ, в которых сталинский период рассматривался через призму политической культуры⁶. Р. Такер был удивлен, что участники дискуссии в журнале «Российское обозрение» игнорировали это «посттоталитарное» направление

¹ Hough J. The «Dark Forces», the Totalitarian Model, and Soviet History // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 4. P. 401.

² Ibid. P. 402.

³ Tucker R. *The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change* / Rev. ed. New York, 1971.

⁴ Tucker R. The Stalin Period as an Historical Problem // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 4. P. 424.

⁵ *Stalinism: Essays in Historical Interpretation*. New York, 1977.

⁶ White S. *Political Culture and Soviet Politics, 1979; Political Culture and Communist Studies*. New York, 1985; *Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution*. Bloomington, 1985; Tucker R. *Political Culture and Leadership in Soviet Russia: From Lenin to Gorbachev*. New York, 1987.

советологии. Он напоминал также о том, что сталинское время не может быть понято без анализа личности Сталина. «Речь не идет о чрезмерной психологизации исторических исследований, но отделение Сталина от сталинизма неизбежно приведет к ошибочной интерпретации событий 1930-х гг.»¹.

Вывод, к которому пришел Р. Такер, представляется наиболее точной оценкой перспектив социальной истории. Эти исследования могут сыграть значительную роль в анализе сталинского периода, но используя известное выделение М. Мандельбаумом «общей» и «специальной» истории² только как «специальной истории», которая прослеживает различные аспекты развития и изменения общества в отличие от «общей истории», которая рассматривает природу и изменения общества в целом³.

В советологии уже накоплено достаточно большое количество качественных работ по различным направлениям «специальных историй». Однако, за исключением учебников, не написана «общая история» Советского Союза 1930-х гг. и сталинского периода в целом. Такие обобщающие исследования должны включать политические, социальные, экономические, культурные, интеллектуальные направления во всех их взаимодействиях, с первостепенным вниманием к действиям государства. «Чистая» социальная история не может выполнить такую функцию, так же как и «чистая» политическая история или любая другая «специальная история».

Публикации авторов, которых в ходе дискуссии относили к «новой когорте», социальным историкам, «младотуркам» или «новым ревизионистам», продемонстрировали наряду с наличием общих подходов достаточно серьезные различия как в их отношении к методологии исторических исследований, так и в оценках сталинского периода советской истории. Что признавалось ими всеми и подчеркивалось в каждой из статей – они не относили себя к какой-либо когорте или течению. Так, У. Чейз считал, что Дж. Гетти, Г. Риттешпорн, Р. Мэннинг, П. Соломон, Л. Виола и Ш. Фицпатрик не писали социальную историю в том понимании, которое вкладывалось в этот термин историками Западной Европы и Америки⁴.

В публикациях ревизионистов и более ранних трудах М. Левина, В. Дунхам, Л. Сиегелбаума внимание в большей степени было приковано к вопросам взаимоотношений государства и общества, чем к анализу собственно общества или социальных групп. Хотя Дж. Гетти, Г. Риттешпорн и П. Соломон включали социальные проблемы в свой анализ и использовали местные материалы, трудно отнести этих исследователей к социальным историкам. Они изучали реализацию политических и юридических решений, взаимоотношения между лицами и органами, принимающими и выполняющими эти решения, и влиянием процесса на рядовых граждан. Ш. Фицпатрик рассматривала отдельные социально-политические аспекты культурной революции и сопутствующие процессы отношения государства и общества. То же можно сказать по поводу работ Л. Виолы о коллективизации и Р. Мэннинг о Смоленске в 1930-е гг. Их публикации больше подходят под определение политической истории. Тем не менее благодаря этим работам мы лучше, хотя и не полностью, понимаем советское общество 1930-х гг.

Л. Виола категорически возражала против оценки отдельных исследователей как представителей единой школы; идентификации взглядов Ш. Фицпатрик с взглядами членов якобы существующей когорты; обвинений исследователей в несвойственных им взглядах. Отвергая попытки выделения искусственной историографической школы и необязательной полемики с уважаемыми учеными, она подчеркивала важность ревизионизма в целом. Без ревизионизма история как профессия неизбежно будет стагнировать. Область исследований движется вперед только в том случае, когда ученые полемизируют друг с другом и развивают работы своих предшественников. Реальная опасность возникает, писала Л. Виола, когда ревизионисты становятся бывшими ревизионистами и начинают защищать свой «участок» от любых попыток пересмотра, от новых взглядов и подходов⁵.

Дж. Гетти отмечал, что никто из ученых не сделал большего вклада в эмпирическое изучение сталинизма, чем Ш. Фицпатрик. Тем более неожиданным и разочаровывающим оказалось ее стремление вернуться к старой биполярной модели «общество – государство» в форме «революция сверху – революция снизу» и вовлечь ревизионистов в один из этих лагерей. Ему представлялось, что классификация работ ревизионистов на основании принципа «сверху – снизу» является искусственной⁶.

¹ *Tucker R.* The Stalin Period as an Historical Problem // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 4. P. 425.

² *Mandelbaum M.* The Anatomy of Historical Knowledge. Baltimore; London, 1977. P. 12.

³ *Tucker R.* The Stalin Period as an Historical Problem // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 4. P. 424.

⁴ *Chase W.* Social History and Revisionism of the Stalinist Era // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 4. P. 383.

⁵ *Viola L.* In Search of Young Revisionist // *Ibid.* P. 431.

⁶ *Getty A.* State, Society, and Superstition // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 4. P. 391.

По мнению Дж. Гетти, нельзя было согласиться и с предложением отказаться от анализа действий государства при исследовании социальных проблем. Реальная социальная история невозможна без изучения процесса отношений между государством и обществом. В периоды быстрых социальных и политических изменений границы официального и неофициального, общественного и частного становятся размытыми. Зачастую некоторые части государства устанавливают союз с частью общества для борьбы с остальными частями того и другого. «Инициативы» являются результатом компромиссов, формальных и неформальных договоренностей, и истоки инициатив не всегда можно точно определить.

Ревизионисты считали, что изучение контекста событий, действующих сил более важно, чем поиск первичной инициативы. Исследователи, настаивавшие на полярности большевистского государства и общества, считали, что большевики «сверху» победили в войне против общества. Дж. Гетти представлялось, что провал попытки большевиков построить коммунизм после 1917 г. был торжеством социальной реальности «снизу» по отношению к утопической политике большевиков. Даже когда государство, казалось, торжествовало над обществом, оно было вынуждено идти на компромиссы. Общество изменило большевиков в такой же степени, в какой они изменили общество¹. Импульсы шли «сверху вниз», с «самого низа», в «горизонтальном направлении». Политика охватывала все уровни советского общества сталинского времени. Для формирования точной картины следовало выстраивать матрицу минимум с тремя направлениями. Попытки свести сложную систему к упрощению в виде «революции сверху – снизу» представлялись ему бесперспективными.

Дж. Гетти соглашался с Д. Элей в том, что о реальном ревизионизме речь может идти только тогда, когда исследователи перейдут к выработке общей теории сталинского государства. Однако первоначально они должны пройти этап накопления материала, эмпирического изучения, в большинстве случаев достаточно узкого и аполитичного. Это обязательная фаза, предшествующая обобщению или построению моделей. Попытка отказаться от «демонизации» исторических личностей, институтов или событий отражала стремление ревизионистов быть точными, внимательными и осторожными с историческими фактами. Если возникал выбор между «демонизацией» и «скучным отражением» исторического процесса, они выбирали второе².

Г. Риттешпорн добавлял, что в широком смысле нынешняя дискуссия не столько о советской истории, сколько о западной ментальности. Для «младотурков» советский феномен является объектом изучения, а не любви или ненависти. «1930-е годы интересуют нас как период формирования базовых черт советской системы, существующей и в условиях, когда террор не является ее главной составляющей. Нас интересует система как таковая»³.

В наиболее обобщенном виде взгляды социальных историков представлены в статье Р. Мэннинг «Государство и общество в сталинской России». Наше поколение, отмечала она, разделяет многие взгляды Ш. Фицпатрик и высоко ценит ее работы, расширяющие представление о советской истории 1930-х гг. Однако в некоторых вопросах наши взгляды не совпадают. Ш. Фицпатрик рассматривала отношения государства и общества в упрощенной форме. Или государство формирует исторический процесс при пассивной роли общества, или общество оказывает давление на государство, которое должно подчиняться этим требованиям из-за боязни революции. Возможность того, что государство или его отдельные элементы, включая Сталина, могут действовать совместно с общественными силами, в предшествующей историографии не рассматривалась⁴.

Второе поколение ревизионистов на вопрос о том, что было более важным – инициатива «сверху» или «снизу», отвечало, что оба направления были одинаково важными. Невозможно провести четкую границу между государством и обществом в предвоенном Советском Союзе. Прежде всего, это связано с резким увеличением численности правящей коммунистической партии в период 1924–1933 гг. за счет принятия в нее рядовых граждан. Низшие слои общества всегда были традиционным объектом изучения социальной истории, но в 1930-е гг. выходцы из низов резко продвинулись вверх в политической иерархии, пополняя ее высшие слои, резкие изменения в которых были связаны не только с террором. Р. Мэннинг также отмечала, что некоторые группы, например комсомольцев, двадцатипяти-тысячников, производственные конференции, трудно однозначно характеризовать как общественные

¹ Ibid. P. 393.

² Getty A. State, Society, and Superstition // The Russian Review. 1987. Vol. 46. No. 4. P. 394–395.

³ Rittersporn G. History, Commemoration and Hectoring Rhetoric // Ibid. P. 420.

⁴ Manning R. State and Society in Stalinist Russia // Ibid. P. 407.

или государственные. Традиционная советология избегала анализировать эту дилемму, определяя всех участников политического процесса как агентов государства. Тот факт, что государство часто оказывалось неспособным достичь своих целей из-за их несовпадения с целями исполнителей, просто игнорировался. Ревизионисты второго поколения стремились исследовать эту уникальную черту довоенной советской политики, обращая особое внимание на изучение ситуации на местах и рассматривая средний уровень аппарата власти как реальную политическую силу, представлявшую определенные социальные группы с собственными интересами¹.

Внимание к изучению советской политической системы и общества за пределами кремлевских стен не означало, что «новые ревизионисты» пренебрегали высшими уровнями политики или стремились реабилитировать Сталина. «Мы просто хотим исправить дисбаланс, – утверждала Р. Мэннинг, – сложившийся в советологии. Сила и устойчивость тоталитарной модели по отношению к сталинскому периоду во многом определяется тем, что она просто не подвергалась серьезной проверке, которая требует привлечения большого эмпирического материала. Только прекратив концентрировать внимание исключительно на Сталине, мы сможем понять его роль и место в русской истории»².

Р. Мэннинг заявляла о появлении «второго поколения» ревизионистов в советологии – поколения, которое нельзя ограничить рамками «когорты». Новая генерация ученых заметно отличалась от первого поколения ревизионистов, таких как С. Коэн, М. Левин, Р. Такер, чьи труды значительно расширили знание политической и социальной истории СССР. Они пришли в советологию в то время, когда тоталитарная модель казалась незыблемой, и направили основные усилия на борьбу с тоталитарными взглядами на досталинский период, прежде всего нэп. Но в отношении сталинского периода они принимали концепцию тоталитарной школы. Стремясь «реабилитировать» Ленина и Бухарина, отделить их от Сталина, первое поколение ревизионистов представляло сталинизм даже в более негативном свете, чем некоторые представители раннего периода советологии³. Второе поколение ревизионистов критически отнеслось к полезности тоталитарной теории и в отношении предвоенного периода, включая годы «большого террора». Новое поколение стремилось не повторять традиционной практики «обвинения» или «реабилитации» сталинизма, стремясь к детальному, точному изучению этого периода.

Подводя итог состоявшейся дискуссии, можно отметить те аспекты, в которых работы представителей «новой когорты» имели общие черты и вместе с тем отличались от трудов предшественников.

Во-первых, в работах «новых ревизионистов» анализировались те стороны жизни советского общества, которые могли рассматриваться западными читателями как положительные. Научные противники «ревизионистов» считали, что косвенное оправдание зрелого сталинизма привело процесс ревизионизма к определенной кульминации: каждой фазе развития советской системы со времен Октября до окончательного построения социализма в 1930-х гг. придавался оттенок целесообразности. Пусть и не каждая его составляющая, но процесс в целом складывался в достижения и успех⁴.

Ш. Фицпатрик писала о массовом образовании, социальной мобильности, культурной революции; Дж. Гетти и Г. Риттешпорн – об усилении контроля рядовых членов партии над бюрократией; Р. Мэннинг – о массовом участии в управлении колхозами; Л. Виола – об энтузиазме рабочего класса при проведении коллективизации; Р. Терстон – не только о мрачных, но и приятных сторонах повседневной жизни 1930-х гг.⁵ Так, монография Л. Виолы была посвящена анализу не советского

¹ Manning R. State and Society in Stalinist Russia // The Russian Review. 1987. Vol. 46. No. 4. P. 410.

² Ibid. P. 410–411.

³ Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, 1958; Inkeles A., Bauer R. The Soviet Citizen: Daily Life in Soviet Russia. Cambridge, 1959; Stalinism: Essays in Historical Interpretation. New York, 1977; Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays on Inter-war Russia. New York, 1985; Cohen S. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. New York, 1985.

⁴ Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5. С. 102.

⁵ Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge, 1979; Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington, 1978; Getty A. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938. Cambridge, 1985; Rittersporn G. Soviet Politics in the 1930s // Studies in Comparative Communism. 1986. Vol. 19. Is. 2. P. 257–269; Manning R. Government in the Soviet Countryside. The Stalinist Thirties: The case of the Belyi Raion in 1937 // Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. Pittsburgh, 1984. № 301; Thurston R. Fear and Belief in the USSR's «Great Terror»: Response to Arrest, 1935–1939 // Slavic Review. 1986. Vol. 45. Is. 2. P. 213–234; Viola L. The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. New York, 1987.

общества в целом, а его части – рабочим-двадцатипятидесятилетним, участвовавшим в сталинской кампании коллективизации. Применяв методы, характерные для западной историографии рабочего класса, она описывала двадцатипятилетников как героических представителей промышленных рабочих, ведущих борьбу за прогресс, за ликвидацию отсталости сельского населения¹.

Во-вторых, «новые ревизионисты» описывали сталинское общество в терминах и категориях, которые представляли западному читателю сталинизм «обычной» системой, не отличающейся принципиально от других систем этого времени. Ревизионисты 1980-х гг. описывали трансформацию советского общества 1930-х гг. в терминах западных социальных наук. Некоторые советологи выражали несогласие с тем, что анализ применялся по отношению к изучению Советского Союза без критического осмысления его полезности в ситуации некапиталистического развития. Например, термины «рабочий класс» и «крестьянство», связанные с отношением к средствам производства, имели совершенно иное значение в советской ситуации 1930-х гг. Дж. Бурбанк высказывала опасение, что столь некритичное использование терминологии западной науки может подорвать саму идею возможности социальной истории сталинизма и способствовать укреплению парадигм, против которых выступили ревизионисты, – западной теории тоталитаризма и советской концепции «социалистического строительства»².

С нашей точки зрения, было бы ошибкой обвинять «новую когорту» в обелении сталинского режима. Картина, которую они рисовали в противовес привычному для советологии серому имиджу, была скорее многоцветная, чем красная или розовая. «Новая когорта» писала о профессиональных и юридических вопросах, административных процессах, группах интересов, патриархальной и массовой культуре, образовании, производственном управлении, т. е. о том, что для западного общества вполне привычно и не является уникальным. Все это можно было понять без обращения к сталинскому террору, и, следовательно, террор переставал быть центральной составляющей сталинского социального порядка. Он имел место, но не определял повседневную жизнь и не превращал сталинские годы в особый исторический период. Террор не подавлял общественную жизнь, он сосуществовал с ней.

В-третьих, «новая когорта» стремилась представить террор как явление, объясняемое рациональными мотивами и являвшееся в большей степени результатом коллективных действий, чем желаний Сталина. Для того чтобы подчеркнуть их отличие от взглядов предшественников, приведем лишь одну цитату из работы Р. Такера. «Не интересы системы, а интересы Сталина, как политические, так и психопатологические, являлись решающим фактором террора 1936–1938 гг.»³ Ревизионисты же описывали террор в терминах политического конфликта и реакции управленческих структур на социальные проблемы, достигшие крайнего напряжения за монолитным фасадом сталинской диктатуры. Они уменьшали персональную ответственность Сталина, который рассматривался лишь как один из участников фракционной борьбы.

Включение в работы представителей «новой когорты» позитивных оценок советской жизни 1930-х гг. во многом объясняет волну критицизма, поднявшуюся в англоязычной советологии. Отмечая большевистские корни сталинизма, они вызвали неудовольствие «ранних ревизионистов», предпочитавших отмечать различия ленинского и сталинского этапов. В то же время их взгляды не соответствовали и тоталитарной концепции, которая признавала взаимосвязь ленинизма и сталинизма, но отрицательно относилась и к тому и к другому. Ряд англоязычных исследователей увидел в работах «новых ревизионистов» попытку не столько убрать старые идеологические догмы из советологии, сколько стремление заменить их новыми. Например, В. Андрле считал, что на смену антикоммунизму предлагался анти-антикоммунизм, который вызывал несогласие из-за заметной тенденции к смягчению оценок сталинской политики, рассматриваемой, прежде всего, как ответ на сложный комплекс социальных явлений⁴.

¹ *Viola L.* The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. New York, 1987. P. 210–218.

² *Burbank J.* Controversies over Stalinism: Searching for a Soviet Society // *Politics & Society*. 1991. Vol. 19. Is. 3. P. 333.

³ *Tucker R.* The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change / rev. ed. New York, 1971. P. 32.

⁴ *Andrle V.* Demons and Devil's Advocates: Problems in Historical Writing on the Stalin Era // *Stalinism: Its Nature and Aftermath: Essays in Honour of Moshe Lewin*. Armonk, 1992. P. 45–46.

С нашей точки зрения, проблему оценки работ нового поколения ревизионистов нельзя сводить к вопросу о наличии позитивных аспектов сталинского периода истории. Определенные положительные стороны можно найти в истории любого региона и любого периода. В силу сложности и многозначности любого исторического явления ни одно из них не может быть описано только белой или черной краской. Абсолютно положительной или отрицательной может быть только умозрительная конструкция, но не реальная общественная система. Именно поэтому в общественные науки введено понятие «идеальный тип». Вопрос заключается в том, является ли приемлемым для историка выделение и отдельное описание событий и явлений вне исторического контекста – описание, которое раскрывает ранее неизвестные стороны исторического процесса, но не дает адекватного представления или даже затемняет процесс в целом. Вечный вопрос, стоящий перед историками, – это вопрос о взаимоотношении исторического факта, его понимания и оценки.

Работы «новых ревизионистов» добавили фактический материал в научный оборот, расширили круг рассматриваемых проблем. Но в них также просматривается тенденция отодвинуть на задний план те проблемы, которые представлялись центральными для нескольких поколений исследователей. Произошло не столько обогащение области исследований, сколько изменение приоритетов внимания. «Новая когорта» выступила ниспровергателем существующей историографии, а не критическим продолжателем дела своих предшественников. Такая позиция возможна, но только в том случае, если бы наследие предшественников не несло в себе ничего положительного. История англоязычной советологии не дает оснований для такого вывода. При всех своих недостатках эта область исторической науки достигла значительных результатов в анализе и понимании сталинского общества. Тривиализация сталинизма, приравнивание его к нормальной политике представляется отступлением от исторической реальности.

В 1970–1980-е гг. ревизионизм стал «модным» направлением западной историографии. Ревизионизм в советологии сочетался с таким же направлением в германской историографии, в частности по отношению к изучению эпохи Гитлера. Было много общего в выводах, к которым пришли представители обеих школ. Двумя основными научными школами оставались тоталитарная и плюралистическая, или, используя другую терминологию, интенционалистская и структуралистская. Тоталитарный подход концентрировал внимание на государстве и персоналиях, прежде всего на Сталине. Плюралистический подход подразумевал, что государство действует как арбитр в борьбе различных групп общества за свои интересы. На практике оба подхода были достаточно несовершенными. С одной стороны, Сталин не достиг цели построения абсолютно тоталитарного государства. С другой стороны, функции государства выходили далеко за рамки арбитража. В советологии к интенционалистам относились сторонники тоталитарного подхода, а к структуралистам – «ревизионисты» – социальные историки. Для последних разница между сталинской и «нормальной» политической системой не представлялась качественной, что давало повод их оппонентам трактовать ревизионистский подход как марксистский, поскольку в его основе лежал поиск социально-экономических, а не политико-идеологических истоков сталинизма¹.

Потребовались годы, для того чтобы исследователи пришли к пониманию необходимости комплексного изучения феномена сталинизма, перестали относиться к нему как к явлению, стоящему особняком в мировой истории. М. Коэн в обзорной статье «Теории сталинизма» писал, что «сталинизм не был неизбежным последствием ленинизма, но не был и случайностью. Ленинизм способствовал подготовке почвы для сталинизма... Сталинизм не был неизбежным последствием российской истории, но не был и случайностью. Он имеет глубокие корни в российской политической культуре. Сталинизм был только одной из объективных возможностей, но он является объективной возможностью, ставшей реальностью. Сталинизм не был неизбежным идеологическим, историческим или структурным продолжением какого-либо одного фактора; как все исторические явления, он был результатом комплекса обстоятельств»². Вывод, который сегодня кажется очевидным. Однако сколько споров и столкновений мнений предшествовало этому!

В настоящее время ситуация в англоязычных «советских исследованиях» значительно изменилась. Доступнее стали архивы советского времени, было установлено сотрудничество с исследователями из стран бывшего СССР, опубликовано значительное количество новаторских научных работ, среди которых необходимо отметить новые книги Ш. Фицпатрик «Повседневный сталинизм:

¹ *McCaughey M. Stalin and Stalinism. Harlow, 1983. P. 80.*

² *Cohen M. Theories of Stalinism: Revisiting a Historical Problem // Dissent. 1992. Vol. 39. Is. 2. P. 189–191.*

обычная жизнь в экстремальное время. Советский Союз в 1930-е гг.», «Сталинизм. Новые направления», «Сталинское крестьянство: Соппротивление и спасение в русской деревне после коллективизации»¹.

Ш. Фицпатрик обратилась к проблемам, которые были обозначены в ходе дискуссий 1980-х гг. как важнейшие для понимания социального аспекта феномена сталинизма. Уже в статье 1993 г. «Как мыши кота хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г.» она пришла к выводу, что система руководства деревней продолжала плодить деспотов местного масштаба. Сталин и его соратники старались использовать ненависть обычного человека к местной власти, оправдывая «хорошего царя». Историки традиционно считали, что русский крестьянин всегда был «наивным монархистом». Однако на основании изучения сообщений местной и центральной советской печати о тридцати пяти показательных судебных процессах, проходивших в 1937 г. в сельских райцентрах России, Украины и Беларуси, Ш. Фицпатрик сделала заключение о глубоком убеждении крестьянства в том, что Сталин лично был ответственен за трагедию коллективизации².

Монография о крестьянстве стала первым исследованием этого вопроса социальным историком в англоязычной историографии. На основании изучения широкого круга источников, в том числе архивных, автор пришла к выводу, что большинство крестьян 1930-х гг., в отличие от значительной части городского населения, было настроено негативно по отношению к Сталину, возлагая на него ответственность за тяготы коллективизации и массовый голод. В 2001 г. работа была опубликована на русском языке под названием «Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня»³.

Публикации последних лет могут служить ответом на многие вопросы, поднятые в ходе дискуссии середины 1980-х гг. Изучение социальной истории сталинской России оказалось не просто возможным, но и необходимым. Сегодня ответ на этот вопрос представляется очевидным для большинства исследователей. Однако взгляды на социальную историю, понимание того, что она включает в себя, как соотносится с другими направлениями исторической науки, остаются предметом серьезного спора.

В конце XX в. широкое распространение в США получила «новая социальная история», сторонники которой настаивали на коренном изменении соотношения между социальной историей и историей интеллектуальной, ментальной. Они считали, что история общества и образующих его больших и малых групп не может изучаться в отрыве от истории систем ценностей, форм социального поведения, символов и ритуалов. То есть они видели задачу исследователей в выработке такого способа рассмотрения истории, который был бы ориентирован на воспроизведение исторических целостностей⁴.

Когда редактор журнала «Российское обозрение» А. Вилдман в 1990-е гг. задавал вопрос о том, многие ли помнят дискуссию 1986–1987 гг.⁵, очевидно было, что это риторический вопрос. Дискуссия прочно вошла в историю западной советологии, а в последние годы к проблемам, поднятым «Российским обозрением» в середине 1980-х гг., обратились и исследователи в странах бывшего СССР. Например, журнал Российской академии наук «Отечественная история» в 1998–2000 гг. неоднократно обращался к данной проблематике, а некоторые публикации являлись прямым продолжением дискуссии англо-американских советологов⁶.

Чрезвычайно жесткой критике была подвергнута позиция «ревизионистов» И. Павловой. Она считала, что, руководствуясь самыми благими намерениями, в основе которых лежит стремление к воссозданию объективной истории сталинской России 30-х гг., эти историки в результате пришли к выво-

¹ *Fitzpatrick S.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York, 1999; *Fitzpatrick S.* Stalinism: New Directions. London; New York, 2000; *Fitzpatrick S.* Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York, 1994.

² *Fitzpatrick S.* How the Mice Buried the Cat: Scenes from the Great Purges of 1937 in the Russian Provinces // *Russian Review*. 1993. Vol. 52. Is. 3. P. 299–321.

³ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. 422 с.

⁴ *Гуревич А.Я.* Историк конца XX века в поисках метода. <http://tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/G/GurevichAJa/metod.html>

⁵ *Wildman A.* Is Social History of Stalinist Russia Possible? // *The Russian Review*. 1993. Vol. 52. P. V.

⁶ *Павлова И.* Современные западные историки сталинской России 30-х гг. // *Отечественная история*. 1998. № 5. С. 107–121; И снова об историках-«ревизионистах» // Там же. № 3. С. 121–141; Власть и советское общество в 1917–1930-е годы: новые источники // Там же. 2000. № 1. С. 129–142.

дам, которые парадоксальным образом отбрасывают нас на несколько десятилетий назад. Они «добровольно и даже не осознавая этого, оказываются на сталинских смысловых нарах»¹. По мнению И. Павловой, единственным понятием, которое сегодня наиболее адекватно раскрывает сталинскую действительность, остается понятие «тоталитаризм»².

Такая позиция была чрезвычайно близка взглядам англоязычных сторонников «жесткой линии». М. Малиа писал, что «коммунизм подошел по своим возможностям максимально близко к воплощению в жизнь идеального типа тоталитаризма. Несмотря на известные оговорки, этого оказалось достаточно, чтобы создать дискомфорт для всех, кто жил при нем, и оставить вне подозрений законность приложения к нему понятия “тоталитаризм”. Сталинский социализм совершенно очевидно превзошел и нацизм, и фашизм как по тотальности контроля над обществом, так и по продолжительности пребывания у власти... Для этого уникального опыта единственно правильной является исторически корректная и динамичная тоталитарная модель»³.

Редакция журнала «Отечественная история» в послесловии к статье И. Павловой отметила, что изучение проблем западной историографии открывает широкий простор для исследователей, придерживающихся разных точек зрения, и журнал намерен продолжить обмен мнениями по данной проблематике. И действительно, в 1999 г. была опубликована подборка материалов под названием «И снова об историках-“ревизионистах”»⁴. Ю. Игрицкий справедливо отметил, что российские историки только начали приближаться к тому уровню понимания сталинизма, который уже достигнут англоязычными исследователями. «Речь идет о разных фазах в процессе познания: на Западе сначала, и очень давно, проклинали тоталитарное насилие и террор, а затем стали недоумевать, почему такая огромная страна...оказалась под пятой Сталина; у нас первая фаза, видимо, еще не исчерпала себя, а вторая только начинается»⁵. Подобную позицию поддержали и другие участники обсуждения, выразившие уверенность в необходимости глубокого, всестороннего, спокойного научного анализа работ «ревизионистов».

¹ Павлова И. Современные западные историки сталинской России 30-х гг. (Критика «ревизионистского» подхода) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 112, 115.

² Там же. С. 119.

³ Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5. С. 105, 108.

⁴ И снова об историках-«ревизионистах» // Там же. 1999. № 3. С. 121–141.

⁵ Игрицкий Ю. И. Еще раз по поводу «социальной истории» и «ревизионизма» в изучении сталинской России // Там же. С. 123.

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

4.1. Социальная история после «архивной революции»

Одной из положительных черт постперестроечного периода стал процесс сближения между российскими, американскими и европейскими историками. Так, издательство Йельского университета выпустило несколько томов архивных документов в серии «Анналы коммунизма», каждый из которых вышел одновременно на русском и английском языках и имел американского и российского редактора-составителя. С участием впечатляющего круга международных консультантов и спонсоров были опубликованы три книги документов о коллективизации под редакцией В. Данилова, Р. Мэннинг и Л. Виолы¹. Однако, с точки зрения Ш. Фицпатрик, это международное сотрудничество все еще переживает начальный период и его глубина и интеллектуальное значение не столь значительны, как хотелось бы².

В 1996 г. начал осуществляться проект «Переводная литература по общественным наукам», координируемый Институтом «Открытое общество». Его целью является создание библиотеки классической и современной литературы по гуманитарным и социальным наукам для всего «пост-социалистического пространства». Как отмечала российский координатор проекта И. Савельева, первоначально «мы практически не рекомендовали книги по истории России, написанные на Западе, — считали, что достаточно нашей собственной историографии. А потом поняли, что эта литература тоже нужна для наших ученых — хотя бы для того, чтобы можно было сравнивать, ориентироваться на какие-то иные образцы»³.

С целью ознакомления российских специалистов с иной традицией научных исследований, помощи в методологических поисках при поддержке Американского совета по сотрудничеству в области образования и изучения языков и Информационного агентства Соединенных Штатов была издана антология работ американских исследователей по истории СССР «Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период»⁴.

В рамках проекта «Изучение сталинской эры» университета Торонто Дж. Хоулетт, О. Хлевнюк, Л. Кошелева и Л. Роговая подготовили публикацию «Высшие органы КПСС при Сталине», которая была размещена в сети Интернет и стала доступна для всех интересующихся данной проблемой⁵. О. Хлевнюк развил тему, и публикация его монографии «Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы» вызвала серьезный резонанс в среде англоязычных исследователей⁶. Высокую оценку этой работе дал Р. Дэвис. Он отмечал, что западные публикации в основном касались изменений в составе политбюро с упоминанием социального происхождения, образования и карьеры его членов, а также весьма предположительных рассуждений о работе этого органа. В известной книге «Как Советский Союз управляется», впервые изданной М. Фейнсодом в 1953 г., и в переработанном Дж. Хафом втором издании в 1979 г. авторы честно признавались в ограниченности своих знаний: «Характер повестки политбюро покрыт завесой секретности»⁷. Даже частота заседаний политбюро и

¹ Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. 1927–1939. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999; Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. 1927–1939. Т. 1. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Гл. ред. В. Данилов, Р. Мэннинг, Л. Виола. М., 2000; Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. 1927–1939. Т. 3. Конец 1930–1933 / Сост. В. Данилов и др. М., 2001.

² Власть и советское общество в 1917–1930-е годы: Новые источники // Отечественная история. 2000. № 1. С. 132.

³ Савельева И. Наши переводы доходят и до провинции // Книжное обозрение. 2001. № 8. С. 6.

⁴ Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001.

⁵ The CPSU's Top Bodies under Stalin: Their Operational Records and Structure of Command. <http://www.utoronto.ca/serap/wp1.htm>.

⁶ Хлевнюк О. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

⁷ Hough J., Fainsod M. How the Soviet Union is Governed. Cambridge, 1979. P. 471.

их даты были почти неизвестны. Таблица частоты заседаний политбюро в 1918–1981 гг. в одной из западных работ – книге Дж. Левенхардта «Советское политбюро» – не содержала никакой информации о заседаниях политбюро с 1926 по 1970 гг. включительно¹.

О. Хлевнюк писал, что отсутствие специального всестороннего исследования деятельности политбюро связано, прежде всего, с состоянием источниковой базы. Закрытость архивов создавала непреодолимые препятствия на пути историков². В перестроечные и постперестроечные годы ситуация значительно изменилась, но не все сведения доступны и сегодня. И. Павлова, комментируя публикацию сборника документов «Сталинское Политбюро в 30-е годы»³, отмечала, что после указа Президента Российской Федерации от 24 августа 1991 г. о передаче архивов партии и госбезопасности в ведение российской архивной службы исследователям стали выдаваться материалы пленумов ЦК, протоколы политбюро, оргбюро, секретариата ЦК, личные фонды руководящих деятелей КПСС. Однако в бывший Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории) поступали только копии неразвернутых протоколов высших партийных органов. Все подготовительные материалы к заседаниям и стенограммы политбюро хранились в общем отделе ЦК КПСС. Эти документы были переданы сначала в архив аппарата Президента СССР, а затем Президента России. При этом наиболее секретные постановления высших партийных и государственных органов вообще не попали в архивы, поскольку не вносились в протоколы заседаний Политбюро и шли под грифом «особая папка»⁴.

До сегодняшнего дня не все «особые папки» рассекречены. В архиве Президента Российской Федерации многие материалы, которые могли бы пролить дополнительный свет на деятельность политбюро, недоступны для исследователей. Историки имеют лишь отрывочные сведения об огромном количестве записок, посланных в политбюро и лично Сталину из ОГПУ – НКВД. Но Р. Дэвис абсолютно справедливо считал, что и тогда, когда эти материалы станут доступными, некоторые тайны истории все же останутся. Стенографические отчеты заседаний политбюро и даже краткие записи прений не велись в сталинские годы. Очень часто важные решения появляются в материалах политбюро без сопровождающих документов, объясняющих данное решение⁵.

Вполне вероятно, что многие интересующие историков документы не хранились в архивах, и надежда на солидную документальную базу оказалась призрачной. Отражением названной ситуации стал один из самых острых и дискуссионных вопросов истории сталинского периода – оценка масштабов террора 1930-х гг., остававшаяся предметом спора в англо-американской советологии в течение всего послевоенного периода. Это было связано, в первую очередь, с отсутствием достоверных данных. Долгие годы исследователи могли опираться только на недокументированные свидетельства, которые значительно отличались друг от друга и достоверность которых невозможно было проверить.

Вопрос о терроре имел три важнейшие составляющие – масштаб репрессий, количество жертв и их характеристика; функции террора, рациональные и иррациональные мотивы его использования; степень органичности и неизбежности террора в советской системе. Сложившаяся концептуальная характеристика роли политического террора в коммунистических системах определяла его как произвольное использование органами политической власти жесткого насилия против личностей или групп или реальную угрозу такого использования. При этом не всякое насилие оценивалось как террор, поскольку «обычные» насильственные средства оставляют жертвам возможность сориентироваться и предусмотреть последствия определенных действий. Террор не дает таких возможностей, не обеспечивая неприкосновенность даже для конформистов. Как писал З. Бжезинский, в условиях террора «неудача может означать потерю жизни, но даже успех не гарантирует свободу и безопасность»⁶.

Из всех инструментов, имеющихся в арсенале государства, террор является крайним средством, к которому оно прибегает тогда, когда все остальные исчерпаны. В определенном смысле террор во внутренней политике равнозначен войне во внешней – любое правительство предпочтет ис-

¹ Власть и советское общество в 1917–1930-е годы: новые источники // Отечественная история. 2000. № 1. С. 140.

² Хлевнюк О. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 3–4.

³ Сталинское Политбюро в 30-е годы. М., 1995.

⁴ Павлова И.В. «Сталинское Политбюро в 30-е годы»: Рецензия // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 149–150.

⁵ Власть и советское общество в 1917–1930-е годы: новые источники // Отечественная история. 2000. № 1. С. 141.

⁶ Brzezinski Z. The Permanent Purge: Politics in Soviet Totalitarianism. Cambridge, 1956. P. 1.

пользовать более ограниченные или общепринятые средства для сохранения или укрепления своих позиций. Но сама способность режима прибегать к террору может позволить ему достигать намеченных целей без использования террора. Угроза произвольного насилия может быть такой же действенной, как его применение¹.

Рассматривая террор как важную составляющую сталинской системы, англоязычные авторы анализировали различные его стороны, не всегда имея возможность дать общую количественную оценку влияния сталинизма на демографическую ситуацию в СССР. Первым серьезным исследованием вопроса о применении принудительного труда в Советском Союзе стала книга Д. Даллина и Б. Николаевского «Лагерь принудительного труда в Советском Союзе», опубликованная в 1947 г.² Для оценки масштабов применения принудительного труда авторы использовали целый ряд источников: оценки бывших советских официальных лиц и заключенных, оказавшихся на Западе; свидетельства иностранцев, посещавших Советский Союз, и польских заключенных советских лагерей; данные о количестве газет, поступающих в лагерь; опубликованные цифры о некоторых исправительно-трудовых лагерях.

В 1948 г. Н. Тимашев использовал другую методику подсчета численности заключенных в лагерях. Он проанализировал количество людей, не принимавших участия в выборах в Советы. Его оценка численности заключенных в лагерях составила около 2 млн чел. в 1937 г., что значительно отличалось от оценки Д. Даллина и Б. Николаевского, приводивших цифру 5–6 млн чел.³

В 1952 г. был опубликован официальный доклад Госдепартамента США о принудительном труде в Советском Союзе⁴. В нем приводились данные Н. Тимашева, Д. Даллина и Б. Николаевского, Н. Ясного, ряда других исследователей. В докладе подчеркивалось, что точная цифра советских заключенных в лагерях ГУЛАГа не может быть названа из-за отсутствия официальных данных. Цифры оценок, приводимых различными экспертами, колеблются от 2 до 20 млн чел.⁵ Похожие цифры были повторены в докладе Госдепартамента в 1960 г., где отмечалось, что оценки западными исследователями количества заключенных в предвоенном СССР колеблются от 3,3 млн до 13,5 млн чел. и выше. Но последние цифры эксперты Госдепартамента считали явно завышенными⁶.

В 1959 г. Г. Вул, используя методику Н. Тимашева, проанализировал участие советских граждан в выборах 1937–1939 гг. и оценил численность заключенных приблизительно в 3 млн чел.⁷ В 1965 г. С. Сваниевич опубликовал работу «Принудительный труд и экономическое развитие: изучение опыта советской индустриализации», в которой на основании изучения советской экономической статистики и свидетельств беженцев из СССР оценил использование принудительного труда в советской экономике в 6–9 млн чел.⁸ В 1968 г. вышла в свет книга Р. Конквеста «Большой террор», где дана количественная оценка заключенных в лагерях, арестов, расстрелов. Автор использовал разнообразные доступные статистические источники, свидетельства эмигрантов и бывших заключенных. Он оценил численность арестованных в 1930-е гг. в 8–9 млн.⁹

В 1980-е гг. дискуссия о масштабах применения принудительного труда в сталинском Советском Союзе, о количестве пострадавших вновь стала объектом внимания англо-американской историографии. Это было связано с появлением новых методик оценки, публикацией некоторых новых демографических данных в советской печати, более широким применением в советологии моделей, используемых другими социальными науками. Несколько авторов, среди которых в первую очередь следует назвать С. Росефелде, С. Уиткрофта, Р. Конквеста, вели между собой постоянную полемику

¹ *Dallin A., Breslauer G. Political Terror in Communist Systems. Stanford, 1970. P. 4.*

² *Dallin D., Nikolaevsky B. Forced Labour in Soviet Russia. New Haven, 1947.*

³ *Timasheff N. The Postwar Population of the Soviet Union // The American Journal of Sociology. 1948. V. 54. No. 2. P. 150.*

⁴ *US State Department. A Red Paper on Forced Labour. Washington, 1952. Книга была также опубликована под названием Forced Labour in the Soviet Union. Washington, 1952.*

⁵ *US State Department. A Red Paper on Forced Labour. Washington, 1952. P. 4.*

⁶ *NARS, Dept of State Bureau of Intelligence and Research. Report № 8353. Current Penal Policy in the USSR. 1960. October 3. P. 2.*

⁷ *Wool A. Working Memorandum on Statistics of Population, Labour Force and Employment in the Soviet Union. New York, 1959. P. 11, 102.*

⁸ *Swianiewicz S. Forced Labour and Economic Development: an Enquiry into Experience of Soviet Industrialization. London, New York, 1965. P. 292.*

⁹ *Conquest R. The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. New York, 1968. P. 702.*

на страницах научных журналов. Начатая статьей С. Росефелде в январском (1981 г.) номере журнала «Советские исследования» и ответом С. Уиткрофта в апрельском (1981 г.) номере того же издания¹ дискуссия шла в течение всех 1980-х гг., становясь все более острой, приобретая политическую и личностную окраску. Только после частичного открытия советских и российских архивов на рубеже 1980–1990-х гг. появились принципиально новые, хотя, конечно, не окончательные, возможности для оценки острых моментов дискуссии.

В названной статье С. Росефелде писал, что хотя англоязычная литература о сталинском терроре достаточно обширна, численные оценки применения принудительного труда слишком фрагментарны и неточны. Поэтому он считал нужным вновь открыть дискуссию по этому вопросу. С. Росефелде использовал для количественной оценки доступный документальный материал, опубликованные источники, официальные публикации, свидетельства очевидцев и материалы экономической и демографической статистики. Его оценка численности заключенных ГУЛАГа составила 9–10 млн чел. С. Уиткрофту эти цифры представлялись завышенными. По его оценкам, в советских концентрационных лагерях в конце 1930-х гг. не могло находиться более 4–5 млн чел.

В публикации «Сверхнормативные смерти в Советском Союзе: пересмотр демографических последствий ускоренной индустриализации 1929–1949 гг.» С. Росефелде давал оценки, связанные с общими потерями населения СССР в сталинские годы². Отметив, что данные о сверхнормативных потерях советского населения в 1926–1939 гг. колеблются в западной научной литературе от 5,5 млн до 20,6 млн чел., он пришел к еще более высоким цифрам. По подсчетам С. Росефелде, в СССР в результате коллективизации, индустриализации, массового террора в 1929–1949 гг. (без военных потерь) погибли 21,4–24,4 млн взрослых и 7,2–8 млн детей. В следующей публикации в журнале «Славянское обозрение» он уточнил данные потерь населения в 1929–1937 гг., – назвав цифру 16,5 млн чел.³

С. Уиткрофт назвал эти оценки «еще одной “клюквой” от С. Росефелде», отметив их абсолютную ненаучность. По его мнению, память о миллионах погибших в годы сталинизма «не следует подвергать инфляции», ведь нет никаких демографических свидетельств о потерях советского населения в 1926–1939 гг. более 6 млн чел. или более 3–4 млн чел. в период коллективизации. Признание этих «низких» цифр не равносильно предательству погибших или оправданию сталинизма. Это просто следование научной точности, а не эмоциям⁴. Точку зрения С. Уиткрофта поддержали также Б. Андерсен и Б. Силвер, оценившие ситуацию в Советском Союзе 1930-х гг. с позиций демографического анализа⁵.

Однако подход Б. Андерсена, Б. Силвера и С. Уиткрофта был подвергнут резкой критике Р. Конквестом. Он не отстаивал оценки С. Росефелде, в которых находил много ошибок, но выступил против применения по отношению к сталинскому Советскому Союзу методик, используемых при изучении демографической ситуации в других странах и при других условиях.

Р. Конквест писал, что со времен Веббов некоторые западные исследователи принимали как правду все без исключения факты, цифры, заявления, опубликованные коммунистическими властями. И верили, что советская система выборов, профсоюзы, кооперативы реально существовали именно в той форме, как это декларировалось. Неспособность вообразить, что официальные документы могут лгать, сохранилась вплоть до настоящего времени. Так, «ревизионисты»-советологии отрицали возможность массовой фальсификации документов в Советском Союзе, а свидетельства эмигрантов и перебежчиков называли анекдотическими⁶.

По мнению Р. Конквеста, проблема частично состояла в том, что некоторые ревизионисты (для их характеристики он употребляет термины «секта» и «клика») были по образованию социаль-

¹ *Rosefelde S.* An Assessment of the Sources and Uses of Gulag Forced Labour 1929–56 // *Soviet Studies*. 1981. Vol. 33. № 1. P. 51–87; *Wheatcroft S.* On Assessing the Size of Forced Concentration Camp Labour in the Soviet Union, 1929–56 // *Ibid.* № 2. P. 265–295.

² *Rosefelde S.* Excess Mortality in the Soviet Union: A Reconsideration of the Demographic Consequences of Forced Industrialization 1929–1949 // *Soviet Studies*. 1983. Vol. 35. № 3. P. 385–409.

³ *Rosefelde S.* Excess Collectivization Deaths 1929–1933: New Demographic Evidence // *Slavic Review*. 1984. Vol. 43. Is. 1. P. 88.

⁴ *Wheatcroft S.* New Demographic Evidence on Excess Collectivization Deaths: Yet Another Klukva from Steven Rosefelde // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44. Is. 3. P. 508.

⁵ *Andersen B., Silver B.* Demographic Analysis and Population Catastrophes in the USSR // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44. Is. 3. P. 517–536; *Andersen B., Silver B.* Tautologies in the Study of Excess Mortality in the USSR in the 1930s // *Ibid.* 1986. Vol. 45. Is. 2. P. 307–313.

⁶ *Conquest R.* Academe and the Soviet myth // *The National Interest*. 1993. Vol. 3. Is. 22.

ными историками, а не историками в полном смысле этого слова. Их в большей степени интересовала структура, а не сущность, форма, а не содержание. Например, отмечая рост новых кадров в сталинские годы, они не подчеркивали критерии роста нового правящего класса, которые на практике сводились к жестокой «негативной селекции».

Р. Конквест настаивал на необходимости корректировки официальных советских данных с помощью свидетельств очевидцев и эмигрантов, поскольку советская демографическая статистика неоднократно подтасовывалась властью в политических целях. Кроме этого, он не считал, что для оценки сталинизма не имеет значения, сколько миллионов людей было уничтожено. Разница в моральной оценке убийства миллионов или десятков миллионов действительно не очень велика, но все-таки эта разница существует, и она имеет как историческую, так и общественную значимость¹. В обновленном издании своей знаменитой работы «Большой террор» Р. Конквест назвал следующие цифры: к концу 1938 г. в лагерях находилось 7 млн чел., 1 млн чел. были расстреляны и 2 млн умерли в лагерях². Он считал, что «большой террор» 1936–1938 гг. не был случайностью. Как всякий исторический феномен, террор имел корни в прошлом. У Р. Конквеста не вызывало сомнения, что он был неизбежным следствием природы советского общества и коммунистической партии³.

Новая ситуация, связанная с количественной оценкой жертв сталинских репрессий, возникла в западной историографии на рубеже 1980–1990-х гг., когда советская «гласность» дала возможность впервые включить в научный оборот архивные статистические данные о репрессивной политике сталинского режима. Англо-американские историки стали широко использовать советские и российские публикации, производить переоценку некоторых устоявшихся на Западе стереотипов. Например, статьи А. Ноува и М. Элмана были полностью построены на основании публикаций советских ученых⁴. Но новые статистические данные сами по себе были достаточно противоречивы и оставляли место для различных трактовок. Так, в сборнике 1993 г. «Сталинский террор: новые перспективы» А. Ноув писал об 11 млн «сверхнормативных смертей» в СССР в 1927–1937 гг., а С. Уиткрофт – о 4–5 млн⁵.

Дж. Гетти и Т. Риттешпорн в совместной публикации с В. Земсковым указывали данные о репрессированных в предвоенные годы. Максимальное общее количество (включая ГУЛАГ, колонии и спецпоселения) пришлось на 1937 г. – 2,75 млн чел.⁶ Авторы признавали, что приводимые ими цифры не могут рассматриваться как окончательные и требуют ряда уточнений. Вместе с тем новые документы позволяли оценить масштабы сталинского террора и перевести его анализ на документальную базу. Дж. Гетти и Т. Риттешпорн даже считали, что историки, изучающие данный аспект сталинизма, стали располагать более детальной документальной базой, чем исследователи германского нацизма⁷.

Российский соавтор Дж. Гетти и Т. Риттешпорна В. Земсков в русскоязычных публикациях давал чрезвычайно резкие оценки оппонентам своих коллег. Он считал, что советская и зарубежная общественность в массе своей по-прежнему находится под влиянием надуманных и не соответствующих исторической правде статистических выкладок, содержащихся как в трудах зарубежных авторов (Р. Конквест, С. Коэн и др.), так и в публикациях ряда российских исследователей. Причем в работах этих авторов расхождение с подлинной статистикой никогда не идет в сторону преуменьшения, а исключительно в сторону многократного преувеличения. У него создавалось впечатление, что «они соревнуются между собой в том, чтобы поразить читателей цифрами, так сказать, поастрономичней... Приведенные Р. Конквестом и С. Коэном статистические данные преувеличены почти в пять раз»⁸.

¹ *Conquest R.* To the Editor // *Slavic Review*. 1986. Vol. 45. Is. 2. P. 295–298.

² *Conquest R.* The Great Terror: A Reassessment. New York, 1990. P. 486.

³ *Ibid.* P. 3.

⁴ *Nove A.* How Many Victims in the 1930s? // *Soviet Studies*. 1990. Vol. 42. № 2. P. 369–373; *Nove A.* How Many Victims in the 1930s?—II // *Ibid.* 1990. Vol. 42. № 4. P. 811–815; *Ellman M.* A Note on the Number of 1933 Famine Victims // *Ibid.* 1991. Vol. 43. № 2. P. 375–382.

⁵ *Stalinist Terror: New Perspectives*. Cambridge; New York, 1993. P. 261, 275.

⁶ *Getty A., Rittersporn G., Zemskov V.* Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // *American Historical Review*. 1993. Vol. 98. Is. 4. P. 1021.

⁷ *Getty A., Rittersporn G.* The Authors Reply // *American Historical Review*. 1994. Vol. 99. Is. 3. P. 1041.

⁸ *Земсков В.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // *Социологические исследования*. 1991. № 6. С. 10.

В полемике с С. Максудовым, автором многих публикаций о демографической ситуации в Советском Союзе, вышедших в годы эмиграции исследователя на Западе¹, В. Земсков заявлял, что «г-ну Максудову придется смириться с ролью Земскова как арбитра в определении подлинности или недостоверности, точности или неточности информации по данной проблематике, просочившейся в разное время на Запад». Более того, он прямо обвинил западных историков в отходе от научной объективности, утверждая, что ученые (особенно те, кто занимался проблемой репрессий в СССР), находясь в определенных общественных условиях, не могли не выполнять социальный заказ, требовавшийся в данный момент обществу (хотя сами исследователи, возможно, не всегда это осознавали). По его мнению, не случайно именно в период «холодной войны» на Западе широким потоком выходила литература, содержащая преувеличенные данные о масштабах репрессий в СССР².

В. Земсков был близок к позиции американских ревизионистов «второй волны» в деперсонализации террора 1930-х гг. Как Дж. Гетти, Р. Терстон и некоторые другие англоязычные исследователи, он переключал внимание с личностей на тенденции. В статье «ГУЛАГ (историко-социологический аспект)» В. Земсков писал, что «в процессе отхода в середине 50-х годов от репрессивной политики личностный фактор играл подсобную роль, так как обстоятельства были сильнее воли и желания отдельных личностей. Мы убеждены, что будь тогда жив Сталин, то именно он возглавил бы политику либерализации»³.

Противоречивые оценки в академической среде вызвал сборник «Сталинский террор: Новые перспективы», опубликованный под редакцией Дж. Гетти и Р. Мэннинг в 1993 г.⁴ Авторы стремились использовать появившиеся новые возможности изучения сталинизма и поэтому писали о «новых перспективах». Однако с точки зрения Ф. Бенвенути, общей чертой всех статей, представленных в сборнике, являлась замена вопроса о причинах террора постановкой проблемы о том, каким образом действовал механизм террора⁵. Подобные взгляды поддерживал и Д. Филтцер, отмечавший, что в книге не анализируется важнейший вопрос о месте террора в сталинской системе, его принципиальной важности для сохранения и укрепления сталинской системы власти. Вопрос нельзя было сводить к социальной мобильности и перераспределению привилегий. Террор оказывал воздействие на все население, подавляя его волю, возможность свободно мыслить и действовать и тем самым позволяя правящей элите сохранять власть⁶.

Далеко не все англоязычные авторы полностью доверяли архивным данным, подчеркивая, что последствия политической манипуляции советской статистикой не могли не сказаться на архивных документах. Они не считали документы фетишем и настаивали на их критическом анализе, какому должны подвергаться все исторические свидетельства. Так, Р. Конквест считал, что именно не критичное отношение к советским источникам привело «ревизионистов» к переоценке сталинского террора как в количественном, так и в качественном отношении. Демографы Б. Андерсен и Б. Силвер использовали в своих подсчетах результаты советской переписи населения 1939 г. даже тогда, когда советские исследователи признали эту перепись фальсифицированной. Р. Конквест писал, что он помнит, как в 1970-е гг. С. Козн сказал ему на встрече в Колумбийском университете, что кое-кто из советологов считает, что Сталин уничтожил только десять тысяч человек. «Я не поверил. Тогда Стивен подвел меня к Дж. Хафу и спросил у него: “Джерри, сколько людей уничтожил Сталин?”. Хаф ответил: “Около десяти тысяч”»⁷.

Далее Р. Конквест замечал, что Дж. Хаф был одним из влиятельных предшественников советологов-ревизионистов, которые относились к представителям старшего поколения исследователей как к «воинам холодной войны». «А в СССР нас называли антисоветчиками. В чем же состоял наш антисоветизм? Мы были убеждены, что сталинизм навязал русскому и другим народам крайнюю систему террора. Мы верили, что это был ошибочный путь, а не нормальный исторический процесс. Мы были убеждены, что Сталин и его наследники вели “холодную войну” не только против Запада, но и против

¹ Максудов С. Потери населения СССР. Нью-Йорк, 1989; Максудов С. Потери населения СССР в годы коллективизации // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 65–112.

² Земсков В. К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 114–127.

³ Земсков В. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 15.

⁴ Stalinist Terror: New Perspectives. Cambridge; New York, 1993.

⁵ Benvenuti F. Reviews the book «Stalinist Terror. New Perspectives» // Europe–Asia Studies 1994. Vol. 46. Is. 3. P. 548–551.

⁶ Filtzer D. Review «Stalinist Terror» // Social History. 1994. Vol. 19. № 3. P. 421–424.

⁷ Conquest R. Academe and the Soviet myth // The National Interest. 1993. Vol. 3. Is. 22.

собственного народа. Мы были убеждены, что советские официальные документы были фальсифицированы и что самиздат, сообщения эмигрантов и перебежчиков являлись, при критическом отношении к ним, лучшими источниками информации»¹.

С. Уиткрофт писал по этому поводу, что некоторые исследователи, например В. Лакер и Р. Конквест, кажется, верят в то, что должностные лица НКВД и ГУЛАГа не нуждались в реальной информации и специально фальсифицировали данные, чтобы ввести в заблуждение западных историков. Он указывал на наличие значительного массива секретных документов сталинского периода, введенных в научный оборот в 1990-е гг., и отрицал техническую возможность их умышленной фальсификации².

В публикациях второй половины 1990-х гг. авторы повторяли приводимую ими ранее аргументацию и лишь в небольшой степени изменяли приводимые количественные оценки. С. Росефелде в 1996–1997 гг. вновь подчеркивал, что демографические методы дают более точные данные, чем архивные данные, и называл цифру 9,7 млн «сверхнормативных смертей» в 1930–1937 гг., из которых не менее 5,2 млн были напрямую связаны с деятельностью НКВД³. С. Уиткрофт, призвав историков дифференцированно относиться к массовым репрессиям и к массовым убийствам, писал в 1996–1999 гг., что на Сталина может быть возложена ответственность за гибель около 1 млн чел.⁴

Следует признать, что несмотря на наличие архивных документальных свидетельств, точные цифры жертв сталинских репрессий до настоящего дня не названы. Хотя радикальные максимальные и минимальные оценки, например «немногие сотни тысяч», называвшиеся Дж. Хафом⁵, или более 60 млн жертв за годы советской власти, названные Р. Руммелем⁶, представляются маргинальными, официально признанная оценка так и не появилась.

В таких условиях появились работы, авторы которых ставили под сомнение влияние террора на повседневную жизнь советского общества 1930-х гг. Наиболее резкую реакцию в англоязычном академическом мире вызвала книга Р. Терстона «Жизнь и террор в сталинской России, 1934–1941»⁷, которую Дж. Лаубер назвал «выдающимся образцом ревизионистского исследования»⁸. К. Ботерблоем подчеркивал, что в определенной степени работы ревизионистов стали полезным дополнением к пониманию истории Советского Союза. Но некоторые исследователи переходили разумные границы в своем стремлении ревизовать сложившиеся научные представления. Р. Терстон стремился представить сталинский Советский Союз в более благоприятном свете, чем традиционная западная историография. Результат получился противоположным. В его интерпретации советские люди предстали опасным большинством, которое само создало для себя катастрофу, а Сталин лишь со стороны наблюдал за этим процессом. К. Ботерблоем соглашался, что на многих советских гражданах лежит моральная ответственность за молчание, а на многих и прямая вина за участие в насилии. Но Р. Терстон забывал, что в условиях диктатуры поддержка большинства населения не требуется власти. Советская история показала, что организованное меньшинство способно навязывать свою волю большинству в течение длительного времени⁹.

Р. Терстон, так же как и Дж. Гетти, считал, что численность репрессированных преувеличивались в предшествующей англоязычной историографии. Однако в своей ревизии устоявшейся концепции он пошел еще дальше, заявив, что общее влияние террора на советское общество в ста-

¹ *Conquest R. Academe and the Soviet myth // The National Interest. 1993. Vol. 3. Is. 22.*

² *Wheatcroft S. Review // Europe–Asia Studies. 1996. Vol. 48. Is. 7. P. 1257.*

³ *Rosefelde S. Stalinism in Post-Communist Perspective: New Evidence on Killing, Forced Labour and Economic Growth in the 1930s // Europe–Asia Studies. 1996. Vol. 46. Is. 6. P. 959–1258; Rosefelde S. Documented Homicides and Excess Deaths: New Insights into Scale of Killing in the USSR During 1930s // Communist and Post-Communist Studies. 1997. Vol. 30. № 3. P. 321–331.*

⁴ *Wheatcroft S. The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930–1945 // Europe–Asia Studies. 1996. Vol. 48. Is. 8. P. 1319–1354; Wheatcroft S. Victims of Stalinism and the Soviet Secret Police: The Comparability and Reliability of the Archival Data – Not the Last Word // Europe–Asia Studies. 1999. Vol. 51. Is. 2. P. 315–345.*

⁵ *Hough J., Fainsod M. How the Soviet Union is Governed. Cambridge, 1979. P. 176–177.*

⁶ *Rummel R. Lethal Politics: Soviet Genocide and Mass Murder since 1917. New Brunswick, 1990. P. 6.*

⁷ *Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996.*

⁸ *Lauber J. C. I. S. History: Review of New Books. 1996. Vol. 25. Is. 1. P. 35.*

⁹ *Boterbloem K. Reviews the book «Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941» by Robert Thurston // Canadian Journal of History 1997. Vol. 32. Is. 2. P. 274–275.*

линские годы не было значительным. Основной тезис Р. Терстона заключался в том, что массового страха перед репрессиями в 1930-е гг. в Советском Союзе не было. Террор касался только отдельных представителей элиты и не представлял собой системы, направленной на все общество. С точки зрения Р. Терстона, ни о какой «атомизации» общества, подавлении общества государством не может быть и речи, поскольку общество скорее поддерживало сталинский режим, чем боялось его. Он писал, что в сталинские годы были миллионы жертв, хотя последние свидетельства советских архивов показывают, что многие ортодоксальные оценки слишком преувеличены. Но говорить о том, что весь народ был жертвой репрессий, было бы неправильно. В 1930-е гг. очень многие люди поддерживали государственное насилие и даже участвовали в нем по собственному желанию. Сталин в такой же степени реагировал на события, как и формировал их. Сталину не нужен был массовый страх для того, чтобы управлять обществом¹.

Отношение Р. Терстона к новым архивным свидетельствам было чрезвычайно избирательным. Так, невзирая на многие реабилитационные документы, он считал, что оппозиция представляла огромную опасность для Сталина. «Троцкистская оппозиция действительно существовала в СССР; Бухарин знал о существовании антисталинского центра; по крайней мере, один из последователей Бухарина говорил об убийстве Сталина; немцы предоставили информацию о виновности Тухачевского и заговоре в армии... Сталинский террор был реакцией на эти свидетельства, а не кампанией против нации»².

Р. Терстон также с большой осторожностью, если не с недоверием, относился к мемуарной литературе как к появившейся в Советском Союзе в годы «гласности», так и ранее опубликованной на Западе. Его оппонент, Д. Бурбанк, соглашалась с тем, что при использовании мемуаров нужна осторожность, но отмечала, что для того, чтобы понять сталинское время, проанализировать жизнь людей этого периода, необходимо использовать появившиеся мемуары и свидетельства современников³.

Большое количество людей, в той или иной степени пострадавших в 1930-е гг., Р. Терстон объяснял необходимостью борьбы с криминальными элементами. При этом он не вспоминал ни специфику советского законодательства этого времени, ни отсутствие самостоятельности судебной системы, ни квоты на репрессированных, которые определялись центром для местных органов. НКВД, с его точки зрения, не являлся репрессивным органом. «Полиция» была частью общества, между ней, Сталиным и обществом в целом существовали прочные связи⁴. Интересно отметить, что автор признавал, что иногда НКВД «фабриковал дела». Но тут же заявлял, что это была лишь собственная инициатива НКВД, а не указание Сталина⁵.

Выводы, к которым пришел Р. Терстон, не могли не вызвать острую реакцию многих исследователей. Важнейшие авторские положения заключались в том, система сталинского террора в том виде, в котором она описывалась предшествующими поколениями исследователей, никогда не существовала. Сталин не планировал террор. Террор коснулся меньшинства населения, насилие применялось только по отношению к элите. «Многие советские граждане в 1930-е гг. узнавали о терроре только из газет или выступлений руководителей»⁶. Большинству людей сталинская система обеспечила возможность продвижения вверх и участия в общественной жизни.

Похожую точку зрения излагала и С. Дэвис в работе «Общественное мнение в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941». Она считала, что террор, поглотивший СССР во второй половине 1930-х гг., представлял собой серии как планировавшихся, так и хаотичных событий. Уязвимость была выше среди высокопоставленных слоев, а обычные рабочие и крестьяне в относительной степени пострадали меньше. Террор был частью популистской стратегии, направленной на мобилизацию подчиненных против тех, кто занимал ответственные посты, тем самым отводя недовольство от верхушки режима. С. Дэвис пришла к выводу: стратегия принесла определенный успех⁷. Террор против тех, кто воспринимался многими как новая элита, получил

¹ *Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996. P. XVII–XXI.*

² *Ibid. P. 57–58.*

³ *Burbank J. Controversies over Stalinism: Searching for a Soviet Society // Politics & Society. 1991. Vol. 19. Is. 3. P. 337.*

⁴ *Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996. P. 90–91, 98, 136.*

⁵ *Ibid. P. 232–233.*

⁶ *Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996. P. 105.*

⁷ *Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge; New York, 1997. P. 113.*

позитивный отклик на фабриках и в колхозах, поскольку соответствовал чувствам масс о «нас» (народе) и «них» (тех, кто у власти).

Р. Конквест, не соглашаясь с подобными выводами, писал, что, конечно, западному жителю трудно представить себя на месте советского человека. Не случайно русские часто говорят о западных исследователях: «как много они знают, как мало они понимают». Хотя в отношении некоторых ревизионистов вызывает сомнение и знание, и понимание¹.

Очень жесткую оценку работе Р. Терстона дала Ш. Фицпатрик. Она отмечала, что в конце 1970-х и на протяжении 1980-х гг. молодые социальные историки – ревизионисты, бросившие вызов тоталитарной модели и пережиткам «холодной войны» в советологии, были в центре столкновения мнений. Критики обвиняли их в том, что они пытались обелить советский режим и минимизировать его жестокость. В целом это были несправедливые обвинения. Однако по отношению к книге Р. Терстона они заслуживают внимания. Он утверждает, что террор не был так страшен, как его обычно представляют, что он не затронул большинство советских людей, которые были вполне удовлетворены своей жизнью. Создается впечатление, что Р. Терстон настолько хотел представить сталинские годы в позитивном свете, что все факты он интерпретирует только в одном, заранее заданном направлении².

Ч. Фаирбанкс справедливо отметил, что здравый смысл указывает на то, что множество людей было убито в годы сталинского террора, однако советология со своими средствами, специальными методами, углубленными исследованиями оказалась неспособна четко сформулировать эту правду³. Добавим лишь, что правду оказались неспособны сформулировать и официальные советские власти.

В справке, подготовленной в 1954 г. для Н. Хрущева Генеральным прокурором СССР В. Руденко, министром внутренних дел С. Кругловым и министром юстиции К. Горшениным, указывалось, что за период 1921–1954 гг. за контрреволюционные преступления было осуждено 3 777 380 чел., в том числе к высшей мере наказания было приговорено 642 980 чел.⁴

В законе Российской Федерации от 23 мая 1995 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» отмечено, что за годы советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения по социальным, национальным и иным признакам⁵. Однако, по свидетельству А. Яковлева, возглавлявшего в 1988–1991 гг. «Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930–40-х и начала 50-х гг.», а с декабря 1992 г. – «Комиссию при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий», «точных данных, которые бы основывались на документах, о масштабах всенациональной трагедии нет»⁶.

Новым направлением западной историографии 1990-х гг. стало изучение сталинской репрессивной политики в отдельных регионах Советского Союза, что отражало общую тенденцию развития исторической науки, во все большей степени переходившей от изучения общего к частному. Советологи отставали от этой тенденции, поскольку не имели доступа к необходимым материалам. После открытия архивов были опубликованы исследования о финских иммигрантах в Карелии, депортации корейцев с Дальнего Востока, лагерях ГУЛАГа на Урале⁷. Работы такого рода позволяли достичь более глубокого и детального анализа функционирования системы, разрушали представле-

¹ *Conquest R.* Review the book «Life and Terror in Stalin's Russia» by R. Thurston // *National Review*. 1996. Vol. 48. Is. 13. P. 45–49.

² *Fitzpatrick S.* Review «Life and Terror in Stalin's Russia» by Thurston // *American Historical Review*. 1997. Vol. 102. Is. 4. P. 1193.

³ *Fairbanks C.* Reviews two books about Josef Stalin: «Stalin: Breaker of Nations» by Robert Conquest and «The Great Terror: A Reassessment» by Robert Conquest // *National Review*. 1992. Vol. 44. Is. 3. P. 45–49.

⁴ *Земсков В. Н.* Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // *История СССР*. 1991. № 5. С. 152–153.

⁵ <http://www.ist.ru/LIB031/z06154.htm>.

⁶ *Яковлев А.* Омут памяти. М., 2000. С. 432.

⁷ *Gelb M.* Karelian Fever: The Finnish Immigrant Community During Stalin's Purges // *Europe-Asia Studies*. 1993. Vol. 45. Is. 6. P.1091–1016; *Gelb M.* An Early Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // *The Russian Review*. 1995. Vol. 54. Is. 7; *Harris J.* The Growth of the Gulag: Forced Labour in the Urals Region, 1929–31 // *Ibid*. 1997. Vol. 56. Is. 2. P. 265–280.

ние о советском обществе как о монолите и стали важной составляющей изучения локальной истории сталинского периода.

Одним из первых исследований сталинизма «на местах» стали книги А. Рассвейлер «Генерация власти: История Днепростроя» и К. Меридейл «Московская политика и усиление Сталина: Коммунистическая партия в столице»¹. На примере Днепростроя А. Рассвейлер иллюстрировала эволюцию партийных целей и политики индустриализации, трудности практической реализации этих плохо продуманных задач и хаотичный характер советской индустриализации. К. Меридейл показала, что даже в столице большевики оказались неспособны создать эффективную администрацию. Хотя во время написания работ партийные архивы были в основном недоступны, авторы продемонстрировали, как много может быть найдено в местной периодике, стенограммах региональных партийных конференций и государственных архивах.

Работы подобного рода в англо-американской историографии традиционно определяются как *case studies*, что можно перевести как «исследование отдельных случаев». Примером значимости изучения отдельных составляющих для выработки общей концепции понимания сталинизма может служить монография Е. Риса «Сталинизм и советский железнодорожный транспорт. 1928–1941 гг.»². Автор, используя архивный материал, рассмотрел роль народных комиссариатов и их руководителей в выработке политических вопросов, что позволило ему дать оценку советологическим концепциям изучения сталинизма.

Д. Ватсон в работе «Молотов и советское правительство. Совнарком, 1931–1941» пришел к выводу, что Совнарком не стал «кабинетом» или «правительством», но он стал органом, в котором процедурный процесс был в значительной степени сравним с современными ему западными кабинетами и правительствами³. Ш. Фицпатрик считала, что книга Д. Ватсона вновь заставляет задуматься о том, насколько возможен институционный подход при изучении сталинской политики. Чем большее количество документов из советских архивов становится доступным, тем более убедительными выглядят аргументы в пользу персонифицированного, а не институционального изучения сталинской политики. В центре внимания политических историков должен быть скорее Молотов, чем Совнарком, или скорее Орджоникидзе, чем наркомат тяжелой промышленности. Не занимаемая должность давала силу тому или иному человеку в сталинской системе власти, а человек придавал реальную силу возглавляемому им институту⁴.

Д. Хугс также отмечал, что из-за недостатка материалов о персоналиях сталинского аппарата управления отдельные аспекты функционирования бюрократической системы оставались слабо изученными в англоязычной историографии. Он выразил несогласие с применением по отношению к сталинской системе 1930-х гг. широко используемого в западной социологии взгляда на бюрократию как на систему, базирующуюся на рациональной эффективности. Так, Р. Такер утверждал, что власть Сталина базировалась не только на его контроле над аппаратом, но также на «эффективной аргументации» и программе, «политически привлекательной» для большинства руководителей среднего и высшего ранга⁵. С. Коэн также полагал, что партийные олигархи, которые привели Сталина к власти, были «независимыми лидерами, имеющими собственное мнение»⁶. Д. Хугс не считал приводимые Р. Такером и С. Коэном аргументы в пользу такой точки зрения доказательными и, более того, отвергал «бюрократическую модель», которая проводила параллели между сталинской и царистской бюрократическими системами. С его точки зрения, более соответствующей действительности являлась оценка сталинской бюрократии как «коммуникационной системы» формальных и неформальных межличностных отношений⁷.

¹ *Rassweiler A.* The Generation of Power: The History of Dneprostroy. New York, 1988; *Merridale C.* Moscow Politics and the Rise of Stalin: The Communist Party in the Capital, 1925–1932. New York, 1990.

² *Rees E.* Stalinism and Soviet Rail Transport, 1928–1941. New York, 1995.

³ *Watson D.* Molotov and Soviet Government: Sovnarkom, 1930–1941. New York, 1996. P. 192.

⁴ *Fitzpatrick S.* Review the book «Molotov and Soviet Government. Sovnarkom, 1931–1941» by Derek Watson // Europe – Asia Studies. 1997. Vol. 49. Is. 4. P. 744–747.

⁵ *Tucker R.* Stalin as Revolutionary, 1879–1929: A Study in History and Personality. New York, 1973. P. 303–304.

⁶ *Cohen S.* Bukharin and the Bolshevik Revolution; A Political Biography, 1888–1938. New York, 1973. P. 327, 458–459.

⁷ *Hughes J.* Patrimonialism and the Stalinist System: The Case of S.I. Syrtsov // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. Is. 4. P. 551–569.

В конце XX в. широкое распространение в США получила «новая социальная история», сторонники которой настаивали на коренном изменении соотношения между социальной историей и историей интеллектуальной, ментальной. Они считали, что история общества и образующих его больших и малых групп не может изучаться в отрыве от истории систем ценностей, форм социального поведения, символов и ритуалов.

В этой связи интересно замечание Ш. Фицпатрик по поводу показательных судебных процессов 1937 г. над местными сельскими руководителями. «Районные показательные процессы 1937 г. похожи на некий советский карнавал – не просто увеселительная поездка в райцентр, где можно водку купить, а настоящий праздник, где мир перевернулся вверх ногами и мыши могут безнаказанно измываться над котом. Это, конечно, не бахтинский карнавал: было что-то порочное в этих насмешках и издевках, которые не входят в бахтинское понятие народного ликования. Но правда и то, что реальный средневековый карнавал был более жестоким и менее безбидно-веселым, чем он представляется ретроспективному взгляду интеллектуала XX в. ...Одно можно сказать с определенностью: поскольку кот мертв, мыши отплясывали на его похоронах»¹.

Статью Ш. Фицпатрик можно рассматривать как яркий пример историко-антропологического направления, получившего достаточно широкое распространение в американской русистике. Круг проблем, изучаемых под этим углом зрения, включал анализ символики власти, религиозных и светских церемоний и ритуалов, народных верований, социокультурных норм и ценностей. Одно из основных мест занимало изучение ритуалов, празднеств, процессий и других форм символического поведения. Историки пытались обнаружить скрытые за этими театрализованными действиями социокультурные нормы, идеалы и системы ценностей².

Новая работа Ш. Фицпатрик «Сорвать маски!», безусловно, займет свое достойное место в контексте дискуссий вокруг нового направления исторических исследований³. В историографической части «Введения» Ш. Фицпатрик пишет о своем отношении к работам молодых историков школы «советской субъективности». Она подтверждает свою приверженность школе социальной истории, но объектом исследования называет культурную историю советского общества. При этом автор подчеркивает, что не собирается опровергать или поддерживать молодую генерацию американских историков. Ее цель – показать собственное понимание социокультурных процессов сталинского периода, обратив основное внимание на идентификацию и самоидентификацию советского человека в «классовом обществе». Авторская идея базируется на признании чрезвычайной важности классовой стратификации для повседневной жизни советских людей. Она скептически относится к сталинской интерпретации марксистской теории классов, но серьезно – к «классовой классификации» граждан, проводимой государством. Если попытаться кратко выразить основную идею книги, то ее можно сформулировать следующим образом. Темой исследования является не вопрос о существовании или несуществовании классов в их советском понимании, а зависимость жизни человека от того, к какому классу (существующему или несуществующему) его приписало государство.

Ш. Фицпатрик предлагает читателю серию исторических очерков, написанных в 1990–2000-е гг., опубликованных в различных периодических научных изданиях, дополненных оригинальными введениями и заключениями и впервые структурированных как единое издание, состоящее из пяти частей. В результате читатель получил качественный оригинальный продукт.

В первую часть «Классовая идентичность» входят разделы «Большевицкое изобретение класса», «Классовая идентичность в нэповском обществе» и «Класс и сословие». Ш. Фицпатрик пишет о принципиальном отличии большевиков от революционеров-предшественников. «Воображаемая общность», за которую боролись большевики в 1917 г., была не нацией (что бывало в прошлом), а классом – международным пролетариатом. И только после исчезновения иллюзий о мировой революции была поставлена задача формирования социалистической, т.е. классовой, нации. Поскольку идея класса была неотделима от идеи классовой борьбы, граждане нового революционного государства стремились улучшить свою классовую идентификацию, пытались различными способами подтвердить (или создать) принадлежность к «революционным» классам. Понимая это, власть по-

¹ *Фицпатрик Ш.* Как мыши кота хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 387–415.

² *Кром М.М.* Историческая антропология: http://www.eu.spb.ru/history/reg_hist/posobie.htm.

³ *Fitzpatrick S.* Tear off the Masks!: Identity and Imposture in twentieth-century Russia. Princeton University Press, 2005.

стоянно проверяла граждан через бюрократические и гражданские процедуры. Призывы «Сорвать маски!», «Разоблачить волков в овечьей шкуре» оставались перманентно актуальными. Власть не верила гражданам, граждане пытались обмануть государство, подозревали друг друга, боялись попасть в категорию «врагов». Создавалась ситуация порочного круга, когда все не верили всем и должны были постоянно доказывать свою лояльность в обстановке потенциального заговора классовых врагов.

Центральным парадоксом нэповского общества Ш. Фицпатрик считает сочетание хрупкости и важности индивидуальной классовой идентификации. Можно спорить по поводу того, существовал или не существовал в СССР класс кулаков (вспомним сталинское «уничтожить кулачество как класс»), но категория «раскулаченные» – реальность. Автор приходит к выводу, что возникновение парадокса связано с реальным существованием в Советском Союзе не классов, а сословий. Сословная принадлежность связана не с социоэкономическим положением индивида, а с индивидуальными правами и обязательствами перед государством. Советские классы были виртуальными, но принадлежность к ним была реальной.

Вторую часть «Жизни» составили разделы «Жизнь под огнем», «Два лица Анастасии», «История крестьянина, борющегося за справедливость», «Женские жизни». Все они объединяются одной темой – влиянием государственной классовой политики на частную жизнь. Советские граждане вынуждены были публично доказывать свою классовую принадлежность. Без этого невозможно было стать членом партии, комсомола, профсоюза, получить должность в государственных структурах. Те, кто выслушивал или проверял автобиографии граждан, должны были проявлять бдительность. Таким образом «срывание масок» превратилось в ежедневную практику сталинского Советского Союза.

Третья часть «Просьбы» и четвертая – «Доносы» подготовлены на основе писем советских граждан в органы власти. В разделе «Просители и граждане» дана типологизация писем, которые направлялись жителями разнообразным адресатам: Сталину, членам политбюро, секретарям обкомов, редакциям газет, правительственным органам, знаменитостям. Ш. Фицпатрик выделяет жанры: исповеди, просьбы о помощи, жалобы, предложения; язык, манеру обращения, стиль, стереотипы самоидентификации авторов. Раздел «Патроны и клиенты» анализирует практику патронажа в Советском Союзе: кто мог быть патроном, как к нему следовало обращаться, иерархию патронажа. «Сигналы снизу» показывают, насколько широка и многообразна была практика доносительства, в том числе и на членов своей семьи – «Истории жен».

Блестяще написан раздел «Мир Остапа Бендера» в четвертой части «Самозванцы». На примере деятельности литературного персонажа, у которого был ряд реальных прототипов, автор показывает внутреннюю слабость сталинского аппарата власти. Используя свой главный талант – умение говорить языком большевиков, Остап обходит редуты охранительных структур, успешно использует маски, сорвать которые оказывается не под силу государственной машине¹.

Импульс «лингвистического поворота» был привнес в историографию советской истории на рубеже XX–XXI вв. Как справедливо отмечали С. Глебов, М. Могильнер., А. Семенов, «сегодня “филологический” этап переписывания истории сталинизма сменил этап “социологический”, который проходил под влиянием социальных наук и модернизационной теории. На смену модернизации и структурной социальной истории пришли исследования культурных механизмов, языка и семантики советского общества»².

Этапным исследованием, соединившим элементы социологического и лингвистического подходов, стала книга С. Коткина «Магнитка: Сталинизм как цивилизация»³. Работа вызвала серьезный резонанс в англоязычной историографии. Например, Р. Дэвис писал, что монография подтвердила надежду, на которой базировались труды многих ученых, не имевших доступа к советским архивам, – надежду, что доступные им в прошлые годы материалы при их разумном использовании действительно давали возможность для точной оценки многих аспектов сталинского периода со-

¹ Fitzpatrick S. *Tear off the Masks!: Identity and Imposture in twentieth-century Russia*. Princeton University Press, 2005. P. 280.

² Глебов С., Могильнер М., Семенов А. *The Story of Us: Прошлое и перспективы модернизации гуманитарного знания глазами историков* // НЛО. 2003. № 2. С. 199.

³ Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995.

ветской истории¹. С. Коткин рассматривал сталинизм как «цивилизацию», сложную общественную систему с «новыми отношениями собственности, социальной структурой, организацией экономики, политической практикой и языком», сознательно созданную как антипод капиталистической системы. С его точки зрения, сталинская система поддерживалась не только государственной машиной, но и более тонкими механизмами власти, регулировавшими повседневную жизнь.

Выходя за узкие рамки политического понимания власти, С. Коткин использовал лингвистический подход для анализа взаимоотношений власти и общества. Автор стремился в своей книге «определить реальный смысл доминирующих терминов и категорий, используемых людьми, жившими в советском обществе того времени»². Концепция тесной связи языка и власти составляла основу его методологии. Автор писал, что «сталинизм должен рассматриваться не просто как сочетание институтов, персоналий и идеологии, а как совокупность властных символов, отношений, языка и новых форм речи, новых форм поведения в обществе и частной жизни, даже нового стиля одежды, т.е. всего, что дает возможность понять новую цивилизацию, называемую социализмом»³.

В первой части книги «Строящийся социализм» С. Коткин описывал Магнитогорск как модель большевистских планов по преобразованию общества. Во второй части «Реальный социализм» анализировал реакцию строителей и жителей города на планы руководства, пути выполнения этих планов и сопротивления им. Хотя реальные результаты зачастую оказывались весьма далеки от намеченных, С. Коткин считал, что действия населения Магнитогорска в основном укладывались в рамки, предписываемые большевистской идеологией. В наиболее важной главе монографии «Язык большевиков» автор показывал процесс советизации различных общественных групп, участвовавших в строительстве города, их приспособление к «большевистскому языку». Полностью зависимые от государства жители Магнитогорска, как и всей страны, были вынуждены соблюдать навязанные сверху «правила игры» для улучшения или сохранения своего социального статуса. С. Коткин был убежден, что, за исключением небольшой группы искренних сторонников коммунистической партии, основная масса населения соблюдала «правила игры» из чисто прагматических соображений, приобретая навыки «двоемыслия» (по выражению Дж. Оруэлла), без которого невозможно было существовать в условиях сталинизма.

Отметим, что С. Коткину удалось избежать крайностей «постструктурализма» («лингвистического поворота»). Само название этого течения – «постмодернизм» – фиксирует внимание на разрыве с предшествующей исторической традицией. Это направление возникло в исторической науке под влиянием лингвистики и литературоведения. В области исторического знания оно в первую очередь явилось реакцией части интеллектуалов на марксизм и структурализм и ставило перед собой цель освободить творческую индивидуальность от пут и ограничений, налагаемых на нее всякого рода глобальными детерминизмами. Представители этого направления поставили под сомнение привычное понимание исторической истины, а некоторые из них вообще отрицали саму возможность обсуждения подобного вопроса⁴.

В интерпретации постмодернистов стиралась грань, отделяющая историческое повествование от художественного. Они считали, что вольно или невольно историк ведет себя подобно писателю: он создает сюжет, которому в той или иной мере подчинены все собранные им данные. Даже в тех случаях, когда историк стремится быть максимально точным в интерпретации событий, он неизбежно, может быть помимо его намерений, превращает в элементы фабулы, а результаты исследования организуются в связное и законченное повествование⁵.

Конечно, историк не в состоянии проверить свое знание опытным путем, поскольку объект его знания всегда находится в прошлом, и ученый имеет дело только с ее следом – историческим фактом. Исследователь также не может избавиться от своего знания последующих исторических событий и в соответствии с этим неизбежно корректирует отношение к свидетельствам современников того или иного события. Таким образом, исторический факт выступает в трех качествах – как реальность прошлого, как реальность настоящего, отраженная в источниках, и как результат научной интерпретации реальности прошлого, отраженной в источниках. Видение прошлого в конечном итоге

¹ Davies R. Reviews Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization // The Russian Review. 1997. Vol. 56 Is. 1. P. 140–141.

² Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995. P. 380.

³ Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995. P. 14.

⁴ Гуревич А. Я. Историк конца XX века в поисках метода: <http://tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/G/GurevichAJa/metod.html>.

⁵ Гуревич А. Я. «Территория историка»: <http://tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/G/GurevichAJa/territoria.html>.

определяется исторической ситуацией, в которой работает историк. Особенно важно подчеркнуть, что меняется методология исторического познания, т. е. совокупность нормативных подходов, принципов, приемов, процедур, которые задаются профессиональным сообществом в определенном культурном контексте и призваны определять направление и цели творческого поиска.

А. Гуревич использовал для характеристики этой ситуации термин М. Фуко «хронотопос историка», подразумевая под ним переключку времен – времени, когда проводится историческое исследование, времени, когда совершались исследуемые события и промежуточных периодов времени, которым принадлежат предыдущие интерпретации события, т. е. историографическим традициям¹.

Историк находится в постоянном единоборстве с источником, ибо последний представляет собой одновременно и средство познания, и преграду. Помимо того, о чем прошлое устами современников намеревалось сообщить, в текстах источников можно обнаружить немало такого, о чем оно, это прошлое, вовсе и не собиралось рассказать; это ненамеренные, произвольные высказывания источников, это то, о чем авторы исторических текстов проговаривались помимо собственной воли. Этот «иррациональный остаток», не подвергшийся цензуре сознания создателей текстов, по мнению А. Гуревича, и является наиболее подлинным историческим свидетельством².

Современный взгляд заключается в том, что исторический источник, прежде чем он окажется способным раскрыть какие-то аспекты прошлого, нуждается в критике. Он «непрозрачен», и к фактической информации, которая в нем содержится, прибавляются мысли, идеи, образы, присущие автору или составителю данного текста, с которым вынужден работать историк. Сведения о происшедших событиях и их субъективные оценки и освещение, идущие от создателя текста, неразрывно сплавлены воедино, следовательно, историк сталкивается с огромной трудностью дешифровки, демистификации источника³. Для того чтобы расшифровать дошедшие до него послания из прошлого, он должен понять изучаемую эпоху. Такой взгляд принципиально отличается от подхода позитивистской историографии, без всяких оговорок считавшей архивные документы самыми надежными и достоверными материалами.

4.2. Постмодернистский анализ советской субъективности

В конце 1990-х гг. молодое поколение историков под влиянием работ французского философа-постструктуралиста М. Фуко, посвященных проблеме формирования личности, разработали концепцию советской субъективности сталинского периода, связанной с дискурсивным подходом к индивидуальности в предвоенный период советской истории. Значимость указанной концепции состоит в том, что она подчеркивает силу языка в построении личности мужчины и женщины, ссылаясь на постструктуралистское восприятие действительности.

Результаты проведенных исследований обнаружили поразительное сходство с тоталитарным подходом в изучении советского общества. Ученые считали, что должна быть небольшая разница между понятием «узники советской личности», предоставляющим новый взгляд на положение индивидов в Советском Союзе и понятием «угнетенная и идеологически обработанная советская личность», указывающим, каким образом проводился анализ положения индивидов в советской системе представителями тоталитарной школы⁴. Мы не первыми подчеркиваем общность двух подходов в изучении проблематики. Однако, в отличие от А. Крыловой, которая проследила развитие концепции личности, основываясь на американских академических работах в контексте тоталитаризма 1940–1950-х гг., исследования социальных историков 1960–1970-х гг. и модели личности С. Кот-

¹ Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода. <http://tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/G/GurevichAJa/metod.html>.

² Там же.

³ Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода. <http://tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/G/GurevichAJa/metod.html>.

⁴ Цитата см.: *Frst J. Prisoners of the Soviet Self? Political Youth Opposition in Late Stalinism // Europe-Asia Studies. 2002. Vol. 54. Is. 3. P. 353–375; Chatterjee C., Petrone K. Models of Selfhood and Subjectivity: The Soviet Case in Historical Perspective // Slavic Review. 2008. Vol. 67. Is. 4. P. 967–986, здесь С. 972.*

кина ¹, при написании данной главы использованы преимущественно неамериканские исследования, рассмотрены не только взгляды С. Коткина, но и М. Фуко ².

Для М. Эделе тоталитарная концепция и концепция «советской цивилизации» выступали в качестве основы для защиты новой социальной истории. Большинство его исследований были ориентированы на государство и общество, но в нескольких последних ученых рассмотрел концепцию личности в понимании М. Фуко и представителей тоталитарной школы ³. Таким образом, наша глава существенно дополняет развернувшиеся дискуссии между специалистами по истории Восточной Европы.

Историки нового поколения, использовавшие возможность свободного доступа к архивным источникам с 1991 г. ⁴, развили свою концепцию в основном для периода позднего сталинизма, т.е. 1930-х гг., в отличие от представителей тоталитарной школы, проводивших анализ с политологических и социологических позиций, и, соответственно, определяющих всеохватывающую концепцию «советского человека» как предмет государства, который продолжает быть организован в соответствии с тоталитарными установками. Следовательно, представители тоталитарной школы не указали на существующую разницу между предвоенным и поздним сталинизмом, которая четко прослеживается в современных работах ⁵. Большинство исследований, представленных в нашем обзоре, посвящено сталинизму, но можно найти и работы, авторы которых признавали произошедшие перемены после смерти И.В. Сталина, но не считали их причиной для глубоких изменений тоталитарной системы ⁶. В целом, исследования тех, кого впоследствии стали называть «советологи», предназначались, в первую очередь, для понимания СССР в контексте «холодной войны» ⁷.

ТОТАЛИТАРНАЯ ШКОЛА. Уинстон Смит – главный герой романа «1984» Дж. Оруэлла – жертва полного государственного надзора и воплощение тоталитарной личности, долгое время являлся образцом, формирующим представление о тоталитарной системе на Западе. Каждый аспект жизни в этом романе попал под тотальный контроль партии и государства. Аналогичным произведением о советской действительности стал роман А. Кестлера «Слепящая тьма» ⁸. Утверждение о том, что автономная личность существует как объективная реальность ⁹, и что ее «истинная» сторона угнетена режимом и сильной волей его руководства стало ключевым в анализе тоталитарной личности. Большинство работ представителей тоталитарной школы, так или иначе, касаются проблемы, связанной со значительной ролью руководства и бесперспективностью связей «сверху – вниз», обеспечивающей передачу приказов и их немедленное исполнение. Ю. Лайонс в исследовании о

¹ Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995.

² Krylova A. *The Tenacious Liberal Subject in Soviet Studies* // *Kritika*. 2000. Vol. 1. Is. 1. P. 110–46.

³ Edele M. *Soviet Society, Social Structure, and Everyday Life: Major Frameworks Reconsidered* // *Kritika*. 2007. Vol. 8. Is. 2. P. 349–373.

⁴ Краткий обзор воздействия «архивной революции» на историографию см: Kotkin S. 1991 and the Russian Revolution: Sources, Conceptual Categories, Analytic Frameworks // *Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70. Is. 2. P. 384–425.

⁵ См., например: Fürst J. *Stalin's Last Generation: Youth, State and Komsomol 1945–53*. London, 2003; Fürst J., Edele M. *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention*. London, 2006.

⁶ Исключение составляет исследование Э. и Г. Альт, в котором авторы рассмотрели «нового человека» в советской системе после 1958 г. Но поскольку авторы формирование «нового человека» рассматривают как длительный процесс, начавшийся еще в 1917 г., анализ их исследования уместен в данной главе. См.: Alt H., Alt E. *The New Soviet Man: His Upbringing and Character Development*. New York, 1964.

⁷ Краткий обзор истории американской тоталитарной школы и дисциплины «советология», см.: Shlapentokh V. *Soviet Society and American Sovietologists: A Study in Failure? Rethinking the Soviet Collapse; Sovietology, the Death of Communism and the New Russia*. London, 1998. P. 95–114.

⁸ Koestler A. *Darkness at Noon*. Translated by Daphne Hardy. New York, 1940; Orwell G. *Nineteen Eighty-Four: A Novel*. London, 1949; см. также: Krylova A. *The Tenacious Liberal Subject in Soviet Studies* // *Kritika*. 2000. Vol. 1. P. 110–46, здесь С. 124–25 и С. 129–30; ссылка Э. Лайонса на «Проповедь правды Дж. Оруэлла», который подчеркивает намеренную фальсификацию прошлого в советской действительности – см., например, Lyons E. *Our Secret Allies: The Peoples of Russia*. London, 1954. P. 42–44.

⁹ П. Хаттон, сравнивая концепцию личности З. Фрейда с концепцией М. Фуко, указывает на наличие изначального общего положения, смысл которого заключается в том, что «душа – отдельная реальность, состояние которой мы можем понять объективно». Это положение является крайне важным для тоталитарного подхода. См.: Hutton P. H. *Foucault, Freud, and the Technologies of the Self* // *Technologies of the Self*. Amherst, 1988. P. 121–144, здесь С. 135.

роли личности в подавлении советского государства, написанном под влиянием «холодной войны», характеризует этот тип политического функционирования как «полную пирамиду власти»¹. Общий анализ фашистского и коммунистического режимов Италии, Германии и Советского Союза как моделей тоталитарного государства, проведенный теоретиками политологии К. Фридрихом и З. Бжезинским в 1950-х – начале 1960-х гг., придает большое значение лидеру². Б. Вольф, основываясь на утверждении о всеобъемлющем характере советской системы и ее подавляющем воздействии на личность, утверждала, что в Советском Союзе есть «место только для одного человека, Сталина»³. М. Мид, рассматривая проблему власти и ее восприятия в советском контексте, предложила идею о беспрепятственном функционировании системы связи и беспрепятственном выполнении того, что она называет «линией». Всеохватывающий характер государственной власти автор объясняет ее стремлением обладать монополией на истину, и, таким образом, быть только средством морального оправдания⁴.

А. Инкелес, исследовавшая проблему общественного мнения и пропаганды в Советском Союзе, равным образом, как и Н. Лейтес, изучавшая «дух большевистской элиты», право определения истины приписывали руководству⁵. Эдит и Гершель Альт в исследованиях о воспитании детей в Советском Союзе, о методах, используемых в процессе формирования «нового человека» и неоднозначности результатов этих усилий, писали, что советский гражданин не имел альтернативы для того, чтобы верить в истину, предоставляемую государством и партией⁶. Похожую точку зрения высказал немецкий журналист К. Менерт, основываясь при этом на собственном опыте в довоенной и пост-сталинской России⁷. Таким образом, работы представителей тоталитарной школы базируются на утверждении, что каждый человек представляет собой морально независимую сущность и автономную свободную личность, со своим собственным мнением и разумом, однако его «Я» было подавлено огромной государственной властью⁸. Это утверждение было впоследствии опровергнуто новым поколением историков⁹.

Ученые, анализируя эту автономную личность как угнетенную государственной властью и тотальным контролем, в целом представляют советский народ как сознательно скрывающий свое «истинное я» под маской ложной идентичности, которая должна была быть показана в общественном пространстве в целях интеграции в систему или просто для того, чтобы выжить при ее принудительных методах. В современных исследованиях по проблеме повседневности это точка зрения является спорной, так как прежнее четкое различие между частным и общественным простран-

¹ Lyons E. *Our Secret Allies: The Peoples of Russia*. London, 1954. P. 8; также см.: Moore B. *Soviet Politics: The Dilemma of Power; The Role of Ideas in Social Change*. Cambridge/Mass., 1950, здесь С. 228–236; Fetscher I. *Von Marx zur Sowjetideologie // Der Mensch im kommunistischen System: Tübinger Vorträge über Marxismus und Sowjetstaat*. Tübingen, 1957, P. 102–118; Timasheff N. S. *The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia*. New York, 1946. P. 84–93.

² Friedrich C., Brzezinski Z. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. 2d ed. / Rev. by Carl J. Friedrich. Cambridge, 1965; также см.: Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. New ed. with Added Prefaces. New York, 1973.

³ Wolfe B.D. *Communist Totalitarianism: Keys to the Soviet System*. Boston, 1961. P. 114–116.

⁴ Mead M. *Soviet Attitudes toward Authority: An Interdisciplinary Approach to Problems of Soviet Character*. New York, 1955, цитата, С. 17.

⁵ Inkeles A. *Public Opinion in Soviet Russia: A Study in Mass Persuasion*. Cambridge, 1950. P. 317; Leites N. *A Study of Bolshevism*. Glencoe, 1953. P. 145–184.

⁶ Alt H., Alt E. *The New Soviet Man: His Upbringing and Character Development*. New York, 1964. См. P. 39–39 и 57–58.

⁷ К. Менерт заявляет, что советский народ предрасположен к тому, чтобы воспринимать только ту истину, которую предоставляет им руководство. См.: Mehnert K. *The Anatomy of Soviet Man*. London, 1961, цитата С. 192–193.

⁸ См.: Wolfe B.D. *Communist Totalitarianism: Keys to the Soviet System*. Boston, 1961. – «личность затмевается и поражена всеобъемлющим характером тотальных войн и тоталитарных правительств, громоздкостью машины». С. 264; также см.: Moore B. *Soviet Politics: The Dilemma of Power; The Role of Ideas in Social Change*. Cambridge, 1950. P. 224–228.

⁹ См., например: Halpin I. *Stalin's Purges and the Question of Belief // Stalinistische Subjekte: Individuum und System in der Sowjetunion und der Komintern, 1929–1953*. Zürich, 2006. P. 233–251.

ством было поставлено под сомнение относительно советского контекста¹. Тем не менее, представители тоталитарной школы воспринимали эту дихотомию как само собой разумеющуюся. К. Фридрих и З. Бжезинский, рассматривая слои общества, признающие «истинное я»², полагали, что они таким образом выражают себя в качестве «островов отчужденности», как сферы деятельности «реального» себя, в то время как К. Менерт во время визита в Советский Союз отмечал, что большинство советских граждан «ведут двойную жизнь»³. Некоторые исследователи характеризуют это явление, например, как «двуличие» или как «ежедневное пустословие о коммунизме», подчеркивая сознательное использование «лжи в качестве инструмента власти»⁴. В целом, можно однозначно утверждать, что свободная моральная личность концептуализируется в тайной оппозиции к государству и к той системе, которой она должна соответствовать⁵.

Обращаясь к проблеме выявления истоков тоталитаризма, немецкий философ еврейского происхождения Х. Арндт подчеркивает различие между лицами, формирующими общества и государства, с его сильным руководством и принудительными методами власти. Таким образом, она характеризует «социальную атомизацию и крайнюю индивидуализацию» как одно из средств, с помощью которых режим и его лидер могут удерживать власть. Х. Арндт, как и многие авторы работ по проблеме советского субъекта, признавала, что потеря индивидуальности и мобилизации масс являются характерными признаками тоталитарных режимов. С точки зрения исследователя, такая фрагментация общества – одно из средств создания подчинения⁶.

Мы, прежде чем проследить, как инструментальная функция методов принуждения рассматривается через тоталитарную призму, намерены указать на неоднозначное толкование понятия «подчинение» в трудах 1950-х гг. При чтении тоталитарных работ о советской личности создается

¹ Относительно обсуждения дихотомии «частное – общественное» в советском контексте см.: *Siegelbaum L.H. Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia. Basingstoke, 2006; Gerasimova K. Public Privacy in the Soviet Communal Apartment // Socialist Spaces. Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc. Oxford, 2002. P. 207–230.* Примеры в исследовании О. Фиджеса о сталинском периоде показывают, что «маска» вошла в том числе и в личное пространство семьи, под которой супруги скрывали друг от друга свою истинную идентичность как «классовые враги». См.: *Figes O. The Whisperers: Private Life in Stalins Russia. London, 2007; Griesse M. Soviet Subjectivities: Discourse, Self-Criticism, Imposture // Kritika. 2008. Vol. 9. Is. 3. P. 609–624;* этот лейтмотив детально проанализирован Ш. Фицпатрик в исследовании о социальной идентичности. См.: *Fitzpatrick S. Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Princeton, Oxford 2005.*

² *Friedrich C., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2d ed. / Rev. by Carl J. Friedrich. Cambridge, 1965. P. 237–281.*

³ *Mehner K. The Anatomy of Soviet Man. London, 1961. P. 245.*

⁴ Первая цитата из *Lyons E. Our Secret Allies: The Peoples of Russia. London, 1954. P. 7;* также см.: *Hosking G. A. Homo Sovieticus or Homo Sapiens? Perspectives from the Past. London, 1987. P. 16;* также Лайонс, который особо подчеркивает, что «ложь государства» (С. 42) в итоге приводит к «шизофрении, которая является почти образом жизни». С. 372; *Ackermann K. Das Land der stummen Millionen. Tübingen, 1951. P. 232.*

⁵ См.: *Lyons E. Our Secret Allies: The Peoples of Russia. London, 1954. P. 17–28.* Лайонс описывает это явление как «постоянную гражданскую войну между управляющими и управляемыми» (С. 28) and *Wolfe B.D. Communist Totalitarianism: Keys to the Soviet System. Boston, 1961. P. 268,* который пишет о «войне государства против собственных людей»; *Hellbeck J. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // Language and Revolution: Making Modern Political Identities. London, 2002. P. 135–159* и во введении к *Halfin I. Terror in my Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge, 2003.* С другой стороны, М. Эделе указывает на тот факт, что идея о существующем различии между государством и обществом успешно была использована социальными историками, которые в 1970-х гг. пришли на смену тоталитарной школе. См.: *Edele M. Soviet Society, Social Structure, and Everyday Life: Major Frameworks Reconsidered // Kritika. 2007. Vol. 8. Is. 2. P. 349–373.*

⁶ *Arendt H. The Origins of Totalitarianism. New ed. with Added Prefaces. New York, 1973. P. 316;* также см.: *Wolfe B.D. Communist Totalitarianism: Keys to the Soviet System. Boston, 1961. P. 276* и *Alt H., Alt E. The New Soviet Man: His Upbringing and Character Development. New York, 1964.* Интересным в этом контексте является тот факт, что Ш. Плаггенборг связывает активное обращение ученых к проблеме атомизации общества с антропологическим и лингвистическим аспектами исследования истории СССР межвоенного периода. См.: *Plaggenborg S. Grundprobleme der Kulturgeschichte der sowjetischen Zwischenkriegszeit // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2000. Vol. 48. Is. 1. P. 109–118.*

впечатление, что их авторы в основном касаются внешнего поведения советских людей¹. Скорее всего, эти ученые не уделяли внимание терминологии, способной прояснить ситуацию, и при анализе их трудов представляется разумным подчеркнуть различие между *подчинением* (со ссылкой на внешнее поведение людей) и *лояльностью* (под которой понимается состояние души человека или его личная вера в советскую систему).

Специалист по коммунистической и посткоммунистической политике Р. Саква детально рассмотрел это различие и проанализировал поведение людей и их настроения. Указывая на существование трех слоев, образующих вместе «триединую структуру субъективности», ученый отмечает особенности каждого из них. На взгляд исследователя, первый слой базируется на автономном «Я», являющимся самосознанием, которое, однако, «находилось в очень жестких рамках в советский период», второй – слой личности Фуко – основан на «интериоризации» форм власти, и, наконец, третий характеризуется «отчуждением», которое определяется как состояние, когда человек потерял власть над своей судьбой. Р. Саква называет это третье толкование субъективности «экстериоризацией форм власти»². В отличие от сторонников тоталитарного подхода, выдвинувших на первый план слой «экстериоризации», в центре внимания современных исследователей, занимающихся проблемой «советской субъективности», находится «интериоризация» ценностей и власти.

В начале 1950-х гг. был реализован гарвардский проект (*Harvard Interview Project*) по проведению интервью и распространению анкет среди эмигрантов из Советского Союза. Благодаря проекту ученые получили уникальную возможность собрать материал о повседневности, исходя непосредственно из советских представлений о тоталитарном режиме, и рассмотреть отношение советских людей к этому феномену³. В исследовании был сделан акцент на концепции лояльности, показано, что режим, стремясь к созданию субъективной лояльности, в полной мере осознает тот факт, что она не способна сформировать необходимую эмоциональную связь между гражданами и государством. В итоге режим, идя на компромисс, должен согласиться с подчинением части субъектов и пресекать любое нелояльное поведение⁴, и вместе с тем должен избежать тотальной враждебности, обратив ее в отчуждение или недовольство⁵. Люди знали, каким образом реагировать на это требование: «Необходимо соответствовать, по крайней мере, внешне. Это нужно для выживания»⁶.

В анкетных данных люди рассматриваются как «полностью убежденные в эффективности этого (внешнего) давления»⁷. Тем не менее более глубокий анализ данных позволяет однозначно утверждать, что, с одной стороны, индивиды рассматриваются как сознательно подчинившие себя воле руководства, однако, с другой стороны, ученые, проводившие опросы, приписывают им ис-

¹ Таким образом, на Гершель и Эдит Альт произвел впечатление уровень конформистского внешнего поведения школьников в таких общественных местах, как школа, пионерские лагеря, улицы. См.: *Alt H., Alt E. The New Soviet Man: His Upbringing and Character Development. New York, 1964*, особенно во введении Р. 9–18. Оказавшись не в состоянии оценить степень веры в систему, К. Менерт, как и большинство других представителей тоталитарной школы, сосредотачивается на внешнем поведении. См.: *Mehner K. The Anatomy of Soviet Man. London, 1961. P. 245–249*. В итоге он заявляет, что советская власть еще не успела преобразовать людей в «большевиков до мозга костей», см. р. 284. Лайонс полагал, что «легитимность советского государства никогда не воспринималась психикой человека». См.: *Lyons E. Our Secret Allies: The Peoples of Russia. London, 1954. P. 35–57*.

² *Sakwa R. Subjectivity, Politics and Order in Russian Political Evolution // Slavic Review. 1995. Vol. 54. Is. 4. P. 943–964*, цитата С. 951–956.

³ Мы акцентируем внимание в основном на двух исследованиях в рамках гарвардского проекта: *Bauer R.A., Inkeles A. The Soviet Citizen. Cambridge, 1961*; *Bauer R.A., Inkeles A., Kluckhohn C. How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes. Cambridge, 1956*; М. Эделе в работе «Советское общество, социальная структура и повседневность» также рассматривает гарвардский проект, см.: *Edele M. Soviet Society, Social Structure, and Everyday Life: Major Frameworks Reconsidered // Kritika. 2007. Vol. 8. Is. 2. P. 349–373*.

⁴ Бауэр и Инкелес таким образом отмечали, что главная задача советских лидеров состояла в том, чтобы сосредоточиться «не на восприятии, а на поведении», см.: *Bauer R. A., Inkeles A. The Soviet Citizen. Cambridge, 1961. P. 282*.

⁵ *Bauer R.A., Inkeles A. The Soviet Citizen. Cambridge, 1961. P. 269–272*.

⁶ *Bauer R.A., Inkeles A., Kluckhohn C. How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes. Cambridge, 1956. P. 30–31*.

⁷ *Bauer R.A., Inkeles A., Kluckhohn C. How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes. Cambridge, 1956. P. 147*.

пользование «регулирующих механизмов» для защиты собственных интересов¹. Исходя из анализа этих «прагматических убеждений»², участники гарвардского проекта сходились во мнении, что в основе подчинения и лояльности лежит не идентификация людей с их потребностями в положительном смысле, а их вера в силу и готовность системы применять насилие в отношении любого инакомыслия. Индивид концептуализируется в качестве жертвы как внешнего, так и внутреннего контролирующего механизмов. В целом, значение гарвардского проекта состоит в том, что он подчеркивает некоторые аспекты интериоризации структур власти как важного фактора «лояльности»³.

Но как государство или режим способны создать такую атмосферу страха и подчинения? Работы представителей тоталитарной школы, предлагают широкий диапазон ответов: от «атомизации» общества, принуждения и насилия, тотального контроля и социального давления, предоставления возможностей профессионального роста и социального обеспечения до манипуляции языком и идеологией в качестве эффективного средства достижения подчинения режиму и его руководству и поддержании сильной позиции последнего. Насилие в отношении любого проявления нелояльности, крайним примером которого выступает сталинский террор, занимает самое важное место в анализе советской системы. В целом, исследования советской системы тесно связаны с изучением террора и принудительной трудовой системы как средств управления поведением людей⁴. Среди сторонников тоталитарной школы утвердилась точка зрения, согласно которой террор осуществляет строгий и всеобъемлющий контроль над каждым аспектом деятельности человека.

Из шести признаков «тоталитарного синдрома», предложенных К. Фридрихом и З. Бжезинским для определения тоталитарного государства, последние четыре относятся к контролю над институтами и людьми⁵. Ю. Лайонс характеризует повседневный опыт человека как «жизнь в смиренной рубашке ... в мире ловушек и подводных камней». Аналогичную точку зрения высказала Б. Вольф, которая утверждала, что «не может быть *ничего* вне контроля государства»⁶. Большинство сторонников тоталитарного подхода сходились во мнении в том, что советская система имела принудительный характер и создавала атмосферу страха, не оставляющую пространства для выражения «настоящего» я⁷.

На взгляд Х. и Е. Альт, интеграция личности в систему проходила не только путем государственного принуждения, но и другими способами: с помощью награждений, средствами социального обеспечения, идеологической обработкой⁸. Участники гарвардского проекта считали, что социальное обеспечение и профессиональный рост элиты являются самым важным условием лояльности к системе.

Классический тоталитарный подход указывает на идеологию как еще на одно средство «психологической войны» государства в формировании гражданина-конформиста. Хотя сторонники тоталитарной школы в своих исследованиях отмечают непосредственное влияние «утопического и хилиастского элементов идеологии» на создание атмосферы повиновения и подчинения, основное

¹ *Bauer R.A., Inkeles A., Kluckhohn C. How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes. Cambridge, 1956. P. 74–81.*

² *Bauer R.A., Inkeles A., Kluckhohn C. How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes. Cambridge, 1956. P. 33; см. там же, P.143–152 and Bauer R. A., Inkeles A. The Soviet Citizen. Cambridge, 1961. P. 285–286.*

³ *Edele M. Soviet Society, Social Structure, and Everyday Life: Major Frameworks Reconsidered // Kritika. 2007. Vol. 8. Is. 2. P. 349–373; Griesse M. Soviet Subjectivities: Discourse, Self-Criticism, Imposture // Kritika. 2008. Vol. 9. Is. 3. P. 609–624.*

⁴ Цит.: *Lyons E. Our Secret Allies: The Peoples of Russia. London, 1954. P. 23; см. также P. 167–179 and P. 180–191; Ackermann K. Das Land der stummen Millionen. Tübingen, 1951. P. 53–63; Leites N. A Study of Bolshevism. Glencoe, 1953. P. 341–367; Timasheff N. S. The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. New York, 1946. P. 49–53; Wolfe B.D. Communist Totalitarianism: Keys to the Soviet System. Boston, 1961. P. 158–172.*

⁵ *Friedrich C., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2d ed. / Rev. by Carl J. Friedrich. Cambridge, 1965. P. 9–12.*

⁶ *Lyons E. Our Secret Allies: The Peoples of Russia. London, 1954. P. 372; Wolfe B. D. Communist Totalitarianism: Keys to the Soviet System. Boston, 1961. P. 267.*

⁷ Лайонс сравнивает атмосферу страха «с раковым недугом, который разъедает жизнь», см.: *Lyons E. Our Secret Allies: The Peoples of Russia. London, 1954. P. 10; Менерт замечает, что «советский человек всегда знает об угрозе, которая нависает над ним. Страх стал постоянным его компаньоном», см.: *Mehner K. The Anatomy of Soviet Man. London, 1961. P. 261; см. там же. P. 157; Bauer R.A., Inkeles A., Kluckhohn C. How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes. Cambridge, 1956. P. 69–70 и 100.**

⁸ *Alt H., Alt E. The New Soviet Man: His Upbringing and Character Development. New York, 1964. P. 36–61.*

внимание они уделяют анализу механизма передачи этих элементов через образование, идеологическую обработку и функционирование пропагандистской системы¹. По мнению Х. Арндт, главная цель пропаганды и идеологической обработки заключается в мобилизации масс на поддержку режима². Другие ученые признают очевидный успех этих организационных методов.

На лингвистическом уровне постоянное повторение пропагандистских лозунгов и всеохватывающая идеологическая обработка представляются успешными и эффективными³. К. Фридрих и З. Бжезинский утверждали, что по причине того, что советские граждане не были защищены от государственной пропаганды, им не оставалось другой альтернативы кроме как соответствовать содержанию идеологического сообщения и адаптироваться к «общей картине мысли, почти стилю мышления»⁴. К. Акерманн в исследовании о принудительном характере советской системы подчеркивает центральную роль партии в определении общественной жизни, контроле частной жизни и мышлении людей. В целом, К. Фридрих и З. Бжезинский, равным образом, как и К. Акерманн, рассматривают функционирование пропаганды как процесс автоматизации, в течение которого доктрины усваиваются и становятся привычными.

Авторы исследований, возникших в контексте гарвардского проекта, подвергают сомнению успех советской идеологической обработки, и указывают на цинизм, который возникает по причине несоответствия между пропагандой и практическим жизненным опытом людей⁵. В то же время они признают, что постоянная идеологическая обработка может привести к «едва различимому формированию целой картины человеческой мысли» и, в частности, советского образа мышления и восприятия «природы и общества через марксистские очки» – даже теми, кто сознательно выступает против советской системы⁶.

В целом, следует отметить, что сторонники тоталитарной школы рассматривают личность как автономную и независимую, но при этом угнетенную. В их понимании советские граждане являются узниками советской системы и ее руководства, намеренно контролирующего их путем принуждения и жесткого контроля. Интеграция с обществом рассматривалась ими только в профессиональной и бытовой сферах, в то время как дискурс (языковое давление) реализовывался через идеологическое воспитание и пропаганду. По мнению сторонников тоталитарной школы, реакция субъектов в таких условиях проявляется либо в ношении маски и соответствии требованиям системы, либо в перенимании антирежимного способа мышления. В любом случае, они рассматриваются скорее как объекты государственной политики, а не как полноправные хозяева своей судьбы.

СОВЕТСКАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ. К 1991 г., по точному замечанию С. Коткина, пробил час для «заслуженного выхода тоталитаризма на пенсию»⁷. Не только крах СССР и свободный доступ к российским архивам проложили путь для нового подхода, но и «лингвистический поворот» в куль-

¹ Советский человек был недоволен образом жизни, однако степень недовольства зависела от интеграции в советскую систему: индивиды, занимавшие более высокое положение, и, следовательно, получавшие привилегии, всегда были согласны с государственной политикой, см.: *Bauer R.A., Inkeles A., Kluckhohn C.* How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes. Cambridge, 1956. P. 96–113 и 190–198.

² *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. New ed. with Added Prefaces. New York, 1973. P. 341–363, первая цитата. С. 61–63.

³ Значение исследования Б. Кальнинса состоит в том, что он рассмотрел функционирование советской пропагандистской системы, см.: *Kalnins B.* Der sowjetische Propagandastaat: Das System und die Mittel der Massenbeeinflussung in der Sowjetunion. Stockholm, 1956. P. 229–235; также см.: *Ackermann K.* Das Land der stummen Millionen. Tübingen, 1951. P. 226–227; *Alt H., Alt E.* The New Soviet Man: His Upbringing and Character Development. New York, 1964. P. 40–57 и 123–132; *Friedrich C., Brzezinski Z.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2d ed. / Rev. by Carl J. Friedrich. Cambridge, 1965. P. 107–130; *Leites N.* A Study of Bolshevism. Glencoe, 1953. P. 368–376 and *Lyons E.* Our Secret Allies: The Peoples of Russia. London, 1954. P. 346.

⁴ *Friedrich C., Brzezinski Z.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2d ed. / Rev. by Carl J. Friedrich. Cambridge, 1965. P. 115.

⁵ *Ackermann K.* Das Land der stummen Millionen. Tübingen, 1951. P. 151.

⁶ См.: *Inkeles A.* Public Opinion in Soviet Russia: A Study in Mass Persuasion. Cambridge, 1950. P. 317–324; *Bauer R.A., Inkeles A., Kluckhohn C.* How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes. Cambridge, 1956. P. 30–32.

⁷ *Kotkin S.* 1991 and the Russian Revolution: Sources, Conceptual Categories, Analytic Frameworks // *Journal of Modern History.* 1998. Vol. 70. Is. 2. P. 384–425. Здесь С. 421.

турных исследованиях, в том числе истории, привели к рассмотрению сталинизма как культуры¹. Подход социальных историков к изучению повседневности и исследования «ревизионистской школы» можно считать промежуточным этапом историографического развития. Школа ревизионизма имеет исключительное значение для концепции «советской субъективности», так как именно она кардинально перевернула взгляд на человека и общество: отвергая тоталитарную модель «сверху – вниз», координируемую всемогущим государством, историки-ревизионисты применяют подход «снизу», сосредоточившись на повседневных стратегиях и «сталинской среде обитания» определенных социальных групп².

В середине 1990-х гг. наблюдался рост влияния «постревизионистского» подхода в исследовании истории сталинизма, начало которому положила работа С. Коткина о Магнитогорске как «микрокосме Советского Союза»³. Мы считаем, что С. Коткин при рассмотрении вопроса об управлении личностью постоянно апеллирует к исследованиям предшественников-ревизионистов. Ученый проводит анализ, опираясь на теорию субъективности М. Фуко и идею «рутинности повседневной жизни» М. де Серто, в большей степени уделяя внимание последней. Исследователь рассматривает то как индивид более или менее сознательно выбирает свою идентичность в процессе, названном «игры идентификации» и как он приобретает идентичность, изучая, как следует «говорить по большевистски». В то же время подход, предложенный С. Коткиным, напоминает ревизионистскую идею о социальной идентичности как пути, с помощью которого люди находят себя в социальном или групповом контексте⁴. Таким образом, «прагматическая личность» возвращается на историографическую сцену, напоминая читателю не только ревизионистский субъект, который связан в основном с организацией его социального восходящего движения, но также и тоталитарное видение советского человека, который, хоть и угнетен, но способен обратиться к некоторым «регулирующим механизмам», чтобы уменьшить свое бремя⁵.

Это именно то существование автономии «прагматического Я», которое отвергал М. Фуко при оценке сталинской личности. Создатели концепции «советской субъективности» Й. Хелльбек, преподаватель рутгерского университета (Нью-Джерси), и его израильский коллега И. Халфин из тель-авивского университета рассматривая работу С. Коткина «Магнитка. Сталинизм как цивилизация», критикуют «романтическую традицию», в которой личность характеризуется как автономный агент, и разоблачают идею «сознательного человека» как сталинской модели.

В целом, ученые выступали против концепции личности С. Коткина, заявляя, что она пренебрегает большевистской проблемой «души» субъектов⁶. Анализируя процесс формирования личностей советских индивидов через изучение их автобиографий, И. Халфин в одной из своих статей отверг тезис о существовании независимого исторического субъекта. Ученый концентрирует внимание на методах, с помощью которых «оппозиционеры» во время «большой чистки», применяя язык официального дискурса, пытались доказать свою невиновность. И. Халфин не считает это манипулятивным использованием дискурса, однако четко указывает на мифичность «реального аутентичного субъекта». К аналогичным выводам пришел Й. Хелльбек, который, изучая дневники

¹ Краткий анализ см. во Введении, написанном Ш. Фицпатрик в коллективном труде под ее редакцией *Fitzpatrick S. Stalinism: New Directions*. London, 2000. P. 1–14; также см.: *Plaggenborg S. Grundprobleme der Kulturgeschichte der sowjetischen Zwischenkriegszeit // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2000. Vol. 48. Is. 1. P. 109–118.

² См. объяснение Ш. Фицпатрик, почему она «стала ревизионистом»: *Fitzpatrick S. Revisionism in Retrospect: A Personal View // Slavic Review*. 2008. Vol. 67. Is. 3. P. 682–704.

³ *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995, цитата С. 144; спор между Ш. Фицпатрик и А. Крыловой см.: *Fitzpatrick S. Revisionism in Retrospect: A Personal View // Slavic Review*. 2008. Vol. 67. Is. 3. P. 682–704; *Krylova A. The Tenacious Liberal Subject in Soviet Studies // Kritika*. 2000. Vol. 1. Is. 1. P. 110–46.

⁴ Первые две цитаты по С. Коткину *Magnetic Mountain*. С. 215, 219; третья цитата по: *Fitzpatrick S. Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia*. Princeton, 2005. P. 9.

⁵ Относительно идеи «прагматической личности» см.: *Chatterjee C., Petrone K. Models of Selfhood and Subjectivity: The Soviet Case in Historical Perspective // Slavic Review*. 2008. Vol. 67. P. 967–986; проблему, связанную с «восходящей» социальной мобильностью см. в исследовании: *Fitzpatrick S. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca, 1992.

⁶ *Halfin I., Hellbeck J. Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's «Magnetic Mountain» and the State of Soviet Historical Studies // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Vol. 64. Is. 3. P. 456–463. Цитаты С. 463 и 458.

1930-х гг., также отказался от понятия свободной личности как существующей за границами дискурсивного построения личности.

Такой взгляд на личность, как на результат длительного процесса формирования, восходит к идеям М. Фуко¹. Развивая в ранних работах идею «технологий доминирования», он сосредоточил внимание на процессе формирования субъекта, которого видел подчиненным и дисциплинированным в результате реализации различных подавляющих механизмов власти, включая дискурсы как одно из основных средств². В более поздних работах ученый сделал акцент на анализе «технологий личности», рассмотрев способ, посредством которого «человек становится субъектом»³. Он ссылается на эту идею сознательного и длительного построения и формирования собственной индивидуальности как «герменевтику личности»⁴.

Мы анализируем различные подходы к феномену советской субъективности, а именно идеи немецкого историка Дж. Фюрст, в настоящий момент преподавателя Бристольского университета (Англия), Й. Хелльбека и И. Халфина. Дж. Фюрст, указывает на всеиле дискурсов, на то, что язык стал основным фактором в построении и определении «Я» советских граждан. Соответственно, по мнению Дж. Фюрст, люди являлись узниками языка, а не государственного контроля, и могут быть охарактеризованы как «узники советской личности»⁵. Схожую точку зрения высказала Н. Козлова, которая полагала, что писатели, излагающие события от первого лица, носят лингвистическую маску, «не имея ничего под ней». Анализируя дневник С. Подлюбного, исследователь сделала вывод, что «язык идеологии только кажется инструментом доминирования»⁶. Рассматривая бескомпромиссное поведение людей, выдающих себя за других в 1930-е гг., Г. Алексопулос и Дж. Россман пришли к аналогичному заключению о влиянии культурных принципов и дискурсивных основ на индивида⁷.

А. Вайнер в исследовании, посвященном Второй мировой войне в Украине, утверждал, что дискурсивная основа революции «была призмой, через которую советские современники смогли понять разрушительные события, разделившие их жизнь»⁸.

Интересная точка зрения была высказана О. Хархординым, который, в меньшей степени уделяя внимание проблеме дискурсов как основополагающих в процессе формирования личности, обратился к анализу социальных действий индивидов и групп. Акцентируя внимание на действиях саморазвития и самоформирования в сталинский период, ученый считал, что становление индивида состоялось благодаря взаимодействию внешнего давления с одной стороны, и способности индивида к саморегуляции с другой⁹. О. Хархордин рассмотрел ранние теории М. Фуко, в то время

¹ Мы ссылаемся в основном на трехтомное исследование: *Foucault M. History of Sexuality*; Vol. 1: The Will to Knowledge; Vol. 2: The Use of Pleasure; Vol. 3: The Care of the Self. London, 1981–1986; и другие исследования, такие как *Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. London, 1977; *Foucault M. Technologies of the Self // Technologies of the Self*. Amherst, 1988. P. 16–49; краткий анализ подхода М. Фуко к процессу формирования личности содержится в исследовании *Hutton P.H. Foucault, Freud, and the Technologies of the Self // Technologies of the Self*. Amherst, 1988, P. 121–144.

² Более ранние работы М. Фуко о «методах распределения»: *Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. London, 1977; *Foucault M. Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason*. London, 1967; в первом томе *Foucault M. History of Sexuality* субъект рассматривается таким же способом. См. также: *Foucault M. Technologies of the Self // Technologies of the Self*. Amherst, 1988. P. 16–49; *Martin L. Introduction // Technologies of the Self*. Amherst, 1988. P. 3–8.

³ *Foucault M. The Subject and Power // Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics*. Chicago, 1983. P. 208–226, здесь С. 208.

⁴ В частности, третий том *Foucault M. History of Sexuality*; но имеется и краткий вариант. См.: *Foucault M. Technologies of the Self // Technologies of the Self*. Amherst, 1988. P. 16–49, цитата С. 17.

⁵ *Fürst J. Prisoners of the Soviet Self? Political Youth Opposition in Late Stalinism // Europe-Asia Studies*. 2002. Vol. 54. P. 353–375.

⁶ *Kozlova N. The Diary as Initiation and Rebirth: Reading Everyday Documents of the Early Soviet Era // Everyday Life in Early Soviet Russia: Taking the Revolution Inside*. Bloomington, 2006. P. 282–298, цитата С. 285.

⁷ *Alexopoulos G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man // Slavic Review*. 1998. Vol. 57. Is. 4. P. 774–790; *Rossmann J. Weaver of Rebellion and Poet of Resistance: Kapiton Klepikov (1880–1933) and Shop-Floor Opposition to Bolshevik Rule // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Vol. 44. Is. 3. P. 374–408.

⁸ *Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, 2001, цитата, С. 17.

⁹ *Kharkhordin O. The Collective and the Individual in Russia. A Study of Practices*. Berkeley, 1999.

как историки «советской субъективности» анализировали более поздний подход М. Фуко – «технологии субъективности», концентрируя внимание на необходимости «вербализации личности» и потребности постоянного осознания того, кто и как представит личность в текстовом выражении. Выбирая в качестве основных источников письменные произведения советских граждан – дневники и автобиографии, Й. Хелльбек и И. Халфин остановились на «толковании советского опыта и особенно сталинизма в качестве текстуализма»¹.

Исходная мировоззренческая концепция советского субъекта Й. Хелльбека может быть расположена где-то между «технологиями доминирования» и «герменевтикой личности», так как ученый рассматривает процесс «сознательного формирования сталинской личности», что в полной мере касается и его сторонников, авторов дневников 1930-х гг., преобладающих согласно официальному дискурсу². Основываясь на результатах анализа четырех дневников сталинского периода, Й. Хелльбек в докторской диссертации представил советское видение «нового человека», выступающего в качестве образца для авторов дневников, которые «искали возможность передать себя в соответствии с эстетическими и этическими стандартами совершенности»³. В следующей работе ученый рассматривает борьбу молодого С. Подлюбного в определении себя как субъекта соответствующей модели, предусмотренной сталинской системой. Анализируя его дневник⁴, автор проследил, как С. Подлюбный активно «конструировал свой дух».

Исследователь указал на сильную позицию «технологий личности», однако так же, как и Дж. Фюрст, сделал вывод о том, что неверие не могло быть выражено за границами советской дискурсивной основы⁵. В итоге ученый предлагает рассматривать субъект, с одной стороны, как подчиненного и угнетенного «механизмами власти»⁶ – и в первую очередь – языком, а с другой – как личность, которая добровольно и осознанно управляет своим собственным духом в соответствии с «герменевтикой личности».

Й. Хелльбек отказался от понятия угнетенной личности и переключил внимание на процесс сознательной работы над личностью. Предположив, что самопреобразование индивида происходило скорее из-за «угрозы собственной маргинализации и атомизации», автор ссылается не только на условие, определенное тоталитарным контекстом, но и пытается еще раз ввести допущение объективной реальности, в которой желание быть частью данного общества функционирует как уже существующая и антиисторическая истина⁷.

В своих дальнейших исследованиях о субъективности Й. Хелльбек в большей степени акцентирует внимание на «герменевтике личности». В следующей статье ученый, обращаясь к различным примерам написания дневников 1930-х гг., как активной составляющей самоописаний, рассмотрел процессы «субактивации», которые появились как повестка дня большевистской политики для стимуляции формирования революционных личностей. В понимании Й. Хелльбека дискурсы режима составляют только «преобразующую основу» для создания «нового человека», самоформирование которого играет более важную роль в этом процессе. Дневник, таким образом, выступает в

¹ Foucault M. Technologies of the Self // Technologies of the Self. Amherst, 1988. P. 16–49, первая цитата С. 48–9; Naiman E. On Soviet Subjects and the Scholars who Make Them // Russian Review. 2001. Vol. 60. Is. 3. P. 307–315, вторая цитата С. 310.

² Именно так мы воспринимаем одну из статей Й. Хелльбека. См.: Hellbeck J. Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlubnyi, 1931–9 // Stalinism: New Directions. London, 2000. P. 77–116. В таком же контексте рассмотрены и последующие работы Й. Хелльбека. См.: Hellbeck J. Laboratories of the Soviet Self: Diaries from the Stalin Era. Columbia University, 1998; Hellbeck J. Speaking Out: Language of Affirmation and Dissent in Stalinist Russia // Kritika. 2000. Vol. 1. Is. 1. P. 71–96.

³ Hellbeck J. Laboratories of the Soviet Self: Diaries from the Stalin Era. Columbia University, 1998, цитата С. 19; курсив Й. Хелльбека.

⁴ Й. Хелльбек издал дневник С. Подлюбного на немецком языке. См.: Podlubnyj S. Tagebuch aus Moskau: 1931–1939. Ed. by J. Hellbeck. München, 1996.

⁵ Hellbeck J. Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlubnyi, 1931–9 // Stalinism: New Directions. London, 2000. P. 77–116. P. 110. Э. Найман критикует Й. Хелльбека за то, что он предоставил тенденциозный взгляд на советского человека, который сводился к пониманию субъекта «как жертвы идеологического заговора, на которую дискурс оказывает давление». См.: Naiman E. On Soviet Subjects and the Scholars who Make Them // Russian Review. 2001. Vol. 60. Is. 3. P. 307–315. P. 315.

⁶ Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. London, 1977. P. 138.

⁷ Hellbeck J. Speaking Out: Language of Affirmation and Dissent in Stalinist Russia // Kritika. 2000. Vol. 1. Is. 1. P. 71–96. P. 95.

качестве «лично-дисциплинарного метода»; на его страницах писатели «создают себя как автобиографических субъектов»¹.

Й. Хелльбек в последней монографии ясно продемонстрировал неприятие подхода к личности как к продукту «технологий доминирования», и показал, что «самоизменение» субъектов и «язык личности» появились не в результате дискурсивного давления идеологии. Исследователь писал, что «субъект процветал... в большой революционной экосистеме, в которой коммунистический режим был и производителем, и продуктом»².

Взгляды Ю. Хелльбека оказались поразительно схожи с мнением И. Халфина³. Для них обеих главная цель «герменевтики духа» (М. Фуко) лежит в моральном оправдании личности путем изучения ее внутренних намерений⁴. В своих работах И. Халфин последовательно отстаивает идею о том, что герменевтика как средство для создания «непорочной и сознательной личности» тесно связана как с террором, так и с «большевистской эсхатологией». Индивиды, по утверждению ученого, навсегда сохраняют большевистскую эсхатологию, которая изображала «попытку представления, исходя из внешнего поведения, сущности человека, которая, по общему мнению, лежит в глубине и требует дешифровки» в их собственной душе. Результатом исследований автора явилось утверждение о том, что «большая чистка» действовала как «герменевтический суд», который не только ликвидировал «неправильных» революционеров, но и наказал их родственников и друзей за то, что они «потерпели неудачу как герменевты» в обличении обвиняемого. И. Халфин не только показывает новый аспект террора, но и указывает тот уровень, до которого индивид добровольно перенимает требования системы⁵.

Анализируя практику написания автобиографических работ в 1920–1930-е гг., И. Халфин показывает, как индивиды добровольно придают форму изложению от первого лица в соответствии со специфической «поэтикой коммунистической автобиографии» и перенимают большевистскую проблему «духа» субъектов⁶. Таким образом, ученый по-новому интерпретирует язык самовыражения, который играл ключевую роль в общественной жизни, и связывает его с формированием коммунистической личности: «Автобиография не только выражает личность; она создает ее». Это тем не менее не исключает возможность для индивида быть частью «альтернативных форм самоидентификации», если он не выступает против того, чтобы быть изолированным системой⁷. Связывая такую герменевтику с эсхатологическим и мессианским мировоззрением коммунистического режима, И. Халфин характеризует автобиографическую практику как «путешествие от тьмы к свету», но в то же время допускает, что в одержимой борьбе за моральное очищение государства и души каждого

¹ *Hellbeck J. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // Language and Revolution: Making Modern Political Identities. London, 2002. P. 135–159, цитата. С. 136, 147 и 153.*

² *Hellbeck J. Revolution on my Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge, 2006, цитата. С. 5 и С. 7.*

³ См.: *Halfin I. Terror in my Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge/Mass., 2003*, и далее последующие его работы: *Halfin I. From Darkness to Light: Student Communist Autobiography During NEP // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1997. Vol. 45. Is. 2. P. 210–236; Halfin I. Looking into the Oppositionists' Souls: Inquisition Communist Style // Russian Review. 2001. Vol. 60, P. 316–339; Halfin I. Intimacy in an Ideological Key: The Communist Case of the 1920s and 1930s // Language and Revolution: Making Modern Political Identities. London, 2002. P. 185–213; Halfin I. Between Instinct and Mind: The Bolshevik View of the Proletarian Self // Slavic Review. 2003. Vol. 62. Is. 1. P. 34–40.*

⁴ *Hellbeck J. Revolution on my Mind: Writing a Diary under Stalin. P. 7, 34 и заключительная глава P. 347–63; Hellbeck J. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // Language and Revolution: Making Modern Political Identities. London, 2002. P. 135–159 и первая глава «Good and Evil in Communism» in *Halfin I. Terror in my Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge/Mass., 2003. P. 7–42.**

⁵ Цит. И. Халфина: *Halfin I. Intimacy in an Ideological Key: The Communist Case of the 1920s and 1930s // Language and Revolution: Making Modern Political Identities. London, 2002. P. 185–213, здесь С. 185 и С. 208*; следующая цитата из работы И. Халфина см.: *Halfin I. Terror in my Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge/Mass., 2003. P. 8*; также см.: *Halfin I. Stalin's Purges and the Question of Belief // Stalinistische Subjekte: Individuum und System in der Sowjetunion und der Komintern, 1929–1953. Zürich, 2006. P. 233–251.*

⁶ *Halfin I. From Darkness to Light: Student Communist Autobiography During NEP // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1997. Vol. 45. Is. 2. P. 210–236.*

⁷ *Halfin I. Terror in my Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge/Mass., 2003. P. 19.*

индивида лежит оправдание или внутренняя логика террора¹. Такой подход к индивиду как к сознательной личности, формирование которой происходит в соответствии с эсхатологической основой, напоминает поздние теории М. Фуко о «технологиях личности».

Э. Найман, анализируя подходы к субъективности И. Халфина и Й. Хелльбека, отмечал, что И. Халфин рассматривает индивида как «исторического актера», в то время как Й. Хелльбек преподносит своих главных героев скорее как «персонажей», обладающих «богато устроенной психикой»². Далее ученый пишет, что в обоих подходах «идеология ... была преобразована из бессознательного механизма... в то, что можно было получить разговаривая, думая, действуя и чувствуя», и что прекращало быть «родным языком», но становилось «приобретенным языком»³. «Освоение нового языка власти», таким образом, стало решающим для интеграции индивида в систему. Вероятно, Э. Найман согласен с И. Халфиным и Й. Хелльбеком в том, что язык является критическим фактором в формировании субъективности, и в том, что субъект активно «вписывал себя в советский строй» и дискурс⁴.

А. Крылова полагала, что в понимании И. Халфина и Й. Хелльбека сталинская личность выступает как «агент, который не способен выразить свою индивидуальность в полной мере, так как его деятельность контролировало государство». Отвергая такое пассивное толкование, исследовательница представляла личность как, в определенной степени, независимого и автономного агента, «сталинского субъекта, для которого интернализация основных условий сталинской культуры не приводит автоматически к его исчезновению как активного агента в своем самовоображении».

Анализируя отклики представителей «первого советского поколения» на роман А. Кетлинской 1938 г. «Мужество», А. Крылова показывает существование «сталинской личности, которая не потеряна в сталинской культуре и не тронута идеалами и требованиями»⁵. Обращаясь к рассмотрению феномена «советской субъективности, исследователь в следующей статье опровергает утверждение о том, что исторический и культурный «захват» автора в специфической системе обозначения... исключает возможность творческого самовыражения через эту же систему». А. Крылова демонстрирует наличие различных способов выражения этой автономной личности в женских беллетристических произведениях сталинского периода⁶. Подобным же образом Т. Лахусен показал переплетение вымысла и действительности, расшифровывая личность советского писателя-соцреалиста В. Ажаева в его беллетристических произведениях, дневнике и биографии. Ученый тем не менее отмечал, что невозможно выявить противоречия всех слоев личности для того, чтобы раскрыть «реальный субъект», и подчеркивал, что личность представляется существующей только в переплетении литературного вымысла и действительности и в постоянном процессе преобразования⁷.

Таким образом, анализируя различные точки зрения на проблему советской субъективности, мы отмечаем, что авторы каждой из рассмотренных концепций использовали междисциплинарный

¹ *Halfin I. From Darkness to Light: Student Communist Autobiography During NEP // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1997. Vol. 45. Is. 2. P. 210–236; также см.: Halfin I. Intimacy in an Ideological Key: The Communist Case of the 1920s and 1930s // Language and Revolution: Making Modern Political Identities. London, 2002. P. 185–213; Halfin I. Terror in my Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge/Mass., 2003. P. 19, см. особенно вторую главу «A Voyage toward the Light». P. 43–95. И. Халфин связывает предложенный им же подход «к советской субъективности» со своими более ранними работам, в которых коммунизм рассматривается как эсхатология, а пролетариат – как «классовая мессия». См.: *Halfin I. From Darkness to Light. Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh, 2000. С. 39–84 и С. 96–104.**

² *Naiman E. On Soviet Subjects and the Scholars who Make Them // Russian Review. 2001. Vol. 60. Is. 3. P. 307–315, цитата. С. 312–313.*

³ *Naiman E. On Soviet Subjects and the Scholars who Make Them // Russian Review. 2001. Vol. 60. Is. 3. P. 307–315, цитата. С. 315.*

⁴ *Naiman E. Discourse Made Flesh: Healing and Terror in the Construction of Soviet Subjectivity // Language and Revolution: Making Modern Political Identities. London, 2002. P. 287–316, цитата, С. 288; Naiman E. On Soviet Subjects and the Scholars who Make Them // Russian Review. 2001. Vol. 60. Is. 3. P. 307–315, цитата. С. 312–313; Hellbeck J. Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlubnyi, 1931–9 // *Stalinism: New Directions. London, 2000, P. 77–116, цитата. С. 110.**

⁵ *Krylova A. Identity, Agency, and the «First Soviet Generation» // Generations in Twentieth-Century Europe. Basingstoke, 2007. P. 101–121, цитата. С. 102, 103 и 117.*

⁶ *Krylova A. «In Their Own Words?» Soviet Women Writers in Search for their Selves // A History of Womens Writing in Russia. Cambridge, 2002. P. 243–263, цитата. С. 243.*

⁷ *Lahusen T. How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia. Ithaca, 1997.*

подход, основанный на идее взаимодействия литературы и истории, принимая во внимание различные культурные теории. Представляется целесообразным вернуться к основному вопросу о пределах сопоставимости тоталитарного видения и точки зрения М. Фуко на проблему личности в комплексной системе либо структур власти, либо дискурсивной основы.

Основное различие между двумя методологическими подходами состоит в понимании личности как автономного агента при тоталитарном подходе, и как лингвистической конструкции в постмодернистском видении. Исследования по проблеме «советской субъективности», ставившие акцент на силе языка и дискурсивном принуждении в отношении личности как «узников советского духа», оказались созвучны с применяемой в Гарвардском проекте концепцией «интернализации», ставившей во главу угла язык как основное средство для формирования личности в определенных рамках дискурса.

В то время как последователи тоталитарного подхода рассматривают процесс создания режимом внешнего подчинения, ученые, ссылающиеся на М. Фуко, считают, что индивид создает себя благодаря приобретению определенных очертаний в соответствии с дискурсивной основой. Следовательно, не существует никакого различия между системой и индивидом, а каждая попытка ослабления связи с единой общепризнанной моделью приведет к «самоуничтожению»¹. Эти два методологических подхода отличает оценка интеграции личности в систему, и средство создания связи между системой и индивидом.

Ученые в работах, появившихся в период «холодной войны», видят в терроре инструментальное значение. Исследователи, опирающиеся на мнение М. Фуко (особенно И. Халфин), развивают идею террора как логического и неизбежного результата «герменевтики духа». В отличие от сторонников тоталитарной точки зрения, отстаивавших идею о том, что центральным пунктом в интеграции советских граждан в коллектив стало обеспечение социальных благ, ученые, занимавшиеся проблемой «советской субъективности», указывали только на дискурсивный уровень, от которого индивиды не желали быть изолированными.

Анализируя ревизионистское видение индивида, успешно играющего в «идентификационную игру», мы не пытались показать, что концепции «советской субъективности» являются единственными возможными подходами к личности в советском контексте². Например, интересную точку зрения предложил А. Юрчак. Ученый наблюдает «перформативный сдвиг» после смерти И. В. Сталина, когда «авторитетный дискурс» оказался замещенным ритуализированными действиями³. Б. Штудер в статье о сталинском терроре, выступая в защиту видения индивида в перформативном ракурсе, однозначно утверждал, что этот подход следует использовать для анализа сталинской личности наряду с идеей о «технологиях личности»⁴.

Рассмотренные нами два подхода к советской субъективности – взгляд М. Фуко и тоталитарное видение – являются далеко не единственными в анализе проблематики. Представление о том, что эти подходы, выступают как противоположные, является слишком упрощенным. В действительности, они имеют больше общего, чем кажется на первый взгляд. Наличие общих черт между этими методологическими концепциями является поразительным и довольно неожиданным. Современные историки, взгляды которых рассмотрены в нашем исследовании, не могут быть заподозрены в возвращении к оценкам периода «холодной войны». Тем не менее, ученые в своих усилиях пересмотреть теоретическую основу предшественников и подготовить почву для постмодернистского представления о советской личности, приходят к выводам, характерным именно для ранних этапов англоязычной историографии сталинизма. Представляется, что новое поколение историков бессознательно обращается к историографическим парадигмам, продолжительное время считавшимися устаревшими.

¹ См.: *Hellbeck J.* Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlubnyi, 1931–9 // *Stalinism: New Directions*. London, 2000, P. 77–116. P. 104.

² *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995. P. 215.

³ *Yurchak A.* Everything Was forever, until it Was no more: The Last Soviet Generation. Princeton, 2006, цитата. С. 24–25.

⁴ *Studer B.* Liquidate the Errors or Liquidate the Person? Stalinist Party Practices as Techniques of the Self // *Stalinistische Subjekte: Individuum und System in der Sowjetunion und der Komintern, 1929–1953*. Zürich, 2006. P. 197–216.

ЧАСТЬ II

СОВРЕМЕННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ИССЛЕДОВАНИЙ

ГЛАВА 1

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ «РОССИЙСКИХ И СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

На протяжении десятилетий в странах англо-американского академического сообщества складывался комплекс научных центров, занимающихся первоначально изучением коммунистических государств, а затем России, Восточной Европы и постсоветских стран. Истории сталинизма в англоязычных академических исследованиях традиционно уделяется большое внимание, поскольку именно этот период рассматривается в качестве основополагающего для понимания советской системы. Однако даже во время «холодной войны», когда изучение этой проблемы было чрезвычайно актуально, не возникло ни одного научного центра, специализировавшегося исключительно на данном периоде советской истории. Не создавались также центры, изучавшие коммунистические, а затем посткоммунистические страны в рамках одной дисциплины. В рамках научных центров, проводивших российские и славянские исследования, собирались ученые разных специальностей, велись и продолжают вестись разносторонние исследования как истории, так и современности региона.

До начала «холодной войны» изучение России в Западной Европе занимало относительно незначительное место, хотя в силу географической близости и внешнеполитического веса сначала Российской империи, а затем и СССР европейцы были вынуждены проявлять интерес к восточной соседке. Россия изучалась в рамках славистики или славяноведения. Мировое лидерство в этой дисциплине принадлежало Германии, Франции, Великобритании.

В Великобритании комплекс научных центров стал складываться в начале XX в., когда появились Школа славянских и восточноевропейских при Университетском колледже Лондона, Центр русских исследований при Ливерпульском университете. В университетах Ноттингема и Лидса действовали кафедры славянских исследований. В Оксфордском, Кембриджском, Ливерпульском, Манчестерском, Лондонском университетах читались курсы по русской истории.

В 1912–1914 гг. в Ливерпульском Центре русских исследований по инициативе профессора Б. Пэйрса издавался журнал «Русское обозрение» (*Russian Review*). В редакционной статье первого номера этого научного издания подчеркивалось, что только что зародившийся в России парламентаризм, экономический вес страны и русская культура рассматриваются в качестве наиболее интересных исследовательских проблемам¹. Другим старейшим британским научным журналом стало «Славянское обозрение» (*Slavonic Review*), которое начало издаваться в 1922 г. Школой славянский и восточноевропейских исследований Университетского колледжа Лондона и существует по сей день как «Славянское и восточноевропейское обозрение» (*Slavonic and East European Review*).

Однако изучение России находилось в зачаточном состоянии. Славистикой занимались немногие энтузиасты, основной задачей которых была популяризация русской истории и культуры, привлечение к ней общественного внимания². Академические исследования России практически не проводились, а слависты ограничивались преподаванием языков. Многие из специалистов по русской истории были выходцами из эмигрантской среды, причем они зачастую не обладали академическим образованием³.

¹ From Editors // *Russian Review*. 1912. Vol 1. No. 1. P. 7–8.

² Некрасов А.А. Становление и этапы развития англо-американской советологии: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ярославль, 2001. С. 49.

³ Там же. С. 50.

Вместе с тем необходимо признать, что в довоенный период была заложена основа для развития инфраструктуры «российских и восточнославянских исследований» последующего периода.

Еще с XVIII в. в Великобритании начали формироваться библиотечные собрания, включавшие литературу на славянских языках. Лидерство в данном процессе принадлежало Британской библиотеке.

Толчок для развития исследований СССР и стран Восточной Европы был дан «холодной войной». Великобритания как одна из активнейших участниц противостояния с Советским Союзом была вынуждена в спешном порядке развивать «российские и восточнославянские исследования». В западных странах сформировалась новая дисциплина – советология. С 1950-х гг. в Великобритании сосуществовали две организации, поддерживавшие проведение исследований коммунистического пространства – Британская университетская ассоциация славистов и Национальная ассоциация советских и восточнославянских исследований, слившиеся в 1989 г. в единую Британскую ассоциацию славянских и восточноевропейских исследований. Были организованы исследовательские центры, занимавшиеся «российскими и восточнославянскими исследованиями» при Оксфорде, Бирмингемском университете, университете Глазго. В научных исследованиях произошел сдвиг с истории и филологии на политические исследования. В 1949 г. в Глазго начал выходить журнал «Советские исследования» (*Soviet Studies*), созданный Д. Миллером и Р. Шлезингером. Они же положили начало формированию специализированной советологической библиотеки. Журнал «Советские исследования» вначале бойкотировался «правыми», которые считали редакторов слишком прокоммунистическими. Но постепенно согласие было достигнуто, и журнал стал представлять всех профессиональных исследователей¹.

Если в Великобритании еще в XIX – начале XX в. сформировались определенные традиции в изучении восточнославянского региона, то для Соединенных Штатов Россия оставалась *terra incognita* в полном смысле этого слова. С середины XIX в. Соединенные Штаты проводили политику изоляционизма, интересуясь в основном тем, что происходило на американском континенте, и сознательно отстраняясь от европейских проблем.

Тем не менее одиночные попытки развить славистику в целом и руссиеведение в частности предпринимались уже с конца XIX в. В это время в американском обществе, ранее доброжелательно смотревшему на страну, соперничавшую с Англией, поддержавшую Север во время Гражданской войны и продавшую за бесценок Аляску, стали проявляться по отношению к России подозрительность и неприязненность². Такие изменения были связаны с негативной оценкой царского режима, столь чуждого американцам, с самого начала своей истории перевозившими демократию и свободу личности. Масла в огонь подливало распространение сведений о погромах 1880-х гг. и наплыв еврейских эмигрантов, спасавшихся от преследования царских властей бегством в Новый Свет³. Переломить ситуацию и не допустить разрастания русофобских настроений попытался Ч. Крейн, американский дипломат, промышленник и коллекционер. За свою жизнь он посетил Россию и СССР более двадцати раз, активно поддерживал белое движение и даже выкупил у советского правительства колокола Свято-Даниловского монастыря для Гарвардского университета⁴. Ч. Крейн считал предубежденность против России неоправданной. Начиная с 1891 г. он предпринимал шаги, чтобы основать в США первый центр для изучения России. В начале XX в. Ч. Крейн приглашал для прочтения лекций в Чикагском университете таких известных политических деятелей и ученых славянского мира, как М. Ковалевский, П. Миллюков, Т. Масарик⁵.

Однако основоположником российских и восточнославянских исследований в США считается профессор Гарвардского университета А. Кулиджа. С 1894 г. он включил историю России в свой лекционный курс и поощрял своих аспирантов к проведению российских исследований. Впоследствии двое наиболее известных студентов А. Кулиджа – У. Лангер и Р. Кернер – стали готовить спе-

¹ Ноув А. Экономическая советология в Великобритании и Америке // <http://www.ise.spb.ru/science/Nove/sovetology.html>.

² Рибер А. Изучение истории России в США // Исторические записки. 2000. № 3. С. 66.

³ Там же. С. 66.

⁴ Симонова И. Чарльз Р. Крейн как вдохновитель и спонсор покупки колоколов Данилова монастыря для Гарварда // http://www.danilovbells.ru/bellsonrussia/bellscoming/charlz_krejon_kak_vdohnovitel.

⁵ Рибер А. Изучение истории России в США // Исторические записки. 2000. № 3. С. 66.

циалистов по русской истории в Гарварде и Беркли. Ученик А. Кулиджа Ф. Голдер заложил основы Американского Института библиотековедения при Стэнфордском университете¹.

Преподавание русского языка и русской истории еще до Первой мировой войны началось в Колумбийском университете. С 1901 г. русский язык, литература и история стали преподаваться в Калифорнийском университете в Беркли. Хотя постоянных преподавателей не было, курсы каждый год возобновлялись. В 1928 г. на исторический факультет был принят Р. Кернер, который создал «историческую школу Беркли». В основном эта «школа» занималась русской колонизацией Сибири, Дальнего Востока и Аляски, а также взаимоотношениями России с Китаем и Японией². Р. Кернер пытался соединить воедино российские и азиатские исследования³.

С начала XX в. в американских университетах стали появляться кафедры, занимавшиеся славистикой. Основное внимание, как и в Европе, уделялось изучению славянских языков. Есть, однако, и такое мнение, что изучение славянской истории было поставлено гораздо лучше, чем филологические исследования, поскольку знание истории давало лучшие перспективы карьерного роста, чем языки и литература⁴. В середине 1920-х гг. курсы по культуре и истории России читались в Бостонском университете, университете Брауна, университете штата Миссури, Стэнфордском, Чикагском, Колорадском, Висконсинском, Йельском и других университетах⁵.

Свой вклад в развитие «российских и восточнославянских исследований» внесли эмигранты из России и Советского Союза, которым, однако, им в большинстве своем не удалось занять достойное место в американском академическом сообществе. Можно особо отметить русские эмигрантские научные и учебные заведения, к каковым можно отнести Русский Народный университет в Нью-Йорке (*Russian Collegiate Institute in NYC*), Русский народный университет в Чикаго (*Russian Peoples University*), русский университет в Филадельфии. Тенденция на открытие подобных институций распространилась и на другие штаты, однако там их жизнеспособность чаще всего была кратковременной⁶. Эти институты представляли собой учреждения, которые собирали под своими крышами ученых-эмигрантов из России и должны были действовать в интересах диаспоры. Они не являлись исследовательскими россиеведческими центрами в прямом смысле этого слова, но должны были развивать русские исторические и культурные традиции, сохранять национальную идентичность.

Несмотря на прилагаемые усилия, «российские и восточнославянские исследования» в первой половине XX в. оставались вне мейнстрима американской науки и были институционально неоформленными. Показателем сравнительно слабой изученности истории России в Соединенных Штатах служило незначительное число статей по данной тематике, опубликованных в ведущем американском историческом журнале «Американское историческое обозрение» (*American Historical Review*)⁷.

Более динамично развивались библиотечные славянские коллекции. Самые известные русские коллекции были сосредоточены к тому времени в Славянском отделе Библиотеки Конгресса, Вайднеровской библиотеки в Гарварде, Нью-Йоркской публичной библиотеке.

Систематическое комплектование самой большой славянской коллекции в США, хранящейся в библиотеке Конгресса в Вашингтоне, началось с 1904 г. В библиотеке Конгресса в Вашингтоне в 1901 г. хранилось 576 русских и 97 польских книг. Ситуация кардинально изменилась с момента приобретения «красноярской» библиотеки известного сибирского купца, промышленника, библиофила, собирателя рукописей и издателя Г.В. Юдина (1840–1912). Оказавшись на склоне лет в стесненных средствах, Г.В. Юдин попытался выручить деньги, продав библиотеку. Предприняв не-

¹ Российские и украинские студии в системе славистики США // <http://www.victoria-history.net/проекты/центры-россиики-и-украиники/>.

² Некрасов А.А. Становление и этапы развития англо-американской советологии: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ярославль, 2001. С. 49.

³ Kotkin S. Robert Kerner and the Northeast Asia Seminar // <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicctn/acta/15/kotokin/kotokin.html>.

⁴ Maslenikov O. Slavic Studies in America, 1939–1946. *The Slavonic and East European Review*. 1947. Vol. 25. No. 65. P. 528.

⁵ Некрасов А.А. Становление и этапы развития англо-американской советологии: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ярославль, 2001. С. 48.

⁶ Петров Е.В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX века: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2001 // http://zarubezhje.narod.ru/texts/chss_0035.htm.

⁷ Рибер А. Изучение истории России в США // Исторические записки. 2000. № 3. С. 68.

удачные попытки пристроить библиотечное собрание внутри страны и получив отказ даже от императора Николая II, он обратился к иностранным библиотекам. Единственное предложение о приобретении собрания поступило от Библиотеки Конгресса США. В результате в 1906 г. коллекция была продана представителю Библиотеки Конгресса А. Бабину по сильно заниженной цене 100 тыс. рублей или 40 тыс. долларов. Показательно, что сами американцы немедленно признали, что библиотечное собрание стоит не менее 300 тыс. долларов.¹ Библиотеку Г.В. Юдина составляли книжная коллекция из 81 тыс. томов, рукописная картотека, рисунки, фотографии, гравюры, литографии и др. Вместе с этими материалами у Г.В. Юдина были куплены деловые бумаги Российско-американской компании (1786–1830 гг.). Эти материалы (всего 150 названий) из отдела рукописей относятся, в основном, к зарубежной торговле компании и ее деятельности в Сибири и на Аляске². К развитию Славянского Отдела Библиотеки Конгресса проявлял личный интерес американский президент Т. Рузвельт³.

Второй по числу и многообразию коллекций русских книг являлась в тот период времени Нью-Йоркская публичная библиотека, открывшая в 1895 г. русский отдел. В 1899 г. славянская коллекция насчитывала свыше 1300 томов, а в 1917 г. Славянский отдел Нью-Йоркской публичной библиотеки имел более 25 000 томов, большинство из которых было на русском языке. Дальнейшее развитие библиотеки связано с именем А. Ермолинского, бывшего администратором славянского отдела библиотеки. Он сообщал, что в 1920 г. в «Славянском» отделе библиотеки насчитывается 42 000 русских книг (2 200 томов, имели исключительную ценность), в том числе 62% брошюр.

Славянская коллекция в Гарварде стала формироваться еще в конце XIX в., благодаря усилиям А. Кулиджа. В 1896 г. А. Кулидж пригласил в Гарвард в качестве профессора славистики Л. Винера, который создал отделение книг о России на иностранных языках (*Russica*). Им было также положено начало целенаправленному собиранию рукописей и книг на русском языке (включая и труды на церковнославянском)⁴.

В 1915 г. была открыта Вайднеровская библиотека в Гарварде, в стенах которой разместилась славянская коллекция. Строительство библиотеки было оплачено Элеонор Вайднер, чей сын Гарри Вайднер, выпускник Гарварда, мечтавший о том, чтобы передать *Alma Mater* личную библиотеку, погиб при крушении «Титаника»⁵.

Крупное собрание документов формируется в Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете. Сразу после окончания Первой мировой войны американцы предприняли шаги по приобретению документов, касавшихся императорской России, деятельности государственных Дум, работы охраны, истории двух революций 1917 г., деятельности Временного правительства, гражданской войны, русской дипломатии. В начале 1920-х гг. большой массив документов был ввезен в США сотрудниками благотворительной организации АРА (*American Relief Administration*), оказывавшей помощь голодающим в Советской России. Впоследствии немалые средства уходили на приобретение советских и русских эмигрантских периодических изданий. В 1930-е гг. Стэнфорд неоднократно посещали для работы в архивах и чтения лекций Н.Н. Головин, А.Ф. Керенский, Г.В. Вернадский и многие другие⁶.

Принято считать, что скачкообразный рост интереса к восточноевропейскому региону наблюдается с началом «холодной войны», когда США окончательно поставили точку на изоляционистской политике и вышли на международную арену в качестве мирового лидера. Однако это не совсем верно. Фундамент послевоенной американской советологии был заложен еще во время Второй мировой войны. Во время войны в США число беженцев из Европы возросло. В Америку переместилась издательская активность. В 1941 г. появились такие крупные научные периодические издания, как «Российское обозрение» (*Russian Review*), «Украинский ежеквартальник» (*Ukrainian Quarterly*), «Славянский ежегодник» (*Slavic Year-Book*), ставший прообразом крупнейшего журнала

¹ Мальцев М.В. О библиотеке Г.В.Юдина // http://biblionne.narod.ru/judin_bib.html.

² Selections from the Library of Congress: Yudin Collection // <http://lcweb2.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfdigcol/aboutyudin.html#rustx>.

³ Российские и украинские студии в системе славистики США // <http://www.victoria-history.net/проекты/центры-россиики-и-украиники/>

⁴ Петров Е.В. Архивная россика в США в первой половине XX века // <http://lib.rin.ru/doc/i/73596p.html>.

⁵ Widener Library History // <http://hcl.harvard.edu/libraries/widener/history.cfm>.

⁶ Российские и украинские студии в системе славистики США. <http://www.victoria-history.net/проекты/центры-россиики-и-украиники/>.

«Славянское обозрение» (*Slavic Review*), современное название с 1961 г.). В военные годы американское правительство и спецслужбы еще не имели острой заинтересованности в знаниях о СССР и не оказывали финансовой помощи подобного рода инициативам. Издательство журнала «Российское обозрение» было сопряжено с большими трудностями, поскольку правительство, фонды, университеты и отдельные спонсоры отказывали в выделении средств. Возникали проблемы с подбором материалов и привлечением к работе авторов, поскольку в разгар войны никому не хотелось быть заподозренным в негативном отношении к Советскому Союзу¹.

В 1943 г. историк Дж. Робинсон, возглавлявший Советский Отдел Управления Разведывательных Служб, и его команда сформулировали методологические основы советологии. В 1943–1944 гг. в университете Корнелла была организована шестинедельная программа «российских исследований», утвердившая междисциплинарный характер советологии. Под крышами центров, занимающихся изучением СССР и Восточной Европы, должны были исследоваться и преподаваться проблемные поля, имеющие отношение к различным аспектам жизнедеятельности государства и общества.

В последующие годы соперничество с Советским Союзом заставило американское правительство и общество осознать, как мало им было известно об этой стране и ее восточноевропейских сателлитах. В условиях угрозы ядерной войны и идеологической борьбы было необходимо срочно заполнить пробелы в изучении СССР и всего социалистического лагеря. Первый всесторонний доклад о советско-американских отношениях (доклад Клиффорда – Элси) был подготовлен по поручению Г. Трумэна работниками его администрации в июле 1946 г.² Со второй половины 1940-х гг. при американских университетах начали создаваться научные центры, занимавшиеся исследованием стран, заявивших о своем намерении построить коммунизм. Появление и эффективная деятельность исследовательских центров и организаций стала возможной при поддержке университетской администрации, фондов (Фонд Форда, Фонд Карнеги, Фонд Рокфеллера и др.) и правительства³.

Первым центром, целенаправленно занимавшимся «российскими и восточнославянскими исследованиями», стал Русский институт при Колумбийском университете, ныне известный как Институт Харримана. Институт был основан в 1946 г. при поддержке фонда Рокфеллера. Его первым директором был Дж. Робинсон. В качестве своих основополагающих целей Институт объявлял, во-первых, развитие знаний о России через скоординированную исследовательскую работу преподавателей и студентов и, во-вторых, обучение американских специалистов, которые будут проводить значимые исследования региона⁴. На самом деле, преподаватели и выпускники как Института, так и аналогичных исследовательских центров должны были заниматься не только академическими исследованиями, но и предоставлять правительству необходимую информацию о природе советского государства и его развитии.

Другим престижнейшим центром, специализировавшимся на «российских и восточноевропейских исследованиях», был Русский исследовательский центр, основанный в 1948 г. в Гарвардском университете при поддержке Фонда Карнеги. Его первым директором был антрополог К. Клухон. Центр был призван осуществлять междисциплинарное изучение региона и под его крышей должны были собраться ученые, представлявшие разные дисциплины. В нем также должны были вырабатываться стандарты ведения научных исследований в этой «изначально неопределенной и экзотичной научной сфере»⁵.

В 1950–1960-е гг. все более или менее крупные университеты США обзавелись центрами, занимавшимися изучением коммунистических стран. Крупнейшие исследовательские центры, были созданы при Чикагском, Стэнфордском, Мичиганском, Питсбургском, Канзаском и др. университетах. Самыми крупными и престижными считались научно-исследовательские центры и институты Колумбийского, Гарвардского, Индианского (Блумингтон), Нью-Йоркского, Вашингтонского и Ка-

¹ Некрасов А.А. Становление и этапы развития англо-американской советологии: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ярославль, 2001. С. 52–59.

² McCullough D. Truman. New York, 1992. P. 543.

³ Bonnel V.E., Breslauer G.W. Soviet and Post-Soviet Area Studies / Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies. Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies (University of California, Berkeley). 1998 // http://repositories.cdlib.org/iseees/bps/1998_03-bonn.

⁴ History. The Harriman Institute // <http://www.harrimaninstitute.org/about/history.html>.

⁵ History. Davis Center for Russian and Eurasian Studies // http://daviscenter.fas.harvard.edu/about_us/history.html.

лифорнийского (Беркли) университетов. Только один Колумбийский университет выпускал более 11% всех специалистов по «россике» и «советике» в США. К 1953 г. в США насчитывалось 1085 специалистов по России и восточноевропейским странам¹. Для координации проведения советологических исследований в 1948 г. была основана Американская ассоциация развития славяноведения (*American Association for the Advancement of Slavic Studies* (AAASS)).

На развитие российских и советских исследований серьезное влияние оказало большое количество эмигрантов из Советского Союза и Восточной Европы. С. Козн считал, что «некоторые ученые-эмигранты, особенно небольшая группа меньшевиков и других социалистов, оказали значительное интеллектуальное влияние на англо-американскую советологию»². Например, журнал «Новый лидер» (*New Leader*) был основан в межвоенный период эмигрантами-меньшевиками. Среди них были Р. Абрамович, Д. Даллин, Б. Николаевский, оказавшие серьезное влияние на формирование американского понимания событий, происходивших в СССР. Д. Даллин и Б. Николаевский принадлежали к меньшевистской заграничной секции РСДРП, основанной Л. Мартовым и его единомышленниками. Все они были активными сотрудниками журнала «Социалистический вестник».

Очень высоко оценивал роль Б. Николаевского Л. Фишер. «Мы все его ученики», – писал он. Эту же мысль подчеркнул Р. Такер, когда отмечал, что для многих англо-американских ученых «Николаевский был и остается в полном смысле наставником», а его труды являются для них своего рода эталоном научного исследования. Дж. Кеннан писал, что благодаря Б. Николаевскому интерес к русской истории в США значительно возрос, а исследования специалистов стали глубже и серьезнее. У. Лакер называл его «ходячей энциклопедией России»³.

Русские эмигрантские круги при остром дефиците достоверной информации, необходимой для понимания происходящих событий в Советском Союзе, стали основным источником знаний еще в межвоенный период. Однако следует отметить, что поток иммиграции из Восточной Европы в США практически отсутствовал до конца XIX столетия, а когда он начал возрастать, то состоял преимущественно из малообразованных неквалифицированных рабочих. Перед Второй мировой войной 90% иммигрантов из России принадлежали к этой категории людей⁴. Лишь в 1920-е гг. в Соединенные Штатах сложилась небольшая группа высокообразованных русских, в которую входили несколько историков.

В 1920–1930-е гг. русские историки-эмигранты получили места на кафедрах ведущих американских университетов: М. Ростовцев – в Висконсинском и Йельском университетах, А. Васильев – также в Висконсинском университете, Г. Вернадский – в Йельском университете, М. Карпович – в Гарварде, М. Флоринский – в Колумбийском университете, А. Лобанов-Ростовский – в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса и затем в Мичигане, Л. Страховский – в Джорджтаунском и Мэрилендском университетах и Д. Федотов – в Пенсильванском университете. Жизнь многих была неустроена, а работа, которую они получали в начале своего пребывания в Соединенных Штатах, невыгодная или временная.

Несмотря на трудности, историки, эмигрировавшие из России, преуспели в поддержании живого интереса к истории своей страны и в подготовке ряда специалистов, которые после войны вышли на авансцену как лидеры в этой области науки. Историки-эмигранты также поддержали интеллектуальное наследие, что помогло определить направления в изучении истории России в первое послевоенное десятилетие. А. Рибер отмечал, что русские историки-эмигранты не принимали новых подходов к изучению истории. Они отвернулись от социальной и экономической истории и вообще от социальных наук, которые казались им в той или иной мере порождением марксизма. В основе их наследия для следующего поколения американских историков России было заложено четыре важных принципа: строгий эмпирико-позитивистский метод, без каких бы то ни было релятивистских отклонений; особое внимание к политической и дипломатической истории, тесная взаимосвязь истории России с европейской историей и убеждение в радикальном переломе в истории России, произошедшем в 1917 г.⁵

¹ Петров Е.В. История американского россиеведения: курс лекций. СПб. // http://chss.irex.ru/db/zarub/view_bib.asp?id=36.

² Cohen S. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. New York, 1985. P. 11.

³ Цит. по: Петров Е.В. Американское россиеведение. Словарь-справочник // <http://petrov5.tripod.com/wellcome.htm>.

⁴ Рибер А. Изучение истории России в США // Исторические записки. 2000. № 3. С. 69.

⁵ Там же. С. 72.

Однако взаимоотношения эмигрантов с представителями англо-американского академического мира были достаточно сложными и зачастую оцениваются различными авторами с диаметрально противоположных позиций. Сложность отношений не была связана с этнической принадлежностью того или иного исследователя. Национальная, культурная и религиозная толерантность англо-американского сообщества является общепризнанным фактом и органически связана с историей и особенностями этого региона. Речь идет о научных и методологических различиях в советских исследованиях.

Эмигранты владели особым опытом и значительно лучшим знанием культуры и языка региона. Вместе с тем они зачастую были предрасположены к определенным концептуальным схемам и слишком резким оценкам. В свою очередь эмигранты видели непонимание англо-американскими исследователями некоторых реалий советской жизни, стремление оценивать советскую историю через призму собственных ценностных категорий. Поэтому в западной историографии можно встретить как восторженные, так и негативные оценки этих взаимоотношений. Например, с точки зрения А. Авторханова, «в Америке советологию монополизировала узкая группа профессоров нескольких университетов, плотно закрывая туда дверь для посторонних, особенно эмигрантских исследователей. Если из этой среды кто-нибудь прочел две книги о Советском Союзе, то третью писал он сам, вознося до небес своих коллег, намеренно замалчивая труды врагов советской системы»¹.

Крайне резкую оценку роли эмигрантов давал Ф. Флерон, описывая ситуацию, связанную с изучением советских национальностей. Считая, что в этой сфере доминировал идеологический подход, он частично возлагал вину на «профессиональный антикоммунизм эмигрантов из Восточной Европы и СССР». Их «злой антикоммунизм был столь яростным, что вызывал у нас, студентов, отвращение к их грубой идеологии и вызывал желание поднять интеллектуальную планку в изучении СССР»². А для Р. Бирнса «открытость и легкость, с которой американские колледжи и университеты приняли новых эмигрантов и дали возможность реализовать их знания и умения, являются одной из славных страниц американского общества»³.

При всей неоднозначности оценок надо признать, что англоязычный академический мир сумел использовать те преимущества, которые давал приток новых интеллектуальных сил, и интегрировать их потенциал для развития советологии. Поток беженцев из Советского Союза и Восточной Европы, включающий высококвалифицированных ученых и преподавателей во всех сферах знаний, обеспечил американскую систему образования специалистами, подготовленными в области истории, географии, литературы, политики, культуры Советского Союза. Значимость вхождения этой плеяды в англо-американскую академическую среду заключалась не только в их знаниях, но и в способности давать оценки, отличающиеся от американских. Например, труды Г. Вернадского, работавшего в Йельском университете, стали научной базой для тысяч американцев, изучавших Советский Союз. М. Карпович помог более 30 молодым исследователям получить ученые степени в Гарварде после 1945 г. По словам редактора журнала «Российское обозрение» А. Вилдмана, большинство американских специалистов в области русской истории являются учениками М. Карповича и Г. Вернадского или учениками их учеников⁴. Н. Болховитинов отмечал, что М. Карпович давал многостраничные отзывы на работы своих коллег, тщательно редактировал поступавшие в «Новый журнал» и «Российское обозрение» рукописи, проверял гранки, но не написал ни одной серьезной монографии или даже исследовательской статьи, которая оставила бы глубокий след в науке. «Что же делать? Все люди разные, и их таланты проявляются по-разному. М. Карпович был прекрасным лектором и учителем, воспитавшим целое поколение гарвардских русистов, которые затем сыграли огромную, можно сказать, даже решающую роль в формировании школы славянских исследований в США»⁵.

Д. Даллин, М. Флоринский, Г. Флоровский, Р. и С. Якобсоны, Н. Ясный, Н. Тимашев, А. Ярмолинский и многие другие, родившиеся в России, в значительной степени способствовали развитию американской системы образования. Даже те из них, кто не занимался гуманитарными

¹ Авторханов А. Мемуары. Frankfurt/Main, 1983. С. 724.

² Fleron F. The Logic of Inquiry in Post-Communist Studies: Art or Science? // Communist and Post-Communist Studies. 1996. Vol. 29. No. 3. P. 257.

³ Byrnes R. American Research and Instruction on the Soviet Union: Some Reflections // The Soviet Union and the Challenge of the Future. New York, 1988. P. 522.

⁴ Wildman A. More Controversy // The Russian Review. 1987. Vol. 46. No. 4. P. 375.

⁵ Болховитинов Н. «Отечественная история» и российское зарубежье // Отечественная история. 2000. № 5. С. 124.

науками, способствовали углублению знаний своих коллег и студентов о российском и советском прошлом и настоящем.

Советология в послевоенные годы стала престижной и хорошо финансируемой сферой в американском научном мире. Спрос на «российские и восточнославянские исследования» в американском обществе был беспрецедентно велик. В 1964 г., по свидетельству секретаря Американской ассоциации развития славяноведения Ральфа Фишера, курсы русской и советской истории читались в 400 университетах и колледжах США. Если в 1876–1950 гг. в США и Канаде было защищено 250 диссертаций, посвященных России и СССР¹, то в 1950–1959 гг. в 68 университетах США было защищено 600 докторских диссертаций о различных сторонах жизни советского общества, из них 275 – по истории СССР. За 1960 – начало 1964 г. было написано 400 таких диссертаций; из них 130 посвящены истории СССР².

В 1958 г. между СССР и Соединенными Штатами было подписано первое соглашение о культурном обмене. После четырех лет практики культурного обмена в нем приняли участие двести человек, а к 1975 г. – одна тысяча³. Поворотным моментом в развитии центров «российских и восточнославянских исследований» стало принятие в 1958 г. «Акта о национальном образовании в интересах обороны», ставшего ответом на запуск Советским Союзом искусственного спутника 4 октября 1957 г. Американское общество и правительство, ранее уверенные в собственном превосходстве над советской державой, испытали неприятное удивление и в полной мере осознали свою неоправданную недооценку противника. В США возникла убежденность, что советская средняя и высшая школы превосходят американские, и в связи с этим должны были незамедлительно быть предприняты меры по улучшению качества образования в США.

Согласно «Акту об образовании в интересах национальной обороны», правительство должно было оказывать помощь государственным и частным учебным заведениям всех уровней. Прежде всего, стимулировалось развитие естественных наук, математики и иностранных языков. Акт также предполагал поддержку технических дисциплин, региональных исследований, географии, английского языка для иностранцев, школьных библиотек и библиотечного дела, а также образовательных медиа-центров.

В рамках «Акта об образовании в интересах национальной обороны» «российские исследования» должны были получить всевозможные преференции и федеральную финансовую поддержку, поскольку, в первую очередь, США намеревались обороняться именно от советской угрозы.

В 1968 г. была создана Международная организация научных исследований и обменов (*IREX*), которая занималась администрированием обменных программ между Соединенными Штатами с одной стороны и СССР и государствами Восточной Европы – с другой. Согласно учредительным документам *IREX*, организация создавалась для того, «чтобы отражая противоположные интересы сторон, получить возможность централизации различных функций и обеспечить их эффективное администрирование,... завоевать авторитет в этой сфере деятельности по обе стороны Атлантики, обеспечить привлечение достаточных материальных средств, оставаясь недоступными для политического давления, и выполнять роль информационного центра, грамотно обеспечивая обмен информацией между сторонами»⁴.

В 1970–1980-е гг. наблюдалось поступательное развитие советологической организационной структуры. Неуклонно росло количество специалистов-советологов. Если в конце 1950-х гг. курсы по истории СССР были в планах 50% исторических факультетов, то в 1980 г. – 77%. 228 факультетов к середине 1980-х гг. имели специализацию по истории России до 1917 г. и 230 факультетов – по истории СССР после 1917 г.⁵ О масштабах подготовки советологических кадров свидетельствуют темпы выпуска специалистов: за 20 лет в (1950–1970) степень бакалавров в этой области получили 5666 чел., степень магистра – 2514 чел.⁶

¹ Петров Е.В. Американское россиеведение. Словарь-справочник // [http:// petrov5. ripod.com/welcome.htm](http://petrov5.ripod.com/welcome.htm).

² Каневский Б.П. Историческая наука за рубежом. Обзоры и рецензии. «К характеристике американского «советоведения» // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 181.

³ Рибер А. Изучение истории России в США // Исторические записки. 2000. № 3. С. 77.

⁴ История АЙРЕКС // <http://www.irex.ru/about/history>.

⁵ Тишков В. А. История и историки в США. М., 1985. С. 44.

⁶ Петров Е. В. «Русская тема» на Западе. Словарь-справочник по американскому россиеведению. СПб., 1997 // http://chss.irex.ru/db/zarub/view_bib.asp?id=682.

Впоследствии интерес к Советскому Союзу, незамедлительно сказывавшийся на инфраструктуре «российских и восточнославянских исследований», заметно оживал на очередном витке «холодной войны». К примеру, в конце 1970-х – начале 1980-х гг. американские фонды произвели крупные вливания в крупнейшие советологические центры. Финансовые средства шли на разработку новых программ и гранты для студентов и преподавателей. В 1983 г. была введена программа *Title VIII* («Акт о советских и восточнославянских исследованиях»), направленная на поддержку исследований, могущих способствовать правительству США в выработке правильного политического курса. Программа дала возможность многим американским ученым учиться в Вашингтоне и пользоваться редкими материалами, недоступными вне столицы. В справочнике «Американские советологи» утверждалось, что к 1990 г. в США насчитывалось 10 тыс. советологов, 3 тыс. из которых были членами Американской ассоциации углубленных славянских исследований¹.

Если сравнивать британские и американские «российские и восточнославянские исследования», то Великобритания никогда не могла сравниться с США ни по количеству научных центров и подготовленных специалистов (даже пропорционально населению и территории страны), ни по объему финансирования. Британская славистика, а затем и советология имели гораздо больше связи с «чистой наукой» в отличие от Соединенных Штатов, где советологические исследования носили более прикладной характер. И, наконец, проблемы литературы и языка имели в Великобритании гораздо больший удельный вес, чем в США. По выражению В. Франка, британские ученые «старались укрыться от реалий современного мира в филологическом трансе»², не желая вмешиваться в политику. В то же время, в Соединенных Штатах первенство принадлежало историческим и политическим исследованиям.

После окончания Второй мировой войны начинают активно развиваться «российские и восточноевропейские исследования» в Канаде. Изначально они были и интеллектуально, и организационно связаны с аналогичными исследованиями в США. Канадская ассоциация славистов (*Canadian Association of Slavists (CAS)*) была основана в 1946 г. как филиал Американской ассоциации учителей славянских и восточноевропейских языков, и только в 1954 г. она стала независимой организацией. Однако в Канаде причины роста интереса к региону были несколько иными, чем в Соединенных штатах, и отнюдь не ограничивались необходимостью получения и интерпретации информации в условиях «холодной войны». Развитие знаний о Восточной Европе соответствовало внутренним интересам Канады и запросам населения страны, ставшей прибежищем для многочисленных эмигрантов из Восточной Европы. Как писал профессор У. Роуз, многие канадцы или имели славянские корни, или сами были эмигрантами из славянских стран. Помимо этого, не мог остаться без внимания тот факт, что восточнославянские страны явились участницами событий и процессов общемирового значения, среди которых на первом месте стояла Вторая мировая война³.

«Российские и восточнославянские исследования» в Канаде имели несколько особенностей. Во-первых, в организации работы исследовательских центров, занимавшихся коммунистическими странами, активное, и даже первостепенное участие принимали выходцы из Восточной Европы⁴. В отличие от США, в Канаде эмигранты были востребованы в академической сфере и могли рассчитывать на признание результатов своих научных исследований. Показательно, что эмигранты нередко замещали высшие руководящие должности в исследовательских институтах и на кафедрах, занимающихся российскими и восточнославянскими исследованиями. Во-вторых, в канадских научных центрах огромное внимание уделялось Украине, что объяснялось наличием в стране большой украинской диаспоры.

«Российские и восточноевропейские исследования» проводились в университетах страны. Крупнейшие исследовательские центры были созданы в университете Торонто, университете Альберты в Эдмонтоне и Карлетонском университете в Оттаве. Эти центры успешно продолжают свою деятельность и по сей день, организуя научные конференции, координируя научные исследования и обеспечивая подготовку студентов и аспирантов.

¹ Блинкин Я.А. Американские советологи. Справочник. М., 1990. С. 6.

² Frank V.S. Soviet Studies in Western Europe (Britain) // The State of Soviet Studies. Cambridge, 1965. P. 55.

³ Kaye V.J. Canadian Association of Slavists. Brief History // http://www.ualberta.ca/~csp/cas/pdfs/CAShistory_53to73.pdf.

⁴ Kirschbaum S. J. Slavic Studies in Canada // Where are Slavic Eurasian Studies Headed in the 21st Century / 21 Century COE Program Occasional Papers. 2005. No. 7. P. 12.

Помимо этих исследовательских учреждений, изучением России и восточноевропейского региона в общем контексте занимаются факультеты и кафедры канадских университетов, специализирующиеся на филологии и социальных науках. Действуют Центр Украинских исследований в Канаде в университете Манитобы и Презри Центр исследований украинского наследия.

Долгое время считалось, что в англо-американском академическом сообществе Австралия занимала маргинальное положение, а австралийские ученые не оказывали существенного влияния на общий ход исследований. В 2004 г. под эгидой Исследовательского центра современной Европы Мельбурнского университета было издано специальное исследование Р. Саквы, посвященное «советским, восточноевропейским и российским исследованиям». Р. Саква обратил внимание на то, что очень многие ученые с мировым именем (Ш. Фицпатрик, С. Уиткрофт, Л. Холмс, Т. Ригби и многие другие) были так или иначе связаны с Австралией¹. Австралийские «российские и восточнославянские исследования» выделяли вовлеченность в научный процесс эмигрантов из Восточной Европы. Л. Холмс отмечал, что в Австралии изучение восточноевропейского региона происходит в связке с азиатскими странами. Он писал, что «австралийские «славянские» исследования имеют гораздо более тесные интеллектуальные и институциональные связи с «азиатскими коммунистическими и посткоммунистическими исследованиями», чем обычно бывает в других странах»².

В организационном отношении система исследований в Австралии отличается от других англоязычных стран. Главное отличие состоит в том, что в стране не было создано сети центров, специализирующихся на «российских и восточноевропейских исследованиях». Специалисты по коммунистическим странам являлись сотрудниками научных учреждений широкого профиля. Наибольшее количество ученых-славистов было сконцентрировано в Австралийском национальном университете. Исследования, посвященные России и Восточной Европе, проводились в институтах, специализировавшихся на общих европейских проблемах. Помимо этого, организации, занимающиеся регионом, появились в Австралии по сравнению с другими англоязычными странами достаточно поздно. Это свидетельствует о том, что их появление было обусловлено внутренними интересами страны, а не требованиями «холодной войны».

Австралийские и новозеландские ученые-слависты объединены в две ассоциации – Австралийскую ассоциацию коммунистических и посткоммунистических исследований (*Australasian Association for Communist and Post-Communist Studies (AACaPS)*), была основана в 1975 г. как Австралийская ассоциация исследований социалистических стран) и Австралийская и Новозеландская ассоциация славистов (*Australia and New Zealand Slavists' Association (ANZA)*, 1967 г.). Обе организации нацелены на углубление сотрудничества между австралийскими и зарубежными учеными, установление контактов между организациями славистов и факультетами университетов и организацию конференций и форумов. Совместно ассоциации выпускают журнал «Славянские и восточноевропейские исследования в Австралии» (*Australian Slavonic and East European Studies*).

Учебные программы по славистике предлагали такие австралийские университеты, как Мельбурнский университет, Университет Нового Южного Уэльса, Оклендский университет, Монашский университет и др. В университетских стенах в основном предлагались курсы по славянским языкам и литературе.

Единственным специализированным центром являлся Центр российских и восточнославянских исследований в университете Мельбурна. У его истоков стояли ученые с мировым именем – С. Уиткрофт и Л. Холмс. Фактически Центр начал работу в 1989 г., но официально был открыт в торжественной обстановке советским премьер-министром Н. Рыжковым в 1990 г. Впоследствии этот Центр посетили многие советские и российские политики.

В начале 1990-х гг. в инфраструктуре «российских и восточнославянских исследований» произошли изменения, связанные с финансовым положением научных центров и с организацией их деятельности. Перемены вытекали из самой природы и предназначения масштабного исследовательского комплекса. Появление дорогостоящей инфраструктуры «российских и восточнославян-

¹ *Sakwa R.* The Australasian Contribution to Soviet, East European and Russian Studies / CERC Working Papers Series. 2004. No. 1 // <http://www.cerc.unimelb.edu.au/publications/CERCWP012005.pdf>.

² *Holmes L.* The State and Future Tasks of Slavic Studies in Australia and Beyond during the Post-Communist Period: One Australian Perspective // Where are Slavic Eurasian Studies Headed in the 21st Century / 21 Century COE Program Occasional Papers. 2005. No. 7. P. 16.

ских исследований», финансирование объемных научных программ и проектов было связано не столько с чисто научным интересом к ранее малоизученному региону, сколько с жизненно важной необходимостью лучше познакомиться со стратегическим противником.

Отсутствие «врага» делало дальнейшие крупные затраты на изучение региона нецелесообразными. В 1991 г. М. фон Хаген пророчески писал: «Я предвижу значительные изменения в финансировании исследований и подготовки советологов по мере того, как Советский Союз будет терять свое прежнее положение лидера Восточной Европы и скатываться в разряд второстепенных держав. Такие традиционные спонсоры исследований в области безопасности, как фонд Карнеги, вслед за разведывательными службами определяют для себя в качестве новой главной стратегической угрозы, может быть, страны третьего мира, насаждающие терроризм или торгующие наркотиками. Советология потеряет таких своих прежних заказчиков, как госдепартамент, министерство обороны, ЦРУ и т.д. Уже сейчас ассоциация советологов, предоставляющая этим учреждениям свой анализ (она называется МИО – Международный исследовательский обмен), страдает от ослабления интереса к ней спонсоров»¹.

Действительно, после распада СССР гораздо большую тревогу стал вызывать пестрый и беспокойный мусульманский мир. Достаточно иллюстративно выглядит расширение деятельности Международной организации научных исследований и обменов (*IREX*) на страны Ближнего Востока и Азии. А. Рабинович констатировал, что «наибольший интерес к России американцы испытывают лишь тогда, когда боятся ее. Это для меня очень грустно. Как грустно и то, что во времена СССР в моем университете намного больше студентов учили русский язык, чем сейчас»². М. Ямпольский свидетельствовал: «Когда-то в Нью-Йоркском университете на славистике было 11 профессоров и аспирантура, а сейчас 6 профессоров и нет аспирантуры. Исчезновение аспирантуры, по существу, означает постепенное превращение того или иного отделения в аналог продвинутой средней школы, в котором научный компонент почти не присутствует»³. За 1990–2000-е гг. существенно сократилось число членов Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (*ASEEES*) (бывшая Американская ассоциация развития славяноведения (*AAASS*)).

В первой половине 1990-х гг. были широко распространены сомнения в необходимости продолжения специализированных региональных исследований. Велись споры о том, что после краха советской системы всеобъемлющего контроля политика и экономика бывшего советского блока могут изучаться тем же путем, что и политика и экономика, к примеру, Бразилии и Норвегии. Казалось, что любой компетентный специалист мог придти к должным выводам без знания предшествующей системы⁴. Из этого следовало, что работа центров «российских и восточнославянских исследований» была излишней роскошью.

Безусловно, попытки обосновать необходимость «российских и восточнославянских исследований» в новом международном контексте предпринимались. Для привлечения спонсоров использовались достаточно однотипные доводы, призывающие с новой стороны посмотреть на значимость посткоммунистических государств и особенно России и не растерять накопленный потенциал. Например, на сайте Центра российских, восточноевропейских и евразийских исследований Стэнфордского университета в разделе, посвященном спонсорской поддержке, указывалось на изменившееся после «холодной войны» значение государств региона для Европы и Соединенных Штатов, важность сотрудничества с Россией и странами Кавказа и Средней Азии после событий 11 сентября⁵. В аналогичном разделе сайта Центра российских и восточноевропейских исследований Мичиганского университета отмечалась значимость проводимой научной и образовательной работы и необходимость ее финансового обеспечения в будущем⁶. Все эти призывы, однако, не смогли обеспечить должного притока средств.

¹ Хаген М. Будущее советологии: попытка прогноза // *Общественные науки и современность*. 1991. № 4. С. 103.

² Рабинович А. Для Маккейна «холодная война» еще не закончилась // *Известия*. 2008. 16 июня. С. 4.

³ Российские и украинские студии в системе славистики США // <http://www.victoria-history.net/проекты/центры-россиики-и-украиники/>.

⁴ Elsworth J. The Current Situation in Slavic Studies in UK // *Where are Slavic Eurasian Studies Headed in the 21st Century / 21 Century COE Program Occasional Papers*. 2005. No. 7. P. 1.

⁵ Supporting CREES / Stanford University. Center for Russian, East European and Eurasian Studies // <http://crees.stanford.edu/about/support-crees.html>.

⁶ Supporting CREES / University of Michigan. Center for Russian and East European Studies // <http://www.ii.umich.edu/crees/alumni/support>.

При появившихся возможностях контакта с российским населением и элитами, расширившемся доступе к архивам отсутствие средств поставило под угрозу эффективность «российских исследований». Б. Рубл отмечал, что «в конечном счете, на текущий момент все упирается в деньги. Средств, достаточных для реализации всех достойных проектов в нашей области, сегодня нет ни у Института Кеннана, ни у других подобных центров. Боюсь, что большинство из тех людей, которые, как и я, занимаются административной работой в сфере исследований и поддержания контактов с их спонсорами, сегодня вынуждены все больше времени тратить на поиск источников финансирования»¹.

В Австралии количество специалистов-россиеведов сократилось, так как Австралийский национальный университет перестал замещать должности тех ученых, которые вышли на пенсию или уволились по какой-либо причине². Изучение славянских языков оказалось в неустойчивом положении, хотя в некоторых местах (Мельбурнский университет, Квинслендский университет) в начале тысячелетия количество желающих изучать русский и другие языки даже возросло³. В Великобритании в 1990-е гг. закрылись многие факультеты, занимавшиеся славянскими языками и культурой, сократилось количество специалистов... Если в условиях общего упадка славяноведения изучение русского языка и культуры было, по крайней мере, обеспечено специалистами, то изучение языка и культуры небольших славянских народов в прямом смысле слова было поставлено на грань выживания⁴.

Между тем справедливости ради нужно отметить, что «российские и восточноевропейские исследования» не были брошены на произвол судьбы. Они по-прежнему дотировались различными фондами. Дж. Бреслауэр и В. Боннелл отмечали, что министерство образования Соединенных Штатов и после распада СССР продолжает поддерживать организации, занимающиеся исследованиями региона. По-прежнему действует VI статья, появившаяся в 1958 г. как часть закона «Об образовании в интересах обороны» и нацеленная на обеспечение качественного образования, необходимого для защиты национальных интересов⁵.

В 1990-е гг. появился несвойственный для советологии источник финансирования – деньги на исследования России стали выделяться из российских источников. Целью вкладывания капиталов в научные разработки стало желание повлиять на внешнеполитические решения США. Б. Рубл полагал, что со временем влияние российских и денег на американские научные и аналитические организации будет еще большим, поскольку «традиционные источники поддержки российских исследований в Соединенных Штатах иссякают»⁶. Между тем такой источник денежных средств не надежен, поскольку американские эксперты и власти выражают озабоченность прозрачностью финансирования аналитических центров, а принятие денег от российской стороны находится в сомнительном отношении к американскому законодательству.

В 1990–2000-е гг. инфраструктура «российских исследований» сохранилась. Научные центры не были подвергнуты тотальному закрытию. Более того, после распада СССР продолжали открываться новые исследовательские единицы. В Канаде при университете св. Франциска Ксавьера появился центр посткоммунистических исследований. В 2004 г. при Вашингтонском университете был основан Эллисон центр, направленный на изучение стран Центральной и Восточной Европы, Балтийского региона, Кавказа, Центральной Азии, России, пониманию их имперского и коммунистического наследия и анализу появляющихся институтов и идентичностей, определяющих облик Евразии.

¹ Рубл Б. Прямота не всегда плохо // Международные процессы: журнал теории международных отношений и мировой политики. 2008. № 1. // <http://www.intertrends.ru/four/007.htm>.

² Holmes L. The State and Future Tasks of Slavic Studies in Australia and Beyond during the Post-Communist Period: One Australian Perspective // Where are Slavic Eurasian Studies Headed in the 21st Century / 21 Century COE Program Occasional Papers. 2005. No. 7. P. 15.

³ Ibid. P. 17.

⁴ Elsworth J. The Current Situation in Slavic Studies in UK // Where are Slavic Eurasian Studies Headed in the 21st Century / 21 Century COE Program Occasional Papers. 2005. No. 7. P. 2–3.

⁵ Bonnel, V.E., Breslau G.W. Soviet and Post-Soviet Area Studies / Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies. Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies (University of California, Berkeley). 1998 // http://repositories.cdlib.org/iseees/bps/1998_03-bonn.

⁶ Сифф М. Американские специалисты обсуждают вопрос российских денег в США: В какой степени наплыв российских денег может использоваться для покупки влияния в Вашингтоне // <http://www.inosmi.ru/translation/224893.html>.

Исследовательские центры столкнулись и с достаточно серьезной реструктуризацией. Это было связано с распадом некогда гомогенного коммунистического пространства на ряд регионов с разным целями и видением своего будущего. Сразу обозначились различия в путях развития постсоветского пространства и бывших сателлитов Советского Союза. Налицо было исчезновение нивелирующего национальные особенности влияния коммунистической власти. Былой русоцентризм научной деятельности подлежал немедленной корректировке.

Изучение посткоммунистического пространства требовало более дифференцированного подхода, что наиболее ярко проявилось в тенденции разделять исследования постсоветских республик и посткоммунистических государств Восточной Европы. В связи с «возвращением» последних в Европу их изучение предлагалось вести совместно с другими европейскими странами. Стали появляться программы, нацеленные на исследования стран Балтии, Центральной Азии, Кавказа. В качестве примеров можно привести создание при университете Глазго Отдела исследований стран Балтии, появление программы балтийских исследований в Вашингтонском университете при поддержке Элвиса центра российских, восточноевропейских и центральноазиатских исследований, программы по изучению Центральной Азии и Кавказа в Гарвардском университете на базе Девиса центра российских и евразийских исследований. Этот перечень легко может быть продолжен.

Из изменений, произошедших в инфраструктуре, можно отметить переименование исследовательских центров и организации. Поскольку понятия «советский» и «коммунистический» стали достоянием истории, то в названия стали включаться такие определения, относящиеся к географическим или этническим характеристикам региона, как «славянский», «российский», «восточноевропейский», «евразийский».

Реорганизации подлежали и научные периодические издания, появившиеся в годы «холодной войны». Пройдя процесс переименования, журналы смогли адаптироваться к существованию в новых реалиях. Так, среди имеющихся сегодня изданий можно выделить «Европейско-азиатские исследования» (*Europe-Asia Studies*, «Советские исследования» до 1993 г.), «Постсоветский вестник» (*Post-Soviet Affairs*, «Советская экономика» до 1992 г.), «Коммунистические и посткоммунистические исследования» (*Communist and Post-Communist Studies*, «Исследования сравнительного коммунизма» до 1993 г.), «Проблемы посткоммунизма» (*Problems of Post-Communism*, «Проблемы коммунизма» до 1992 г.), «Славянское обозрение» (*Slavic Review*), «Российское обозрение» (*Russian Review*). После распада «социалистического лагеря» появились журналы «Восточноевропейский конституционный обзор» (*East European Constitutional Review*), «Демократизация» (*Demokratizatsia*), предназначенные для освещения «переходных» процессов на посткоммунистическом пространстве. Статьи, посвященные проблемам региона, стали публиковаться в таких журналах, как «Мировая политика» (*World Politics*), «Журнал демократии» (*Journal of Democracy*), «Компаративные политические исследования» (*Comparative Political Studies*), «Британский журнал политической науки» (*British Journal of Political Science*), организованных по проблемному принципу, а не по принципу принадлежности к стране или региону.

Таким образом, можно отметить, что хотя уменьшение спроса на исследования региона и соответствующее сокращение финансирования сделали проблематичным осуществление научных проектов, созданная в годы «холодной войны» инфраструктура, подвергшись незначительным изменениям, доказала свою жизнеспособность. В 2000-е гг. продолжают создаваться новые исследовательские центры, и будущее англоязычных «российских и восточнославянских исследований» выглядит если не радужным, то, по крайней мере, гарантированным.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ, УНИВЕРСИТЕТЫ, ИНСТИТУТЫ И БИБЛИОТЕКИ

Начавшая складываться в конце 1940-х – начале 1950-х гг. система организаций и институтов, занимающихся российской, советской и славянской проблематикой, приобрела к настоящему времени четкую структуру, охватывающую все ступени образования и научных исследований. Важным звеном этой системы является академический уровень, деятельность научных организаций, университетов и центров, направленная на углубление исследований России, Центральной и Юго-Восточной Европы, подготовку научных публикаций и практических рекомендаций для государственных органов.

В государствах Запада сложилась система российских, советских, а затем и постсоветских исследований с определенными традициями, теоретическими концепциями и методологическими подходами. Наиболее серьезное внимание проблематике было уделено в странах, определяемых как “англо-американское общество”, т.е. в четырех крупнейших англо-говорящих государствах – Австралии, Великобритании, Канаде и США, которые обычно в категориях сравнительной социологии рассматриваются как примеры одного типа общества и различные версии одной культуры.¹

На рубеже тысячелетий многократно, можно сказать качественно, увеличился информационный поток. Этот процесс связан, в первую очередь, с развитием новых носителей информации и быстрым расширением всемирной сети Интернет, база данных которой не имеет аналогов в мировой истории и доступна пользователям в любой точке земного шара. Однако Интернет имеет и существенный недостаток – сложность поиска и нахождения нужного материала, опасность «утонуть» в избытке информации.

Целью авторов является характеристика сложившейся современной системы российских и славянских советских и постсоветских исследований в странах англо-американского общества. Анализируя проблему, мы используем и систематизируем интернет-данные. Интернет-адреса являются одновременно и ссылками на приводимые данные, и отправными пунктами для дальнейшего углубленного поиска. Все Интернет – страницы академических центров, организаций и университетов, проверенные в апреле 2011 г., предлагают информацию, позволяющую значительно расширить понимание англо-американской инфраструктуры российских и славянских исследований исторических исследований.

International Council for Central and East European Studies (ICCEES) / Международный совет центральных и восточноевропейских исследований².

Необходимость согласованности усилий, делаемых учеными разных стран мира для изучения социалистического блока, стала причиной появления в 1974 г. на конференции в Банфе (Канада) Международного Комитета советских и восточноевропейских исследований (ICSEES). Уставная организация вновь появившейся организации провозглашала ее основными целями и задачами сотрудничество в проведении научных конференций, обмен информацией, помощь специалистам из тех стран, которые не имеют опыта подобных исследований, и облегчение процесса международного обмена для новых членов Комитета. ICSEES планировал также вовлечение в международную научную жизнь специалистов из СССР и просоветских государств, а первый президент Международного Комитета А. Бромк заявлял, что для того, чтобы улучшить международный обмен информацией между специалистами по СССР, с одной стороны, и народами Восточной Европы и учеными из социалистических стран – с другой, ICSEES будет искать возможности для широчайшего сотрудничества по вопросам, вызывающим обоюдный интерес, используя при этом обмен документами и учеными, проведение дискуссий по методологии, организацию объединенных конференций и другие должные формы взаимодействия.

¹ International Encyclopedia of the Social Sciences. Macmillan Company & Free Press: New York, 1972. Vol. 1. P. 289.

² <http://www.iccees.org/history.html>.

Нужно отдать должное, что на протяжении всего существования Советского Союза ICSEES, активно участвуя в организации и проведении всемирных конгрессов ученых, занимающихся проблемами Центральной и Восточной Европы, делал все возможное для того, чтобы увидеть на них представителей СССР.

В 1988 г. Международный комитет стал называться Международным Советом советских и восточноевропейских исследований, а в 1993 г. получил свое современное название – Международный совет центральных и восточноевропейских исследований (ICSEES).

Совет состоит из представителей национальных организаций (по два представителя из Канады, Великобритании, Германии и США и по одному – из других стран) и ассоциированных институтов.

Ежедневную работу выполняет исполнительный комитет, в состав которого президент, два вице-президента, секретарь, директор Международного информационного центра и пять других членов. На данный момент президентом ICSEES является Г. Джилл.

Одним из первых решений исполнительного комитета стало учреждение в 1975 г. Международного информационного центра, призванного выполнять коммуникативную функцию внутри научного сообщества. Международный бюллетень (International Newsletter), издаваемый Центром, а также публикация заседаний всемирных конгрессов наиболее полно отражают деятельность ICSEES.

Организация финансируется правительствами и университетами разных стран. К примеру, ICSEES поддерживают министерства иностранных дел Канады, Франции, ФРГ, Израиля, Великобритании, США, японская «Nippon Steel Corporation», Финский университет российских и восточноевропейских исследований, Совет по общественным дисциплинам и гуманитарным исследованиям Канады и др.

2.1. Соединенные Штаты Америки

Академические организации

Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies (ASEEES) / Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований¹.

Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES) – некоммерческое неполитическое академическое сообщество, являющееся ведущей организацией, изучающей Россию, Евразию, Восточную и Центральную Европу. В 1938 г. Американским советом научных обществ был основан Комитет изучения славянской истории. Собственно Ассоциация возникла десятилетием позже под названием Американская ассоциация развития славяноведения (AAASS) и с тех пор объединяет людей, работающих в академических дисциплинах, связанных с культурой, историей, языками, экономическими и политическими системам региона.

ASEEES берет на себя обязательство усиливать связь индивидуумов, организаций и учреждений, работающих в данном направлении, и обеспечивать общественную и частную поддержку исследованиям, подготовке специалистов, публикациям и распространению знаний о регионе. В заявлениях ASEEEES подчеркивается, что изучение России, других государств бывшего Советского Союза, Восточной и Центральной Европы на современном этапе чрезвычайно важно. Эта крупнейшая область современного мира, включающая почти четверть земного шара и населения, испытывает серьезные социальные, экономические и политические изменения. Понимание народов, их истории, языков, культуры, также как переходной экономики и политики их стран, является необходимым для формирования здоровой международной политики. Это также жизненно важно для оценки культурного богатства и разнообразия этого региона и, в конечном счете, для более широкого представления о человеческом опыте.

Ассоциация имеет семь региональных филиалов, которые охватывают различные регионы США, проводят академические встречи, научную и образовательную деятельность. Каждая организация посылает представителя в Совет региональных филиалов, члены которого поочередно входят в Совет директоров ASEEEES. Филиалами ASEEEES являются Центральная славянская конференция (первый региональный филиал, основанный в 1962 г., включает штаты Миссури, Канзас, Колорадо, Небраска, Айова и Оклахома), Центрально-атлантическая славянская конференция (включает около

¹ <http://www.aseees.org>.

100 исследователей из штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания и Делавэр), Среднезападная славянская конференция (включает исследователей из среднезападных штатов США, проводит ежегодные весенние встречи), Славянская ассоциация Новой Англии (один-два раза в год издает «Информационный бюллетень NESА» и проводит ежегодные весенние встречи), Южная конференция славянских исследований (дважды в год издает научный бюллетень и проводит ежегодные встречи членов организации), Юго-западная славянская ассоциация (проводит ежегодные встречи членов организации) и Западная славянская ассоциация (издает «Информационный бюллетень Западной славянской ассоциации» и проводит ежегодные осенние встречи).

ASEEES имеет также 36 филиалов, специализирующихся на определенных темах и областях в рамках предмета исследований. Филиалы представлены, например, Американской ассоциацией украинских исследований, Ассоциацией женщин в славянских исследованиях, Ассоциацией исследований славянской древности, Ассоциацией национальных исследований, Обществом историков, изучающих восточноевропейское и российское искусство и архитектуру.

*Американская ассоциация украинских исследований (AAUS)*¹. AAUS была основана в 1989 г. Целью Ассоциации является содействие украинским исследованиям в США с помощью академических обменов, проведения конференций, публикаций и других специальных проектов, в том числе в междисциплинарном и сравнительном контексте.

*Ассоциация женщин в славянских исследованиях (AWSS)*². Целью Ассоциации является изучение гендерных вопросов в рамках культур и языков Центральной и Восточной Европы и государств бывшего СССР. AWSS поддерживает женщин-исследователей в данной области. Ассоциация издает информационный бюллетень «Женщины Востока-Запада».

*Ассоциация исследований славянской древности (ESSA)*³. ESSA – академическая некоммерческая организация, объединяющая всех, кто интересуется славянской историей до XVIII в. Распространяет академическую информацию о раннем периоде славянской истории посредством организации встреч, конференций и издания информационного бюллетеня Ассоциации.

*Ассоциация национальных исследований (ASN)*⁴. Ассоциация занимается исследованиями этнических и национальных проблем в Европе и Азии. ASN объединяет исследователей, политических аналитиков и членов негосударственных организаций из более, чем 50 стран. Ассоциация проводит ежегодный всемирный съезд в Колумбийском университете, организует европейские конференции, публикует такие журналы по национальной проблематике, как «Этнополитика» (*Ethnopolitics*) и «Труды по проблемам национальностей» (*Nationalities Papers*).

Общество историков, изучающих восточноевропейское и российское искусство и архитектуру (SHERA). В эту группу входят преподаватели, студенты, академические исследователи, библиотекари, музейные работники, интересующиеся визуальной и материальной культурой России, народов бывшего Советского Союза, Центральной и Восточной Европы. Общество поддерживает усилия, направленные на улучшение условий исследования для ученых и установление контактов среди его членов. Общество издает «Бюллетень SHERA» трижды в год. Структура комитета позволяет членам эффективно сотрудничать в профессиональных вопросах. Он включает Комитеты библиографии, документации и образования. Все действия Общества координируются Национальным офисом, расположенным в Гарвардском университете.

Членами ASEEEES являются около 3 тыс. чел. в США и за границей. Они представляют прежде всего академическое сообщество, правительственные организации и бизнес, однако членство открыто для любого человека, заинтересованного в содействии академическим целям Ассоциации. Индивидуальные члены платят взносы, пропорциональные уровню доходов. Все члены Ассоциации получают журнал «Славянское обозрение» и «Бюллетень новостей» и могут участвовать в ежегодном собрании Ассоциации.

Учреждения, проявляющие интерес к славянским, восточноевропейским и евразийским исследованиям, имеют право стать коллективными членами Ассоциации. В 2010 г. 50 учреждений в США и за рубежом демонстрировали свою поддержку данной области исследований с помощью членства в ASEEEES. Коллективное членство в ASEEEES открыто для всех университетов, колледжей

¹ <http://www.ukrainianstudies.org>.

² <http://www.awsshome.org>.

³ <http://www.aseees.org/organizations/essa.html>.

⁴ <http://www.nationalities.org/index.asp>.

и других учреждений, проявляющих интерес к славянской проблематике. Это позволяет учебным заведениям играть важную роль в Ассоциации и быть хорошо информированными относительно достижений и проблем в национальном масштабе. Ежегодный взнос, получаемый от коллективных членов, помогает ASEEEES обеспечить академические и профессиональные услуги тем, кто работает в данной области. Совет учреждений-членов ASEEEES, состоящий из представителей всех учреждений-членов, встречается ежегодно на национальном съезде, проводящемся каждую осень в различных городах. Национальный форум делает возможным широкий обмен информацией и идеями, стимулируя дальнейшую работу.

Академический ежеквартальный журнал ASEEEES «Славянское обозрение»¹ посвящен проблемам российских, евразийских и восточноевропейских исследований и содержит статьи, обсуждения и литературные обзоры по всем академическим дисциплинам, относящимся к данной проблематике. Его подписчиками являются около 1000 библиотек всего мира. Информационный бюллетень «NewsNet», выходящий дважды в месяц, содержит профессиональные материалы, новости Ассоциации, информацию о возможности трудоустройства и поддержки исследований. Читатели регулярно информируются о календаре ближайших конференций, получают списки новых исследований, заметки о публикациях членов организации.

Начиная с 1956 г. под эгидой ASEEEES (в то время AAASS) составляется Американская библиография славянских и восточноевропейских исследований (ABSEES). ABSEES охватывает североамериканские исследования Восточной Европы, России и бывшего Советского Союза. В ней содержатся библиографические отчеты по журнальным статьям, книгам, их оглавлению, книжные обзоры, диссертации и избранные правительственные публикации. Электронная версия ABSEES² доступна колледжам, университетам и библиотекам за ежегодную подписную плату.

Ежегодно на национальном съезде самый выдающийся член ассоциации представляется к награде ASEEEES за особый вклад в своей области исследований. Каждый год ASEEEES награждает авторов книг, изданных в течение года, предшествовавшего году вручения премий. Также специальная награда предусмотрена для библиотекарей и архивистов, внесших особый вклад в развитие славянских, восточноевропейских и евразийских исследований.

ASEEEES близко сотрудничает с такими профессиональными организациями, как Американская историческая ассоциация, Американская ассоциация политических наук, Американская социологическая ассоциация и Ассоциация современного языка.

American Historical Association (АНА) / Американская историческая ассоциация³.

Американская историческая ассоциация является некоммерческой организацией, основанной в 1884 г. для содействия историческим исследованиям, сбору и сохранению исторических документов и экспонатов. В настоящее время АНА – крупнейшее историческое общество в Соединенных Штатах, среди 14 тыс. членов которого – преподаватели средних школ, колледжей и университетов, независимые историки и музейеды, сотрудники правительственных органов, исторических организаций, библиотек и архивов, аспиранты. Ассоциация реализует активные обучающие и профессиональные программы для специалистов во всех направлениях исторической науки.

АНА выпускает большое количество периодических изданий, предназначенных для профессиональных исследователей и широкой публики. Журнал Ассоциации «Американское историческое обозрение» – крупнейший исторический журнал в Соединенных Штатах, который издается пять раз в год Университетом штата Индиана в Блумингтоне. «Обозрение» содержит академические статьи и критические обзоры текущих публикаций во всех областях истории.

«Американское историческое обозрение» можно найти в сети Интернет с помощью JSTOR – организации, основанной в 1995 г. Фондом Э. Меллона, оказывающей помощь академическому сообществу в использовании современных электронных технологий. Основной задачей JSTOR является создание архива файлов ведущих академических журналов и облегчение доступа к ним. Пользование данными материалами в бумажной форме вызывает определенные сложности; кроме того, эти материалы занимают большие площади, а их хранение требует от академических библиотечных учреждений больших денежных затрат.

¹ <http://www.slavicreview.illinois.edu>.

² <http://www.library.illinois.edu/absees>.

³ <http://www.historians.org>.

Информационный бюллетень АНА «Перспективы исторической науки» издается девять раз в год. Информационный бюллетень содержит статьи и комментарии об известных историках, событиях и тенденциях в исторической науке, информацию о деятельности АНА, трудоустройстве, конференциях и семинарах, новых исследованиях, наградах и грантах.

American Political Science Association (APSA) / Американская ассоциация политических наук¹.

Основанная в 1903 г. Американская ассоциация политических наук – профессиональное общество ученых-политологов, занимающихся изучением политики и деятельности правительственных органов. Четвертая часть членов APSA работает вне учебных заведений – в правительственных, частных, исследовательских организациях. Ассоциация объединяет более 15 тыс. ученых-политологов, живущих в более чем 80 странах мира, проводящих исследования во всех областях политической науки. Ассоциация стремится к распространению собственных представлений о политике и политической жизни.

American Sociological Association (ASA) / Американская социологическая ассоциация².

Американская социологическая ассоциация, основанная в 1905 г., является некоммерческой ассоциацией, предназначенной для углубленного изучения социологии как научной дисциплины и профессиональной подготовки специалистов. Большинство из 14 тыс. членов Ассоциации – преподаватели и студенты колледжей и университетов, исследователи, социологи-практики. В Ассоциации действует 44 различные секции, публикуется 10 печатных изданий. ASA проводит ежегодную конференцию, в которой принимает участие около 6000 тыс. человек. Около 20 % ее членов работают в правительстве, бизнесе или некоммерческих организациях. Целью ASA является осуществление программ, способных оказать заметное влияние на развитие социологии в настоящем и в будущем.

Modern Language Association (MLA) / Ассоциация современного языка³.

Ассоциация современного языка была основана в 1883 г. Охватывая свыше 30 тыс. преподавателей, ученых и аспирантов, занимающихся изучением языка и литературы в 100 странах, Ассоциация публикует несколько изданий по гуманитарным дисциплинам и проводит ежегодные собрания.

American Councils for International Education (ACTR – ACCELS) / Американские советы международного образования⁴.

Основанный в 1974 г. как Американский совет преподавателей русского языка ACTR является некоммерческой образовательной и консультирующей организацией, специализирующейся на странах Восточной Европы, России и Евразии. Программы Американского совета включают академические обмены, профессиональную подготовку, исследовательскую работу, оказывают своим членам материальную, техническую помощь и консультации.

Со времени основания деятельность Совета была направлена на развитие исследований в сфере изучения русского и английского языков. Задача Совета состояла в усилении связей между сообществами исследователей и преподавателей языка и литературы, работающими в Соединенных Штатах, странах Восточной Европы и Евразии. В середине 1980-х гг. в связи с постепенным открытием советского общества ACTR образовал ACCELS (Американский совет в области образования и изучения языков), который стал одной из ведущих американских организаций, проводящих обмен в области гуманитарных и социальных наук. В 1998 г. организация стала называться Американские советы международного образования (ACTR – ACCELS).

В настоящее время ACTR и ACCELS продолжают существовать как отделения Совета. ACTR – профессиональная ассоциация, специализирующаяся на образовательных, обучающих и исследовательских программах для американских граждан. Функцией ACCELS является координация обменов, обучения и программ по оказанию технической помощи странам Восточной Европы, России и Евразии.

¹ <http://www.apsanet.org>.

² <http://www.asanet.org/index.cfm>.

³ <http://www.mla.org>.

⁴ <http://www.americancouncils.org>.

Американские советы разрабатывают образовательные и обучающие программы для американских и иностранных правительственных агентств, образовательных учреждений, руководят подготовкой программ профессионального обмена и обучения, включая конференции и симпозиумы. В организации работает около 370 специалистов. Советы имеют офисов в 24 странах, подбирают участников и руководят проведением 60 исследовательскими и обменными программами.

Council for International Exchange of Scholars (CIES) / Совет международного обмена ученых ¹.

Совет международного обмена ученых, являющийся частью Института международного образования, – частная организация, основанная для администрирования программы Фулбрайт. Был основан в 1947 г. Совет сотрудничает с Информационным агентством Соединенных Штатов (USIA), американским правительственным агентством, ответственным за проведение программы Фулбрайт. С октября 1999 г. USIA стало частью Государственного департамента США.

Крупнейшая программа международного обмена, известная как программа Фулбрайт, была предложена одним из бывших сенаторов от штата Арканзас Дж. Фулбрайтом в 1946 г. и одобрена членами Конгресса. Целью программы является «улучшение взаимопонимания между гражданами США и других стран». Гранты предоставляются американским и иностранным студентам, преподавателям и ученым для обучения, преподавания и проведения исследований за рубежом. Отбор претендентов основывается на изучении их профессиональной и научной квалификации и потенциала, а также способности и желания поделиться идеями и опытом с представителями разных культур. Ежегодно предоставляется около 7 500 грантов. С 1946 г. около 294 тыс. чел. приняли участие в программе Фулбрайт, из них 111 тыс. – граждане Соединенных Штатов и 183 000 – представители других государств.

International Research & Exchanges Board (IREX) / Международная организация научных исследований и обменов ².

Международная организация научных исследований и обменов была основана в 1968 г. Это некоммерческая организация, способствующая развитию программ углубленных исследований и обучающих программ в Соединенных Штатах, странах бывшего Советского Союза, Центральной и Восточной Европы. IREX поддерживает проведение исследовательских программ, подготовку международных конференций и семинаров. В организации работает свыше 400 специалистов. IREX сотрудничает с университетскими исследовательскими обществами, политиками, корпорациями, средствами массовой информации и частными фондами. Одной из основных целей организации является помощь в развитии прикладных исследований в области гуманитарных и социальных наук через расширение доступа к международным информационным ресурсам. IREX имеет партнеров в более чем 100 странах и офисы в более чем 125 городах Европы и Евразии. В 1993 г. был открыт офис IREX в Москве.

Social Science Research Council (SSRC) / Совет социальных исследований ³.

Совет был основан в 1923 г. как независимая неправительственная некоммерческая международная ассоциация, предназначенная для углубления исследований в области социальных дисциплин. Поставленная задача выполняется посредством предоставления грантов, поддержки академических обменов, междисциплинарных симпозиумов и конференций, программы публикаций. Стремясь повысить качество исследований в области социальных дисциплин, SSRC поощряет ученых, работающих в рамках отдельных дисциплин, например антропологов, экономистов, историков, политологов, социологов, статистиков, к совместной работе над важнейшими концептуальными и методологическими проблемами, которые выигрывают от междисциплинарного сотрудничества. С помощью этой программы SSRC поддерживает ученых-обществоведов из США и других стран, способных найти новые научные пути и ответить на вызов, брошенный современными и историческими проблемами. SSRC разрабатывает программы по проблемам глобальной безопасности и сотрудничества, миграции, исследовательских учреждений и общественного сектора.

¹ <http://www.cies.org/cies.htm>.

² <http://www.irex.org>.

³ <http://www.ssrc.org>.

Университеты и институты

В Законе США о высшем образовании подчеркивается, что: 1) безопасность, стабильность и экономическая жизнеспособность Соединенных Штатов в сложных современных условиях зависит от американской исследовательской базы в международной области, экспертов и граждан, обладающих знаниями иностранных языков, регионов мира и международных отношений; 2) прогресс в коммуникационных технологиях и рост региональных и глобальных проблем делают знание других стран и способность разговаривать на их языках все более необходимыми для содействия взаимопониманию и сотрудничеству среди наций и народов; 3) драматические перемены в мировой политике и экономике создали потребность в знании большего количества наций и народов.

Международная образовательная программа, как составная часть Закона, отмечала необходимость совместных усилий правительства США, высших учебных заведений и частного сектора для распространения информации о регионах мира, совершенствования изучения иностранных языков и международных отношений. Государство направило свои усилия на поддержку центров, программ, предоставление грантов для американских учебных заведений; облегчение доступа к исследованиям и стажировкам за рубежом; координацию действий всех заинтересованных сторон.

Со времени своего принятия Международная образовательная программа стала инструментом профессиональной подготовки специалистов, изучающих российский, восточноевропейский и евразийский регионы. Важность изучения этих регионов обосновывалась в специальной VI статье Программы. Учреждения, возникшие после принятия Программы, получили наименование национальных исследовательских центров и в настоящее время делятся на две категории. К первой группе (студенческие национальные исследовательские центры) относятся организации, обеспечивающие подготовку специалистов со степенью бакалавра. Вторую группу (полные (всесторонние) национальные исследовательские центры) составляют учреждения, предлагающие степени магистра и доктора наук.

В настоящее время программы, возникшие на базе VI статьи, финансируют работу более 20 центров российских, евразийских и славянских исследований, работающих в таких известных учебных заведениях, как Колумбийский университет, университеты Корнелл, Джорджтаун, Дж. Вашингтона, Гарвардский университет, университеты Индианы, Огайо, Стэнфорда, Калифорнии, Иллинойса, Айовы, Канзаса, Мичигана, Северной Каролины, Питсбурга, Техаса, Виржинии, Висконсина.

Columbia University, Harriman Institute / Колумбийский университет, Институт Харримана ¹.

Институт Харримана – первый научный центр в Соединенных Штатах, занимающийся междисциплинарным изучением России, стран советского блока и посткоммунистических государств. Основанный в 1946 г. как Российский институт с 1954 г. он приступил также к изучению Восточной и Центральной Европы. В 1982 г. в честь губернатора У.А. Харримана Институт стал называться Институтом углубленных исследований Советского Союза им. У.А. Харримана. В 1992 г. Институт официально расширил тематику исследований, охватив все государства бывшего СССР, и получил окончательное название Института Харримана. С 1997 г. Институт объединил свои усилия с научным потенциалом восточноевропейских и центральноевропейских институтов для более эффективных исследований экономических, политических, социальных и культурных процессов на посткоммунистическом пространстве.

Директор Института М. фон Хаген подчеркивал, что Российский институт возник в эпоху фундаментальных национальных и международных преобразований, когда Соединенные Штаты испытали потребность в хорошо обученном штате специалистов, способных осмыслить события, происходящие в Восточной Европе и Советском Союзе. Сегодня Соединенные Штаты стоят перед новым вызовом, связанным с беспрецедентными событиями в постсоветских государствах и их обществах. Действуя в духе основателей Института, поддерживавших проведение критического изучения данного региона, Институт готовит новое поколение специалистов, готовых встретить вызов современного мира.

В институте ведется активная исследовательская деятельность. В 2009–2010 гг. разрабатывался проект «Новые способы коммуникации в постсоветском мире», в 2010 г. – «Проект устной

¹ <http://www.harrimaninstitute.org>.

истории». На 2010–2011 гг. запланирован проект «Права человека в посткоммунистическом мире: стратегии и результаты».

Cornell University, Institute of European Studies (IES) / Университет Корнелл, Институт европейских исследований¹.

Институт европейских исследований координирует деятельность факультетов и отделений университета, занимающихся изучением европейской проблематики, включая исследование государств бывшего советского блока. IES является головной организацией, проводящей международные программы в университете Корнелл.

В библиотеке университета Корнелл имеется богатая славянская и восточноевропейская коллекция. Данное собрание создавалось около века, и у его истоков стояли Эндрю Диксон Уайт, бывший первым президентом Корнелл, и Юджин и Шуйлер. На сегодняшний день библиотека насчитывает свыше 300 тыс. томов и ежегодно пополняется на 10 тыс. единиц хранения. В университетской библиотеке имеются замечательные собрания русской и эмигрантской литературы, посвященные проблемам славянской лингвистики, российской истории, российской и восточноевропейской экономики. Представлены также материалы по Польше, Сербии, Хорватии, Чехии и Словакии. Материалы, изданные на языках региона, затрагивают широкий спектр вопросов от экономики и этнографии до воспитания детей и градостроительства. В конце 1980-х гг. архив университета Корнелл был пополнен архивными собраниями, содержащими документы по «переходному» периоду в Венгрии и борьбе с коммунистическим режимом в Польше.

В последнее время в связи со значительно возросшим интересом к вопросам экономической, политической и социальной трансформации региона увеличилось и количество литературы по данным темам.

Georgetown University, Center for Eurasian, Russian, and East European Studies (CERES) / Университет Джорджтаун, Центр евразийских, российских и восточноевропейских исследований².

Центр евразийских, российских и восточноевропейских исследований при Университете Джорджтауна был основан в 1959 г. Целью его деятельности была подготовка специалистов, которые понимали бы Советский Союз и могли проанализировать функционирование закрытой советской системы. После распада советской сверхдержавы акценты сместились на разностороннее изучение этого культурно многообразного региона. Деятельность Центра разнообразна. Он является частью Школы дипломатической службы имени Эдмунда А. Уолша. Центр занимается программами, затрагивающими Турцию, а ряд турецких проектов Центр осуществляет совместно с Институтом турецких исследований.

CERES предлагает одну из лучших в стране магистерских программ, делающую акцент на изучении истории, политической ситуации, языков и культур данного региона; объединенные программы, после окончания которых можно получить две степени; сертификационные программы, предлагающие дополнительный сертификат для студентов, магистров и аспирантов других специальностей. Центр публикует ежемесячный «Информационный бюллетень».

Штат университетских преподавателей пополняется исследователями из многочисленных институтов и правительственных учреждений Вашингтона. Во время лекций и семинаров студенты встречаются с экспертами и дипломатами из Центральной, Восточной Европы и государств бывшего СССР.

С 2000 г. в Центре размещается Национальный центр ресурсов (National Resource Center (NRC)) региона. Библиотека CERES была основана благодаря финансовой поддержке Благотворительного фонда семьи Ратиу. Библиотечное собрание CERES включает около 2 250 книг. Библиотека располагает также on-line подпиской на более чем 100 журналов и газет. В CERES имеются собрания из библиотеки румынского политика и кандидата в президенты от Национальной крестьянской партии Иона Ратиу, посвященные странам региона.

George Washington University, Institute for European, Russian and Eurasian Studies (IERES) / Университет Джорджа Вашингтона, Институт европейских, российских и евразийских исследований³.

¹ <http://www.einaudi.cornell.edu/europe/>.

² <http://ceres.georgetown.edu/>.

³ <http://www.gwu.edu/~ieresgwu/>.

После Второй мировой войны американские колледжи и университеты испытывали нехватку исследователей коммунистических режимов и были недостаточно подготовлены для разработки рекомендаций правительственным органам. Институт китайских и советских исследований был основан в 1961 г. с целью заполнить эти пробелы, поддерживая академическое изучение и подготовку специалистов в области советских, центральноевропейских, восточноевропейских и восточно-азиатских исследований.

С учетом преобразования бывшего коммунистического блока в начале 1992 г. Институт стал называться Институтом европейских, российских и евразийских исследований. Основные изучаемые дисциплины – политическая наука, экономика, история, а также социология, лингвистика, антропология, литературоведение, киноведение, публичная политика. Поощряются междисциплинарные исследования. Университет Дж. Вашингтона располагает уникальным собранием реферативных работ и периодических изданий, доступных для исследователей в славянском, восточноевропейском и азиатском читальных залах.

Институт издает журнал «Проблемы посткоммунизма», ранее носивший название «Проблемы коммунизма». Журнал включает аналитические, дискуссионные и информационные материалы, организует обсуждения, публикует библиографические и историографические обзоры. В 1990-е гг. IERES взял на себя функции ведущего учреждения, проводящего обменную программу американских и российских ученых, студентов и дипломатов. В последние годы институт расширяет украинские исследования и обучение специалистов, занимающихся изучением Украины. С этой целью IERES участвует в проведении обменной программы для преподавателей и аспирантов Львовского университета. Ежегодно в университете проходит свыше 60 общественных, культурных и научных событий.

В Институте работает группа по исследованиям «холодной войны». Основанная в 2000 г., она ставит своей целью изучение как данного периода мировой истории, так и наследия «холодной войны» и ее влияния на экономические и политические процессы во многих странах мира.

Harvard University, Davis Center for Russian and Eurasian Studies Center / Гарвардский университет, Центр Девиса российских и евразийских исследований ¹.

Центр был основан в 1948 г. при поддержке фонда Карнеги как Русский исследовательский центр. Современное название получил в 2002 г. Основная миссия Центра Девиса состоит в развитии фундаментальных знаний о России в региональном и историческом контексте. Центр поддерживает изучение пограничных и близлежащих стран, которые были объединены с российским государством или подчинены ему в различные периоды истории, а также стран, чей опыт связан с процессами, подобными российским. Центр Девиса обеспечивает ресурсы и услуги, помогающие в изучении этих проблем и создающие соответствующую интеллектуальную среду.

В 1997 г. была начата «Программа новых подходов к вопросам российской безопасности» (PONARS), объединившая молодых ученых, которые анализируют политику безопасности России и ее роль в международных делах. Участвуя в ежегодных конференциях в университетах Гарварда и Вашингтона, эксперты сосредотачивают внимание на анализе процессов государственного устройства, развития общественных интересов и их влияния на политику России и ее национальную безопасность. Программа поддерживает издание материалов и аналитических записок по рассматриваемой проблематике.

В 1997 г. университет начал осуществлять «Гарвардский проект изучения “холодной войны”» (CWSHU). Окончание «холодной войны» и крах Советского Союза решительно изменили ситуацию с архивными материалами, ставшими доступными для исследователей. Проект предназначен для использования появившихся возможностей и развития имеющихся достижений, накопленных участниками «Международного исторического проекта изучения “холодной войны”» (CWIHP), проводимого Центром В. Вильсона и Архивом национальной безопасности в Вашингтоне. Начиная с 1992 г. CWIHP и Архив взяли на себя инициативу поддержки архивных исследований посредством систематизации недавно рассекреченных материалов и поощрения деятельности ученых.

Гарвардский проект предназначен также для поддержки и углубления международного исторического проекта. Одно из главных средств выполнения этой цели – субсидирование академических публикаций, включая серию книг и новый журнал по проблематике периода «холодной войны».

¹ http://daviscenter.fas.harvard.edu/about_us/history.html.

Гарвардская специальная книжная серия была основана в 1997 г., а научный журнал начал выходить в 1999 г. Издание журнала и книжной серии координируется редакционным советом. Кроме программы публикаций, CWSHU руководит программой грантов и субсидий, предоставляемых для проведения исследований по Гарвардскому проекту. В университете создана электронная база данных, содержащая рассекреченные документы из бывшего Советского Союза, Восточной и Центральной Европы, других регионов мира, которые теперь доступны также в виде микрофильмов и фотокопий.

В Центре Девиса разрабатывается исследовательская программа, нацеленная на изучение Центральной Азии и Кавказа.

Indiana University, Russian and East European Institute (REEI) / Университет Индианы, Российский и восточноевропейский институт¹.

Российский и восточноевропейский институт был основан в 1958 г. в университете Индианы в Блумингтоне. Координирует междисциплинарный учебный план, предлагающий изучение языков и проблем данного региона, и оказывает помощь преподавателям и студентам в проведении исследований и публикации академических работ. Изучение восточноевропейских языков началось в университете Индианы еще во время Второй мировой войны. REEI финансируется федеральными властями как национальный исследовательский центр и получает исследовательские субсидии от фондов Форда и Меллона. Дипломированные специалисты Института работают в правительственных, научных и общественных органах Соединенных Штатов, Восточной Европы и стран бывшего Советского Союза.

В настоящее время более ста преподавателей восемнадцати факультетов и школ университета сотрудничают с Институтом. REEI координирует проведение одной из крупнейших американских программ российских и восточноевропейских исследований. Институт издает ежеквартальный информационный бюллетень «*Reefication*», который сообщает о научно-исследовательских работах преподавателей, студентов и выпускников, информирует о новых материалах, учебных пособиях, семинарах и субсидиях.

Славянская и восточноевропейская коллекция университетских библиотек составляет необходимую базу для проведения исследовательской и учебной работы. Соглашения о сотрудничестве с другими американскими университетами и международные соглашения по проведению обменов способствуют тому, что библиотеки Блумингтона обладают одним из крупнейших российских собраний Соединенных Штатов. Собрание славянских материалов в конце 1990-х гг. составляло более 520–550 тыс. единиц хранения, в т.ч. более 1800 наименований периодических изданий. Около 90% монографий и серийных изданий – на языках изучаемого региона. Университет владеет также электронными материалами, включая CD-ROMы российских национальных библиографий, микрофильмы партийных архивов СССР, базу данных и тексты статей научных журналов (EBSCO). Дополнительные собрания включают редкие книги, рукописи и архивы, хранящиеся в университетской библиотеке Лилли. Российская и советская коллекция составляет приблизительно 247 тыс. томов.

С 1998 г. REEI координирует работу летнего института балтийских исследований (BALSSI), который был основан в 1994 г. и в настоящее время финансируется консорциумом нескольких американских университетов. Ранее BALSSI работал на базе университета Вашингтона в 1994–1995 гг. и университета штата Иллинойс в Чикаго в 1996–1997 гг. В Блумингтоне также проводится летний семинар славянских, восточноевропейских и центральноазиатских языков (SWSEEL).

Ohio State University, Center for Slavic and East European Studies (CSEES) / Университет штата Огайо, Центр славянских и восточноевропейских исследований².

Основанный в 1965 г. профессором Л. Тварогом Центр включен в число национальных центров и финансируется государством. В его работе участвуют более 80 специалистов. Центр предлагает около 300 различных курсов по восточнославянским языкам и региональным исследованиям. CSEES координирует восточноевропейские и славянские исследования, занимается разработкой учебных курсов, финансирует пополнение библиотечных фондов, оказывает материальную поддержку в проведении обменных программ с зарубежными университетами. Центр проводит работу и за пределами университета, организуя ежегодные семинары для преподавателей языков и социаль-

¹ <http://www.indiana.edu/~reeiweb/>.

² <http://slaviccenter.osu.edu>.

ных дисциплин, лекции в местных школах, деловые семинары и конференции по проблемам региональных исследований, выпускающая информационные бюллетени.

В собрании библиотек университета штата Огайо имеется более четырех миллионов книг и периодических изданий и более трех миллионов микрофильмов. Около 500 тыс. изданий относится к славянской и восточноевропейской проблематике. Специальный отдел включает собрание российских, польских, сербо-хорватских и болгарских изданий, справочники и периодические издания на славянских языках.

В CREES имеется также специальная фильмотека, где хранится более 1300 фильмов и видеопленок на английском, русском, польском, армянском, эстонском, чешском, грузинском, венгерском, румынском, сербо-хорватском, словацком, украинском, узбекском и еврейском языках. CSEES является издательским домом для междисциплинарного ежеквартального журнала «Российское обозрение», посвященного проблемам истории, культуры, политики, общественной жизни России и стран Восточной Европы. «Российское обозрение» – независимый журнал, получающий поддержку от Университета штата Огайо, публикуется издательством *Blackwell*.

Stanford University, Center for Russian and East European Studies (CREES) / Стэнфордский университет, Центр российских и восточноевропейских исследований ¹.

Центр образован в 1969 г. Его задачей является оказание содействия и поддержки междисциплинарным исследованиям России и Восточной Европы. CREES координирует обучение и научные исследования, проведение специальных семинаров, лекций и конференций. Оказывает помощь ученым, предоставляя им гранты для поездок по региону и его изучения; поддерживает связи с организациями и академическими учреждениями СНГ; организует преподавание славянских языков; издает информационные бюллетени, материалы конференций и сборники статей.

В библиотеках и архивах Стэнфорда собрано более полумиллиона изданий восточноевропейских, российских и советских исследований. Основные научно-исследовательские материалы находятся в славянском собрании сочинений библиотеки С. Грин и библиотеке и архиве Г. Гувера. В дополнение к монографиям, американским, иностранным и эмигрантским академическим журналам и периодическим изданиям, эти библиотеки обладают уникальными неопубликованными материалами. Обмены с крупнейшими академическими библиотеками России и Восточной Европы способствуют постоянному обновлению коллекции. В аудиовизуальном центре библиотеки Мейер размещается значительная коллекция документальных фильмов, посвященных России, Восточной Европе и Евразии.

Центр предлагает для студентов Стэнфорда широкие возможности прохождения обучения за рубежом. «Московская программа», начавшаяся в 1993 г., включает специализацию в политологии, истории, экономике, социологии и языковую подготовку. Стэнфордский университет имеет зарубежный университетский городок в Берлине, где студенты университета могут участвовать в курсах по проблемам Восточной Европы.

Институт Г. Гувера по изучению вопросов войны, революции и мира при Стэнфордском университете был основан в 1919 г. Институт начал свою деятельность со сбора специальных документов, которые касались причин и последствий Первой мировой войны, и быстро превратился в один из крупнейших архивов и в одну из наиболее полных библиотек мира, содержащих материалы по вопросам политических, экономических и социальных изменений, имевших место в двадцатом столетии. Институт стал одним из первых «мозговых центров» в Соединенных Штатах, в которых работали группы ученых с мировым именем, проводящие политические исследования. В число 60 постоянных научных сотрудников института входят специалисты в области экономики, политических наук, истории, международных отношений, права и других изучаемых дисциплин. В их числе четыре лауреата Нобелевской премии, 19 членов Американской академии искусств и наук и лауреаты многочисленных премий и наград.

Коллекция материалов по российской и советской проблематике, собранная институтом Гувера, является одним из крупнейших мировых источников изучения России, Советского Союза и стран СНГ. Собранный материал по проблемам региона включает издания по истории двадцатого века, политологии, экономике, военным проблемам, истории политических и общественных движений. Библиотека старается собрать и сохранить всю возможную документацию, включая моно-

¹ <http://creees.stanford.edu/>.

графии, периодические издания, газеты, брошюры, правительственные документы, собрания рукописей, личные бумаги, документацию организаций, фильмы, плакаты, фотографии, карты. Большинство собранных материалов – на русском языке, однако можно найти материалы на всех языках стран СНГ и на большинстве иностранных языков. В коллекции собрано 340 тыс. монографий, 6400 периодических изданий.

В собрание включено также 26 тыс. микрофильмов, 750 художественных фильмов, более одной тысячи рукописей, 20 тыс. брошюр, 10 тыс. политических плакатов и 23 тыс. фотографий. В библиотеке хранится около 3 тыс. наименований независимых газет и 20 тыс. отдельных выпусков газет 1980–1990-х гг. Собрание российских и советских брошюр состоит из более чем 20 тыс. единиц хранения и содержит материалы, редко собираемые другими архивами. В брошюрах освещены все аспекты российской и советской истории двадцатого столетия. Институт Гувера обладает крупной коллекцией российских и советских правительственных документов (около 5 тыс. томов), в которую входят документы Российской империи (полное собрание законов Российской империи; протоколы Думы; документы министерств, губернских и городских органов власти) и собрание правительственных и партийных документов советского периода.

Оригинальные материалы включены в коллекцию более 4 500 рукописных и архивных собраний. Среди них документы о развитии демократических институтов, международных отношений, мирных переговоров, политической идеологии (особенно коммунизма, нацизма, фашизма и национализма), политических переворотов и революций, государственной пропаганды, подпольных движений, военной истории. Материалы, доступные для исследования, включают неизданные дневники, мемуары общественных деятелей, оригинальную корреспонденцию, записки, фотографии, листовки.

В течение межвоенного периода связи Г. Гувера с известными политическими деятелями российской эмиграции позволили ему спасти официальные документы царской секретной политической полиции. Эти документы, переданные российским посольством в Париже, являются ценным источником для изучения ранних лет деятельности многих революционеров, включая В. Ленина, Л. Троцкого и И. Сталина. Документы некоторых царских департаментов были посланы дипломатами в институт Гувера с целью их сохранения. Эта акция ставила задачу сохранить архивы свергнутой власти в таком состоянии, чтобы все документы были доступны историкам. Уникальные документы о деятельности Белой Армии во время гражданской войны хранятся в архиве генерала П. Врангеля, в то время как материалы, собранные баронессой М. Врангель, знакомят с историей культурной жизни русских эмигрантов в различных странах.

Архив, который был первоначально хранилищем документации о Первой мировой войне, расширился и включает материалы по фашизму, коммунизму и националистическим движениям, сыгравшим большую роль в развязывании Второй мировой войны. Когда университетская библиотека больше не могла вместить увеличивающуюся коллекцию материалов, Г. Гувер выделил средства на строительство отдельного здания, разместившего впоследствии библиотеку и архив. «Башня Гувера», строительство которой было закончено в июне 1941 г., дала возможность продолжить работу по дальнейшему сбору документации, преимущественно по теме отношений Восток – Запад периода после 1945 г. Сразу после основания президентской библиотеки Гувера на его родине в Вест Бранч, штат Айова, президентские бумаги Г. Гувера были переданы новому учреждению. Для размещения архива института Гувера в Стэнфорде в 1960–1970-е гг. было построено еще два здания.

Основные направления сбора материалов, представляющие интерес для исследования послевоенного периода, включают такие проблемы, как история ядерного века, образовательная политика, избирательные кампании в посткоммунистической Восточной Европе и России. Архив института Гувера продолжил традицию сохранения материалов по истории жертв политических репрессий.

В 1992 г. институт Гувера и Государственный архив Российской Федерации начали осуществлять совместный проект по микрофильмированию избранных архивов Коммунистической партии Советского Союза. Проект был разработан с целью сохранения ценных источников, хранящихся в Росархиве, и обеспечения широкого доступа к ним для россиян и мирового сообщества ученых. В реализации проекта приняли участие три российских хранилища: Государственный архив Российской Федерации, Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории и Центр хранения современной документации. Среди сохраняемых документов: 1) полные стенограммы съездов партии и конференций, проведенных в период 1912–1920 гг., и значительная часть архива Секретариата Центрального комитета; 2) архив Центральной ревизионной комиссии 1934–1956 гг., документы, относящиеся к структуре партии и внутривнутрипартийным изменениям; 3) архив НКВД;

4) архив Конституционного Суда Российской Федерации 1992 г. Собрание микрофильмов включает также описи важнейших архивов советского периода, которые открыты для исследований в трех российских хранилищах. Оно доступно для исследователей в институте Гувера, четырех российских хранилищах и библиотеке Конгресса.

University of California, Berkeley, Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies (ISEEES) / Калифорнийский университет, Беркли, Институт славянских, восточноевропейских и евразийских исследований¹.

Основанный в 1957 г. исследовательский и образовательный Центр для аспирантов и преподавателей Беркли, работающих над проблемами данного региона, оказывает поддержку в проведении исследований, обучении дипломированных специалистов и проведении ряда научных и общественных программ, в том числе организации конференций, лекций, семинаров, выставок. Трижды в год CSEES издает информационный бюллетень.

Центр ежегодно принимает многочисленных ученых и общественных деятелей со всего мира. Как правило, эти посетители участвуют в программах Центра и консультируют преподавателей университета и аспирантов. CSEES предлагает разнообразные виды помощи для выпускников, включая годовые стипендии, оплату летних языковых курсов, гранты для написания диссертаций и проведения научных исследований. Большое внимание уделяется обучению аспирантов методологии и теории междисциплинарной социальной науки, а также истории, языкам и культуре государств бывшего Советского Союза.

Библиотека Доэ, главная библиотека Беркли, хранит собрание материалов по проблемам славянского и восточноевропейского регионов, включающее около 750 тыс. томов, из которых две трети – на языках изучаемых регионов. В ней находится около 10 тыс. наименований периодических изданий, включая 3500 текущих подписных изданий на региональных языках, а также собрания материалов западной и англоязычной славистики. Коллекция библиотеки дополнена материалами, имеющимися в других библиотеках университета, включая 18 тыс. томов, хранящихся в библиотеке для выпускников факультета славистики, и периодические издания в читальном зале Центра славянских и восточноевропейских исследований. В библиотеке хранится значительное собрание микрофильмов, среди которых имеются российские публикации XVIII века, «Санкт-Петербургские ведомости» и другие журналы, издаваемые с XIX века. В форме микрофильмов хранятся также ряд газет.

University of Illinois, Russian, East European and Eurasian Center (REES) / Университет Иллинойса, Российский, восточноевропейский и евразийский центр².

Основанный в 1959 г. Российский, восточноевропейский и евразийский центр служит интеллектуальным и институциональным ядром академического коллектива и общественности, проявляющей интерес к проблемам Восточной Европы и России. Посвящая свою деятельность распространению знаний о данном регионе, Центр поддерживает обучающие программы для студентов и аспирантов, способствует развитию интеллектуальной жизни, проводя конференции, лекции, коллоквиумы, организует визиты ученых из других стран, проводит семинары, выставки. Центр объединяет коллектив университета и его студентов с региональными и национальными организациями, учеными, школами и общественностью. В эпоху процессов интернационализации и глобализации основной задачей REEES является подготовка студентов и аспирантов в области российских и восточноевропейских исследований на основе междисциплинарного подхода. Центр стремится к активному развитию сравнительных, тематических и межнациональных исследований на базе глубокого изучения культуры и истории отдельных стран и народов.

Университет Иллинойса является одним из лидеров национальных программ российских и восточноевропейских исследований. На его базе действует Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований, а в 1975–1985 гг. и с 1996 г. по настоящее время издается журнал ассоциации «Славянское обозрение». Славянская и восточноевропейская библиотека является одним из крупнейших собраний славянских материалов в стране. Ее материалы и штат сотрудников используются Славянской информационной службой, обеспечивающей национальному и международному сообществу ученых доступ к источникам исследования.

¹ <http://iseees.berkeley.edu>.

² <http://www.reeec.illinois.edu>.

В REEES ежегодно проводятся научные конференции. В марте 2011 г. прошла конференция «Новые постсоциалистические онтологии и политика».

В университетской библиотеке собрана третья по количеству научных материалов национальная коллекция, включающая более 15 млн наименований, в том числе серийные издания, рукописи, карты, слайды, аудиоматериалы, микрофильмы, видеозаписи, лазерные диски.

Книжное собрание работ на славянских и восточноевропейских языках составляет около 560 тыс. томов, которые дополняются 112 тыс. томов по проблемам России и стран Восточной Европы на западных языках. Библиотека располагает славянским и восточноевропейским читальным залом, открытым в 1970 г. В нем собраны библиографические материалы, каталоги, словари, энциклопедии, около 1000 периодических изданий на различных языках, в том числе более 110 газет.

С 1973 г. славянская и восточноевропейская библиотека университета стала центром летней научно-исследовательской лаборатории штата Иллинойс, занимающейся исследованиями России и Восточной Европы. Более 2300 ученых со всего мира воспользовались возможностями, предоставленными этой уникальной программой. Собрание библиотеки включает около 673 тыс. единиц и подписку на 4000 периодических изданий, большинство из которых издается на родном языке.

Начиная с 1977 г. библиотека сотрудничает со славянским отделом библиотеки Хельсинкского университета, микрофильмируя редкие книги XIX и XX вв. из Хельсинкской коллекции и делая их доступными международному научному сообществу. Этот отдел коллекции включает важнейшие российские периодические издания и газеты XIX и XX вв. Библиотека также владеет микрофильмами российских книг XVII и XVIII вв. из основных российских хранилищ, института Гувера, Гарвардского университета, университета Колумбии и библиотеки Конгресса.

Университет Иллинойса хранит материалы опроса 2750 советских эмигрантов, проведенного в 1980-х гг. Архив содержит записи по проблемам этнической принадлежности, эмиграционной политики, средств массовой информации и искусств, продовольственной ситуации, системы правосудия в бывшем Советском Союзе.

University of Iowa, Center for Russian, East European, and Eurasian Studies (REEES) / Университет Айовы, Центр российских, восточноевропейских и евразийских исследований ¹.

Центр был основан в рамках международных программ университета Айовы в связи с глубокими изменениями в России, Восточной Европе и Евразии. Центр поощряет и поддерживает проекты индивидуальных и совместных исследований, которые проводятся колледжами университета и профессиональными школами. Эти проекты включают новые способы исследований и обучения студентов, помогающие им эффективно реагировать на региональные перемены и позволяющие сделать программы доступными обществу, региону и нации. Главными целями Центра являются проведение научных исследований, подготовка учебных планов в университете Айовы, расширение и углубление университетских курсов изучения российского, восточноевропейского и евразийского регионов.

University of Kansas, Center for Russian and East European Studies (CREES) / Университет Канзаса, Центр российских и восточноевропейских исследований ².

Программа российских и восточноевропейских исследований университета Канзаса является междисциплинарной научной программой, проведение которой было начато в 1959 г. Программа предлагает получение кандидатской степени (Ph. D) по всем основным гуманитарным дисциплинам университета. Миссия Центра российских и восточноевропейских исследований направлена на решение задач, связанных с удовлетворением национальной потребности в подготовке специалистов в области российских и восточноевропейских исследований. С 1965 г. Центр является Национальным центром ресурсов. Готовя кадры для правительства и частного сектора, CREES обеспечивает студентов знанием языков и проблем региона, предоставляет возможности для обучения и проведения исследований за границей. Центр также обеспечивает информационную поддержку всем факультетам университета, государственным органам, ученому сообществу и деловым кругам.

В центре издается журнал «Российское обозрение» (*Russian Review*). В электронном виде предоставляются материалы, затрагивающие Южный Кавказ, Центральную Азию и государства посткоммунистического пространства.

¹ <http://international.uiowa.edu/centers/creees/>.

² <http://www.crees.ku.edu/>.

Славянская библиотека университета имеет более 300 тыс. единиц хранения. Российская коллекция материалов содержит издания дореволюционного и советского периода, и российскую эмиграционную литературу. В библиотеке хранится также около 3 тыс. газетных и периодических изданий по российской и восточноевропейской проблематике.

University of Michigan, Center for Russian, East European and Eurasian Studies (CREES) / Университет Мичигана, Центр российских и восточноевропейских исследований ¹.

Центр, созданный в 1959 г. для изучения славянских языков и региона, является одним из национальных исследовательских центров изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии. В CREES работают около семидесяти специалистов по региональным исследованиям и приглашенные специалисты в области гуманитарных и социальных наук. Более двухсот студентов участвуют в междисциплинарных программах для получения степени бакалавра, магистра, а затем и докторской степени. Центр также проводит общественные программы и обеспечивает научную и информационную поддержку для школ и колледжей, средств информации и деловых кругов. CREES известен своими программами по центрально-европейским (особенно польским и чешским) исследованиям, а также российским и юго-восточным европейским исследованиям. В стенах CREES также исследуются государства Кавказа (особенно Армения) и Центральная Азия. Центр ежегодно организует около 50 общественных мероприятий, таких как лекции, конференции, просмотры фильмов и мини-курсы по определенной проблематике.

Славянское и восточноевропейское отделение университетской библиотеки региональных программ имеет коллекцию, которая прежде всего ориентирована на изучение истории, политической системы экономики, социологии, этнографии, географии и литературы Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза. В библиотеке лучше всего представлены такие страны, как Россия, Польша, бывшая Югославия (особенно Босния и Герцеговина) и Чехия. Имеются значительные собрания по революционному движению в России, армянской истории и литературе нового времени, редкие книги и архивные материалы, посвященные Серебряному веку русской литературы, серийные издания славянских и восточноевропейских академий и записки русских и восточноевропейских эмигрантов и диссидентов.

Университетская библиотека Х. Хэтчера имеет славянское и восточноевропейское отделение, коллекция которого, прежде всего, ориентирована на изучение истории, политической системы, экономики, социологии, этнографии, географии и литературы Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Многие из материалов написаны на кириллице и чтобы сделать их доступными для компьютерной обработки, эти подлинники были переведены в электронном варианте на латинский алфавит. В университетской библиотеке хранится 780 тыс. единиц литературы, касающейся региона. В коллекции – материалы о русской революции и революционном движении, записки русских и восточноевропейских эмигрантов и диссидентов, серийные издания славянских и восточноевропейских академий, словари, энциклопедии, библиографии, карты и другие материалы.

Университет Мичигана создал в сети Интернет специальный сайт для развития обучения и исследований в области гуманитарных дисциплин и социальных наук – *H-Net* (Эйч-сеть), задачей которого является использование новейших коммуникационных технологий для облегчения свободного обмена академическими идеями и научными исследованиями. H-Net реализует ряд проектов, финансируемых Национальным фондом гуманитарных наук и Информационным агентством США. Основным видом деятельности является создание и поддержка более ста бесплатных электронных диалоговых информационных бюллетеней, редактируемых учеными из различных регионов мира. Подписчики и редакторы обмениваются сообщениями с помощью электронной почты. Бюллетени открыты для широкой общественности, на них можно делать ссылки и цитировать с необходимым упоминанием источника. Бюллетени связаны с сайтами в Интернете, где хранятся материалы дискуссий и документы. Информационными бюллетенями H-Net ученые, преподаватели, аспиранты, журналисты, библиотекари, заинтересованные в получении информации по интересующим их исследованиям и методическим вопросам, обсуждении новых подходов, методологии анализа, расширении электронных баз данных и библиографии.

Участок сети «Эйч-Россия» позволяет историкам и другим ученым знакомиться с текущими исследованиями в интересующей их области. Характер нужной информации определяется пользо-

¹ <http://www.i1.umich.edu/crees>.

вателями, которые отправляют по электронной почте запросы об исследованиях, архивных материалах, публикациях и их интерпретации. Информация предназначена для преподавателей, студентов и аспирантов и содержит списки рекомендуемой литературы, исследовательские гипотезы, темы для обсуждения.

«Эйч-Россия» готовит обзоры публикаций, изданных не позднее двух месяцев назад, что позволяет опередить обзоры, появляющиеся в журналах. Сайт поощряет проведение научных дискуссий по истории России, отсылку по электронной почте резюме статей и выступлений на различных научных форумах, объявлений о конференциях и семинарах, информации о трудоустройстве, ресурсах Интернет и других новостей, представляющих интерес для славистов.

Duke University, Center for Slavic, Eurasian, and East European Studies (CSEEEES) / Дюк университет, Центр славянских, евразийских и восточноевропейских исследований¹.

Основанный в 1991 г. и работающий на базе двух университетов (университета Северной Каролины в Чапел Хилл и Дюк университета) CSEEEES является одним из национальных центров славянских, евразийских и восточноевропейских исследований, созданных по инициативе Министерства образования США. Из правительственного фонда выделяются средства для поддержки различных видов деятельности Центра, включая исследовательскую работу аспирантов и преподавателей, программы научного обмена, конференции, семинары и общественные программы. Кроме того, Центр проводит различные программы для учителей из Северной Каролины и представителей делового сообщества.

Ежеквартальный бюллетень и информационная литература, издаваемые Центром, способствуют более глубокому пониманию восточноевропейских культур преподавателями и студентами. CSEEEES финансирует разработку курсов, проводит лекции, семинары и конференции, приобретает дополнительную литературу для библиотеки. В дополнение к программам, предназначенным для университета, Центром организуются лекции, семинары и другие программы для преподавателей начальных и средних школ в Северной Каролине, деловых кругов и широкой общественности.

Программа «Университет Дюк в России» относится к серии зарубежных программ, в которой могут принимать участие студенты и аспиранты американских университетов. Участники проходят интенсивный курс русского языка, изучают русскую литературу, культуру, историю, знакомятся со средствами массовой информации и стажировются в Санкт-Петербургском государственном университете.

Славянская и восточноевропейская коллекция материалов университетской библиотеки – первая коллекция материалов славянских исследований в штатах Конфедерации – содержит англоязычные источники, литературу на западноевропейских и региональных языках по славянской литературе и лингвистике, советской и российской истории, экономике и политической науке. Систематический сбор славянской коллекции был начат в 1946 г. по инициативе профессора исторического факультета университета Д. Куртисса и продолжен профессором Т. Виннером, основателем факультета славистики в университете Дюка. Ученые установили традицию постоянных заказов важнейших советских периодических изданий и монографий. С 1985 г. университет кропотливо собирает информацию по проблемам общественных наук советского и постсоветского периода и печатным материалам русской эмиграции. Университетские библиотеки координируют закупку дорогих изданий, например коллекции микрофильмов.

Библиотека имеет одно из самых богатых собраний русских и польских газет в стране. В ответ на растущий интерес к фильмам славянская коллекция в течение последних восьми лет расширяет собрание советских художественных фильмов. Наибольшее внимание уделяется произведениям социалистического реализма сталинской эпохи, а также фильмам перестроечного и постсоветского периодов.

University of Pittsburgh, Center for Russian and East European Studies (REES) / Университет Питсбурга, Центр российских и восточноевропейских исследований².

Образованный в 1965 г. по инициативе Министерства образования США Центр университета Питсбурга действует как Национальный исследовательский центр. REES входит в структуру университетского Центра международных исследований и играет важную роль в международной мис-

¹ <http://www.duke.edu/web/CSEEEES/>.

² <http://www.ucis.pitt.edu/crees/>.

сии университета, поиске новых направлений исследований и обучения, организации тесного сотрудничества с институтами и учеными, занимающимися данной проблематикой.

Издательство университета Питсбурга публикует серию российских и восточноевропейских исследований «Труды К. Бека», в которой ежегодно выходит несколько книг. В серию материалов, названных по имени первого директора университетского Центра международных исследований, входят работы как молодых, так и известных ученых, изучающих дисциплины, связанные с Россией и Восточной Европой.

Сотрудники Центра проводят занятия на шестнадцати факультетах и в четырех профессиональных школах. Основное внимание REES уделяет проведению трех тематических программ, среди которых важнейшее место занимает изучение современного российского общества и его культуры. Исследовательской и преподавательской деятельности способствует проведение обменов с российскими институтами и наличие обширных библиотечных материалов.

Библиотека Хиллмана, размещенная в университете Питсбурга, владеет коллекцией литературы по российской и восточноевропейской проблематике, насчитывающей свыше 400 тыс. томов, из которых 260 тыс. – на славянских и восточноевропейских языках. Многие из последних изданий переведены в электронный формат, хранятся в базах данных или на CD-ROM. В библиотеке также имеется собрание 6 тыс. российских и восточноевропейских фильмов, которое постоянно пополняется благодаря программе обмена материалами с российскими и восточноевропейскими институтами.

Университет Питсбурга является одним из мировых лидеров в сфере развития электронных публикаций по российской тематике. С 1994 г. сайт Центра размещает электронные информационные ресурсы, связанные с Советским Союзом, Россией, странами СНГ, Восточной и Центральной Европы. Официальная виртуальная библиотека REES, содержащая материалы по тематике данного региона, включена в путеводитель международного центра Интернет и оценивается как одна из лучших и наиболее посещаемых во всемирной сети.

University of Texas at Austin, Center for Russian, East European and Eurasian Studies (CREEES) / Университет Техаса в Остине, Центр российских, восточноевропейских и евразийских исследований ¹.

Проведение программы российских, восточноевропейских и евразийских исследований было начато университетом Техаса в Остине в 1984 г. В 1985 г. университет был избран Американской ассоциацией развития славяноведения местом издания журнала «Славянское обозрение» в течение 1985–1991 гг. В 1988 г. Министерство образования США признало CREEES национальным центром изучения проблем российского и восточноевропейского регионов и начало предоставлять субсидии для изучения иностранных языков и региональных исследований.

Сбор библиотечных фондов начался в конце 1960-х гг. В настоящее время коллекция материалов, хранящихся преимущественно в библиотеке Перри–Кастаньеда, содержит около 153 тыс. книг и журналов, 500 наименований микрофильмов. Ведется подписка на почти 300 периодических издания, имеются коллекции старых изданий и материалы, доступные на CD-ROM или on-line. Исследовательский центр гуманитарных наук Г. Рансома и Общественный исследовательский центр хранят архивную и статистическую информацию. Российский и восточноевропейский информационный Интернет-центр (REENIC) позволяет пользователям соединяться с базами данных во всем мире. Архивы исследовательского центра Г. Рансома включают документы дореволюционной России, материалы по советской истории и литературе. Общественный исследовательский центр хранит полные данные переписей населения стран Восточной Европы, России и бывшего СССР начиная с 1897 г.

CREEES поддерживает проводимые в течение академического года лекции приглашенных выдающихся ученых, семинары, симпозиумы и конференции по различной тематике. Центр регулярно посылает студентов и аспирантов для участия в программах обмена со странами бывшего Советского Союза, Центральной и Восточной Европы, а сотрудники CREEES участвуют в совместной научно-исследовательской работе с учеными из этих государств. Ежемесячный информационный бюллетень сообщает о важнейших направлениях работы Центра.

University of Virginia, Center for Russian and East European Studies (CREEES) / Университет Виргинии, Центр российских и восточноевропейских исследований ².

¹ <http://www.utexas.edu/cola/centers/creees/>.

² <http://www.virginia.edu/creees/>.

Центр университета Виргинии организует обучение студентов и аспирантов, проводит научно-исследовательскую работу, оказывает помощь университету в разработке учебных планов и проведении общественных программ. CREES сотрудничает с другими образовательными учреждениями Виргинии, совместно с Советом международных обменов ученых организует приглашение известных американских и восточноевропейских специалистов. При участии Центра предоставляются исследовательские субсидии аспирантам и преподавателям; обеспечивается возможность стажировки студентов и аспирантов в российских высших учебных заведениях.

Общественные программы, разработанные Центром, включают лекции, симпозиумы и семинары для общественности и университетского сообщества, демонстрации фильмов, открытые для широкой публики. CREES является одним из двух существующих в Соединенных Штатах центров, предоставляющих полный диапазон аудиовизуальных материалов для колледжей, университетов, средних школ и других образовательных учреждений. Аудиовизуальные материалы включают около 500 документальных и художественных фильмов из России и Восточной Европы, видеоматериалы языкового обучения, образовательное программное обеспечение. Показ русских и восточноевропейских фильмов часто проводится в «Доме России», основанном в 1992 г. «Дом России» обеспечивает создание русской атмосферы, например проведение еженедельного русского чаепития, и позволяет его посетителям получить языковую практику по русскому языку.

Центр оказывает поддержку деятельности Славянского общества, которое ежегодно вручает награды студентам старших курсов за заслуги в российских исследованиях и, в частности, в области российской истории. Консультативный совет студентов старших курсов и аспирантов работает на протяжении 1990-х гг. совместно с Центром над проведением ежегодного студенческого семинара, привлекающего молодых ученых Соединенных Штатов, изучающих Россию и страны Восточной Европы. В течение многих лет центр поддерживает работу летнего института интенсивного изучения иностранных языков Виргинии, где американские студенты и аспиранты могут усовершенствовать знание русского языка за короткий срок.

University of Washington, Ellison Center for Russian, East European and Central Asian Studies / Университет Вашингтона, Эллисон центр российских, восточноевропейских и центральноазиатских исследований¹.

Эллисон центр российских, восточноевропейских и центральноазиатских исследований был основан в 2004 г. благодаря усилиям членов семьи Эллисон и поддержке спонсоров. Был назван в честь профессора Вашингтонского университета Герберта Эллисона. Центр признан национальным центром ресурсов. Целью Центра являются междисциплинарные исследования посткоммунистического пространства и анализ новых институтов, определяющих облик современной Евразии, а также организация лекций, конференций и программ обмена. Центром осуществляется программа поддержки школ, колледжей и общественных организаций, заинтересованных в исследованиях региона.

University of Wisconsin – Madison, Center for Russia, East Europe, and Central Asia (CREECA) / Университет Висконсина – Мэдисона, Центр России, Восточной Европы и Центральной Азии².

Центр был основан в 1993 г. для объединения усилий двух университетских программ – программы российских и восточноевропейских исследований и программы центральноазиатских исследований. В структуре Центра занято около ста сотрудников. Миссия CREECA состоит в формировании знания и понимания России, Восточной Европы и Центральной Азии; подготовке нового поколения исследователей, обеспеченного опытом, необходимым для понимания этих обществ и эффективного участия в их реконструкции; накоплении информационных ресурсов для научного сообщества, деловых кругов и организаций, интересующихся проблемами данного региона. CREECA поощряет учебу студентов в странах Восточной Европы, по крайней мере, на протяжении одного семестра.

Библиотека Центра содержит большое собрание литературы, иностранных фильмов, кинохроники и других средств информации, доступных студентам и исследователям.

Кроме центров, входящих в программу Министерства образования, в Соединенных Штатах действует еще целый ряд центров и институтов, изучающих российскую и советскую проблематику.

¹ <http://jsis.washington.edu/ellison/>.

² <http://www.creeca.wisc.edu/>.

Они получают поддержку от различных государственных и частных организаций и играют серьезную роль в академической среде США.

Boston University, Institute for the Study of Conflict, Ideology, and Policy (ISCIP) / Бостонский университет, Институт изучения конфликтов, идеологии и политики ¹.

Основанный в 1988 г. Институт изучения конфликтов, идеологии и политики исследует склонные к конфликтам общества, находящиеся на кризисном этапе развития. Особое внимание уделяется изучению дестабилизирующих факторов политического, этнического и международного характера для России и других постсоветских государств. ISCIIP публикует результаты исследований в информационном бюллетене «Аналитический обзор ISCIIP» и журнале «Перспектива». Деятельность института включает проведение конференций, лекций, «круглых столов».

Коллектив Института участвует в проекте создания базы данных по политическим проблемам и вопросам безопасности в республиках бывшего Советского Союза. База данных включает материалы о деятельности государственных органов, в том числе аппарата госбезопасности, анализ отношений между Россией и странами ближнего зарубежья, стиля и содержания российской внешней политики и влияния этих факторов на американскую политику. База данных также подробно описывает основные события, учреждения и персоналии. Широкий диапазон материалов из различных источников используется для обеспечения открытого доступа к ним академического сообщества. Для упрощения поиска все материалы разбиты на следующие категории: Советский Союз (архив, вооруженные силы, биографии, КПСС, международные отношения, экономика, правительство, судебная власть, средства информации, президент, службы безопасности), Российская Федерация (вооруженные силы, Чечня, Конституция, перевороты, суды, выборы, международные отношения, правительство, законодательные органы, средства информации, политические партии, президент, прокуратура, регионы, органы безопасности). Аналогичные категории баз данных созданы для каждой постсоветской республики.

Emory University, Institute for Comparative and International Studies, Center of Russian and East European Studies (REES) / Эмори университет, Институт сравнительных и международных исследований, Программа российских и восточноевропейских исследований ².

Российские и восточноевропейские исследования являются составной частью деятельности Института сравнительных и международных исследований, который стремится расширять знания о бывшем СССР и странах Восточной Европы путем разработки междисциплинарных программ для научного сообщества Эмори, преподавателей и сотрудников других образовательных учреждениях, широкой публики. Штат специалистов включает экспертов по таким дисциплинам, как политическая наука, история, право, русский язык и литература, в том числе по советскому визуальному искусству, истории нерусских наций и национальностей, сталинской индустриализации и постсоветской политической системе. Центр имеет хорошую фильмотеку.

В целях поддержки академической программы общественностью Атланты REES организует проведение общественных лекций, дискуссий, выставок, оказывает помощь педагогам школ и колледжей, публикует информационный бюллетень.

RAND Corporation, Center for Russia and Eurasia / Корпорация РЭНД, Российский и евразийский центр ³.

РЭНД – некоммерческая исследовательская организация, изучающая различные аспекты национальной безопасности Соединенных Штатов. Проект РЭНД (исследование и развитие) был начат по инициативе американских военно-воздушных сил в 1946 г. В 1948 г. РЭНД стала независимой корпорацией, но ВВС по-прежнему финансируют большинство проводимых работ.

Исследования и анализ РЭНД нацелены на творческое решение сложных проблем путем объединения усилий исследователей смежных академических специальностей; достижение объективности через отказ от обслуживания чьих-либо интересов и проведение исследований по самым высоким стандартам; широкое ознакомление общественности с результатами исследований. Корпорация имеет отделения в Санта-Монике, Арлингтоне, Питтсбурге, Бостоне, Мехико, Кембридже, Брюсселе, Дохе, Абу-Даби. В RAND работает около 1700 специалистов из 50 стран.

¹ <http://www.bu.edu/iscip/>.

² <http://rees-emory.blogspot.com>.

³ http://www.rand.org/international_programs/cre.html.

Главными целями Центра России и Евразии являются предоставление информации и способствование пониманию России и евразийских государств учеными, политиками, представителями деловых кругов и общественностью. В 1995 и 1996 гг. Центр поддержал проведение четырех международных конференций – «Демографический кризис России», «США и российская политика», «Сотрудничество и конфликты в бывшем Советском Союзе», «Отношения российских регионов и центра», материалы которых доступны в электронной форме. Были осуществлены такие исследовательские проекты, как «Российская демография, этнополитические отношения и эмиграция» (1995) и «Российско-американские отношения в сфере бизнеса».

На данный момент исследовательскими приоритетами Центра являются междисциплинарные экономические, политические и социальные исследования применительно к проблемам национальной, региональной и международной безопасности. Научные проекты разрабатываются в рамках таких тем, как внутреннее политическое и экономическое развитие; отношения между центром и регионами и национальные отношения; проблемы труда, демографии и миграции; развитие регионов; проблемы энергетики, природных ресурсов и окружающей среды; внешняя политика и вопросы безопасности.

В ознаменование 50-й годовщины корпорации в 1998 г. РЭНД открыла архив для академических исследований. Цель РЭНД состоит в том, чтобы представить эту документацию в виде серии научных публикаций, доступных всем заинтересованным лицам. РЭНД приглашает академических историков и аналитиков общественной политики к сотрудничеству. Все публикации, подготовленные на основе данных архива, будут собственностью исследователей, а не корпорации.

University of California at Los Angeles, Center for European and Eurasian Studies (CEES) / Университет Калифорнии в Лос-Анджелесе, Центр европейских и евразийских исследований ¹.

Центр российских и восточноевропейских исследований, основанный в 1957 г., в 1993 г. был переименован в Центр европейских и евразийских исследований. Реорганизация была предпринята в связи с кардинальными изменениями, произошедшими в Европе после окончания эпохи «холодной войны». В Центре преподают и проводят исследования признанные специалисты из стран Западной, Центральной и Восточной Европы, включая Россию. CEES способствует развитию междисциплинарных исследований и сотрудничеству ученых из разных стран.

University of Chicago, Center for East European and Russian/Eurasian Studies (CEERES) / Университет Чикаго, Центр восточноевропейских, российских и евразийских исследований ².

Начало российским и славянским исследованиям в Чикаго было положено в 1903 г., когда началось преподавание русского языка и региональные исследования. Центр восточноевропейских, российских и евразийских исследований был основан в 1965 г. В Центре проводятся исследования, касающиеся России, стран Балтии, Балканских государств, Кавказа и Центральной Азии.

Наиболее сильными учебными курсами Центра являются курсы языковой подготовки, русской и советской истории, славянской литературы, российской и восточноевропейской культурной антропологии, археологии Кавказа, сравнительной литературы, российского и восточноевропейского киноведения и истории искусства, бизнес-администрирования, национальных проблем. CEERES также имеет устоявшиеся традиции в преподавании политологии, международной политики, экономики, социологии, истории Центральной и Восточной Европы, Византии и Османской империи.

Славянская и восточноевропейская коллекция библиотеки университета Чикаго содержит более 613 тыс. изданий. Собрание включает материалы по гуманитарным дисциплинам и социальным наукам на языках этого региона. Наиболее полно представлены издания по славянской филологии и лингвистике, истории, экономике, политической науке и истории религии. Реферативные работы славянского собрания включают широкий набор специализированных библиографий, словарей, энциклопедий, каталогов и архивных справочников.

В отделе специальных собраний библиотеки размещено собрание С. Харпера – одного из первых американских ученых, посвятивших академическую карьеру изучению России. В 1904 г. он совершил первую из 18 поездок в Россию, в ходе которой начал собирать коллекцию брошюр, охватывающих широкий диапазон тем, включая публикации таких организаций, как Союз объединенного дворянства, Союз русского народа, Союз увечных воинов, Всероссийский крестьянский

¹ <http://www.international.ucla.edu/euro/>.

² <http://ceeres.uchicago.edu>.

союз. Собрание также содержит документы Временного правительства, коммунистической партии и таких российских политических и государственных деятелей, как Николай II, Н. Бухарин, Л. Каганович, М. Калинин, А. Керенский, В. Ленин, В. Молотов, Г. Плеханов, И. Сталин, Л. Троцкий, К. Ворошилов, А. Жданов. Материалы, собранные С. Харпером, особенно важны для интерпретации событий российской революции, первых лет советской власти и российско-американских и советско-американских отношений.

University of Oregon, Russian and East European Studies Center (REESC) / Университет Орегона, Центр российских и восточноевропейских исследований ¹.

Центр российских и восточноевропейских исследований образован в 1968 г. В 1998 г. он был объединен с российским отделом университета. REESC уделяет основное внимание исследованию славянских языков, литератур и культуры российского и восточноевропейского региона. Специалисты Центра представляют более десяти факультетов, профессиональных школ и колледжей.

Главное собрание библиотеки университета Орегона содержит около 120 тыс. изданий на русском и других славянских и восточноевропейских языках и более 60 тыс. публикаций о России и Восточной Европе на западных языках. Большая часть собрания относится к тематике гуманитарных и социальных наук.

Woodrow Wilson Center, East European Studies (EES) / Центр Вудро Вильсона, Восточноевропейские исследования ².

Центр образован по решению Конгресса США в 1968 г. как международное учреждение, проводящее углубленные научные исследования, «символизирующее и укрепляющее плодотворные отношения между научным миром и обществом». Центр является некоммерческой организацией, финансируемой как Конгрессом, так и частными фондами и организациями. Организации, обеспечивающие финансовую поддержку, спонсоры и штат Центра не имеют права оказывать влияние на результаты исследований, выводы и заключения, к которым приходят ученые, приглашенные для работы в Центре.

Программа восточноевропейских исследований обеспечивает полную и точную информацию для политиков и государственных органов, ученых, делового сообщества и широкой публики. Образование Центра восточноевропейских исследований в 1989 г. стало результатом развития восточноевропейской программы, начатой в 1985 г. EES, предлагая исследователям возможность использовать богатейшие ресурсы Вашингтона, способствует объединению усилий специалистов различных научных направлений, поддерживает подготовку новых поколений ученых и стремится поднять образовательный уровень общества. Научные и политические интересы объединяют ученых, должностных лиц, журналистов и широкую публику. Научные форумы Центра открыты для всех желающих. EES распространяет их результаты, материалы академических исследований и политическую аналитику через информационный бюллетень, выходящий дважды в месяц, бесплатные периодические выпуски сборников и отчеты.

В 1974 г. в Центре Вудро Вильсона был основан Институт Кеннана по углубленным российским исследованиям. Основанный для развития изучения России и Советского Союза в Соединенных Штатах по инициативе посла Д. Кеннана, директора Центра Вудро Вильсона Дж. Биллингтона и историка С. Старра, Институт назван в честь предка посла Д. Кеннана, Джорджа Кеннана-старшего, занимавшегося российскими исследованиями в XIX в. Институт предлагает американским и зарубежным ученым исследовательские гранты, координирует программу публикаций и общественных лекций. К работе в Институте привлекаются и начинающие исследователи, в том числе студенты. Получая ассистентские должности, они имеют возможность тесно сотрудничать с видными учеными, посещать обсуждения и семинары, пользоваться библиотекой института.

Среди проектов, проводимых в настоящее время Центром Вудро Вильсона, всемирную известность получил международный исторический проект изучения периода «холодной войны». Он был начат в 1991 г. с помощью фонда МакАртуров. Проект поддерживает публикацию недоступных ранее материалов и способствует распространению новой информации и новому видению истории «холодной войны».

¹ <http://pages.uoregon.edu/reesc/>.

² http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1422&fuseaction=topics.home.

В 1996 г. Министерство обороны и библиотека Конгресса начали программу микрофильмирования военно-исторических материалов бывших стран советского блока. Документы, относящиеся к периоду «холодной войны», подготовлены совместно с Центральным военным архивом Польши, Национальным архивом Министерства обороны Румынии и венгерским Архивом военной истории. Копии микрофильмов размещены в Библиотеке Конгресса США и архивах стран-участниц. В настоящее время ведутся переговоры о возможности совместной работы со словацкими и российскими архивами.

Yale University, Slavic and East European Collections / Йельский университет, Славянские и восточноевропейские коллекции ¹.

Славянское и восточноевропейское собрание университетской библиотеки входит в пятерку крупнейших собраний в Соединенных Штатах. Библиотека Йел одной из первых начала собирать славянские материалы в конце XIX в. В настоящее время она располагает более 150 тыс. изданий, относящихся к Центральной и Юго-Восточной Европе, 600 тыс. изданий, касающихся России и государств бывшего Советского Союза и крупнейшим собранием микрофильмов, включающим коллекцию Б. Николаевского, «Санкт-Петербургские Ведомости», материалы о лидерах российской революции, архив Коминтерна, отчеты губернаторов Российской империи и собрание материалов российской истории и культуры. Славянская коллекция ежегодно пополняется 13 тыс. единицами хранения, изданными на языках региона. Англоязычные издания, касающиеся Центральной и Восточной Европы, приобретаются отдельно для общего собрания библиотеки Йельского университета.

Коллекция Б. Николаевского стала результатом более чем сорокалетнего сбора материалов меньшевиком-эмигрантом, который обосновался в Соединенных Штатах в 1940 г. Интересы Б. Николаевского были сосредоточены на революционном движении в России. Его собрание включает личные документы М. Бакунина, П. Лаврова, Г. Плеханова, П. Аксельрода, Ю. Мартова, И. Церетели, В. Чернова, Л. Троцкого и документацию революционных партий и движений. В нее входят также материалы о политических, социальных и экономических событиях в России и Советском Союзе, жизни российских эмигрантов и международном социалистическом движении.

Материалы о лидерах российской революции содержат документы, касающиеся девяти фигур, игравших важную роль в социалистическом движении и советской истории, – П. Аксельрода, В. Засулич, А. Жданова, М. Калинина, С. Кирова, Л. Мартова, В. Молотова, Г. Орджоникидзе, Л. Троцкого.

Архив Коминтерна включает полные комплекты документов семи конгрессов, десяти пленумов Исполнительного комитета и материалы рабочих комиссий. Так как Коминтерн работал на разных европейских языках, в дополнение к полным текстам самого архива собрание включает английский перевод оригинальных советских описей и подробные указатели, подготовленные Амстердамским международным институтом общественной истории.

Библиотека университета в 1990-е гг. значительно расширила коллекцию украинских материалов. В 1994 г. семейный фонд Чопивских предоставил миллион долларов для поддержки изучения Украины в Йеле, в том числе на библиотечные нужды. Пятилетний проект координируется Центром международных и региональных исследований и предусматривает значительную поддержку библиотечной коллекции. Проект «Украинская инициатива» позволил приобрести собрание украинских монографий и периодических изданий.

В рамках проекта «Российская история и культура» собраны микрофиши 300 тыс. изданий редких книг из русской коллекции Библиотеки университета Хельсинки. Библиотека была официальным хранилищем российских книг с 1820 по 1917 г. и имеет самое богатое собрание материалов XIX–XX вв. за пределами бывшего Советского Союза. Собрание выпускается сериями, каждая из которых включает около 100–150 изданий. Полное собрание обеспечит исследователям возможность пользоваться книгами, ранее недоступными в Северной Америке.

Библиотека Йельского университета хранит также собрание манускриптов и архивов. Для исследователей открыты такие коллекции материалов, как советско-немецкие военные и экономические отношения 1918–1941 гг.; материалы Ф. Баргхорна, в 1949–1951 гг. возглавлявшего федеральный проект интервьюирования советских невозвращенцев; материалы Г. Вернадского 1929–1969 гг.; документы Народно-трудового союза 1951–1968 гг.; материалы Л. Фишера, журналиста, автора книг о Советском Союзе. Многие российские и советские материалы стали в последние годы дос-

¹ <http://www.library.yale.edu/slavic/collection.html>.

тупны исследователям в режиме он-лайн благодаря реализации «Российского архивного проекта» университета.

Библиотеки

До 1950-х гг. в библиотеках США находилось только несколько славянских коллекций. Большинство американских университетов начали собирать их в конце 1950-х – начале 1960-х гг. В советские времена приобретение качественных научных материалов было проблематично. Советские книги, особенно научная литература, выходили ограниченным тиражом и сразу же раскупались. Вместе с тем политические издания в Советском Союзе субсидировались из бюджета, что обеспечивало низкие цены на книги и позволяло библиотекам приобретать их в большом количестве. В настоящее время ситуация изменилась, и несколько обстоятельств влияют на приобретение книг американскими библиотеками. Хотя издательства в странах Восточной Европы освободились от цензуры, два фактора затрудняют формирование собраний: первый – кратковременность существования многих издательств, второй – дороговизна книг (М. Карлсон, директор Центра российских и восточно-европейских исследований, университет Канзаса).

Center for Research Libraries (CRL) / Центр научно-исследовательских библиотек¹.

Центр научно-исследовательских библиотек является международным некоммерческим консорциумом колледжей, университетов, библиотек, созданным для расширения доступа к исследовательским ресурсам в традиционном и электронном форматах. Коллекции CRL, открытые для ученых, содержат более пяти миллионов единиц научных материалов. Центр был открыт в 1949 г. как Среднезападный межбиблиотечный центр. Корпорация Карнеги профинансировала исследование о целесообразности организации центра, в котором бы были доступны собрания библиотек тринадцати университетов из Чикаго, Иллинойса, Индианы, Айовы, Кентаки, Мичигана, Миннесоты, Огайо и Висконсина. Важнейшими функциями CRL стали координация коллекционной политики, составление генерального каталога, совместное хранение и приобретение редких книг. С 1951 г., когда Центр открылся для публики, начала действовать программа приобретения периодических изданий. В середине 1960-х гг. Центр получил национальный статус и с 1965 г. – современное название.

Одним из основных проектов, осуществляемых CRL с 1990-е гг., является «Проект славянских и восточноевропейских микрофильмов» (SEEMP)². Цели проекта заключаются в приобретении уникальных и объемных научных материалов, относившихся к области славянских и восточноевропейских исследований; сохранении разрушавшихся печатных материалов и манускриптов и их микрофильмировании. Сфера интересов охватывает страны Восточной и Центральной Европы и государства бывшего Советского Союза. Микрофильмировались газеты, вышедшие во время Октябрьской революции, российские региональные газеты 1991–1995 гг., коллекция Дж. Лужкив, российская правозащитная пресса 1990–1998 гг., а также коллекции редких брошюр 1925–1940 гг. на якутском, калмыцком и чувашском языках.

Коллекция Дж. Лужкив включает документы украинских «перемещенных лиц» и политических беженцев 1945–1954 гг. Эта работа выполняется для библиотеки университета Торонто. Собрание книг, периодики, брошюр, написанных и опубликованных украинскими беженцами, было собрано Дж. Лужкив, бывшим беженцем Второй мировой войны, учившимся в Торонто. Коллекция, включающая более 80 тыс. печатных страниц, дает подробное представление о жизни эмигрантской общины, стремившейся сохранить свое культурное наследие.

Собрание газет периода Октябрьской революции обрабатывается по инициативе библиотеки Конгресса. В нем представлено 103 газеты из двадцати российских городов.

В число микрофильмируемых российских региональных газет 1991–1995 гг. включены «Дагестанская правда» (Махачкала), «Голос Чечено-Ингушетии» (Грозный), «Голос Чеченской республики» (Грозный), «Грозненский рабочий» (Грозный), «Южный Урал» (Оренбург), «Кабардино-Балкарская правда» (Нальчик), «Красный Север» (Вологда), «Ленинская правда» (Петрозаводск), «Нижегородские новости» (Нижний Новгород), «Республика Татарстан» (Казань), «Северный курьер»

¹ <http://www.crl.edu>.

² <http://www.crl.edu/area-studies/seemp>.

(Петрозаводск), «Советская Сибирь» (Новосибирск), «Советская Татария» (Казань) и «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск).

Проект «Российская правозащитная пресса 1990–1998 гг.» предусматривал перенесение на пленку 140 газет. Наряду с газетами монархистского, националистического, фашистского и консервативно-православного направления из многих регионов Российской Федерации представлены русскоязычные печатные органы стран Балтии, Беларуси и Украины. Инициаторами проекта выступили университеты Калифорнии и Иллинойса, собирающие информацию о российских правозащитных организациях. В 2000 г. и 2005 г. проект расширялся за счет новых изданий, подлежащих микрофильмированию.

Центр сотрудничал с Публичной библиотекой Нью-Йорка в реализации проекта микрофильмирования более 300 редких якутских, калмыцких и чувашских брошюр 1925–1940 гг. и размещении их каталога на библиографических сайтах в Интернете. Выбранные работы освещали проблемы национального, этнического, религиозного самосознания, процессов модернизации и централизации политической власти в руках московского центра. В этом проекте обрабатывалась только часть материалов «национальных коллекций» Публичной библиотеки Нью-Йорка, состоящих из почти 4500 брошюр, серийных изданий, плакатов, вышедших на протяжении 1918–1941 гг. на пятидесяти национальных языках. Библиотека постоянно ищет источники финансирования для сохранения и расширения этой коллекции, возникшей в 1970-х годах. На 1999–2000 гг. Публичная библиотека получила грант для изготовления микрофильмов и составления каталогов узбекских, башкирских и казахских брошюр из этой коллекции.

Работа в данном направлении была начата в 1970-е гг., когда библиотека совместно с Колумбийским университетом микрофильмовала и внесла в каталоги более 700 тюркоязычных названий. С середины 1980-х гг. славянское и балтийское отделение Публичной библиотеки обеспечивает доступ исследователей к периодическим изданиям имперского и раннего советского периодов, эмигрантским материалам, участвует в ряде национальных проектов сохранения периодики.

East Coast Consortium of Slavic Library Collections / Консорциум славянских собраний библиотек восточного побережья ¹.

Консорциум был основан в 1993 г. для координации деятельности библиотек Колумбийского, Гарвардского, Корнельского, Йельского, Принстонского университетов и Публичной библиотеки Нью-Йорка. На сегодняшний день членами консорциума являются десять различных учреждений. Усилия учредителей были направлены на формирование и расширение коллекций; проведение новых закупок без неоправданного дублирования материалов; подготовку справочной литературы и составление описаний коллекций; совместный поиск источников финансирования; идентификацию электронных ресурсов славянских и восточноевропейских исследований. Координационный центр консорциума находится в Принстонском университете.

Русские и славянские собрания Принстонского университета насчитывают около 300 тыс. единиц хранения. Библиотека приобретает около 1 тыс. серийных изданий, из которых около 60% – на языках региона. Исследовательские материалы также включают обзорные и статистические материалы печатного и электронного формата, карты, манускрипты и архивные материалы. Около 50% восточноевропейского собрания – на русском языке, 15% – на украинском. В фондах Принстона наиболее полно представлена эмигрантская литература, коллекция собраний русских женщин-писательниц, а также материалы русской истории и политической жизни. В отделе редких книг библиотеки находится архив О. Мандельштама. В библиотеке также хранится личный архив священника и богослова Г. Флоровского.

Library of Congress, Russian Collection / Библиотека Конгресса, Славянская коллекция ².

В библиотеке Конгресса в настоящее время находится около 700 тыс. томов литературы на русском языке и приблизительно такое же количество книг на языках бывшего Советского Союза и западной литературы по российской и славянской проблематике. В библиотеке также хранится коллекция печатных не книжных материалов (ноты, газеты, микроформы, картографические материалы, плакаты) и непечатные материалы (звукозаписи, кинофильмы, манускрипты, фотографии). Русское собрание библиотеки Конгресса является одним из самых крупных за пределами России,

¹ <http://www.fas.harvard.edu/~aaass/organizations/eccslc.html>.

² <http://www.loc.gov/rr/european/coll/russ.html>.

хотя политика приобретения за последние 50 лет остается весьма избирательной и преследует цель приобретения только самых необходимых и научно важных публикаций в России или о ней. В целом собрание печатных российских материалов наиболее полно представлено в области гуманитарных и общественных наук с особым вниманием к лингвистике, литературе, истории, географии, политологии, искусствоведению, экономике и справочной литературе по этим дисциплинам. В библиотеке хорошо представлена эмигрантская русскоязычная литература, выпущенная в издательских центрах Западной Европы, Северной Америки и Израиля во время нескольких эмиграционных волн из России, и англоязычная и другая западная литература о России, получаемая в большом количестве на протяжении многих лет в результате государственных и отраслевых соглашений.

Первым шагом к формированию российской коллекции библиотеки Конгресса было приобретение в 1906 г. собрания Г. Юдина – частной коллекции, состоящей из почти 100 тыс. томов. В начале XX в. эта коллекция являлась самой большой частной коллекцией в России. Так как она была не востребована на Родине, Г. Юдин продал собрание библиотеке Конгресса США.

С 1950-х гг. приобретение российских материалов стало систематическим. В настоящее время они хранятся в нескольких подразделениях библиотеки. В европейском отделении находятся текущая российская периодика и собрание независимой советской прессы, состоящее из 3 тыс. газет, изданных в период 1987–1992 гг. Здесь также хранится собрание российской справочной литературы, в которое входят энциклопедии, словари, биографические справочники, общая и персональная библиография. Часть материалов еще предстоит обработать. В настоящее время создаются каталоги и делаются микрофильмы периодических изданий и другой печатной продукции 1917–1935 гг., эмигрантской литературы, не представленных в других американских библиотеках.

В отделе редких книг и специальных коллекций находится ряд книг, относящихся к сокровищам русской литературы. Например, в библиотеке хранятся «Апостол» И. Федорова, Уложение 1649 г., Кормчая книга, собрание рукописных грамот XVII в. Коллекция императорского двора, приобретенная библиотекой Конгресса в конце 1920-х – начале 1930-х гг., состоит из нескольких тысяч томов, принадлежавших Александру III и Николаю II. На многих книгах есть экслибрисы и пометки членов царской семьи. Эти книги были проданы советским правительством с целью получения валюты для проведения индустриализации.

Отдел периодической печати имеет более двухсот наименований микрофильмированных русскоязычных газет. Особенными ценностями отделения являются оригинальные номера газет «Правда» и «Известия» за 1918–1920 гг.

В юридическом отделе находится коллекция русских юридических материалов дореволюционного и советского периодов. Особое внимание в коллекции уделяется опубликованным источникам, среди которых конституции, собрания законов, инструкции и директивы, например Полное собрание законов (дореволюционный период) и Свод законов СССР (советский период). Также коллекционируются критические работы по юриспруденции и истории права.

Отдел Африки и Среднего Востока владеет материалами на тюркских и финно-угорских языках Российской Федерации. Среди них редкие книги, журналы и брошюры, относящиеся к раннему советскому периоду, напечатанные арабским или римским алфавитом.

New York Public Library, Slavic and Baltic Division / Нью-Йоркская публичная библиотека, Славянский и балтийский отдел ¹.

Традиция приобретения материалов, относящихся к истории и культуре славянских и восточноевропейских народов, берет начало со времени формирования Нью-Йоркской публичной библиотеки в 1895 г. Славянская коллекция включает около 500 тыс. томов, 24 тыс. микрофильмов.

Коллекция включает большое количество раритетов, многие из которых имеют музейную ценность. В библиотеке хранится самое большое в США собрание раннеславянских печатных материалов, включающее кириллические первопечатные книги и манускрипты XIV в.

Гордостью библиотеки является коллекция материалов, относящихся к славянской эмиграции в Северную Америку в 1918–1950 гг., включающая тысячи оригинальных фотографий, иллюстрированных книг, многие из которых относятся к личным и дворцовым библиотекам русской императорской семьи, коллекцию книг, оформленных восточноевропейскими художниками – футуристами и конструктивистами.

¹ <http://legacy.www.nypl.org/research/chss/slv/slav.balt.html>.

Некоторые славянские коллекции библиотеки продолжают расти. Это прежде всего редкие печатные и непечатные материалы, справочная литература, исторические и библиографические работы, книги по искусству, архивы этнических организаций и выдающихся фигур эмиграции, эмигрантская литература и русская периодика. Однако пополнение других коллекций сократилось по сравнению с предыдущим периодом. Причина заключается в изменениях, произошедших в изучаемых странах. Например, ранее российские книги по общественным наукам приобретались в надежде, что где-нибудь между строк исследователи смогут найти скрытую ценную информацию о Кремле. Сейчас эти книги имеют только историографическую ценность. После исчезновения цензуры и идеологического пресса приобретаются лишь избранные работы.

Pacific Coast Slavic and East European Library Consortium (PACSLAV) / Консорциум славянских и восточноевропейских библиотек тихоокеанского побережья¹.

С 1995 г. американские и канадские научные библиотеки тихоокеанского побережья сотрудничают в рамках регионального консорциума, специализирующегося по славянской, восточноевропейской и советской проблематике. Членами PACSLAV являются библиотеки Калифорнийского университета в Беркли, Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, Стэнфордского университета, Орегонского университета, Вашингтонского университета, университет Аризоны и государственный университет Аризоны. Консорциум был создан для содействия славянским исследованиям в Северной Америке и расширения их научной базы, обеспечения прямого доступа преподавателям и студентам каждого университета к библиотечным ресурсам консорциума, обмена профессиональной информацией.

Области сотрудничества включают формирование коллекций, новые приобретения, составление каталогов, хранение документов, библиографический контроль и другие технические услуги, приносящие пользу для членов консорциума. Консорциум координирует совместное приобретение и создание баз данных, дорогих коллекций микроформ, микрофильмов и репринтных материалов. Каждый член PACSLAV создал свою страницу в сети Интернет, дающую информацию о конкретной библиотеке и обеспечивающую он-лайн доступ к сайтам других библиотек консорциума. В настоящее время консорциум изучает возможность совместного архивирования некоторых электронных источников, таких как электронные журналы и базы данных.

Славянская и восточноевропейская коллекции университета Аризоны включает материалы по истории, религии, искусству, философии, экономике и политологии. Библиотека располагает 100 тыс. томов на славянских языках. Особое внимание в коллекции уделяется материалам по русской литературе и лингвистике и русской и восточноевропейской истории.

Славянская и восточноевропейская коллекции библиотеки Стэнфордского университета ориентирована на гуманитарные науки. Она насчитывает приблизительно 1 млн единиц хранения. Систематическое коллекционирование началось в 1960-е гг. Приобретались в основном академические источники, справочная литература и научные журналы по российской тематике. В 1960–1980-е гг. широко приобретались репринтные материалы, микроформы, эмигрантские публикации. Среди интересных приобретений можно отметить Константиновскую коллекцию иллюстрированной печатной продукции, библиографий, книг по изобразительному искусству, литературе и теософии; собрание Г. Струве, включающее богатые эмигрантские ресурсы; коллекцию литературного критика Ф. Левина и собрание печатной продукции начала 1940-х гг.

Славянская и восточноевропейская коллекции университетов Калифорнии содержат около 600 тыс. томов в Беркли и 300 тыс. томов в Лос-Анджелесе. Наиболее полно представлены общественные и гуманитарные науки. В коллекцию входят материалы на различных языках в печатном и электронном форматах, включающие монографии, периодику, справочную литературу, диссертации и материалы конференций. С начала перестройки собирается коллекция российских независимых газет.

Особое место занимает коллекция русской эмигрантской литературы, приобретенная на два гранта, выделенных библиотеке в конце 1970 – начале 1980-х гг. Они позволили сохранить коллекцию газет из музея русской литературы в Сан-Франциско, известную как «Дальневосточный архивный фонд», коллекцию П. Милюкова. Библиотека профессора истории и права Московского университета, а позднее министра иностранных дел Временного правительства России, состоящая из

¹ <http://intranet.library.arizona.edu/users/brewerm/pacslav/>.

4000 книг, брошюр, манускриптов и периодики, была вывезена из России незадолго до того, как Советское правительство запретило вывоз таких документов, и перевезена в США.

Русская коллекция библиотеки университета Гавайи насчитывает 55 тыс. томов. Большую часть собрания составляют материалы по гуманитарным и общественным наукам. Специальная «Коллекция Харбина» включает русские эмигрантские публикации в Китае и на Дальнем Востоке. Материалы, изданные в Советском Союзе, также приобретаются, если они относятся к проблематике российского присутствия в Манчжурии. Растет коллекция русских публикаций из Австралии и Южной Америки, которые после Калифорнии являлись основными местами эмиграции русских людей, вынужденных покинуть Манчжурию.

Ресурсы российских и восточноевропейских исследований библиотеки университета Сиэтла, охватывающие широкий спектр социальных и гуманитарных наук, в 1999 г. включали около 400 тыс. книг. Коллекция наиболее полно представлена в области истории, лингвистики и литературы. Библиотека хранит микрофильмы российских книг XVII и XVIII вв. и газет XIX в. Университет расширяет библиотечные ресурсы по всем периодам русской истории при помощи обменов с библиотеками Российской Федерации, приобретая десятки редких антикварных материалов и книг на микрофильмах каждый год. За последние три года существенно расширились фонды по русской провинциальной истории, что сделало библиотеку единственной в Северной Америке, имеющей полный набор российских архивных публикаций XIX в.

Коллекция русских и восточноевропейских газет, включающая около 160 национальных и региональных подписных изданий в печатном и электронном форматах, является одной из крупнейших в США. Некоторые собрания региональных газет являются уникальными для североамериканских научных библиотек. Университет также продолжает создавать обширную коллекцию оригинальных материалов русского и восточноевропейского фольклора.

2.2. Австралийский союз

Академические организации

Australia and New Zealand Slavists' Association (ASEES) / Ассоциация славистов Австралии и Новой Зеландии¹.

Ассоциация славистов Австралии и Новой Зеландии была основана в 1967 г. в целях содействия развитию славянских и восточноевропейских исследований в Австралии и Новой Зеландии. Она призывает к сотрудничеству между университетами и отдельными учеными, работающими в области славистики, способствует налаживанию контактов с зарубежными учеными и высшими учебными заведениями, а также поощряет участие славистов из Австралии и Новой Зеландии в международных форумах. Президентом ассоциации является д-р Дж. Макнейр (университет Квинсленда).

Ассоциация выпускает ежемесячный информационный бюллетень с новостями о славистике Австралии и Новой Зеландии, а совместно с Австралийской ассоциацией коммунистических и посткоммунистических исследований – журнал «Славянские и восточноевропейские исследования в Австралии» (*Australian Slavonic and East European Studies, ASEES*). В ASEES публикуются научные статьи, обзоры и короткие отзывы на все аспекты славянских и восточноевропейских исследований, в частности, языка, литературы, истории и политических наук, искусства и социальных наук.

Australasian Association for Communist and Post-Communist Studies (AACPCS) / Австралийская ассоциация коммунистических и посткоммунистических исследований².

Целью Австралийской ассоциации коммунистических и посткоммунистических является поддержка академического обмена и изучения политических, социально-экономических и культурных проблем, с которыми сталкиваются страны, ранее принадлежавшие «социалистической системе». Ассоциация была основана как Австралийская ассоциация по изучению социалистических стран группой ученых по инициативе Т. Ригби в 1975 г. Т. Ригби стал первым ее президентом. С 1993 г. ассоциация стала известна как Австралийская ассоциация коммунистических и посткоммунистических исследований. Раз в два года по инициативе AACPCS проводятся научные конференции.

¹ <http://www.cerc.unimelb.edu.au/anzsa/index/html>.

² <http://sites.google.com/site/aacpssite/>.

Australian Council of Professional Historians Associations (ACPHA) / Австралийский совет профессиональных исторических ассоциаций¹.

Австралийский совет профессиональных исторических ассоциаций был основан в 1996 г. с целью представления профессиональных историков на национальном уровне. Членами АСРНА являются профессиональные исторические ассоциации Австралии. Совет устанавливает контакты с государственными структурами и другими институтами и агентствами, которые работают в области истории и культуры. Совет осведомляет потенциальных клиентов и работодателей о квалификации историков и возможности их трудоустройства, закладывает традиции строгого соблюдения профессиональных стандартов и этики среди историков, поощряет сотрудничество ученых.

Contemporary European Studies Association of Australia (CESAA) / Ассоциация современных европейских исследований Австралии².

Ассоциация современных европейских исследований Австралии была основана как независимая структура в 16 апреля 1991 г. в Мельбурне. Президентом ассоциации является Б. Маскителли (университет Свинбурга). Создание ассоциации было инициировано опытом деятельности национальных ассоциаций современных европейских исследований, существующих при Европейском союзе, с которым осуществляется сотрудничество в области распространения научной информации и критического анализа современных проблем.

CESAA стремится способствовать обучению и научно-исследовательской работе по проблемам европейских исследований; обеспечивать организацию научных форумов; публиковать высококачественные работы по европейской проблематике; способствовать связям между австралийскими образовательными институтами и учеными и коллегами в других странах; оказывать поддержку европейским исследованиям в учебных заведениях; консультировать заинтересованные государственные и негосударственные организации.

Подход CESAA является междисциплинарным и межпрофессиональным. CESAA является активным членом всемирной сети Европейского сообщества исследовательских ассоциаций (ECSA), базирующегося в Брюсселе. CESAA была также одним из основателей Азиатско-Тихоокеанской сети ECSAs. CESAA публикует «Австралийский и новозеландский журнал европейских исследований» (*Australian and New Zealand Journal of European Studies*).

Australian Political Studies Association (APSA) / Австралийская ассоциация политических исследований³.

Ассоциация является открытой для специалистов, осуществляющих преподавательскую деятельность и занимающихся исследованиями политических наук в Австралии. Решение о создании APSA было принято на заседании политологов в 1951 г. в Австралийском национальном университете. APSA работает в сотрудничестве с аналогичными организациями на международном уровне. Членство APSA включает подписку на австралийский журнал политических наук (*Australian Journal of Political Science*). APSA проводит ежегодную конференцию, к участию в которой привлекаются национальные и международные эксперты. Так, в сентябре 2002 г. на юбилейной конференции ассоциации активно обсуждался вопрос российских/советских и коммунистических исследований в Австралии за последние 50 лет.

Университеты и институты

University of Melbourne, Contemporary Europe Research Centre (CERC), Research Unit for Russian and Euro-Asian Studies (RURE-AS) / Университет Мельбурна, Современный европейский исследовательский центр, Исследовательский союз по российским и евроазиатским исследованиям⁴.

Межфакультетский центр был открыт на базе факультета искусств университета Мельбурна в 1997 г. и объединил два существующих научных центра: Центр российских и евроазиатских исследований и Центр исследований Европейского союза. Эти два центра являлись структурными единицами CERC – первого междисциплинарного научного центра Австралии, занимавшегося науч-

¹ <http://www.historians.org.au/>.

² <http://www.cesaa.org.au/>.

³ http://www.auspsa.org.au/index.php?option=com_frontpage&Itemid=1.

⁴ <http://www.cerc.unimelb.edu.au/index.html>.

ным исследованием Западной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Центр активно занимался обучением, научной работой и информационным обеспечением бизнеса, государства, средств массовой информации и общества. В дополнение к его академическим научным программам центр активно проводил прикладные исследованиями Европейского союза, политики и экономики России, стран СНГ и Центральной Европы, а также Дальнего Востока и Центральной Азии.

Исследовательский союз по российским и евроазиатским исследованиям в университете Мельбурна был основан в 1997 г. на базе Центра российских и евроазиатских исследований, созданного Советом университета Мельбурна в 1989 г. как Центр советских и восточноевропейских исследований. RURE-AS проводил фундаментальные и прикладные исследования, а также обеспечивает информацию по странам СНГ и Центральной Европе для государства и общества. Центр консультировал ведущие австралийские промышленные и сельскохозяйственные компании, а также оказывал услуги, связанные с информационным поиском и осуществлением полномасштабных научных проектов. Компетентность обеспечивалась уникальной базой данных, которая охватывала социальное, политическое, экономическое развитие бывшего Советского Союза и Восточной Европы. Большинство материалов базы данных существовала в электронном формате и обновлялась ежедневно.

До недавнего времени с целью информирования ученых и бизнесменов о текущих экономических процессах в странах СНГ центром издавался «Российский и евроазиатский бюллетень». Современный европейский исследовательский центр публиковал монографии, собрания статей, «Информационные бюллетени ICSEES», проводил семинары для австралийских и зарубежных специалистов, материалы которых хранились на видеокассетах. Центр располагал информацией о национальных библиотечных ресурсах российских и европейских материалов, а также статистическими данными на языках стран СНГ, Центральной и Восточной Европы. Информационные ресурсы базы данных Центра не имели себе равных в южно-азиатском и тихоокеанском регионах. Центр играл важную роль в передаче информации из стран СНГ и Восточной Европы с помощью электронных средств связи, обеспечивавшим доступ к новостям из регионов, большому числу российских и восточноевропейских газет и периодики.

В 2009 г. CERC прекратил свое существование, однако сайт Центра был заархивирован, и все желающие имеют возможность ознакомиться с его деятельностью и по достоинству оценить вклад CERC в развитие российских и славянских исследований.

University of New South Wales, Centre for European Studies / Университет Нового Южного Уэльса, Центр европейских исследований ¹.

Основан в январе 1996 г., осуществляет программу публичных лекций, симпозиумов, конференций и других мероприятий. Задачами центра являются содействие исследовательской деятельности посредством организации научных конференций; координация программы грантов; организация визитов ученых и политических деятелей европейского сообщества. Центр способствует развитию европейских исследований и служит местом встречи коллег из различных школ университета, работающих в этой области. Занимается налаживанием связей между университетом Нового Южного Уэльса и европейскими университетами, прежде всего путем обмена преподавателями и студентами; сотрудничает с государственным и частным сектором, широкой общественностью в целях пропаганды европейских исследований.

Библиотеки

National Library of Australia, General (non-Australian) Collections / Национальная библиотека Австралии, общие (неавстралийские) собрания ².

Общие собрания Национальной библиотеки включают в себя книги, периодические издания, газеты, карты и атласы, а также исследовательские материалы в различных электронных форматах. Основное место в общих (неавстралийских) собраниях занимают гуманитарные и социальные науки. Среди материалов, относящихся к российской истории, наибольший интерес представляет собрание Тарала ³. М. Тарала покинул Россию вскоре после революции и проживал в Китае вплоть до 1963 г., откуда он переехал в Австралию. Во время пребывания в Китае он собрал большую библиотеку литературы, касающейся российской социальной и интеллектуальной истории в поздний царский пе-

¹ <http://www.arts.unsw.edu.au/ces/>.

² <http://www.nla.gov.au/collect/gencoll.html>.

³ <http://www.nla.gov.au/collect/tarala.html>.

риод и эпоху после 1917 г., включая множество эмигрантских изданий, а также подборку современной русской литературы и работ художников. Коллекция Тарала дополняет собрания библиотеки, включающие русские исторические источники, Красный архив и материалы меньшевиков.

2.3. КАНАДА

Академические организации

Canadian Association of Slavists (CAS) / Канадская ассоциация славистов¹.

Канадская ассоциация славистов объединяет преподавателей и исследователей в области славистики и родственных дисциплин в Канаде. Создание CAS было подготовлено деятельностью существовавшего с 1946 г. канадского филиала американской Ассоциации учителей славистики и восточноевропейских языков (ATSEEL). В 1954 г. CAS стала независимым научным сообществом. Созданная в 1946 г. для улучшения и совершенствования исследований CAS стала независимым научным обществом в 1954 г. Официальными языками ассоциации являются английский и французский.

С момента появления и до сегодняшнего дня круг вопросов, которыми интересуются канадские исследователи, постоянно варьируется. На этот процесс, безусловно, влияет изменение обстановки в самой Восточной и Центральной Европе. С середины 1980-х гг. события стали разворачиваться так быстро и непредсказуемо, что понадобилось более углубленное изучение некоторых проблем и создание новых специализаций. В Канаде широкое распространение получили украинские исследования. Однако в 1990-е гг. Канадская ассоциация славистов, как и в целом организации, изучающие гуманитарные дисциплины, столкнулась с финансовыми проблемами из-за отсутствия должной поддержки со стороны государства.

Канадская ассоциация славистов проводит общие собрания, на которых происходит обмен идеями, опытом, рассматриваются учебники и учебные пособия, разъясняются образовательные методики и зачитываются доклады по изучаемым предметам; выпускает издания, включающие статьи по проблемам славистики и связанных с ней исследований; публикует историографические обзоры; проводит презентации на собраниях других обществ; согласовывает усилия по обращению к правительственным агентствам, фондам и частным лицам для осуществления целей ассоциации. Членство в CAS открыто для любого преподавателя славистики и родственных дисциплин, который занимается исследованиями в одном из образовательных учреждений Канады.

CAS является одним из 69 членов Канадской федерации гуманитарных и социальных наук (CFHSS), а также членом таких организаций как Международный совет центральных и восточноевропейских исследований (ICCEES), Международный комитет славистов (ICS) и Международная ассоциация украинских исследований (IAUS).

В 2002 г. была официально оформлена как автономная организация внутри CAS Канадская ассоциация украинских исследований (CAUS). Ее первым президентом стал Роман Сенкус. CAUS публикует «Журнал украинских исследований» (*Journal of Ukrainian Studies*).

Журнал «Канадские труды по славистике» (*Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes*) – официальный печатный орган CAS – был основан в 1956 г. В 1967 г. журнал стал выходить дважды в год, а с 1968 г. – поквартально. Шеф-редакторами, назначаемыми ассоциацией, всегда являются известные исследователи, работающие в одном из высших учебных заведений Канады. Журнал выходил под патронажем Карлетонского университета, университета Торонто, а с июля 1991 г. – университета Альберта. С самого начала «Канадские труды по славистике» были междисциплинарным журналом, публиковавшим на английском и французском языках оригинальные исследования по темам, касающимся России, Центральной и Восточной Европы. Журнал охватывает такие дисциплины, как история, языковедение и лингвистика, политические исследования, социология, экономика, антропология, география и искусство. «Канадские труды по славистике» являются единственным журналом подобного типа, публикуемым в Канаде. Несколько журналов, например «Журнал украинских исследований», посвящены отдельным странам в Центральной и Восточной Европе, но ни один из них не рассматривает эти регионы целостно в междисциплинарном ракурсе.

¹ <http://www.ualberta.ca/~csp/cas/association.html>.

«Канадские труды по славистике» выписывают около 800 индивидуальных подписчиков и учреждений.

Журнал поддерживает онлайн-архив (начиная с 1956 г.), состоящий из статей, опубликованных в «Канадских трудах по славистике», а также в изданиях «Американская библиография славянских и восточноевропейских исследований», «Америка: история и жизнь», «Исторические тезисы», «Международная библиография социальных наук», «Лингвистические тезисы», «Лингвистическая библиография», «Общественный информационный бюллетень» и «Социологические тезисы».

Канадская ассоциация славистов тесно сотрудничает с такими организациями, как Ассоциация университетов и колледжей Канады, Канадская ассоциация научных журналов, Федерация гуманитарных и социальных наук Канады.

Association of Universities and Colleges of Canada (AUCC) / Ассоциация университетов и колледжей Канады ¹.

Ассоциация университетов и колледжей Канады является неправительственной и некоммерческой национальной организацией, которая представляет университеты Канады и колледжи, дающие ученую степень. AUCC объединяет канадские университеты с 1911 г. Вся деятельность координируется секретариатом, находящимся в Оттаве. Ассоциация фокусирует свою деятельность прежде всего на трех сферах: общественная политика, координация и обмен информацией, партнерство и менеджмент.

Ассоциация представлена 95 государственными и некоммерческими университетами и колледжами Канады, дающими научную степень. Решение оперативных задач AUCC возлагается на совет директоров, представленный ректорами 12 университетов и непосредственно председателем Ассоциации.

AUCC оказывает влияние на общественную политику с помощью экспертных оценок и сотрудничества с членами правительства, промышленными и общественными лидерами; представляет интересы университетов в общественной среде и развивает университетское образование и научные исследования. AUCC обеспечивает своим членам возможность обмениваться знаниями и участвовать в совместной работе. Благодаря конференциям, исследованиям и анализу, публикациям, базам данных и информационным сетям члены ассоциации получают всю необходимую информацию. Издающийся журнал «Университетские дела» служит профессиональным источником информации для университетского общества. AUCC является важнейшей формой связи с государственными ведомствами, канадскими и иностранными неправительственными организациями.

Canadian Association of Learned Journals (CALJ) / Канадская ассоциация научных журналов ².

Канадская ассоциация научных журналов была организована при поддержке Федерации социальных наук Канады (сейчас известна как Канадская федерация гуманитарных и социальных наук CFHSS) в 1990 г. для обеспечения деятельности журналов в качестве важных распространителей научной информации. Представляя интересы более 100 журналов, CALJ поддерживает контакты с ключевыми правительственными департаментами и финансовыми агентствами. Ассоциация также организует семинары на своих ежегодных собраниях, где происходит обмен информацией между сообществом научных журналов и правительством. Ежегодный форум научных журналов главное место отводит семинарам по проблемам редактирования, производства, распространения и финансирования. «Информационный бюллетень» ассоциации распространяет эти материалы для широкой общественности. CALJ также представляет интересы своих членов в различного рода конференциях и форумах.

«Канадский журнал истории» (The Canadian Journal of History/Annales canadiennes d'histoire) ³ является канадским журналом о неканадской истории. Это периодическое издание выходит (в апреле, августе и декабре) с 1966 г. Журнал публикует исторические статьи, историографические очерки, обзоры, касающиеся различных стран и периодов истории. Авторами более чем две третьих статей, представленных в журнале, являются ученые, осуществляющие исследования и преподавание в университетах Канады. «Канадский журнал истории» - двуязычное периодическое издание, осуществляющее публикации как на английском, так и на французском языках. Журнал широко распространен за рубежом и выписывается большинством университетских библиотек США и Великобритании, а также в других европейских и неевропейских странах.

¹ http://www.ucc.ca/index_e.html.

² <http://www.calj-acrs.ca/>.

³ <http://www.usask.ca/history/cjh/>.

Humanities and Social Sciences Federation of Canada (HSSFC) / Федерация гуманитарных и социальных наук Канады¹.

Федерация гуманитарных и социальных наук Канады способствует развитию преподавательской и научной деятельности в области гуманитарных и социальных дисциплин, а также лучшему пониманию важности такой работы для Канады и всего мира. HSSFC пропагандирует понимание того, что знания, свобода и демократия не могут существовать друг без друга.

Созданная в результате слияния Канадской ассоциации гуманитарных наук (SFH) и Канадской федерации социальных наук (SSFC) Федерация начала свою деятельность в апреле 1996 г. Сегодня Федерация представляет интересы 69 научных обществ, 75 университетов и колледжей и более 50 тыс. исследователей в области истории, политологии, языковедения, социологии, литературоведения, религиоведения, антропологии и других гуманитарных и социальных наук.

The Ukrainian Canadian Research & Documentation Centre (UCRDC) / Украинско-канадский исследовательско-документационный центр².

UCRDC – центр, расположенный в университете св.Владимира, занимается сбором, каталогизированием и хранением документальных источников по истории и культуре Украины по всему миру. UCRDC создает документальные фильмы, готовит учебные материалы, организывает выставки и конференции на тематику, касающуюся Украины и украинского народа.

UCRDC – это некоммерческая организация, пытающаяся найти общественную поддержку благодаря проведению ряда фандрайзинговых мероприятий.

Центр был образован в 1986 г. в результате выделения из комитета бывших украинских канадцев в Торонто, которыми была организована церемония, посвященная пятидесятилетию «голодомора» в Украине (The Holodomor in Ukraine) – голодному геноциду, подготовленному сталинским режимом в 1932–1933 гг., унесшего 7 млн жизней украинцев.

Комитет, преобразованный в 1982 г. в Исследовательский комитет голода в Украине (the Ukrainian Famine Research Committee.), собрал свидетельства очевидцев трагедии и образовал исследовательский фонд. Используя накопленный материал, комитетом был создан документальный фильм «Жатва безнадежности» (Harvest of despair), получивший огромный успех в обществе. В 1986 г. комитет был преобразован в исследовательский институт и изменил свое название на Украинско-канадский исследовательско-документационный центр.

UCRDC на сегодняшний день тесно сотрудничает с такими организациями и учреждениями, как Архивные ассоциации Онтарио, Национальный архив, Канадский совет по архивам; активно занимается формированием архива устной истории, а также документальных источников, которые могут быть полезными при исследовании канадско-украинских отношений, Украины и украинской диаспоры. Доступные материалы включают в себя видео- и аудио-интервью, фотографии, документы, фильмы и книги.

Оцифрованный архив устной истории (Oral History Digitization) представляет собой коллекцию аудио- и видеозаписей интервью, собранных на протяжении более 25 лет, у людей, принимавших участие в самых значительных событиях современной украинской истории. Благодаря пятилетнему договору на организацию оцифровки устного архива истории, заключенного между Программой исследований истории Украины Петро Ясыка Канадского института украинских исследований (CIUS), Институтом исторических исследований Львовского университета и Украинским католическим университетом (УКУ) архивный проект осуществляется в течение пяти лет (2008/9 – 2012/13). CIUS согласился финансировать данный проект, а Львовский университет и УКУ обеспечил наличие высококвалифицированного персонала. Записи охватывают широкий ряд категорий интервью: членов дивизии «Галиция»; людей, прошедших через лагеря, остарбайтеров, членов Украинской повстанческой армии (УПА); украинцев, спасавших евреев; женщин, переживших оккупацию Украины во время Великой Отечественной войны.

Ukrainian Resource & Development Centre/ Центр украинского развития и ресурсов (URDC)³.

Центр украинского развития и ресурсов (URDC) был основан при Колледже им. Грента МакЮэна университета Эдмонтона в октябре 1987 года, как шаг навстречу растущим потребностям украинской об-

¹ <http://www.fedcan.ca/>.

² <http://www.ucrdc.org/>.

³ <http://www.macewan.ca/web/artssci/urdc/home/index.cfm>.

щины, которая в то время готовилась отмечать столетнюю годовщину поселения украинцев в Канаде. Финансирование центра было обеспечено благодаря созданию постоянного фонда, взносов федерального правительства, правительства провинции Альберта, и общественных организаций.

Центр украинского развития и ресурсов является учреждением государственного сектора, которому поручено оказывать содействие созданию новых возможностей для украинских программ в Канаде. Центр предоставляет консультации и ресурсы для крупных канадских проектов, осуществляемых совместно с общественными и некоммерческими организациями; разрабатывает и осуществляет международные проекты, ориентированные на Украину и Канаду; проводит прикладные исследования. URDC является одним из партнеров, создателей проекта «Энциклопедии Украины». Центр выступает спонсором национальных конференций и семинаров по вопросам бизнеса, языковой политики, хоровой музыки и украинского танца. URDC был одним из основателей веб-службы для студентов, учителей и родителей, участвующих в двуязычных программах образования.

Центр украинского развития и ресурсов занимается изданием научно-исследовательской продукции, популярных, двуязычных учебных материалов и аудиовизуальных средств; обеспечивает доступ широкой общественности к архивным и библиотечным ресурсам центра; содействует сбору средств для развития украинской культуры в Канаде.

Сегодня URDC является членом союза университетов Восточной Европы (Eastern Europe Leadership Team (EELT)), поддерживает связи с общественными организациями по всему миру.

Университеты и институты

Carleton University, Ottawa, Institute of European and Russian Studies (EURUS), The Slavic Research Group at the University of Ottawa (SRG) / Университет Карлетона, Оттава, Институт европейских и российских исследований¹, Славянская исследовательская группа университета Оттавы².

Созданный как Институт центральноевропейских, восточноевропейских и российских исследований при университете Карлетона в 1998 г. изменил свое название, что было одобрено советом попечителей университета. Новая программа позволила студентам проводить свои исследования в широком диапазоне тем, относящихся к Европе, включая европейскую интеграцию, отношения Востока и Запада, проблемы национальностей и меньшинств, социальную политику и политику в отношении окружающей среды, социальные последствия экономических преобразований, мониторинг общественного мнения, расширение НАТО и политику в области обороны, культурные проблемы, посткоммунистические переходные процессы в Восточной Европе и СНГ. Значительно был расширен также диапазон исторических тем.

Институт европейских и российских исследований состоит из двух исследовательских подразделений: проекта «Восток – Запад» (East – West Project (EWP)), в рамках которого проводятся исследования России и бывшего Советского Союза, и Центра Европейских исследований, занимающегося вопросами европейской интеграции и ЕС.

Начав свое существование в 1972 г., проект «Восток-Запад» сосредоточил свои усилия на изучении политических и социальных результатов рыночного «перехода» и процесса демократизации. В рамках проекта ведется разработка нескольких исследовательских программ, одной из которых является недавно завершённый проект «Женщина и реформа рынка труда в России» (март 1999 г. – сентябрь 2004 г.).

Его целью являлось объединение усилий политиков, официальных лиц и представителей неправительственных организаций России и Канады для выработки подходов к данной проблеме. Гендерный анализ использовался для разработки стратегии борьбы с безработицей. Проект финансировался Канадским агентством международного развития. Материалы всех проектов публикуются в «Информационном бюллетене EURUS», выходящем дважды в год и доступном в режиме он-лайн.

Проект «Оптимизация трудовых отношений на российских предприятиях и в организациях» должен определять и исследовать наиболее удачные примеры в распределении трудовых ресурсов в российских фирмах.

¹ <http://www.carleton.ca/eurus/>.

² <http://www.arts.uottawa.ca/gres/introen.html>.

Проект «Смягчение социальных конфликтов в Сибирском федеральном округе» был начат в январе 2003 г. и осуществляется общими усилиями канадских и российских специалистов. Тесное сотрудничество в разработке обучающих программ в общественных дисциплинах ведется совместно с Уральским государственным университетом. Проект призван помочь развитию Сибири и решению социальных проблем, а особенно тех, что касаются демографических процессов, местного рынка труда и занятости населения.

Проект «Фискальный федерализм» был разработан при содействии Московской Академии национальной экономики. Он изучает отношение россиян к федеративному устройству страны и финансовые взаимоотношения центра и регионов страны. Проведенный в марте 2000 г. опрос российского населения относительно существующей сегодня проблемы регионов предоставил исследователям ключ к пониманию многих политических и экономических аспектов российской действительности. Проект близок к своему завершению, а его результаты будут опубликованы в специальном сборнике статей.

Университет Карлетона располагает значительными собраниями российских материалов, находящимися в библиотеке М. МакОдрума. Отдел прессы советского посольства в Оттаве в декабре 1991 г. передал библиотеке коллекцию, состоящую из собрания рабочих материалов данного отдела и включающую около 70 тыс. фотографий, набросков речей, сообщений для печати, газетных вырезок. В библиотеке собраны также тезисы и исследовательские работы студентов, окончивших институт.

В 1990 г. с помощью гранта канадского фонда Доннера в университете был основан Центр исследования канадско-российских отношений (CRСR), в работе которого участвуют 24 исследовательские ассоциации из Канады, России и Украины. CRСR проводит контрактные исследования для правительственных структур и негосударственных организаций, фондов; ведет академические курсы, семинары, лекции и симпозиумы. Центр владеет уникальной коллекцией русскоязычных материалов, публикует регулярные отчеты, информационный бюллетень, документальные серии и серии трудов, приуроченных к определенным событиям. Научная деятельность Центра связана как с историей, так и с современным развитием двусторонних контактов.

С 1996 г. разрабатывается «Российский архивный проект». Для развития и расширения уникальной коллекции русских документов по Канаде Центр осуществил копирование 19 тыс. страниц из архивов Москвы и Санкт-Петербурга за период с 1820 г. по 1980-е гг. Коллекция Центра, являясь самой крупной канадской университетской коллекцией русских архивных материалов, связанных с Канадой, охватывает такие разные события, как, например, русское вмешательство в канадский мятеж 1837–1838 гг. и переписку советского посольства в Канаде с В. Молотовым в 1942–1945 гг. С помощью финансирования Программой канадского наследия был создан каталог большого блока документов, относящихся к духоборам и их эмиграции в Канаду.

Еще одной исследовательской программой Центра, над которой трудятся канадские, украинские и российские ученые, стал проект «Кампания “Возвращение домой”». Проект предусматривает поиск и опрос членов (или их наследников) тех семей, которые в 1950-е гг. вернулись из Канады в Советский Союз, поверив несбыточным обещаниям Н.С. Хрущева.

В рамках развернувшегося с 2004 г. проекта «Канадско-советское общество дружбы» планируются подготовка и издание подробного каталога, приложения со списком имен и глоссария по 8 тыс. страницам советских документов, бывших до недавнего времени секретными.

Институтом ведется также Русский общественно-административный проект, целью которого является внесение вклада в продолжении работы по вопросам правовой реформы в России на основе взаимодействия с экспертами Канады. Оно включает в себя ознакомительные поездки, краткосрочное обучение, техническую поддержку и семинары.

С 1988 г. в Центре издается «Ежегодный сборник российских и евразийских документов», состоящий из двух томов, содержащих переведенные на английский язык документы, которые касаются современной России и всего евразийского региона и затрагивают проблемы государственного управления, экономики, внутренней и внешней политики и уровня жизни. Кроме этого, CRСR поддерживает публикацию «Канадско-российских серий», представляющих собой монографические издания, основанные на документах Центра или на дневниковых записях и других материалах, касающихся канадско-российских отношений.

Славянская исследовательская группа университета Оттавы (The Slavic Research Group at the University of Ottawa) была образована в 1998 г. с целью повышения эффективности работы отдельных факультетов университета в таких сферах деятельности как: проведение исследований и изда-

ние работ на темы славянской культуры и литературы, организация симпозиумов и публикация докладов, проведение лекций и культурных встреч для местных сообществ, инициация, расширение и обновление международных контактов.

SRG – это исследовательский центр факультета искусств Оттавского университета, однако его членами также являются факультет современных языков и литературы, факультет истории и криминологии, институт канадских исследований Оттавы, а также ученые и исследователи из других канадских и зарубежных университетов.

University of Toronto, Centre for European, Russian, and Eurasian Studies (CERES) / Университет Торонто, Центр европейских, российских и евразийских исследований¹.

Центр европейских, российских и евразийских исследований является одним из ведущих североамериканских академических институтов, изучающих бывший Советский Союз и Восточную Европу, а также Евросоюз. Он был образован в 2005 г. в результате слияния Центра российских и восточноевропейских исследований с Европейской исследовательской программой, Институтом европейских исследований и Объединенной инициативой германских и европейских исследований.

Центр готовит студентов и аспирантов по дисциплинам, связанным с языками, историей, политикой, экономикой Восточной Европы, бывшего Советского Союза и ЕС; стажировает учащихся университета Торонто в изучаемом регионе с помощью программ обмена; предоставляет доступную и достоверную информацию о России и Европе канадским средствам массовой информации, деловым кругам и всему обществу; поддерживает научные связи между Востоком и Западом.

Российские исследования в университете Торонто имеют давнюю традицию. В 1963 г. профессор Г. Скиллинг поставил задачу поощрять факультеты университета Торонто, реализующие учебные программы, связанные с Россией и Восточной Европой. Был создан Центр российских и восточноевропейских исследований (CREES). На протяжении десяти лет CREES координировал единственную канадскую программу прямого академического обмена с Московским государственным университетом – первым проектом такого обмена. В 1970-е гг. CREES спонсировал летнюю русскую языковую программу. В 1970–1980-е гг. исследования членов Центра получили поддержку фондов Форда, Меллона и Канадского института международного мира и безопасности, с помощью которых удалось выделить учебные и исследовательские гранты для магистрантов, докторов и преподавателей. Возобновленная поддержка фонда Меллона в 1990 г. позволила Центру расширить перечень исследований и создать новые программы. Главными среди них являются приглашения ученых и общественных деятелей из различных стран в университет Торонто и программы летних стажировок, дающих возможность студентам посетить изучаемый регион.

Фонд стипендий Г. Скиллинга, названный в честь первого директора CREES, поддерживает изучение стран Восточной и Центральной Европы, включая все постсоветские государства. Специальная программа направлена на улучшение подготовки растущего числа студентов CREES, стремящихся сделать карьеру в сфере бизнеса, связанного с европейскими странами. Стипендиаты Центра занимаются исследованиями по темам, относящимся к ряду стран Центральной и Восточной Европы, включая Российскую Федерацию и Украину. Исследовательская программа по русским и советским менонитским исследованиям и Архивный и исследовательский проект изучения сталинской эпохи являются самыми крупными проектами, разрабатываемыми в настоящее время.

Программа по русским и советским менонитским исследованиям была основана в 1989 г. как автономная программа в рамках CREES. Она включает серии публикаций; обширный проект микрофильмирования; перевод и редактирование источников; международные конференции и крупные исследовательские проекты, такие как менонитские исследования эпохи Николая I; менонитские письма из ГУЛАГа. Издательством «Юниверсити Торонто Пресс» была опубликована научная серия «Русские менонитские исследования», включающая справочник, собрание источников и монографические исследования.

Архивный и исследовательский проект изучения сталинской эпохи (SERAP) является междисциплинарным проектом, проводимым на базе Центра. Осуществляемый при поддержке Канадского исследовательского совета по социальным и гуманитарным наукам, этот проект стимулирует новую интерпретацию политических и общественных отношений в СССР сталинской эпохи. Используя недавно рассекреченные архивные материалы, участники проекта реализуют задачи, свя-

¹ <http://www.utoronto.ca/ceres/about.html>.

занные с собиранием, сохранением и распространением архивных материалов (включая создание Канадского центра по изучению архивных материалов сталинского периода, располагающегося в библиотеке Робарта университета Торонто); проведением международных научных семинаров и конференций, посвященных новому анализу сталинской эпохи; сотрудничеством с коллегами из России и бывшего Советского Союза с целью содействовать созданию единого научного сообщества стран Востока и Запада; подготовкой студентов, аспирантов и молодых исследователей путем вовлечения их в исследовательские проекты, конференции, ежемесячные коллоквиумы по вопросам анализа, сохранения и распространения архивных материалов.

SERAP возник как ответ на появившиеся новые возможности после распада СССР. Изучение сталинской эпохи является проектом, который включает в себя не только возвращение и распространение документов, но и переоценку исторических архивов – с акцентом на научных исследованиях, созданием научно-исследовательских сообществ, проведением конференций, семинаров и обучением архивным исследованиям. Интересы членов проекта включают изучение противоречий бюрократической политики, воздействие на сталинское общество таких социальных групп, как рабочие, крестьяне, женщины, ученые и официальные лица государства. Отношения между государством и обществом, центром и периферией занимают важное место в работе SERAP по интерпретации происходивших событий, а исследование таких явлений, как «приспособление», «уступки», «сопротивление», поставлено в качестве основной цели проекта. Каждая из конференций и научных семинаров SERAP обращает внимание на различные аспекты этих процессов.

Славянский ежеквартальник Торонто (Toronto Slavic Quarterly) – академический электронный журнал славянских исследований университета Торонто. Не так давно на базе Славянского ежеквартальника Торонто было опубликовано первое издание Ежегодного славянского журнала Торонто (Toronto Slavic Annual), представляющего собой коллекцию статей, появившихся в электронном журнале в течение года.

University of Alberta, The Canadian Institute of Ukrainian Studies (CIUS)/ Канадский институт украинских исследований университета Альберта¹.

Канадский институт украинских исследований является ведущим центром украинских исследований за пределами Украины, неотъемлемой частью университета Альберта. Основанный в 1976 г., как итог совместных усилий украинских общественных деятелей и ученых по обеспечению институциональной поддержки украинских исследований в Канаде, CIUS содействует их развитию и на международном уровне. В дополнение к своему основному офису в университете Альберта, CIUS имеет филиал в университете Торонто.

Институт занимается получением, сохранением и распространением знаний об Украине и украинском народе. В действительности, CIUS остается фундаментальным ресурсом для университета Альберта, Канады, интернационального местного сообщества и Украины.

CIUS содействует развитию науки и образования, украинских и украино-канадских исследований: институт издает книги и научный журнал, разрабатывает материалы для получения образования на украинском языке, организует конференции, лекции и семинары, награды и стипендии для аспирантов, а также исследовательские гранты для ученых. CIUS также вносит свой вклад в культурно-просветительское развитие украинских сообществ в Канаде путем предоставления специалистов и ресурсов для их деятельности. CIUS частично финансируется из операционного бюджета университета Альберта. Финансовой поддержкой также являются гранты на конкретные проекты и доходы, полученные от благотворительных фондов.

«Пресса Канадского института украинских исследований» – одно из ведущих издательств научных книг об Украине и украинцах в Канаде, делающее основной упор на новые и оригинальные исследования на английском языке по украинской истории, языку и литературе, украинцах в Канаде, и современной Украине. «CIUS Пресса» публикует также английские переводы украинских научных монографий и художественной литературы, а также монографии на украинском языке. В 2008 г. было выпущено более 160 книг и более 60 научных докладов. CIUS Пресса поддерживает веб-сайт <www.ciuspress.com>, который включает в себя описания CIUS публикаций в печати.

«Журнал украинских исследований», публикуемый с 1976 г., единственное канадское периодическое издание, полностью посвященное украинским и канадско-украинским исследованиям.

¹ www.ualberta.ca/CIUS/.

Журнал публикует статьи на английском языке канадских, украинских ученых и исследователей из других стран, обзоры научных публикаций и учебников, а также литературные переводы и руководства по осуществлению исследований.

Деятельность института направляется его директором, руководителями отделов и программ и совещательным советом. Отделы института представляют собой автономные единицы, ответственные за определенный проект или программу, и включают в себя Центр исследований истории Украины им. Петра Яцика, Украинско-канадскую программу, Программу исследований современной Украины им. Стасюка, Украинский лингвистический образовательный центр, Украинскую программу церковных исследований, Программу исследований Восточной Украины им. Ковальских, Канадско-украинский законодательный и межправительственный проект. Являясь научным центром национального масштаба, CIUS координирует работу издательства в Торонто и подготовку «Энциклопедии Украины» <http://www.encyclopediaofukraine.com/>¹.

Центр посткоммунистических исследований университета Святого Франциска Ксавьера / Center for Post-Communist Studies, St. Francis Xavier University².

Междисциплинарный Центр посткоммунистических исследований изучает процессы, протекающие в государствах, строивших или продолжающих строить коммунизм. В первую очередь это касается государств постсоветского пространства, стран бывшего соцлагеря и Китая.

Перед Центром стоят четыре основные задачи. Во-первых, сотрудничество с различными факультетами университета. Во-вторых, забота о взаимовыгодных контактах с университетами посткоммунистических стран. В-третьих, развитие отношений с различными учреждениями и программами в самой Канаде и за ее пределами. И наконец, Центр посткоммунистических исследований университета Святого Франциска Ксавьера – единственный источник исследований, касающихся Восточной Европы, на Атлантическом побережье Канады, и его деятельность должна заполнить пустовавшую нишу. Центр выпускает периодическое издание «Посткоммунистические труды».

Prairie Centre for the Study of Ukrainian Heritage, St. Thomas More College of the University of Saskatchewan (RCUH) / Центр исследования украинского наследия при колледже Св. Томаса Мора³.

Центр был образован в 1998 г. в качестве академического союза колледжа гуманитарных наук Томаса Мора университета Саскачеван. Как основа украинских исследований университета, RCUH поддерживает курс, направленный на поддержку исследовательской работы и проектов, расширяющих уровень понимания и восприятия украинского опыта как в Канаде, так и за ее пределами.

Печатным органом Центра является Пресс-служба Наследия (The Heritage Press service). Ежегодный информационный бюллетень, RCUH Focus, сообщает о деятельности Центра. RCUH предлагает широкий выбор социально-ориентированных программ, работу с местным сообществом по ряду проектов. Академический Консультативный Совет дает стратегически важные рекомендации в области планирования, развития, распространения RCUH-программ. RCUH, в сотрудничестве со своими партнерами, также связан с рядом общественных инициатив, оказывающих финансовую помощь для студентов, обучающихся на украинских образовательных программах в университете Саскачеван.

Библиотеки

National Library of Canada / Национальная библиотека Канады⁴.

Национальная библиотека Канады, основанная парламентом в 1953 г., является федеральным учреждением, находящимся в Оттаве. Она приобретает текущую библиографию всех стран, в которых публикуются национальные библиографии. Эта информация хранится в виде печатных форм, микроформ и различных электронных форматов с доступом к он-лайнным каталогам Интернета многих национальных библиотек по всему миру.

Pontifical Institute of Mediaeval Studies Library / Библиотека Епископального института средневековых исследований, славянское собрание⁵.

¹ <http://www.rsijournal.net/page.php?id=253>.

² <http://www.stfx.ca/pinstitutes/cpcs/index.html>.

³ <http://www.stmcollege.ca/pcuh/programs-projects/Managing-Immigration-2010.php>.

⁴ <http://www.collectionscanada.ca/>.

⁵ <http://www.pims.ca/library/>.

Славянское собрание официально основано в 1971 г., когда библиотека взяла на себя обязательство приобретения книг, касающихся исследования истории Киевской Руси и Московии. С этого времени коллекция частично поддерживается специальными грантами и включает такие направления как политическая история, история церкви, социальная история, литература, искусство, архитектура, историография, археология, нумизматика и генеалогические исследования. Существует ряд изданий оригинальных текстов и микрофишных репродукций серийных публикаций XIX в. – около 10 тыс. монографий и 25 периодических изданий.

University of British Columbia Library / Библиотека университета Британской Колумбии ¹.

Библиотека университета Британской Колумбии является одной из богатейших библиотек Канады. Ее коллекция включает 4,7 млн книг и журналов, 5 млн микрофильмов, свыше 800 тыс. карт, видеозаписей и других мультимедийных средств. Среди специальных собраний библиотеки значимое место занимает духоборская коллекция университетских архивов, созданная в 1962 г. После создания факультета славянских исследований в университете Британской Колумбии и вовлечения факультета в исследования духоборов персонал библиотеки начал собирать газетные вырезки и приобретать всю ценную печатную информацию по данной проблематике. Значительные коллекции были приобретены у известных представителей духоборского движения. Часть материалов была пожертвована Объединением церковных обществ во Христе «Ортодоксальные духоборы», Христианским сообществом и Братством реформированных духоборов. Коллекция также включает печатные материалы и манускрипты, относящиеся к жизни духоборов в Канаде и бывшем Советском Союзе. Существует некоторое количество уникальных и редких документов. Во многих случаях даже копированные материалы являются редкими и, возможно, уникальными. Хронологический и географический акцент сделан на канадских материалах XX в., но включено и большое количество русских архивных документов и фильмов.

2.4. СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ

Академические организации

British Association for Slavonic and East European Studies (BASEES) / Британская ассоциация славянских и восточноевропейских исследований ².

Британская ассоциация славянских и восточноевропейских исследований согласно своему уставу существует для того, чтобы «в целях общественного блага Соединенного Королевства совершенствовать образование в области гуманитарных и общественных наук, изучающих бывший Советский Союз и страны Восточной Европы». BASEES была основана в 1989 г., когда две существовавшие на тот момент ассоциации (Британская университетская ассоциация славистов и Национальная ассоциация советских и восточноевропейских исследований) решили объединиться. Общие собрания обеих ассоциаций, основанных в начале 1950-х гг., решили, что объединенная ассоциация будет лучше служить интересам своих членов. Следующее решение, принятое в 1992 г., определило, что новой ассоциацией будет ассоциация не советских, а славянских и восточноевропейских исследований.

Членство в BASEES открыто для специалистов, которые занимают или занимали должности в любом высшем учебном или исследовательском учреждении Соединенного Королевства и чья работа связана с целями ассоциации, а также других ученых, имеющих подобный статус, работающих в этой области, на усмотрение комитета. Студенты выпускных курсов, занимающиеся исследованиями в любом высшем учебном заведении Соединенного Королевства, могут обращаться за ассоциированным членством, которое допускается на усмотрение комитета. В 2000 г. в BASEES входило около 600 чел.

BASEES избирает исполнительный комитет, который координирует ее деятельность. Ассоциация проводит ежегодные конференции, которые проходят обычно в Кембридже в конце марта и

¹ <http://www.library.ubc.ca/>.

² <http://www.basees.org.uk/>.

собирают около 250–300 участников из Великобритании, континентальной Европы, включая Россию и Восточную Европу, и Северной Америки. Конференция дает возможность ученым выступить с докладами и обменяться мнениями с другими исследователями. На ежегодной конференции также проходит выставка издательств, на которой можно предварительно ознакомиться с новыми публикациями. Заседания конференции открыты для всех желающих.

В 1990 г. BASEES спонсировала IV Всемирный конгресс советских и восточноевропейских исследований, на котором присутствовало более двух тысяч участников со всего мира и были представлены британские специалисты из Международного совета центрально-европейских и восточноевропейских исследований. Этот совет проводит свой собственный конгресс каждые пять лет.

BASEES публикует «Бюллетень» (Newsletter), издаваемый три раза в год. Совместно с издательством «Routledge» она издает серии монографий. Бюллетень для магистрантов и аспирантов издается по необходимости. С 1995 г. Ассоциация ежегодно присуждает награду в честь А. Ноува за научную работу в области российских, советских и постсоветских исследований.

В рамках BASEES работают различные комитеты и исследовательские группы. Активно действуют группы, занимающиеся славянскими и восточноевропейскими средневековыми исследованиями, исследованиями России XVIII, русской революции, религии и духовности в России и Восточной Европе, русской культуры и средств массовой информации, русской литературы XIX–XX и др. BASEES является инициатором создания Британской ассоциации исследователей российских архивов (BACCRA), которая обеспечивает доступ к архивам в России и Восточной Европе. Исследовательские группы часто организуют свои собственные небольшие конференции; например, исследовательская группа русской революции собирается каждый год в январе и публикует собственное выходящий дважды в год журнал «Революционная Россия».

BASEES активно сотрудничает с правительством, другими ассоциациями и отдельными университетами. Она работает с ассоциациями из других областей исследований, входящих в Координационный совет ассоциаций по различным областям исследований; принимает участие в дискуссиях о создании новой национальной Академии общественных наук параллельно Британской Академии.

Centre for Russian, Central and East European Studies (CRCEES) / Центр российских, центрально-европейских и восточноевропейских исследований ¹.

Центр российских, центрально-европейских и восточноевропейских исследований представляет собой межинституциональным научно-инновационным центром, основой которого является Школа славянских, центрально-европейских и восточноевропейских исследований Университета Глазго. Другими членами CRCEES выступают Университеты Ноттингема, Абердина, Эдинбурга, Ньюкасла, Стратклайда, Университет Западной Шотландии и Университета св. Эндрюса. Целью CRCEES является подготовка высококвалифицированных кадров, специализирующихся на изучении Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Центр предлагает глубокие знания языка и культуры по меньшей мере одной страны региона. Он консолидирует и развивает исследовательские связи. К сотрудничеству приглашаются ученые в сфере социальных и гуманитарных дисциплин, занимающиеся Россией, Центральной и Восточной Европой и бывшим Советским Союзом. Одной из приоритетных целей CRCEES является налаживание прикладной деятельности сотрудничающих с ним институтов и ученых, что проявляется в установлении связей с неакадемическими учреждениями и организации знакомства с деятельностью политических, общественных и деловых структур. Центр регулярно организует летние школы, исследовательские семинары и форумы, а также трехдневные брифинги с участием политиков и бизнесменов, чья деятельность связана с регионом. Центр обеспечивает ряд докторских, магистерских и исследовательских стипендий, способствуя появлению нового поколения специалистов. Основными темами, разрабатываемыми CRCEES, являются культура и идентичность и их проявления в политической, экономической и социальной сферах; экономическая и социальная трансформация; политические преобразования и международные отношения; литература, культура и кинематограф.

¹ <http://www.gla.ac.uk/crcees/index.html>.

Университеты и институты

Oxford University, St Antony's College, Russian and Eurasian Studies Centre / Оксфордский университет, Колледж Св. Антония, Центр российских и евразийских исследований¹.

В Оксфордском университете существуют сложившиеся преподавательские и исследовательские традиции в области славяноведения. С 1844 г. славянские исследования стали частью академической программы университета. В 1889 г. У. Морфилл был одобрен в качестве лектора по русскому и другим славянским языкам, став первым обладателем академической должности в области славянских исследований в британских университетах. На протяжении первой декады XX в. Оксфорд посетили такие знаменитые российские ученые, как П. Милоков и Н. Бердяев. Однако последствия Октябрьского переворота нанесли удар по славянским исследованиям в Оксфорде.

Несмотря на существование множества преград для развития славянских исследований, в 1953 г. в университете в колледже Св. Антония был основан Центр российских и восточноевропейских исследований. С 2003 г. он носит название Центра российских и евразийских исследований. В сферу деятельности Центра входят исследования России, Украины, Кавказа и Центральной Азии. Около половины всех студентов, занятых в той или иной области российских исследований в университете, после его окончания специализируются в колледже св. Антония. Выпускники этого колледжа занимают высокие должности в академической сфере, политике, журналистике, на государственной службе и в международных финансовых учреждениях.

На протяжении нескольких десятилетий Центр организует семинары, к проведению которых в качестве лекторов привлекаются выдающиеся ученые как из стран, являющихся объектом изучения, так и из Западной Европы, Северной Америки, Австралии. Ежегодно предлагается исследовательская стипендия по русской литературе им. М. Хэйворда.

Оксфорд располагает самыми большими библиотечными ресурсами российских, советских и восточноевропейских исследований среди всех британских университетов. Кроме небольших специализированных собраний, существуют четыре библиотеки, которые содержат фонды по славянским исследованиям. Среди них выделяется крупнейшая университетская библиотека Бодлейн. На базе Института Тейлора располагается библиотека европейской литературы и лингвистических исследований. Ее секция славянских и восточноевропейских исследований является одной из лидирующих в стране. Библиотека Центра российских и восточноевропейских исследований колледжа св. Антония насчитывает около 24 тыс. печатных единиц, имеет русскоязычные фонды по истории революции 1917 г., литературе и лингвистике, антропологии, а также политологии, философии, экономике и другим предметам. В дополнение к бодлейновским собраниям «Правды» и «Известий» в библиотеке колледжа св. Антония хранятся многие другие русские и восточноевропейские газеты, а также периодические издания по истории, литературе, политике и экономике. В Главной библиотеке университета также хранятся основные англоязычные журналы по этим предметам. Институт экономики и статистики обладает библиотекой, содержащей материалы по общественным наукам, включая ведущие экономические журналы и официальные статистические публикации.

В Оксфордском университете активно действует Русское общество, основанное Ф. Юсуповым в 1909 г. в целях установления и развития англо-русских связей. В настоящий момент Общество насчитывает более 900 членов из России, постсоветских государств, Британии, Соединенных Штатов, Германии. Целями Русского общества являются поддержка студентов из России и содействие сохранению, развитию и продвижению русской культуры как в университете, так и в обществе.

University of Birmingham, Centre for Russian and East European Studies (CREES) / Университет Бирмингема, Центр российских и восточноевропейских исследований².

Одним из основателей исследований СССР и восточноевропейского региона был А. Байков, выдающийся русский экономист, эмигрировавший в 1939 г. из Чехословакии в Англию. А. Байков поселился в Бирмингеме и способствовал созданию в 1946 г. кафедры экономики СССР – предшественницы CREES. В 1963 г. на базе этой кафедры был учрежден Центр российских и восточнославянских исследований, у истоков которого стоял Р. Дэвис. Впоследствии на протяжении 40 лет работа CREES сосредотачивалась в основном вокруг экономических и социальных проблем.

¹ <http://www.sant.ox.ac.uk/russian/about.html>.

² <http://www.crees.bham.ac.uk>.

Центр российских и восточноевропейских исследований является междисциплинарным центром, фокусирующим основное внимание на общественных науках и истории. Сейчас он является составной частью Школы правительственных и социальных проблем Колледжа общественных наук. Исследовательская программа Центра включает в себя изучение российской, украинской и центрально-европейской политики, проблем безопасности и экономической трансформации в посткоммунистическом обществе, истории России и Советского Союза.

В CREES разрабатываются проблемы советской истории, политики и общества, политической экономики, политических партий, взаимоотношений ЕС со странами посткоммунистического пространства. Всесторонне изучаются постсоветские государства. В 2005–2008 гг. в Центре велась работа над проектом «Политика и управление Советским Союзом во времена Никиты Хрущева». В рамках проекта рассматривались центральные институты СССР и КПСС, анализировалась роль союзных республик и регионов, уделялось внимание процессу принятия политических решений, сравнивались политические методы Н.С. Хрущева и И.В. Сталина. При работе над проектом широко использовались новые архивные материалы.

Другими проектами, разрабатываемыми в CREES, были или являются: «Советское Политбюро, принятие решений в сфере экономики и экономическое развитие в эпоху Станина» (1997–2001), «Отношения между армией и обществом в “переходный” период», «Молодежное восприятие безопасности и гражданства в России, Германии и Великобритании», «Повседневное, “но не нормально”: употребление наркотиков и практика молодежной культуры в России» (2001–2004), «Террор, подготовка к войне и советское экономическое развитие» (2001–2004), «Рост исламского радикализма в Евразии» (2003–2006), «Будущее политической оппозиции в российской управляемой демократии» (2009–2011), «Исследование роли ЕС во внутренней политике постсоветских государств» (2011–2013) и др.

Библиотека Байкова была учреждена в 1963 г. в качестве составной части Центра и к настоящему времени стала хранилищем материалов по славистике. В ней хранится уникальная коллекция советских школьных учебников, архивы местных и центральных советских партийных органов в виде микрофильмов, а также статистические данные. Сегодня фонды библиотеки насчитывают около 90 тыс. томов.

University of Essex, Russian Studies at the Pan-European Institute (PEI) / Университет Эссекса, российские исследования в Общеввропейском институте ¹.

Создан в 1997 г. с целью аккумуляции достижений центров российских исследований, особенно в области европейской интеграции и посткоммунистических исследований. Интересы PEI распространяются на всю «новую» Европу от Ирландии до Дальнего Востока России, но в первую очередь концентрируются на проблематике Европейского союза, Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Сфера деятельности PEI – подготовка студентов и аспирантов; организация исследовательской работы; проведение консультаций, тренингов и еженедельных открытых семинаров.

University of Glasgow, School of Slavonic, Central and East European Studies / Университет Глазго, Школа славянских, центральноевропейских и восточноевропейских исследований ².

В 1949 г. в университете Глазго был основан Институт центральноевропейских и восточноевропейских исследований, который являлся университетским межфакультетским подразделением, занимающимся исследованиями в области истории, политики, экономики и культуры стран Центральной и Восточной Европы, включая балтийский регион, Россию и другие страны СНГ. В 1999 г. в университете была создана Школа славянских, центральноевропейских и восточноевропейских исследований, объединившая кафедру центральноевропейских и восточноевропейских исследований и Отдел славянских исследований Школы современных языков и культуры. В 2003 г. Школа славянских, центральноевропейских и восточноевропейских исследований стала приемницей Института и основной междисциплинарной структурой, занимающейся славянскими исследованиями.

Наиболее развитыми направлениями исследований являются русская и советская история, культурология, эмпирическое исследование посткоммунистических ценностей и политической культуры.

Первым специалистом в университете Глазго, занимающимся российской проблематикой, был Х. Бреннан, в 1923 г. начавший преподавать курс политической истории и экономики. Самым известным ученым университета в области советской истории и экономики стал А. Ноув. Он попал

¹ <http://www.essex.ac.uk/centres/pei/>.

² <http://www.arts.gla.ac.uk/Slavonic/School.htm>.

в Британию из Петрограда в 1923 г. в семилетнем возрасте, будучи сыном меньшевика Я. Новаковского, и с 1960-х гг. принимал активное участие в работе Института.

Публикуется академический журнал «Европейско-азиатские исследования» (до 1991 г. «Советские исследования» основное внимание уделяли экономическим, политическим и социальным отношениям в странах советского блока, включая их историю). «Европейско-азиатские исследования» продолжают фокусировать внимание на этом круге исследовательских тем. В то же время в новом названии отражено влияние трансформационных процессов в политических и экономических системах этих стран на взаимоотношения с остальной Европой и на растущие связи между бывшими республиками советской Центральной Азии и другими азиатскими государствами.

Выходят также «Труды Глазго» и ежегодный бюллетень новостей, организуются серии ежегодных семинаров, проводятся конференции.

В 2003 г. был открыт Исследовательский отдел балтийского региона в Глазго (Glasgow Baltic Research Unit (GBRU)), главной целью которого является академическое изучение Эстонии, Латвии и Литвы, их отношений с близлежащими государствами и со всей Европой.

Университет Глазго является обладателем одной из самых обширных коллекций в Европе по российской и восточноевропейской экономике, политике и истории. Из скромного кафедрального собрания она выросла в настоящее время до 80 тыс. единиц хранения. В собрании наиболее полно представлена советская экономика, особенно послевоенного периода, например, серии публикаций по истории отдельных промышленных предприятий, быстро расширяющиеся секции по внешней и внутренней политике и праву, значительных размеров достигли фонды материалов досоветской и ранней советской истории. Они включают собрания исторических, статистических, юридических, дипломатических и партийных документов, материалов диссидентов, специальные коллекции (например, документы Л. Троцкого) и собрания документов русских архивов в виде микрофильмов (архивы КПСС и советского государства, документы Красной армии и белого движения, архив Коминтерна и др.).

В настоящий момент центр получает более 1500 российских, центрально- и восточноевропейских журналов и более 60 газет.

University of London, School of Slavonic and East European Studies (SSEES) / Лондонский университет, Школа славянских и восточноевропейских исследований ¹.

Школа славянских и восточноевропейских исследований является одним из основных институтов мирового значения и крупнейшим национальным центром Соединенного королевства, занимающимся исследованием Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы и России. Она объединяет более 60 постоянно работающих исследователей и преподавателей в области истории, лингвистики, литературы, культуры, политики, экономики, социологии, антропологии. В SSEES учится свыше 500 студентов, около 200 магистрантов и аспирантов занимаются изучением российской и славянской проблематики. Предоставляются возможности обучения и получения степени для иностранных студентов, магистрантов и аспирантов.

Школа располагает библиотекой, насчитывающей почти 400 тыс. томов, обширным архивом, аудио- и видеоматериалами. Первое собрание книг появилась в 1915 г., но его систематическое пополнение началось с 1947 г. Библиотека является одним из главных собраний по истории, политике, экономике, географии, литературе и библиографии региона в Соединенном Королевстве. Она также содержит источники в электронном формате. Все коллекции переданы библиотеке частными лицами или организациями, связанными с изучаемой Школой проблематикой. С 1998 г. ознакомление с детальным каталогом библиотечных архивных материалов возможно в он-лайн режиме.

При Школе славянских и восточноевропейских исследований существует Центр российских исследований (Centre for Russian Studies) ², созданный специально для углубленного изучения России, Советского Союза и Российской империи. Центр уделяет особое внимание России, ее культуре, языку, истории, литературе и общественному развитию. Своей целью Центр ставит создание благоприятной обстановки для проведения индивидуальных и совместных исследований, развитие компаративного и междисциплинарного подходов и распространение знаний о России как в академических кругах, так и среди общественности. При Центре работает Исследовательская группа россий-

¹ <http://www.ssees.ucl.ac.uk>.

² <http://www.ssees.ucl.ac.uk/russstud.htm>.

ского кино. В Центре работает более 20 исследователей SSEES, имеющих к России особый научный интерес.

Библиотечное собрание, касающееся России и бывших советских республик, является одним из самых больших в Великобритании и насчитывает около 100 тыс. книг и 200 наименований периодических изданий и газет.

Школа публикует журнал «Славянское и восточноевропейское обозрение» (SEER), выходящий четыре раза в год. SEER начал свое существование в 1922 г. и до настоящего времени остается единственным британским журналом, включающим статьи, документы, заметки, обзоры статей и книг по всем аспектам славянских и восточноевропейских исследований. Обширный раздел книжного обозрения содержит обсуждение материалов, опубликованных на языках Восточной и Западной Европы, и историографические обзоры.

SSEES также издает «Слово» – междисциплинарный журнал российских, евроазиатских и восточноевропейских исследований, редактируемый аспирантами школы.

University Nottingham, Institute for Russian and East European Studies / Университет Ноттингема, Институт российских и восточноевропейских исследований ¹.

С момента открытия кафедры славянских исследований в 1916 г. Ноттингем стал одним из первых британских университетов, в котором изучалась славянская проблематика. Сегодня кафедра обеспечивает исследования и преподавание культуры и истории России, бывших советских республик, Юго-Восточной Европы. Исследовательскими приоритетами кафедры являются проблемы национальной и постнациональной идентичности; миграции, беженства и диаспоры; культуры; религии и общества; перевода и межкультурной коммуникации ².

В 1986 г. был основан Институт российских, советских, центральноевропейских и восточноевропейских исследований, переименованный затем в Институт российских и восточноевропейских исследований. Сейчас для Института важнейшими являются исследования в области культуры, общества и экономики стран Центральной и Восточной Европы, а также постсоветского пространства. Сейчас для Института важнейшими являются российские и южнославянские исследования. Славянское собрание университетской библиотеки Халлварда – одно из самых больших в стране. Приобретение русских материалов, начатое в 1915 г., остается приоритетным направлением деятельности библиотеки в славистике. При отборе книг первоочередное внимание уделяется российской и советской политической и экономической истории, русскому языку и литературе. Коллекция литературы по славянским и восточноевропейским исследованиям содержит более 40 тыс. книг и брошюр и более 200 периодических изданий. Русское собрание наиболее полно представляет события революции 1917 г., советской истории в целом и литературу XIX–XX вв. Библиотека располагает отделом манускриптов и специальных собраний, среди которых находятся серии информационных листов окон ТАСС и чеховский архив П. Майлса. Библиотека имеет сетевой комплект, обеспечивающий доступ к он-лайнovým каталогам библиотеки, сетевым CD-ROM (включая международную библиографию и российские изданные книги), BIDS (указатель цитат по искусству и гуманитарным наукам) и Интернету.

University of Reading, Centre for Euro-Asian Studies (CEAS) / Университет Ридинга, Центр евро-азиатских исследований ³.

Центр был основан в 1996 г. Е. Калюжной как образовательная и исследовательская организация, стремящаяся к улучшению взаимного понимания и сотрудничества со странами СНГ, Восточной и Центральной Европы. основополагающей целью CEAS является налаживание сотрудничества между учеными разных стран, а также установление связей между академическим сообществом, представителями правительства и промышленности. Представители CEAS работают в четырнадцать странах. Деятельность Центра сфокусирована на таких проблемах, как особенности «переходных» процессов в евразийском регионе и построение новой экономики, «пост-переходные» процессы, энергетика и преодоление зависимости от природных энергоносителей. Рабочие языки Центра – английский и русский. CEAS объединяет более 30 известных ученых, работающих в области изучения политики, экономики, бизнеса, банковского дела и безопасности стран, вступивших

¹ <http://www.nottingham.ac.uk/nirees/>.

² <http://www.nottingham.ac.uk/slavonic/index.aspx>.

³ <http://www.reading.ac.uk/economics/research/centres/econ-euroasianstudies.aspx>.

в «переходный» период развития. Члены Центра активно занимаются научной и консультационной деятельностью в области евро-азиатских исследований. CEAS активно сотрудничает с такими организациями как ООН, МВФ, Мировой банк, Европейским банком реконструкции и развития и т. д.

Центр является организатором многочисленных конференций. В 2003 г. прошла серия конференций, посвященных каспийскому региону, его особенностям, долгосрочному развитию и восстановлению его ресурсов.

Центр является обладателем личного архива доктора О. Казенова, известного ученого, бывшего директором Казахского университета стратегических исследований. Архив содержит опубликованные и неопубликованные труды О. Казенова, касающиеся Средней Азии.

Библиотеки

British Library, Slavonic and East European Collections / Russian Collection / Британская библиотека, Славянская и восточноевропейская коллекция, Русская коллекция¹.

Собрание Британской библиотеки в области славянских, восточноевропейских и советских исследований является самым большим в Великобритании. Славянская секция приобретает ценные материалы, относящиеся к гуманитарным и социальным наукам, опубликованные на всех славянских и восточноевропейских языках.

С первых лет существования библиотеки чрезвычайно важную роль играли русские собрания. Сэр Х. Слоун, чьи коллекции составили базу основанного в 1753 г. Британского музея, переписывался на протяжении многих лет с членами Российской академии наук. Публикации академии на немецком или латинском языках посылались ему из России и вместе с книгами на русском и церковнославянском языках заложили основу русского собрания. Следующим шагом стала передача Британскому музею в 1823 г. русских печатных материалов XVII в. из библиотеки короля Георга III. Систематическое приобретение материалов началось в 1840-х гг. под экспертным руководством Т. Ватса. В 1873 г. была приобретена большая часть собрания книжного коллекционера С. Соболевского, включающая библиографии, записки о путешествиях, фольклорные материалы.

Коллекционирование было продолжено в XX в., но недостаточное финансирование и бурные политические события первых десятилетий века негативно сказались на результатах. Многие пробелы 1900–1930 гг. были заполнены позже, но до сих пор период 1930–1940-х гг. остается слабым местом коллекции. В конце 1950-х гг. был налажен обмен с библиотеками всех республик бывшего Советского Союза. Некоторые формы этих контактов все еще существуют, но с начала 1990-х гг. библиотека использует широкий круг коммерческих поставщиков. Ежегодно приобретается более 5 тыс. монографий и широкий диапазон периодических изданий. Особое внимание уделяется политическим и лагерным мемуарам, справочной литературе, биографическим и библиографическим словарям, путеводителям по архивам, официальным и статистическим материалам, документам политических партий, социологическим данным. Продолжают приобретаться материалы по советской истории и историографии.

В коллекции библиотеки можно выделить следующие собрания:

XVII век. Библиотека хранит 20 книг XVII в., напечатанных в Москве, среди которых первый «Апостол» И. Федорова 1564 г., московская Библия 1663 г. и первые светские книги – «Военное ученье и хитрость пехотных людей», «Кодекс гражданских законов», «Уложение 1649 г.», «Кормчая книга». Также имеется ряд редких книг небольшого формата – букварей, псалтырей, часословов, а также первая русская газета «Санкт-Петербургские ведомости» в виде микрофильмов. Собрание насчитывает 1700 единиц.

XVIII век. Библиотека обладает самой обширной и разнообразной коллекцией книг этого периода в Соединенном Королевстве. В нее включено более 500 работ на русском или старославянском языках, а также книги на западноевропейских языках, изданные в России. Среди них религиозные и светские издания, литературные и научные труды, книги по истории, географии, лингвистике, издававшиеся как Академией наук, так и московскими и провинциальными издательствами. Коллекция содержит редкие экземпляры – книги В. Третьяковского, А. Сумарокова и М. Ломоносова. Незаменимым источником по изучению русской драмы XVIII в. служит серия «Русский театр». В

¹ <http://www.bl.uk/reshelp/findhelplang/russian/russiancollections/russiancollections.html>.

1975 г. 63 книги были приобретены из коллекции С. Дягилева, включавшей много известных литературных трудов.

XIX век. Основу коллекции XIX в. составляют труды научных императорских обществ в различных областях – истории и древности (общество любителей древней письменности, историческое общество, археологическое общество); географии (географическое общество); экономики и сельского хозяйства (вольное экономическое общество). В коллекции также хорошо представлены публикации имперских министерств, имеется подборка периодических изданий – «Вестника Европы» и «Русского богатства». Некоторые материалы XIX в. были уничтожены во время войны, часть из них сейчас восстановлена на микрофильмах. В библиотеке имеются первые экземпляры книг известных писателей. Ценность коллекции придает также собрание иллюстративных материалов, связанных со светской и церковной архитектурой, коллекциями одежды, декоративным и изобразительным искусством. Библиотека располагает источниками по топографии, геральдике и генеалогии. Уникальными являются материалы дореволюционной тюремной переписки, купленные библиотекой в 1980-е гг.

XX век. Библиотека хранит сотни революционных журналов и памфлетов леворадикальных политических партий, изданных в Лондоне, Париже, Женеве и России. Пробелы в коллекции были недавно заполнены серией «Русские политические партии в конце XIX – начале XX веков». Собрание Тыркова – Вильямс состоит из книг, брошюр, сводок, изданных в «белой зоне» в 1918–1921 гг. В коллекции документов содержатся материалы В. Ленина и других революционеров, работавших в Британской библиотеке и оставивших свои пометки на книгах.

К источникам начала века относится собрание наглядных материалов русского искусства Серебряного века. Период 1910–1930 гг. представлен большой коллекцией материалов русского авангарда, которые включают футуристские литографии и конструктивистские книги 1920-х гг. Плакаты обычно не представляются в библиотеке, однако в данном случае сделано исключение для плакатов Первой мировой войны, гражданской войны (включая антибольшевистские), коллекции коммунистических плакатов начала 1920-х годов, привезенной из России британской рабочей делегацией.

Литература, относящаяся ко второй половине века, представлена обширными материалами, включающими монографии и периодику. Множество книг относится к литературной коллекции, широко представлены кино и театр. Библиотека имеет подборку партийных и государственных документов, материалов региональных органов власти, мемуарной литературы, в том числе эмигрантской.

Коллекция независимой прессы, самиздата эпохи гласности, материалы различных политических партий и общественных организаций отражают советскую историю эпохи «перестройки». На микрофильмах содержатся материалы Российской государственной публичной исторической библиотеки.

С 1990-х гг. Библиотека приобретает литературу, уделяя особое внимание новейшим исследованиям, которые могут изменить оценку исторических событий, политическим и лагерным мемуарам, архивным и библиографическим справочникам, правительственным, законодательным, партийным документам, статистике, результатам социологических опросов. Важное место в расширении коллекции занимают новые журналы, литературные произведения новых и советских авторов, автобиографии советских писателей. Продолжается закупка литературы по таким традиционным темам, как дореволюционная история, историческая библиография, рукописи. Библиотека также приобретает английские, европейские и североамериканские книги и серии публикаций.

Council for Slavonic and East European Library and Information Services (COSEELIS) / Совет славянских и восточноевропейских библиотек и информационных служб¹.

Членами COSEELIS являются библиотеки университетов Бирмингема, Кембриджа, Эссекса, Глазго, Лидса, Ноттингема, Оксфорда, Лондона, Британская библиотека, Британская библиотека политических и экономических наук и Национальная библиотека Шотландии. Основанная в 1964 г. организация способствует сотрудничеству библиотек Соединенного Королевства, занимающихся славянской и восточноевропейской проблематикой. До 1970 г. организация была известна как SCONUL – подкомиссия по славянским и восточноевропейским материалам. Затем она называлась консультативной комиссией по славянским и восточноевропейским материалам. С 1992 г. COSEELIS

¹ <http://www.lib.gla.ac.uk/COSEELIS/index.html>.

выступает как независимая организация с современным названием – Совет славянских и восточно-европейских библиотек и информационных служб.

Журнал *Solanus*, издаваемый группой библиотек с 1966 г., в 1986 г. стал ежегодным изданием, публикующим на своих страницах материалы, связанные с библиотековедением, архивоведением и библиографией, относящейся к России, СССР и Восточной Европе. COSEELIS и его предшественники внесли заметный вклад в формирование европейской библиографии славянских и восточноевропейских исследований, а также приняли участие в издании в 1971, 1981 и 1992 гг. справочника «Ресурсы британских библиотек в славянских и восточноевропейских исследованиях». В 1975, 1986, 1997 гг. были осуществлены проекты, анализирующие потребности и возможности академического сообщества в области славянских и восточноевропейских исследований. Кроме этого, был осуществлен проект микрофильмирования российских и восточноевропейских газет.

С августа 1999 г. COSEELIS выступает консультативным органом трехгодичного проекта по сотрудничеству в приобретении материалов по славянским и восточноевропейским исследованиям. Совет создает в Интернете указатель направлений научных «российских и восточноевропейских исследований»; составляет он-лайн-овые списки материалов, находящихся в библиотеках Соединенного Королевства, и создает единую поисковую систему для работы с базой данных. Советом составлен регистр славянских и восточноевропейских материалов на микрофильмах, общий список славянских и восточноевропейских газет в британских библиотеках.

Совет проводит ежегодные конференции и периодически организует специализированные семинары и курсы. Он сотрудничает с академическими ассоциациями, правительственными и квазиправительственными организациями, учреждениями, занимающимися «славянскими и восточнославянскими исследованиями». COSEELIS имеет тесные связи с аналогичными организациями Северной Америки, Германии и Франции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что такое сталинизм? Этот вопрос ставился бесчисленным количеством историков, политологов, социологов и культурологов на протяжении десятилетий, и остается объектом их внимания поныне. Современная наука демонстрирует наличие множества возможных ответов, подходов и методов изучения. Многие ученые стремились дать «окончательный ответ» на этот вопрос, но почти каждое исследование добавляет новые аспекты в идущую дискуссию и ставит под сомнение предыдущие результаты. Конечно, такая тенденция характерна для любой научной сферы. В академическом мире каждое поколение стремится найти общие для себя подходы, но новые поколения всегда бросают вызов устоявшемуся комплексу идей. Академический мир представляет собой «поле битвы» поколений, арену непрекращающихся дискуссий «отцов (матерей) и сыновей (дочерей)». Единственной постоянной величиной академических исследований остаются непрекращающиеся смена и трансформация методов, теорий, вопросов и ответов на них. Постоянный вызов «принятому и признанному» обеспечивает возможность инноваций и изменений.

Анализ феномена сталинизма, который находился в центре внимания нашей книги, является примером, характерным не только для исторической дисциплины, но и для комплекса социальных и гуманитарных наук в целом. Как писал историк С. Дмитриев, такая сложнейшая категория, как «социальные изменения», вполне возможно, является для обществоведения таким же вечным объектом познания, как для естествознания «природа». Познавать эту категорию людям, обществу доступно, возможно, но посильно ли достигнуть полного ее познания? До сих пор опыт всемирной истории показал только, что людям все время кажется, что они познали эту сложную категорию¹. Сфера исследования истории сталинизма сегодня сопоставима с изучением кардинальных социальных и гуманитарных проблем, без понимания которых нельзя дать ответ на внешне достаточно простые вопросы советской истории. Именно готовность и умение академического сообщества ставить все более сложные вопросы и искать на них адекватные сегодняшнему уровню науки ответы составляют основу процесса познания прошлого. Многие вопросы, на которые выходили и выходят историки сталинизма, относятся к категории «вечных вопросов». Ответом на них может быть только постоянно углубляющийся, «вечный» процесс познания.

Однозначный и бесспорный ответ на вопрос о сущности и природе сталинизма невозможен. Вместе с тем анализ этого вопроса дал достаточно глубокое понимание проблемы и способствовал детальной характеристике социальной, политической, экономической, культурной, лингвистической и многих других составляющих сталинизма. В предлагаемой читателю книге мы стремились показать и классифицировать различные подходы к изучению сталинского периода, предлагаемые англоязычными исследователями после Второй мировой войны. Каждая работа и историографическая школа, анализируемые нами, относятся к научной историографии. Вопросы, поставленные определенными исследователями, и выводы, к которым они приходили, были научно обоснованными, хотя могли не совпадать с вопросами и выводами других ученых. Несовпадение не означает, что одни работы были «правильными», а другие «ошибочными». Разница во взглядах и оценках связана, прежде всего, с меняющейся теоретической базой исторической науки и, соответственно, новыми возможностями постановки и ответов на вопросы.

Разница в оценках была связана как с принадлежностью ученых к разным поколениям, так и с личностью исследователя, спецификой его теоретической и методологической подготовки. Наша книга показывает, как в определенных условиях возникали и развивались историографические школы, как они сменялись при выработке новых теоретических подходов. Мы стремились также отметить значимость субъективного фактора, подчеркнуть, что при самом тщательном научном подходе выводы исследователей зависят от их академической и политической позиции. Какой бы «объективной» ни стремилась быть историография, она всегда «субъективна».

Анализируемая нами историография была результатом как меняющейся политической культуры взаимоотношений Востока и Запада, так и внутреннего развития социальных и гуманитарных наук во второй половине XX в. Долговременная динамика изменений в англоязычной историографии была связана с тремя важнейшими факторами: меняющейся внутренней ситуацией в англо-американском мире, прежде всего в США, и соответствующими изменениями отношения амери-

¹ Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 2. С. 142–153.

канского общества к СССР; преобразованиями в Советском Союзе и их восприятием на Западе; уровнем развития общественных и гуманитарных наук. Выделять какой-либо один фактор в качестве основного представляется нам непродуктивным. Именно комплексное взаимодействие названных причин определяло тенденции развития историографии сталинизма как феномена научной и политической жизни Запада второй половины XX в.

Характеризуя политическую культуру Соединенных Штатов в первые десятилетия после окончания Второй мировой войны, мы должны отметить господство тоталитарной парадигмы. Официальный дискурс американских властей оставался враждебным по отношению к советским оппонентам. Соответственно в историографии доминировала идея «угнетаемой властями советской личности», а ключевым вопросом в изучении истории сталинской системы был механизм террора и страха. Первой научной моделью, нашедшей широкое применение в советологических исследованиях, стала тоталитарная парадигма, занимавшая господствующие позиции до середины 1960-х гг. «Классическая» тоталитарная модель рассматривала сталинский Советский Союз как уникальное мировое явление, сравнимое лишь с нацистской Германией и фашистской Италией.

Господство тоталитарного подхода в первые послевоенные десятилетия во многом было связано и с ограниченной источниковой базой, доступной западным исследователям. Ученые имели возможность работать только с материалами центральной советской печати, официальными документами центральных государственных и партийных органов и данными Гарвардского проекта. Во многом именно из-за ограниченности источников исследования ограничивались сферой политической истории, фокусировались на роли политических лидеров и функционировании политической системы, особенно механизма террора. Такой подход в основном соответствовал господствовавшей в то время тенденции социальной и политологической науки.

В идеологической сфере тоталитаристы придавали особое значение государственному контролю над образованием, средствами массовой информации и пропаганды. Учитывая низкий образовательный уровень населения и отсутствие альтернативных источников информации, идеологическая обработка была эффективна в 1930-е гг. Люди боялись открыто выражать несогласие с официальной позицией, хотя зачастую делали это в кругу близких. Большинство граждан жило в двух мирах – официальном, советском и частном, реальном – и использовало соответствующий язык в каждой конкретной ситуации. Режим в конечном итоге проиграл из-за отсутствия диалога с населением. Социальные историки считали, что идеологическая обработка населения может интерпретироваться как часть необходимого процесса обучения и повышения уровня культуры общества, подготовки новой элиты и модернизации отсталой страны.

Тоталитаристы отмечали общее в ленинизме и сталинизме, прежде всего признание роли сильного государства, монолитной коммунистической партии и необходимости трансформации общества в соответствии с идеологическими и политическими планами руководства. Как ленинизм, так и сталинизм оценивались негативно. Социальные историки также отмечали взаимосвязь, но не давали однозначно негативной оценки ленинизму и сталинизму, положительно относясь ко многим их составляющим.

В середине 1960-х гг. академическое сообщество высказало неудовлетворенность статичностью и политизированностью тоталитарной модели. Начался процесс ее «ревизии», заметное место в котором занимали историки. К этому времени относится возрастание значения социальной истории, которая давала представление о движении общества вместе со свойственными ему институтами: организацией производства, жизнедеятельности, власти, управления и т.д. Властные структуры рассматривались как результат социальных сдвигов и потрясений. В центре внимания находился человек не сам по себе, а как «элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма».

Англоязычные «российские и советские исследования» обогатились методологией западных социальных и гуманитарных наук, вышли из первоначальной изоляции в академическом мире и начали применять при изучении СССР методику, характерную для изучения других регионов мира. На позицию ученых оказали серьезное влияние изменение мирового политического климата, начало процесса разрядки в отношениях США и СССР. Значимым фактором для некоторых западных исследователей оказалась и открывшаяся возможность работы в советских архивах и научных учреждениях. В результате всех этих изменений в научном мире усилились позиции «новой когорты» социальных историков, которые поставили в центр внимания исследователей сталинского периода историю общества, а не властных структур. Особое внимание они уделяли социальной мобильности

как решающему фактору функционирования сталинской системы, в том числе в работах, исследующих региональные аспекты советской истории.

Суммируя выводы сторонников тоталитарного подхода и социальных историков, мы можем отметить основные различия в оценке сталинизма обеими школами. Во взаимоотношениях общества и государства тоталитаристы подчеркивали силу государства и преднамеренную терроризацию общества. Государство сокрушило все социальные группы, стоявшие на его пути. Его цель заключалась в атомизации общества. Тем не менее некоторые сферы автономии сохранились. К ним относились семья, религиозная вера, национально-этническое самосознание. Социальные историки идентифицировали социальную базу сталинского государства, т. е. те социальные группы, которые поддерживали режим и получили привилегированное положение. Прежде всего, это партийно-государственная бюрократия, военнослужащие и работники силовых структур, работники так называемых «общественных организаций». Государство не смогло установить эффективный контроль над бюрократией, хотя привилегированный слой был достаточно узким. Вместе с тем принадлежность к нему не гарантировала личной безопасности.

Поступательное движение англоязычной историографии в конце 1960-х – начале 1980-х гг. сдерживалось сохраняющимися ограничениями доступа к источниковой базе. Региональные архивы оставались практически недоступными для западных исследователей. Только в годы перестройки мечта ученых о неограниченном доступе к архивным материалам стала реальностью. Стало возможным использовать материалы регионального и местного уровня, документы устной и визуальной истории и благодаря этому находить ответы на вопросы, которые в течение десятилетий волновали специалистов.

Открытием для западного научного мира стали материалы российского краеведения. Как отмечала С. Смит-Петер, описывая отношения современной западной историографии и постсоветского краеведения, «мы на Западе имели теоретическую базу без местных материалов, а российские исследователи имели данные с мест, без их теоретического обоснования... Материалы с мест являются настоящим окном в Россию, они позволяют понять как жило большинство россиян, а не только столичные жители»¹.

Доступ к местным материалам стал крайне важным фактором развития англоязычной историографии после 1991 г. И хотя объем архивных документов представлялся неисчерпаемым, историки постсоветского периода, также как и их предшественники, стремились не ограничивать себя официальными документами, и в качестве альтернативы прибегли к поиску собственных источников, интервьюируя современников исследуемого периода. Методология устной истории, которую использовали англоязычные историки сталинизма, в основном была разработана в 1980-е гг. немецким историком, профессором Геттингенского университета А. Людтке. Но, как мы уже неоднократно указывали в книге, академический мир стал глобальным, и продуктивная идея, даже рожденная в провинциальном немецком городке, быстро распространилась по миру.

Некоторым исследователям удалось подготовить книги, полностью основанные на интервьюировании современников описываемых событий. В контексте истории сталинизма необходимо, прежде всего, вспомнить работу О. Фиджеса о повседневной жизни в годы террора «Шепчущие: Личная жизнь в сталинской России». Книга стала результатом совместного проекта британских и российских историков, работавших с личными документами и свидетельствами людей, переживших период сталинского террора.

Предубежденность в отношении официальных советских документов стала характерной тенденцией англоязычной историографии постсоветского периода. Ирония ситуации заключалась в том, что когда архивы наконец-то стали доступны для западных исследователей, многие из них перестали нуждаться в архивных материалах. В результате влияния «лингвистического поворота» гуманитарных наук многие исследователи советского периода переключили внимание с социальной истории на культурологические аспекты и изучали скорее дискурсы, чем социальную реальность. Для последователей постмодернистского направления открытие архивов не имело принципиального значения, поскольку они использовали широкий спектр личных документов, таких как дневники, письма, автобиографии. И, оценивая ситуацию, мы вновь можем говорить об «иронии истории». Ученые, которые стремились пересмотреть теоретическую основу предшественников, приходят к

¹ *Smith-Peter Susan. How to Write a Region. Local and Regional Historiography // Kritika 5(2004). No. 3. P. 527–542, цит. p. 541 и pp. 541-2.*

выводам, характерным именно для ранних этапов англоязычной историографии сталинизма. Как показано в главе «Постмодернистский анализ советской субъективности», подходы, которых придерживались историки-постмодернисты при разработке концепции советской личности сталинского периода, в значительной степени напоминали взгляды исследователей, работавших в рамках тоталитарной парадигмы.

Хотя постмодернистские подходы представляются наиболее инновационными в западной историографии сталинизма, они являются далеко не единственными применяемыми методами. В современной англоязычной историографии каждый исследователь занимает собственную позицию, базирующуюся на различных методах социальной и культурной истории. Кроме «громких» постмодернистских работ Й. Хелльбека и И. Халфина, был представлен ряд исследований социальных составляющих сталинизма. Так, М. Эделе писал об истории Советского Союза как о «динамичной социальной истории». М. Рольф анализировал праздники в российской провинции 1930-х гг. В книге В. Голдман «Террор и демократия в сталинское время. Социальная динамика репрессий» показаны социальные практики членов различных страт советского общества в годы террора. Дж. Эллей аргументировал необходимость использования комбинированного подхода, сочетающего методы социальной и культурной истории, а К. Гества добавлял еще и интеграцию с методами политической истории. Ш. Фитцпатрик в недавних работах «Повседневный сталинизм» и «Сорвать маски!» проливает свет как на социальные, так и на дискурсивные аспекты сталинизма.

Но если книги Ш. Фитцпатрика широко известны в академическом мире, то работы немецких историков К. Гества и М. Рольфа, опубликованные только на немецком языке, остались практически незамеченными за пределами германоязычного мира. По нашему мнению, чрезвычайно жаль, что только некоторые их работы о строительстве и праздниках сталинского периода изданы на английском языке. Безусловно, труды названных авторов значительно обогащают как социальные и гуманитарные науки в целом, так и историографию сталинизма в частности. Оба исследователя должны были подготовить статьи, которые отражали методологию и отдельные составляющие их книг, на английском языке. Эти примеры подтверждают, что, несмотря на глобализацию современного академического мира и растущее сотрудничество специалистов в области российской и восточнославянской истории, языковой барьер все-таки остается серьезной преградой. Большинство международных проектов по российской истории реализуется на английском или русском языках, и исследователи из других стран, если хотят быть услышанными, вынуждены готовить статьи и книги на чужом для них языке.

В мировой исторической науке существуют не только англо- и русскоязычные историографии сталинизма. Авторы представляемой монографии понимают, что рассматриваемая ими англоязычная историография представляет только незначительную часть имеющихся в мире исследований проблемы. Но даже если кто-то попытался бы дать «полную картину» историографии сталинизма (а мы считаем, что никто не может претендовать на анализ «полной историографии»), вопрос все равно оставался бы – на каком языке публиковать результаты. Мы сделали выбор в пользу анализа англоязычной литературы, поскольку именно на этом языке были опубликованы классические работы по истории сталинизма, ставшие базовыми для исследователей всех стран. Для нас также был важен тот факт, что английский язык после Второй мировой войны доминировал (и продолжает доминировать) во всем комплексе западных социальных и гуманитарных наук. Таким образом, через осмысление историографии сталинизма, можно было представить обзор основных тенденций развития гуманитарной научной мысли Запада. Публикация книги на русском языке делает этот анализ доступным для большинства заинтересованных читателей тех государств, для которых история сталинизма является частью национальной истории.

Авторы надеются, что они, хотя бы в какой-то степени, способствовали разрушению языкового барьера, все еще остающегося одним из основных препятствий для успешного международного академического сотрудничества. Во всяком случае, мы приобрели важнейший опыт совместной работы и нахождения общего языка и предложили академическому сообществу и всем читателям, интересующимся советской историей и историей исторической мысли, результат нашего совместного труда.

ИСТОРИКИ И ПОЛИТОЛОГИ (ПЕРСОНАЛИИ)

Adams, Arthur (Адамс, Артур) – автор книги *Stalin and his Times*. New York, 1972; соавтор *An Atlas of Russian and East European History*. London, 1967; редактор *The Russian Revolution and Bolshevik Victory, Why and How?* Boston, 1960; *The Russian Revolution and Bolshevik Victory: Causes and Processes*. 2d ed., Lexington, 1972; *The Russian Revolution and Bolshevik Victory: Visions and Revisions*. 3rd ed. Lexington, 1990.

Alexopoulos, Golfo (Алексопулос, Гольфо) – профессор исторического факультета университета Южной Флориды. Автор книг *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003; *Writing the Stalin Era: Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography*. New York: Palgrave Macmillan, 2011 (with Julie Hessler and Kiril Tomoff).

Allison, Roy (Аллисон, Рой) – преподаватель Лондонской школы экономики. Автор книг *The Soviet Union and the Strategy of Non-Alignment in the Third World*. Cambridge [England]; New York: Cambridge University Press, 1988; *Finland's Relations with the Soviet Union, 1944–84*. New York: St. Martin's Press, 1985; редактор *Radical Reform in Soviet Defence Policy: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate, 1990*. New York: St. Martin's Press, 1992; *Superpower Competition and Crisis Prevention in the Third World*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1990 (with Phil Williams); *Challenges for the Former Soviet South*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1996; *Central Asian Security: the New International Context*. London: Royal Institute of International Affairs; Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2001 (with Lena Jonson).

Almond, Gabriel (Алмонд, Габриель) – профессор политологии Стэнфордского университета, также преподавал в Йельском и Принстонском университетах, был президентом Американской ассоциации политических наук (American Political Science Association) и председателем Комитета сравнительной политики Совета по исследованиям в социальных науках (Committee on Comparative Politics of the Social Science Research Council). Среди его публикаций – *The Appeals of Communism*. Princeton, 1954; *Comparative Politics: A Developmental Approach*. Boston, 1966; *Comparative Politics: A Theoretical Framework*. New York, 1993; *A Discipline Divided: Schools and Sects in Political Science*. Newbury Park, 1990.

Anderson, Barbara (Андерсон, Барбара) – профессор социологии, автор книги *Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia*. Princeton, 1980.

Andrle, Vladimir (Андрле, Владимир) – преподаватель социологии университета Йорка, Англия. Автор книг *Managerial Power in the Soviet Union*. Lexington, 1976; *Workers in Stalin's Russia: Industrialization and Social Change in a Planned Economy*. Sussex; New York, 1988; *A Social History of Twentieth-Century Russia*. London; New York, 1995.

Appel, Hilary (Эппел, Хилари) – профессор колледжа Кларемонт Маккенна, Калифорния. Докторскую степень получила в Пенсильванском университете. Автор книги *A New Capitalist Order: Privatization & Ideology in Russia & Eastern Europe*. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 2004. Редактор *Evaluating Success and Failure in Post-Communist Reform*. Claremont, Calif.: Keck Center for International and Strategic Studies, 2004.

Arendt, Hannah (Арендт, Ханна) – историк, политолог, философ. Родилась в Германии, получила степень доктора философии в Гейдельберге в 1929 г., была вынуждена эмигрировать из гитлеровской Германии, стала гражданином США в 1951 г. Преподавала в университетах Принстона, Беркли, Чикаго, Колумбийском, Корнельском и др. Среди её публикаций – *The Origins of Totalitarianism*. New York, 1951; *Eichmann in Jerusalem; A Report on the Banality of Evil*. New York, 1963; *On Revolution*. London, 1963; *Between Past and Future; Eight Exercises in Political Thought*. New York, 1968.

Armstrong, John (Армстронг, Джон) – профессор политологии университета Висконсина, автор книг *The Soviet Bureaucratic Elite: A Case Study of the Ukrainian Apparatus*. New York, 1959; *The Politics of Totalitarianism: The Communist Party of the Soviet Union from 1934 to the Present*. New York, 1961; *Ideology, Politics, and Government in the Soviet Union, An Introduction*. New York, 1962.

Aron, Leon (Арон, Леон) – директор Американского института предпринимательства (American Enterprise Institute). Родился в Москве. Закончил Московский государственный педагогический

институт. В 1978 г. эмигрировал в США. Магистерскую и докторскую степени получил в Колумбийском университете. Автор книг *Yeltsin: A Revolutionary Life*. New York, St. Martin's Press, 2000; *The New Russian Foreign Policy*. Council on Foreign Relations Press, 1998 (with Coit Blacker, Sherman Garnett, Rajan Menon). Редактор *The Emergence of Russian Foreign Policy*. United States Institute of Peace Press (Washington), 1994.

Aves, Jonathan (Эйвс, Джонатан) – автор книги *Workers Against Lenin: Labour Protest and the Bolshevik Dictatorship*. London; New York, 1996; соавтор *The Road to Post-Communism: Independent Political Movements in the Soviet Union, 1985–1991*. London; New York, 1992.

Azrael, Jeremy (Эзраель, Джереми) – профессор политологии РЭНД Корпорейшн (Rand Corporation). Автор книги *Managerial Power and Soviet Politics*. Cambridge, 1966; редактор *Soviet Nationality Policies and Practices*. New York, 1978.

Backer, George (Бейкер, Джордж) – автор книги *The Deadly Parallel: Stalin and Ivan the Terrible*. New York, 1950.

Bacon, Edwin (Бэкон, Эдвин) – преподаватель Центра российских и восточноевропейских исследований Бирмингемского университета, ранее – научный сотрудник МИД Великобритании. Автор книги *The Gulag at War: Stalin's Forced Labour System in the Light of the Archives*. New York, 1994.

Bailes, Kendall (Бейлс, Кендалл) – автор книг *Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941*. Princeton, 1978; *Science and Russian Culture in an Age of Revolutions: V.I. Vernadsky and His Scientific School, 1863–1945*. Bloomington, 1990.

Barber, Benjamin (Барбер, Бенджамин) – соавтор книги *Totalitarianism in Perspective: Three Views by Carl J. Friedrich, Michael Curtis and Benjamin R. Barber*. New York, 1969.

Barber, John (Барбер, Джон) – преподаватель политологии Кембриджского университета, Великобритания, участник исследовательского проекта изучения советской индустриализации (CREES, Soviet Industrialisation Project). Автор книг *Soviet Historians in Crisis, 1928–1932*. New York, 1981; *The Soviet Home Front, 1941–1945*. New York, 1991; соавтор *A Social and Economic History of the USSR in World War II*. London; New York, 1991; редактор *The Soviet Defense-Industry Complex from Stalin to Khrushchev*. New York, 1999.

Barghoorn, Frederic (Баргхорн, Фредерик) – профессор Йельского университета, автор книг *The Soviet Image of the United States: A study in Distortion*. New York, 1950; *Soviet Russian Nationalism*. New York, 1956; *Politics in the USSR: A Country Study*. Boston, 1966.

Bown, Matthew (Боун, Мэтью) – автор книг *Art under Stalin*. New York, 1991; *Socialist Realist Painting*. New Haven, 1998; редактор *Art of the Soviets: Painting, Sculpture, and Architecture in a One-Party State, 1917–1992*. Manchester; New York, 1993.

Breslauer, George (Бреслауэр, Джордж) – соавтор книг *Political Terror in Communist Systems*. Stanford, 1970; *Soviet Politics and Society*. St. Paul, 1978.

Brower, Daniel (Броуэр, Дэниел) – редактор книги *The Soviet Experience: Success or Failure?*. New York, 1971.

Brown, Archie (Браун, Арчи) – профессор Оксфордского университета, автор книг *Soviet Politics and Political Science*. Macmillan, 1974; *The Gorbachev Factor*. Oxford; New York, 1996, редактор *Authority, Power, and Policy in the USSR: Essays Dedicated to Leonard Schapiro*. New York, 1980; *The Cambridge Encyclopaedia of Russia and the Soviet Union*. Cambridge; New York, 1982; *Political Culture and Communist Studies*. New York, 1985; *Contemporary Russian Politics: A Reader*. Oxford University Press, 2001; *Gorbachev, Yeltsin, and Putin: Political Leadership in Russia's Transition*. Carnegie Endowment for International Peace, 2001 (with Lilia Shevtsova); *The Demise of Marxism-Leninism in Russia*. Palgrave / St Antony's series, 2004.

Brumberg, Abraham (Брумберг, Абрахам) – редактор журнала *Problems of Communism* в 1952–1970 гг., редактор книги *Chronicle of a Revolution: A Western-Soviet Inquiry into Perestroika*. New York, 1990.

Brzezinski, Zbigniew (Бжезинский, Збигнев) – политолог, государственный деятель. Родился в Польше, в 1938 г. переехал в Канаду, в 1958 г. получил американское гражданство. Преподавал в Гарвардском (1953–1960) и Колумбийском (1969–1977) университетах, был советником по национальной безопасности президента Картера (1977–1981). Среди его книг *Ideology and Power in Soviet*

Politics. New York, 1962; *The Permanent Purge: Politics in Soviet Totalitarianism*. Cambridge, 1956; *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge, 1956.

Bullock, Alan (Баллок, Алан) – историк, преподавал в Оксфорде, был проректором Оксфордского университета (1969–1973), главой колледжа св. Екатерины (1960–1980), получил титул пэра в 1976 г. Среди его книг – *Hitler and Stalin: Parallel Lives*. New York, 1992; *The Fontana Dictionary of Modern Thought*, 1977.

Bunce, Valerie (Банс, Валери) – автор книг *Do New Leaders Make a Difference?: Executive Succession and Public Policy under Capitalism and Socialism*. Princeton, 1981; *Subversive Institutions: The Design and the Destruction of Socialism and the State*. Cambridge, New York, 1999.

Burbank, Jane (Бурбанк, Джейн) – профессор университета штата Мичиган, докторскую диссертацию защитила в 1981 г. в Гарвардском университете. Автор книги *Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1922*. New York, 1986.

Byrnes, Robert (Бирнс, Роберт) – директор Института России и Восточной Европы в Рутгерсе, профессор истории университета штата Индиана (Блумингтон) Rutgers. В 1978–1979 гг. был президентом AAASS (American Association of Advanced Slavic Studies). Среди его публикаций *Soviet-American Academic Exchanges, 1958–1975*. Bloomington, 1976; *A History of Russian and East European Studies in the United States: Selected Essays*. Lanham, 1994.

Carmichael, Joel (Кармичаэл, Джоэл) – автор книг *A Cultural History of Russia*. London, 1968; *A History of Russia*. New York, 1990; *Stalin's Masterpiece: The Show Trials and Purges of the Thirties, the Consolidation of the Bolshevik Dictatorship*. London, 1976.

Carr, Edward (Карр, Эдвард) – профессор Тринити Колледжа в Кембриджском университете (Великобритания). Автор книг *A History of Soviet Russia*. London, 1950; *What is History?* London, New York, 1961; *Foundations of a Planned Economy, 1926–1929*. London, 1969; *From Napoleon to Stalin, and Other Essays*. New York, 1980; *The Russian Revolution: From Lenin to Stalin*. New York, 1979.

Chandler, Andrea (Чандлер, Андреа) – политолог, профессор Карлентонского университета. В сферу ее научных интересов входят отношения между российским государством и обществом, трансформационные процессы в Украине. Автор книг *Institutions of Isolation: Border Controls in the Soviet Union and Its Successor States, 1917–1993*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1998; *Shocking Mother Russia: Democratization, Social Rights, and Pension Reform in Russia, 1990–2001*. Toronto: University of Toronto Press, 2004.

Channon, John (Чэннон, Джон) – редактор книги *Politics, Society and Stalinism in the USSR*. London; New York, 1998.

Chase, William (Чейз, Уильям) – автор книги *Workers, Society, and the Soviet State: Labour and Life in Moscow, 1918–1929*. Urbana, 1987.

Clark, Katerina (Катерина, Кларк) – преподаватель Техасского университета в Остине, профессор Йельского университета. Автор книги *The Soviet Novel: History as Ritual*. Chicago, 1981.

Cohen, Stephen (Коэн, Стивен) – профессор Принстонского университета, где в 1973–1980 руководил Программой российских исследований. Занимал должности члена Совета по изучению Восточной Европы и Советского Союза Национальной академии наук США, члена Совета директоров американского комитета американо-советских отношений, консультанта телекомпании NBC. Среди его работ – *The Great Purge Trial*. New York, 1965; *Bukharin and the Bolshevik Revolution; A Political Biography, 1888–1938*. New York, 1973; *The Soviet Union since Stalin*. Bloomington, 1980; *Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917*. New York, 1985; *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia*. New York: Norton, 2000.

Conquest, Robert (Конквест, Роберт) – преподаватель и исследователь в ряде университетов и институтов Великобритании и США, в том числе руководитель программы Гуверовского института Стэнфордского университета. Член Британской академии, Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне, Института украинских исследований Гарвардского университета, Лондонской школы экономики. В годы Второй мировой войны находился на британской дипломатической службе, награжден государственными наградами Соединенного Королевства. Среди его работ – *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties*. New York, 1968; *The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities*. London, 1970; *The Human Cost of Soviet Communism*. Washington,

1970; *Kolyma: the Arctic Death Camps*. New York, 1978; *Inside Stalin's Secret Police: NKVD Politics, 1936–1939*. Stanford; London, 1985; *The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine*. London, 1986; *Stalin and the Kirov Murder*. New York, 1989; *The Great Terror: A Reassessment*. London, 1990; *Stalin: Breaker of Nations*. London, 1991.

Curtis, Michael (Кёртис, Майкл) – автор книг *Comparative Government and Politics: An Introductory Essay in Political Science*. New York, 1968; *Totalitarianism in Perspective: Three Views by Carl J. Friedrich, Michael Curtis and Benjamin R. Barber*. New York, 1969; *Totalitarianism*. New Brunswick, 1979; редактор *The Great Political Theories*. New York, 1961; *Marxism*. New York, 1970; *Introduction to Comparative Government*. New York, 1985.

Dallin, Alexander (Даллин, Александр) – профессор Стэнфордского университета, автор книги *Political Terror in Communist Systems*. Stanford, 1970; редактор *Between Totalitarianism and Pluralism*. New York, 1992; *The Nature of the Soviet System*. New York, 1992; *Stalin and Stalinism*. New York, 1992.

Dallin, David (Даллин, Дэвид) – автор книг *Forced Labour in Soviet Russia*. New Haven, 1947; *The New Soviet Empire*. London, 1951; *From Purge to Coexistence: Essays on Stalin's & Khrushchev's Russia*. Chicago, 1964.

Daniels, Robert (Дэниелс, Роберт) – профессор университета Вермонта, где возглавлял Центр региональных исследований (1962–1965) и исторический факультет (1964–1969). В 1973–1982 занимал пост сенатора штата Вермонт. Автор книг *Studying History: How and Why*. Englewood Cliffs, 1966. *The Nature of Communism*. New York, 1962; *Russia*. Englewood Cliffs, 1964; *Red October: The Bolshevik Revolution of 1917*. New York, 1967; *The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia*. Boulder, 1988. *Trotsky, Stalin, and Socialism*. Boulder, 1991; редактор *The Stalin Revolution: Fulfillment or Betrayal of Communism?* Boston, 1965; *The Stalin Revolution: Foundations of Soviet totalitarianism*. Lexington, 1972.

David-Fox, Michael (Дэвид-Фокс, Майкл) – профессор университета штата Мэриленд, редактор книг *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период*. Самара, 2000; *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология*. Самара, 2001.

Davies, Robert William (Дэвис, Роберт) – профессор Бирмингемского университета, автор книг *Foundations of a Planned Economy, 1926–1929*. London, 1969; *Soviet History in the Gorbachev Revolution*. – Bloomington, 1989; *Soviet History in the Yeltsin Era*. New York, 1997; редактор *Soviet Investment for Planned Industrialisation, 1929–1937: Policy and Practice*. Berkeley, 1984; *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945*. Cambridge; New York, 1994.

Davies, Sarah Rosemary (Дэвис, Сара) – автор книги *Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda, and Dissent, 1934–1941*. Cambridge; New York, 1997.

De Jonge, Alex (Дэ Джондже, Алекс) – автор книги *Stalin, and the Shaping of the Soviet Union*. New York, 1986.

Deutscher, Isaac (Дойчер, Исаак) – историк, родился в Кракове, Польша. Будучи журналистом, в 1926 г. вступил в Коммунистическую партию, был редактором коммунистических периодических изданий. Из-за участия в антисталинской оппозиции в 1939 г. был вынужден уехать в Лондон, работал в редакции *The Economist* (1942–49) and *The Observer* (1942–47). Автор трехтомной биографии Л. Д. Троцкого: *The Prophet Armed: Trotsky, 1879–1921*. New York, Oxford University Press, 1954., *The Prophet Unarmed: Trotsky, 1921–1929*. London, New York, Oxford U.P., 1959, – *The Prophet Outcast: Trotsky, 1929–1940*. London, New York, Oxford University Press, 1963. В 1960-е гг. внештатный профессор во многих американских университетах. Автор книг *Stalin, a Political Biography*. London, New York, Oxford Univ. Press, 1949; *Russia in Transition, and Other Essays*. New York, Coward-McCann, 1957; *Stalin, a Political Biography*. New York, Vintage Books, 1960; *Ironies of History: Essays on Contemporary Communism*. London, New York, Oxford U. P., 1966; *The Unfinished Revolution: Russia, 1917–1967*. New York, Oxford University Press, 1967.

Eastman, Max (Истман, Макс) – журналист, писатель. Редактор влиятельных «левых» изданий *Masses* (1913–1917) и *The Liberator* (1918–1922). Позднее становится критиком марксизма. Автор книг *The End of Socialism in Russia*. Boston, Little, Brown, 1937; *Stalin's Russia and the Crisis in*

Socialism. New York, W.W. Norton & Company, 1940; *Marxism, is It Science?*. New York, W.W. Norton & Company, inc., 1940; *Reflections on the Failure of Socialism*. New York, Devin-Adair, 1955.

Edele, Mark (Эделе, Марк) – преподаватель исторического факультета университета Западной Австралии. Автор книги *Soviet Veterans of the Second World War: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941-1991*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2008.

Edwards, Lee (Эдвардс, Ли) – автор книг *Reagan; a Political Biography*. San Diego, Calif., Viewpoint Books, 1967; *The Conservative Revolution : the Movement That Remade America*. New York, NY: Free Press, 1999; редактор *The Collapse of Communism*. Stanford, CA : Hoover Institution Press, 1999.

Enteen, George (Энтин, Джордж) – профессор университета штата Пенсильвания. Автор книги *The Soviet Scholar-Bureaucrat: M. N. Pokrovskii and the Society of Marxist Historians*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1978.

Erlich, Alexander (Эрлих, Александр) – профессор экономики Колумбийского университета. Автор публикации *The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928*. Cambridge, Harvard University Press, 1960.

Fainsod, Merle (Фэйнсод, Мерль) – профессор Гарвардского университета (1932–1972), директор Российского исследовательского центра (1959–1964) и университетской библиотеки (1964–1972). Автор многочисленных книг и статей, среди которых – *Smolensk under Soviet Rule*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1958; *How Russia is Ruled*. Rev. ed. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1963.

Fairbanks, Charles (Фэрбэнкс, Чарльз) – профессор международных отношений в Школе международных отношений Дж. Хопкинса в Вашингтоне. В 1975 г. получил докторскую степень в университете Чикаго. Преподавал политологию в университете Торонто и Йельском университете. В 1981–1984 гг. работал в Государственном департаменте.

Figs, Orlando (Фиджес, Орландо) – профессор истории Бирбек колледжа лондонского университета. Автор книг *Crimea: The Last Crusade*. London: Allen Lane, 2011; *The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia*. London: Allen Lane, 2007; *Natasha's Dance: A Cultural History of Russia*. London: Allen Lane, 2002; *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven: Yale University Press, 1999 (with Boris Kolonitskii); *A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924*. London: Cape, 1996; *Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution (1917–1921)*. Oxford: Clarendon, 1989.

Filtzer, Donald (Фильцер, Дональд) – университет Восточного Лондона. Автор книг *Soviet Workers and Stalinist Industrialization: the Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941*. London; Dover, N H.: Pluto Press, 1986; *Soviet Workers and de-Stalinization: the Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations, 1953–1964*. Cambridge; New York, NY, USA: Cambridge University Press, 1992.

Fitzpatrick, Sheila (Фицпатрик, Шейла) – профессор истории в Чикагском университете. Американка австралийского происхождения. Образование получила в Великобритании. Автор книг *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge, Eng.; New York: Cambridge University Press, 1979; *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1992; *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. New York: Oxford University Press, 1994; *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. New York: Oxford University Press, 1999. Редактор *Cultural Revolution in Russia, 1928–1931*. Bloomington: Indiana University Press, 1978; *A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s*. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1990 (with Lynne Viola); *Stalinism: a Reader*. London; New York: Routledge, 1999.

Fleron, Frederic (Флерон, Фредерик) – профессор политологии. Редактор книг *Communist Studies and the Social Sciences: Essays on Methodology and Empirical Theory*. Chicago, Rand McNally, 1969; *Technology and Communist Culture: the Socio-Cultural Impact of Technology under Socialism*. New York: Praeger, 1977; *Post-Communist Studies and Political Science: Methodology and Empirical Theory in Sovietology*. Boulder: Westview Press, 1993 (with Erik P. Hoffmann).

Fletcher, William (Флетчер, Уильям) – профессор Канзаского университета. Автор книг: *A Study In Survival: the Church In Russia, 1927–1943*. New York, Macmillan, 1965; *The Russian Orthodox Church underground, 1917–1970*. London, New York, Oxford University Press, 1971.

Foucault, Michel (Фуко, Мишель) – французский философ, социальный теоретик, историк. Создатель концепций структурализма и постструктурализма. Среди его важнейших работ: *History of Sexuality; Vol. 1: The Will to Knowledge; Vol. 2: The Use of Pleasure; Vol. 3: The Care of the Self*. London: Penguin Books, 1981–1986; *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. London: Allen Lane, 1977; *The Archaeology of Knowledge*. London: Tavistock, 1972; *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. London: Tavistock, 1970; *Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason*. London: Tavistock, 1967.

Friedrich, Carl (Фридрих, Карл) – политолог. Родился в Лейпциге, Германия. Получив образование в Германии, в 1922 г. эмигрировал в США. В 1926–1971 гг. работал в Гарварде. Среди его основных работ *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge, Harvard University Press, 1956 (with Zbigniew Brzezinski); *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. 2d ed., rev. by Carl J. Friedrich. Cambridge, Harvard University Press, 1965; *An Introduction to Political Theory; Twelve Lectures at Harvard*. New York, Harper & Row, 1967; *Totalitarianism in Perspective: Three Views by Carl J. Friedrich, Michael Curtis and Benjamin R. Barber*. New York, Praeger, 1969; *The Pathology of Politics; Violence, Betrayal, Corruption, Secrecy, and Propaganda*. New York, Harper & Row, 1972. Редактор изданий *Totalitarianism; Proceedings of a Conference Held at the American Academy of Arts and Sciences, March 1953*. Cambridge, Harvard University Press, 1954; *Authority*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1958.

Fürst, Juliane (Фюрст, Джулиане) – преподаватель исторического факультета университета Бристоль (Великобритания). Автор книг *Stalin's Last Generation. Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism* (Oxford: Oxford University Press, 2010); *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention*. London: Routledge, 2006.

Gelb, Michael (Гельб, Майкл) – редактор *An American Engineer in Stalin's Russia: the Memoirs of Zara Witkin, 1932–1934*. Berkeley: University of California Press, 1991.

Getty, John (Гетти, Джон) – профессор истории Калифорнийского университета. Занимал должности научного сотрудника Российского государственного гуманитарного университета (Москва), Института Харримана (Колумбийский университет), Российского исследовательского центра (Гарвард), а также научного консультанта Российской академии наук. Один из директоров Международного центра исследований России и Советского Союза. Автор *Origins of the Great Purges: the Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1985; *Stalinist Terror: New Perspectives / Edited by J. Arch Getty and Roberta T. Manning*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1993; *The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939 / J. Arch Getty and Oleg V. Naumov*. New Haven, Conn: Yale University Press, 1999.

Gill, Graeme (Джилл, Грэм) – автор книг *The Origins of the Stalinist Political System*. New York, 1990; *Stalinism*. NJ, 1990; *Power in the Party: the Organization of Power and Central-Republican Relations in the CPSU*. New York, 1997 (with Roderic Pitty); редактор *Elites and Leadership in Russian Politics: Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies*. New York, 1998.

Gleason, Abbott (Глисон, Абботт) – профессор истории в университете Брауна, бывший директор Института углубленных российских исследований Кеннана. Автор книг *Totalitarianism: the Inner History of the Cold War*. New York, 1995; редактор *Bolshevik Culture: Experiment And Order in the Russian Revolution*. Bloomington, 1985 (with Peter Kenez and Richard Stites); *Nikita Khrushchev. Fresh Perspectives on the Last Communist*. Yale University Press, 2000.

Goldman, Wendy (Голдман, Уэнди) – автор книги *Women, the State, and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge; New York, New York, USA: Cambridge University Press, 1993.

Gregory Paul (Грегори, Пол) – профессор экономики в университете Хьюстона. Докторскую степень получил в Гарвардском университете. Автор и соавтор ряда работ по советской экономике и сравнительным экономическим системам, среди которых *Soviet Economic Structure and Performance; Comparative Economic Systems; Russian National Income; and The Soviet Economic Bureaucracy*.

Grey, Ian (Грей, Ян) – автор книг *The First Fifty Years: Soviet Russia, 1917–67*. London, Hodder & Stoughton, 1967; *Stalin, Man of History*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1979.

Griesse, Malte (Грисье, Мальте) – преподаватель исторического факультета университета Биелефелд (Германия). Автор книги *Communiquer, juger et agir sous Staline: La personne prise entre ses liens avec les proches et son rapport au systéme politico-idéologique*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011.

Hagen von, Mark (Хаген фон, Марк) – профессор истории Колумбийского университета. Долгое время работал в Советском Союзе. Автор книг *Soldiers in the Proletarian Dictatorship: the Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1990. Редактор *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires*. Boulder, Colo.: Westview Press, 1997 (with Karen Barkey).

Hahn, Gordon (Хан, Гордон) – автор книг *Russia's Revolution from Above, 1985–2000: Reform, Transition, and Revolution in the Fall of the Soviet Communist Regime*. New Brunswick, U.S.A.: Transaction Publishers, 2002; *Russia's Islamic Threat*. New Haven: Yale University Press, 2006.

Hahn, Jeffrey (Хан, Джеффри) – профессор политологии, докторскую степень получил в университете Дюка. Автор книги *Soviet Grassroots: Citizen Participation in Local Soviet Government*. Princeton University Press, 1988; редактор *Local Power and Post Soviet Politics*. M.E. Sharpe, 1994 (with Theodore H. Friedgut); *Democratization in Russia: The Development of Legislative Institutions*, 1996.

Halberstam, Michael (Хальберстам, Майкл) – университет Южной Каролины. Автор книги *Totalitarianism and the Modern Conception of Politics*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999.

Halfin, Igal (Халфин, Игал) – Профессор Школы истории Тель-Авивского университета (Израиль). Автор книг *Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007; *Halfin I. Terror in my Soul: Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003; *Language and Revolution: Making Modern Political Identities*. London: Cass, 2002; *From Darkness to Light. Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000).

Harris, James (Харрис Джеймс) – автор книги *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. New York, 1999.

Harrison, Mark (Харрисон, Марк) – преподаватель экономики университета Варвик (Великобритания). Автор книг *Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defense Burden, 1940–1945*. 1996; *The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II*. 1991 (соавтор); *Soviet Planning in Peace and War, 1938–1945*. 1985 и один из редакторов *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945*. 1994.

Haslam, Jonathan (Хаслам, Джонатан) – автор книги *The Vices of Integrity: E.H. Carr. 1892–1982*. London, 1999.

Hellbeck, Jochen (Хелльбек, Йохен) – профессор исторического факультета университета Рутгерс (Нью-Джерси). Автор книги *Revolution on my Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006; *Autobiographical Practices in Russia*. Guttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004 (with Klaus Heller); *Laboratories of the Soviet Self. Diaries from the Stalin Era*. Columbia University, 1998.

Himmelfarb, Gertrude (Химмельфарб, Гертруда) – автор книги *The New History and the Old*. Cambridge, Mass.: Balkan Press of Harvard University Press, 1987.

Hingley, Ronald (Хингли, Рональд) – автор книг *Joseph Stalin: Man and Legend*. New York, 1974; *The Russian Mind*. New York, 1977.

Hoffman, David (Хоффман, Дэвид) – соредактор журнала *Russian Review* (1995).

Hoffman, Eric (Хоффман, Эрик.) – профессор политологии университета штата Нью-Йорк. Соавтор книг *The Politics of Economic Modernization in the Soviet Union*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1982 (with Robbin F. Laird); *Post-Communist Studies and Political Science: Methodology and Empirical Theory in Sovietology*. Boulder: Westview Press, 1993 (with Frederic J. Fleron, Jr.).

Hollander, Paul (Холландер, Пол) – профессор университета Массачусетса, докторскую степень получил в Принстонском университете. Автор книг *Soviet and American Society; a Comparison*. New York, Oxford University Press, 1973; *Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba, 1928–1978*. New York: Oxford University Press, 1981; *Decline and Discontent: Communism and the West Today*. New Brunswick (U.S.A.): Transaction Publishers, 1992; *The Many Faces of Socialism: Comparative Sociology and Politics*. New Brunswick, N.J.: Transaction Books, 1983; *Anti-Americanism: Critiques at Home and Abroad, 1965–1990*. New York: Oxford University Press, 1992; *Discontents: Postmodern and Postcommunist*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2002.

Holloway, David (Холлоуэй, Дэвид) – профессор политологии и истории Стэнфордского университета, докторскую степень получил в Кембриджском университете. Автор книг *Stalin and the Bomb: the Soviet Union and Atomic Energy, 1939–1956*. New Haven: Yale University Press, 1994, редактор *Reexamining the Soviet Experience: Essays in Honour of Alexander Dallin*. Boulder, CO: Westview Press, 1996 (with Norman Naimark).

Holquist, Peter (Холквист, Питер) – профессор Корнельского университета, докторскую степень получил в Колумбийском университете. Автор книги *Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Harvard University Press, 2002.

Horowitz, David (Хоровиц, Дэвид) – автор книг *Marx and Modern Economics*. London, MacGibbon & Kee, 1968; *Radical Sociology; an Introduction*. San Francisco, Canfield Press, 1971; редактор *Isaac Deutscher: the Man and His Work*. London, Macdonald and Co., 1971.

Hosking, Geoffrey (Хоскинг, Джеффри) – старший научный сотрудник Школы славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета. Автор книг *A History of the Soviet Union*. London: Fontana Press: Collins, 1985; *The First Socialist Society: a History of the Soviet Union from Within*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985; *The Awakening of the Soviet Union*. London: Heinemann, 1990; один из редакторов *Russian Nationalism, Past and Present*. New York: St. Martin's Press in Association with the School of Slavonic and East European Studies, University of London, 1998 (with Robert Service).

Hough, Jerry (Хоф, Джерри) – политолог. Преподавал в университетах Иллинойса, Торонто и Дюка, институте Брукингс. Среди его работ: *The Soviet Prefects: the Local Party Organs in Industrial Decision-Making*. Harvard University Press, Cambridge, 1969; *The Soviet Union and Social Science Theory*. Cambridge, Mass. London Harvard University Press, 1977; *How the Soviet Union is Governed, Revised and Enlarged ed. by Jerry F. Hough and Merle Fainsod*. Cambridge, Mass. London Harvard University Press, 1979; *Soviet leadership in Transition*. Washington Brookings Institution, 1980.

Hudson, Hugh (Хадсон, Хар) – университет штата Джорджия. Автор книги *Blueprints and Blood: The Stalinization of Soviet architecture, 1917–1937*. Princeton, 1994.

Hughes, James (Хагес, Джеймс) – автор книги *Stalin, Siberia, and the Crisis of the New Economic Policy*. Cambridge; New York, 1991.

Hunter, Holland (Хантер, Холланд) – соавтор книг *The Economics of Soviet Railroad Policy*. Cambridge, 1949; *Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1928–1940*. Princeton, 1992 (with Janusz M. Szyrmer), редактор *The Future of the Soviet Economy, 1978–1985*. Boulder, 1978.

Huskey, Eugene (Хаски, Юджин) – профессор университета Стинсона. Автор книг *Russian Lawyers and the Soviet State: The Origins and Development of the Soviet Bar, 1917–1939*. Princeton, 1986; *Presidential Power In Russia, 1999*. редактор *Executive Power and Soviet Politics: The Rise and Decline of the Soviet State*. New York, 1992.

Hyde, Harford (Хайд, Хафорд) – автор книги *Stalin: The History of a Dictator*. London, 1971.

Inkeles, Alex (Инкелес, Алекс) – автор книг *Public Opinion in Soviet Russia, A Study in Mass Persuasion*. Cambridge, 1950; *Social Change in Soviet Russia*. Maxwell Air Force Base, 1952; *The Soviet Citizen; Daily Life in a Totalitarian Society*. Cambridge, 1959 (with Raymond A. Bauer).

Jacobson, Julius (Якобсон, Юлиус) – автор книги *Soviet Communism and the Socialist Vision*. New Brunswick, 1972.

Jasny, Naum (Ясни, Наум) – автор книг *The Soviet Economy during the Plan Era*. Stanford, 1951; *Soviet Industrialization, 1928–1952*. Chicago, 1961; *Essays on the Soviet Economy*. Published for the Institute for the Study of the USSR. New York, 1962.

Joravsky, David (Джоравски, Дэвид) – профессор Северо-Западного университета (Чикаго). Автор книги *Soviet Marxism And Natural Science, 1917–1932. Routledge & Kegan Paul, 1961.*

Kaplan, Morton (Каплан, Мортон) – профессор политологии Чикагского университета. Редактор книг *The Many Faces of Communism. New York: Free Press, 1978; The Soviet Union and the Challenge of the Future. New York: Paragon House, 1988 (with Alexander Shtromas).*

Kennan, George (Кеннан, Джордж) – историк, дипломат. В 1952–1953 гг. был послом в Советском Союзе, в 1961–1963 гг. – в Югославии. Преподавал в Оксфорде и Принстоне. Среди его публикаций: *American Diplomacy, 1900–1950, 1951; Realities of American Foreign Policy, 1954; Russia Leaves the War, 1956; The Decision to Intervene, 1958; Russia, the Atom, and the West, 1958; Russia and the West under Lenin and Stalin, 1961; Memoirs, 1925–1950, 1967; The Marquis de Custine & His «Russia in 1839», 1971; Memoirs, 1950–1963, 1972; Cloud of Danger, 1978; The Nuclear Delusion: Soviet-American Relations in the Atomic Age, 1982; The Fateful Alliance: France, Russia, and the Coming of the First World War, 1984.*

Kenez, Peter (Кенез, Питер) – профессор истории Калифорнийского университета. Среди его публикаций: *The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilisation, 1917–1929. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1985; Cinema and Soviet Society, 1917–1953. Cambridge [England]; New York: Cambridge University Press, 1992; A History of the Soviet Union from the Beginning to the End. New York: Cambridge University Press, 1999; Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution / edited by Abbott Gleason, Peter Kenez, and Richard Stites. Bloomington: Indiana University Press, 1985.*

Kort, Michael (Корт, Майкл) – профессор истории Бостонского университета, автор книг *The Soviet Colossus: a History of the USSR. New York: Scribner, 1985; Marxism in Power: the Rise and Fall of a Doctrine. Brookfield, Conn.: Millbrook Press, 1993; The Handbook of the Former Soviet Union. Brookfield, Conn.: Millbrook Press, 1997.*

Kotkin, Stephen (Коткин, Стивен) – профессор Принстонского университета, автор книг *Soviet Society and Culture in the 1920–30s. Sapporo, 1993; Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilisation. Berkeley, 1995.*

Kozicki, Henry (Козицки, Генри) – редактор книг *Western and Russian Historiography: Recent Views. New York: St. Martin's Press, 1993; Developments in Modern Historiography. New York: St. Martin's Press, 1993.*

Krylova, Anna (Крылова, Анна) – Профессор современной российской истории университета Дюк (США). Автор книг *Soviet Women in Combat: A History of Violence on the Eastern Front. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; Двадцатый век Анны Капицы: Воспоминания. Письма. Москва: Аграф, 2005.*

Kuromiya, Hiroaki (Куромия, Хироаки) – профессор университета Индианы (Блумингтон). Закончил колледж в Японии, докторскую степень получил в Принстоне, работал в Советском Союзе и Англии. Автор книг *Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932. Cambridge, England; New York: Cambridge University Press, 1988; Freedom and Terror in the Donbas: a Ukrainian-Russian Borderland, 1870s-1990s. – Cambridge, England; New York: Cambridge University Press, 1998.*

Labeledz, Leopold (Лабец, Леопольд) – британский журналист, родился в Восточной Польше. Редактор и основатель журнала *Survey*. Автор книг *Revisionism; Essays on the History of Marxist Ideas. New York, Praeger, 1962; The Use and Abuse of Sovietology. New Brunswick, N.J., U.S.A.: Transaction Publishers, 1989.*

Lahusen, Thomas (Лахузен, Томас) – профессор исторического факультета университета Торонто. Автор книг *What Is Soviet now? Identities, Legacies, Memories. Berlin: LIT-Verlag, 2008; How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1997; Socialist Realism without Shores. Durham: Duke University Press, 1997; Late Soviet Culture: From Perestroika to Novostroika. Durham: Duke University Press, 1993.*

Lampert, Nicholas (Ламперт, Николас) – преподавал в Центре российских и восточноевропейских исследований университета Бирмингема, Англия. Автор книг *The Technical Intelligentsia and the Soviet State. New York: Holmes & Meier Publishers, 1979; Whistle Blowing in the Soviet Union: a Study of Complaints and Abuses under State Socialism. New York: Schocken Books, 1985; редактор Sta-*

linism: Its Nature and Aftermath: Essays in Honour of Moshe Lewin. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1992 (with Gabor T. Rittersporn).

Lapidus, Gail (Лapidус, Гейл) – политолог, профессор Калифорнийского университета. Автор книг *The New Russia: Troubled Transformation. Westview Press, 1995; From Union to Commonwealth: Nationalism and Separatism in the Soviet Republics. Cambridge University Press, 1992 (with Victor Zaslavsky and Philip Goldman).*

Laquer, Walter (Лакуэр, Уолтер) – научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований и профессор политологии Джорджтаунского университета. Был председателем международного исследовательского совета в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне и директором Института новейшей истории (библиотека Венера) в Лондоне, работал в Израиле и Великобритании. Основатель и первый редактор (1955–1963) журнала *Survey*. Автор книг *The Fate of the Revolution: Interpretations of Soviet History. London, Weidenfeld & Nicolson, 1967; America, Europe, and the Soviet Union: Selected Essays. New Brunswick, U.S.A.: Transaction Books, 1983; Soviet Realities: Culture and Politics from Stalin to Gorbachev. New Brunswick, U.S.A.: Transaction Publishers, 1990; Stalin: the Glasnost Revelations. New York: Scribner's, 1990; The Dream That Failed: Reflections on the Soviet Union. New York: Oxford University Press, 1994.* Редактор книг *The State of Soviet Studies. Cambridge, Mass., M.I.T. Press, 1965 (with Leopold Labedz); Reappraisals: a New Look at History; the Social Sciences and History. London, Weidenfeld and Nicolson, 1968 (with George L. Mosse); The New History; Trends in Historical Research and Writing since World War II. New York, Harper & Row, 1967 (with George L. Mosse); Historians in Politics. London; Beverly Hills: Sage Publications, 1974 (with George L. Mosse).*

Laue von, Theodore (Лау фон, Теодор) – автор книг *Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900-1930. Philadelphia, Lippincott, 1964; Why Lenin? Why Stalin? Why Gorbachev?: The Rise and Fall of the Soviet System. New York, NY: HarperCollins College Publishers, 1993.*

Lewin, Moshe (Левин, Моше) – закончил университет Тель-Авива, докторскую степень получил в Сорбонне. В 1965–1967 гг. был директором Ecole des Hautes Etudes, Париж. В 1978–1995 гг. – профессор истории в Пенсильванском университете, Филадельфия, США. Его основными публикациями являются *Russian Peasants and Soviet Power, 1968; Lenin's Last Struggle, 1969; The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia, 1985; The Gorbachev Phenomenon: a Historical Interpretation, 1985 и 1991; Stalinism and the Seeds of Soviet Reform: the Debates of the 1960s, 1991.* Один из редакторов книги *Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison, 1997.*

Lyons, Eugene (Лайонс, Юджин) – американский журналист, писатель, биограф президента США Г. Гувера. Автор книг *Our Secret Allies: The Peoples of Russia. London: Arco Publications, 1954; Workers' Paradise Lost: Fifty Years of Soviet Communism: A Balance Sheet. New York: Funk and Wagnalls, 1967.*

Malia, Martin (Малиа, Мартин) – профессор истории Калифорнийского университета. Автор книг *The Soviet tragedy: a History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York: Free Press; Toronto: Maxwell Macmillan Canada; New York: Maxwell Macmillan International, 1994; Russia under Western Eyes: from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, MA: The Belnap Press of Harvard University Press, 1999.*

Manning, Roberta (Маннинг, Роберта) – работает в Бостонском колледже. Автор книги *Government in the Soviet Countryside in the Stalinist Thirties: the Case of Belyi Raion in 1937. Pittsburgh, Russian and East European Studies Program, University of Pittsburgh, 1984; редактор Stalinist Terror: New Perspectives. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1993 (with J. Arch Getty).*

McCauley, Martin (Макколи, Мартин) – автор книг *The Stalin File. London: Batsford, 1979; The Soviet Union since 1917. London; New York: Longman, 1981; Stalin and Stalinism. Harlow, Essex, England: Longman, 1983; The Soviet Union: 1917–1991. London; New York: Longman, 1993.*

McClellan, Woodford (Макклеллан, Вудфорд) – профессор истории университета штата Виржиния. Автор книги *Russia: a History of the Soviet Period. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1986.*

McFaul, Michael (Макфол, Майкл) – профессор Стэнфордского университета. Сотрудничает с фондом Карнеги (Carnegie Endowment for International Peace). Автор книг *Post-Communist Politics:*

Democratic Prospects in Russia and Eastern Europe. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, 1993; *Russia between Elections: What the December 1995 Results Really Mean*. Moscow: Moskovskii tsentr Karnegi; Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 1996; *Russia's 1996 Presidential Election: the End of Polarized Politics*. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, Stanford University, 1997; *Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001; *The Troubled Birth of Russian Democracy: Parties, Personalities, and Programs*. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1993 (with Sergei Markov); *Understanding Russia's 1993 Parliamentary Elections: Implications for U.S. Foreign Policy*. [Stanford, Calif.]: Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University, 1994; *Popular Choice and Managed Democracy: the Russian Elections of 1999 and 2000*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003 (with Timothy J. Colton) *Power and Purpose: U.S. Policy toward Russia after the Cold War*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003 (with James M. Goldgeier); редактор *After the Collapse of Communism: Comparative Lessons of Transition*. New York: Cambridge University Press, 2004 (with Kathryn Stoner-Weiss); *Privatization, Conversion, and Enterprise Reform in Russia*. Boulder: Westview Press, 1995 (with Tova Perlmutter).

McNeal, Robert (Макнил, Роберт) – профессор истории Массачусетского университета. Автор книг *The Bolshevik Tradition: Lenin, Stalin, Khrushchev*. Englewood Cliffs, N.J., Prentice-Hall, 1963; *The Stalin Years, 1929–1953*. Toronto; Buffalo: University of Toronto, 1974; *The Bolshevik Tradition: Lenin, Stalin, Khrushchev, Brezhnev*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1975; *Stalin: Man and Ruler*. New York: New York University Press, 1988. редактор *Stalin's Works; an Annotated Bibliography*. Hoover Institution on War, Revolution, and Peace, Stanford University, 1967; *Resolutions and Decisions of the Communist Party of the Soviet Union*. Toronto; Buffalo: University of Toronto Press, 1974.

Mehnert, Klaus (Менерт, Клаус) – немецкий журналист и писатель. Автор книг *Soviet Man and his World*. Westport: Greenwood Press, 1976; *The Anatomy of Soviet Man*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1961.

Merridale, Catherine (Мэрридэйл, Кэтрин) – профессор истории в Бристольском университете и Кингс колледже, Кембридж. Автор книги *Moscow Politics and the Rise of Stalin: the Communist Party in the Capital, 1925-32, 1990*; один из редакторов *Perestroika: the Historical Perspective, 1991*.

Methvin, Eugene (Метвин, Юджин) – автор книг *The Riot Makers; the Technology of Social Demolition*. New Rochelle, N.Y., Arlington House, 1970; *The Rise of Radicalism; the Social Psychology of Messianic Extremism*. New Rochelle, N.Y., Arlington House, 1973.

Meyer, Alfred (Мейер, Альфред) – профессор политологии Мичиганского университета. Докторскую степень получил в Гарвардском университете. Был руководителем программы по изучению истории КПСС в Колумбийском университете. Преподавал в Гарвардском, Вашингтонском, Мичиганском университетах, Хантер колледже и Свободном университете в Берлине. Автор книг *Marxism: the Unity of Theory and Practice; a Critical Essay*. Cambridge, Harvard University Press, 1954; *Leninism*. Cambridge, Harvard University Press, 1957; *Communism*. New York, Random House, 1960; *The Soviet Political System*. New York, Random House, 1965.

Miller, Frank (Миллер, Фрэнк) – автор книги *Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudo-folklore of the Stalin Era*. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1990.

Mills, Charles (Миллс, Чарльз) – автор книг *Character and Social Structure: the Psychology of Social Institutions*. New York, Harcourt, Brace, 1953 (with Hans Gerth); *The Marxists*. New York, Dell Pub. Co., 1962.

Moore, Barrington (Мур, Баррингтон) – автор книг *Soviet Politics: the Dilemma of Power; the Role of Ideas in Social Change*. Cambridge, Harvard University Press, 1950; *Terror and Progress USSR: Some Sources of Change and Stability in the Soviet Dictatorship*. Cambridge, Harvard University Press, 1954; *Political Power and Social Theory; Six Studies*. Cambridge: Harvard University Press, 1958; *Social Origins of Dictatorship and Democracy; Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston, Beacon Press, 1966; *Moral Purity and Persecution in History*. Princeton, N.J. Princeton University Press, 2000.

Motyl, Alexander (Мотыль, Александр) – профессор политологии Колумбийского университета и руководитель программы исследований в Институте Харримана. Автор книг *Imperial Ends: The Decline, Collapse, and Revival of Empires, 2001*; *Revolutions, Nations, Empires: Conceptual Limits*

and Theoretical Possibilities, 1999; *Dilemmas of Independence: Ukraine after Totalitarianism*, 1993; *Sovietology, Rationality, Nationality: Coming to Grips with Nationalism in the USSR*, 1990; *Will the Non-Russians Rebel? State, Ethnicity, and Stability in the USSR*, 1987; *The Turn to the Right: The Ideological Origins and Development of Ukrainian Nationalism, 1919–1929*, 1980. Редактор *Encyclopedia of Nationalism*, 2000; *Thinking Theoretically about Soviet Nationalities*; 1992; *Post-Soviet Nations*, 1992; ежегодного издания *Nations in Transit studies*, публикуемого организацией Freedom House.

Naiman, Eric (Найман, Эрик) – профессор факультета славянских языков и литературы, и факультета сравнительной литературы университета Беркли (США). Автор книги *Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology*. Princeton: Princeton University Press, 1997.

Naimark, Norman (Неймарк, Норман) – редактор книги *Reexamining the Soviet Experience: Essays in Honour of Alexander Dallin*. Boulder, CO: Westview Press, 1996 (with David Holloway).

Nichols, Thomas (Николс, Томас) – профессор Высшего военно-морского колледжа США (US Naval War College). Автор книг *The Current Soviet Debate on National Security: a Survey of Possible Outcomes*. Washington, D.C. (1800 K St., N.W., Washington 20006): Center for Strategic & International Studies, 1988; *The Logic of Russian Presidentialism: Institutions and Democracy in Postcommunism*. Pittsburgh, PA: Center for Russian and East European Studies, University of Pittsburgh, 1998; *The Russian Presidency: Society and Politics in the Second Russian Republic*. New York: St. Martin's Press, 1999.

Nové, Alex (Ноув, Алекс) – автор книг *Was Stalin Really Necessary? Oxford: St. Antony's College*, 1960; *Economic Rationality and Soviet Politics; or, Was Stalin Really Necessary? New York, Praeger*, 1964; *An Economic History of the U.S.S.R.* London, Allen Lane, 1969; *Stalinism and after*. London: Allen & Unwin, 1975; *The Soviet Economic System*. London: G. Allen & Unwin, 1977; *Stalinism and after: the Road to Gorbachev*. Boston: Unwin Human, 1989; *Studies in Economics and Russia*. New York: St. Martin's Press, 1990; *An Economic History of the USSR, 1917–1991*. London, England; New York, N.Y., USA: Penguin Books, 1992. Редактор *The Stalin Phenomenon*. New York: St. Martin's Press, 1993.

Patenaude, Bertrand (Пейтнод, Бертран) – редактор книг *The Russian Revolution*. New York: Garland Pub., 1992; *Stalin and Stalinism*. New York: Garland Pub., 1992 (with Alexander Dallin).

Payne, Robert (Пейн, Роберт) – автор книг *The Life and Death of Lenin*. New York, Simon and Schuster, 1964; *The Rise and Fall of Stalin*. New York, Simon and Schuster, 1965; *The Life and Death of Trotsky*. New York: McGraw-Hill, 1977.

Pethybridge, Roger (Петибридж, Роджер) – автор книг *The Social Prelude to Stalinism*. New York: St. Martin's Press, 1974; *One Step Backwards, Two Steps Forward: Soviet Society and Politics in the New Economic Policy*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1990.

Pipes, Richard (Пайпс, Ричард) – родился в Польше, образование получил в США, работал в Гарварде. Научную деятельность совмещал с работой комментатора в ведущих журналах и газетах. Был сотрудником администрации Р. Рейгана. Автор книг *The Russian Intelligentsia*. New York, Columbia University Press, 1961; *The Formation of the Soviet Union; Communism and Nationalism, 1917–1923*. Cambridge, Harvard University Press, 1964; *Russia under the Old Regime*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1974; *Russia Observed: Collected Essays on Russian and Soviet History*. Boulder, Colo.: Westview Press, 1989; *The Russian Revolution*. New York: Knopf, 1990; *Russia under the Bolshevik Regime*. New York: A.A. Knopf, 1993; *The Unknown Lenin: From the Secret Archive* New Haven and London, Yale University Press, 1996; *Property and Freedom*. New York: Vintage, 1999; *Communism: A History*. New York: Modern Library, 2001; *Vixi: Memoirs of a Non-Belonger*. New Haven and London, Yale University Press, 2003; *The Degaev Affair: Terror and Treason in Tsarist Russia*. New Haven and London, Yale University Press, 2003; *Russian Conservatism and Its Critics*. New Haven and London, Yale University Press, 2006.

Pohl, Otto (Пол, Отто) – автор книг *The Stalinist Penal System: a Statistical History of Soviet Repression and Terror, 1930–1953*. Jefferson, N.C.: McFarland, 1997; *Ethnic Cleansing in the USSR, 1937–1949*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1999.

Pomper, Philip (Помпер, Филипп) – автор книг *The Russian Revolutionary Intelligentsia*. New York, Crowell, 1970; *The Structure of Mind in History: Five Major Figures in Psychohistory*. New York: Columbia University Press, 1985; *Lenin, Trotsky, and Stalin: the Intelligentsia and Power*. New York: Columbia University Press, 1990. Редактор книг *History and Theory: Contemporary Readings*. Malden,

Mass.: Blackwell, 1998 (with Brian Fay, and Richard T. Vann.); *World History: Ideologies, Structures, and Identities*. Malden, Mass.: Blackwell, 1998 (with Richard H. Elphick, and Richard T. Vann).

Popper, Karl (Поппер, Карл) – автор книг *The Open Society and Its Enemies*. Rev. ed. Princeton, Princeton University Press, 1950; *The Poverty of Historicism*. Boston, Beacon Press, 1957; *Conjectures and Refutations: the Growth of Scientific Knowledge*. New York: Harper & Row, 1965; *Unneeded Quest: an Intellectual Autobiography*. London: Fontana, 1976.

Puddington, Arch (Паддингтон, Арч) – автор книги *Failed Utopias: Methods of Coercion in Communist Regimes*. San Francisco, Calif.: ICS Press; New York: Distribution by Kampmann & Co., 1988.

Rabinowitch, Alexander (Рабинович, Александр) – профессор университета Индианы (Блумингтон, США). Автор книг *Prelude to Revolution; The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising*. Bloomington, Indiana University Press, 1968; *The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd*. New York: W.W. Norton, c1976; *The Soviet Union since Stalin / edited by Stephen F. Cohen, Alexander Rabinowitch, and Robert Sharlet*. Bloomington: Indiana University Press, c1980; *Russia in the era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture / edited by Sheila Fitzpatrick, Alexander Rabinowitch, and Richard Stites*. Bloomington: Indiana University Press, c1991; *The Bolsheviks in Power: The First Year of Soviet Rule in Petrograd*. Bloomington: Indiana University Press, c2007.

Rancour-Laferriere, Daniel (Ранкур-Лаферрьер, Дэниел) – автор книг *The Mind of Stalin: a Psychoanalytic Study*. Ann Arbor: Ardis, 1988; *The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering*. New York: New York University Press, 1995.

Randall, Francis (Рэндалль, Фрэнсис) – автор книги *Stalin's Russia; an Historical Reconsideration*. New York, Free Press, 1965.

Read, Christopher (Рид Кристофер) – автор книг *Culture and Power in Revolutionary Russia: the Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan, 1990; *From Tsar to Soviets: the Russian People and Their Revolution, 1917–21*. New York: Oxford University Press, 1996.

Reddaway, Peter (Реддэуэй, Питер) – преподавал в Лондонской школе экономики, руководил Институтом углубленных российских исследований Кеннана. Является членом исполнительного комитета в Институте европейских, российских и евразийских исследований при университете Джорджа Вашингтона и членом редакционной коллегии журнала *Problems of Post-Communism*. Автор книги *Psychiatric Terror: How Soviet Psychiatry Is Used to Suppress Dissent*. New York: Basic Books, 1977 (with Sidney Bloch); редактор книг *Lenin: the Man, the Theorist, the Leader; a Reappraisal*. New York, F. A. Praeger, 1967 (with Leonard Schapiro); *Authority, Power, and Policy in the USSR: Essays Dedicated to Leonard Schapiro*. New York: St. Martin's Press, 1980 (with T. H. Rigby, and Archie Brown).

Rees, Afron (Рис, Афрон) – преподаватель Центра российских и восточноевропейских исследований Бирмингемского университета. Автор книг *State Control in the Soviet Russia: The Rise and the Fall of the Workers' and Peasants' Inspectorate, 1920-34*, 1987; *Stalinism and Soviet Rail Transport 1928–1941*, 1995. Редактор книг *The Soviet Communist Party in Disarray: The XXVIII Congress of the Communist Party of the Soviet Union*, 1992; *Soviet History, 1917–53: Essays in Honour of R.W. Davies*, 1995; *Decision-Making in the Stalinist Command Economy*, 1997.

Remington, Thomas (Ремингтон, Томас) – профессор политологии университета Эмори, докторскую степень получил в Йельском университете. Автор книг *Building Socialism in Bolshevik Russia: Ideology and Industrial Organization, 1917–1921*. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 1984; *Politics in the USSR*. 3rd ed. Boston: Little, Brown, 1986; *The Truth of Authority: Ideology and Communication in the Soviet Union*. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 1988; *Politics in Russia*. New York: Longman, 1999. Редактор книги *Politics and the Soviet System: Essays in Honour of Frederick C. Barghoorn*. New York: St. Martin's Press, 1989.

Rieber, Alfred (Рибер, Альфред) – профессор Пенсильванского и Центрально-европейского университетов. Автор книг *Stalin and the French Communist Party, 1944–1947*. New York, 1962; *A Study of the USSR and Communism*. New York 1962 (with Robert Nelson); *The USSR and Communism: Source Readings and Interpretations*. New York, 1964 (with Robert Nelson); *The Politics of Autocracy*.

The Hague, 1966; Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982; Zhdanov in Finland. The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies, University of Pittsburgh, 1995. Редактор книг V.O. Kliuchevsky, A Course in Russian History: The Seventeenth Century with introduction. Chicago, 1970; Perestroika at the Crossroads. Armonk, NY, 1991 (with Alvin Z. Rubinstein); Forced Migration in Central and Eastern Europe, 1939–1950. London, 2000; Imperial Rule. Budapest: CEU Press, 2004 (co-edited with Alexei Miller).

Rigby, Thomas (Ригби, Томас) – профессор политологии в Исследовательской школе социальных дисциплин, Австралийский национальный университет, Канберра. Автор книг *Lenin's Government: Sovnarkom 1917–1922. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1979; The Changing Soviet System: Mono-organisational Socialism from Its Origins to Gorbachev's Restructuring. Aldershot, Hants, England; Brookfield, Vt., USA: E. Elgar Pub., 1990.* Редактор *The Stalin Dictatorship; Khrushchev's 'Secret Speech' and Other Documents, with introduction and annotations / edited by T.H. Rigby. Sydney University Press, 1968; Soviet and Related Studies at the Australian National University; an Outline of Resources and Activities and Publications List for the Period 1961–1969, by T.H. Rigby and Natalie Staples. Canberra, Australian National University, Dept. of Political Science, Research School of Social Sciences, 1970; Authority, Power, and Policy in the USSR: Essays Dedicated to Leonard Schapiro. New York: St. Martin's Press, 1980 (with Archie Brown, and Peter Reddaway).*

Roberts, Geoffrey (Робертс, Джеффри) – автор книг *An Introduction to Comparative Politics. London: E. Arnold, 1986; The Soviet Union and the Origins of the Second World War: Russo-German Relations and the Road to War, 1933–1941. New York: St. Martin's Press, 1995.*

Rose, Richard (Роуз, Ричард) – профессор Абердинского университета, руководитель Центра исследований общественной политики. Соавтор книг *How Russia Votes. Chatham, NJ: Chatham House, 1997 (with Stephen White and Ian McAllister);* готовится к изданию *From Political Transformation to Resigned Acceptance: How Russians Have Adapted to Regime Change. Cambridge University Press (with William Mishler and Neil Munro); Elections without Order: Russia's Challenge to Vladimir Putin. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2002, (with Neil Munro); Democracy and Its Alternatives: Understanding Post-Communist Societies. Oxford: Polity Press and Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998 (with William Mishler and Christian Haerpfer).*

Rosefielde, Steven (Росефелде, Стивен) – профессор экономики в университете Северной Каролины, докторскую степень получил в Гарварде. Автор книг *Comparative Economic Systems: Culture, Wealth, and Power in the 21st Century. Malden, Mass.: Blackwell Publishers, 2002; Russia in the 21st Century: the Prodigal Superpower. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2005; Communist Misindustrialization and Russia's Blighted Industrial Potential. Stockholm, Sweden: Stockholm Institute of East European Economies, Stockholm School of Economics, 1996.* Редактор *Economic Welfare and the Economics of Soviet Socialism: Essays in Honour of Abram Bergson. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1981; Efficiency and Russia's Economic Recovery Potential to the Year 2000 and Beyond. Aldershot, Hants, England; Brookfield, VT, USA: Ashgate, 1998.*

Rossman, Jeffrey (Росман, Джеффри) – профессор исторического факультета университета Вирджиния (США). Автор книги *Worker Resistance under Stalin: Class and Revolution on the Shop Floor. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005.*

Rummel, Rudolf (Руммель, Рудольф) – автор книг *The Dimensions of Nations. Beverly Hills, Sage Publications, 1972; Lethal Politics: Soviet Genocide and Mass Murder since 1917. New Brunswick, (U.S.A.): Transaction Publishers, 1990; Democide: Nazi Genocide and Mass Murder. New Brunswick (U.S.A.): Transaction Publishers, 1992; Power Kills: Democracy as a Method of Non-Violence. New Brunswick (U.S.A.): Transaction Publishers, 1997.*

Rutland Peter (Рутланд, Питер) – профессор университета штата Коннектикут. Автор книг *Business Elites and Russian Economic Policy. London (Chatham House): Royal Institute of International Affairs, 1992; The Myth of the Plan: Lessons of Soviet Planning Experience. Open Court, 1985; The Politics of Economic Stagnation in the Soviet Union: the Role of Local Party Organs in Economic Management. Cambridge; New York, NY, USA: Cambridge University Press, 1993; Sovietology, from Stagnation to Perestroika?: a Decade of Doctoral Research in Soviet Politics. Washington, D.C.: Kennan Institute for Advanced Russian Studies, 1990; Russia, Eurasia, and the Global Economy. Washington, D.C.: Brookings*

Institution, 1997. Редактор Business and State in Contemporary Russia. Boulder, Colo.: Westview Press, 2001.

Sakwa Richard (Саква, Ричард) – профессор Кентского университета, преподавал в университетах Калифорнии и Санта Круз, работал в Москве. Автор книг *Soviet Communists in Power: a Study of Moscow during the Civil War, 1918–21. New York: St. Martin's Press, 1988; Russian Politics and Society. London; New York: Routledge, 1993; Soviet Politics: an introduction. London; New York: Routledge, 1989; Soviet Politics in Perspective. London; New York: Routledge, 1998; The Rise and Fall of the Soviet Union, 1917–1991. London; New York: Routledge, 1999; Russian Politics and Society. New York: Routledge, 2002; Russia's Crisis and Yeltsin's Leadership. Tampere, Finland: University of Tampere, International School of Social Sciences, 1999; Putin: Russia's Choice. London; New York: Routledge, 2004. Редактор Developments in Russian Politics. Durham, NC: Duke University Press, 2005 (with Stephen White and Zvi Gitelman); Chechnya : from Past to Future. London: Anthem Press, 2005.*

Schapiro, Leonard (Шапиро, Леонард) – член Британской академии, профессор Лондонской школы экономики и политических наук. Автор книг *The Origin of the Communist Autocracy; Political Opposition in the Soviet State, First Phase, 1917–1922. London, London School of Economics and Political Science (University of London), 1955; The Communist Party of the Soviet Union. London, Eyre & Spottiswoode, 1960; The Government and Politics of the Soviet Union. New York, Random House, 1965; Totalitarianism. New York, Praeger, 1972. The Russian Revolutions of 1917: the Origins of Modern Communism. New York: Basic Books, 1984. Редактор книги Political Opposition in One-Party States. New York, Wiley, 1972.*

Scherer, John (Шерер, Джон) – автор книги *Handbook on Soviet military Deficiencies. Minneapolis, Minn.: Scherer, 1983.*

Shlapentokh, Vladimir (Шляпентох, Владимир) – профессор социологии университета штата Мичиган. Автор книг *The Soviet Union: Internal and External Perspectives on Soviet Society. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008; A Normal Totalitarian Society: How the Soviet Union Functioned and how it Collapsed. Armonk: Sharpe, 2001; Soviet Intellectuals and Political Powers: The Post-Stalin Era. London: Tauris, 1990; Public and Private Life of the Soviet People: Changing Values in Post-Stalin Russia. New York: Oxford University Press, 1989.*

Shtromas, Alexander (Штромас, Александр) – профессор политологии и истории Салфордского университета, Великобритания. Редактор книг *The Soviet Union and the Challenge of the Future. New York: Paragon House, 1988 (with Morton A. Kaplan); The End of «isms»? : Reflections on the Fate of Ideological Politics after Communism's Collapse. Oxford; Cambridge, MA: Blackwell, 1994.*

Siegelbaum, Lewis (Сiegelbaum, Льюис) – профессор истории университета штата Мичиган. Автор книг *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1988; Soviet State and Society between Revolutions, 1918–1929. Cambridge, England; New York, NY, USA: Cambridge University Press, 1992. Редактор The Disabled in the Soviet Union: Past and Present, Theory and Practice. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 1989 (with William O. McCagg); Social Dimensions of Soviet Industrialization. Bloomington: Indiana University Press, 1993 (with William G. Rosenberg); Making Workers Soviet: Power, Class, and Identity. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994 (with Ronald Grigor Suny).*

Silver, Brian (Сильвер, Брайан) – профессор политологии Мичиганского университета, сотрудник Центра демографических исследований. Редактор книги *Soviet Asian Ethnic Frontiers / Edited by William O. McCagg, Jr., Brian D. Silver. New York: Pergamon Press, 1979.*

Sjoberg, Giden (Сёберг, Гайдн) – автор книги *A Methodology for Social Research. New York, Harper & Row, 1968 (with Roger Nett). Редактор Ethics, Politics, and Social Research. Cambridge, Mass., Schenkman Pub. Co., 1967; Bureaucracy as a Social Problem. Greenwich, Conn.: JAI Press, 1983 (with W. Boyd Littrell, Louis A. Zurcher).*

Skilling, Harold (Скилинг, Гарольд) – профессор политологии университета Торонто. Редактор книги *Interest Groups in Soviet Politics. Princeton, N.J., Published for the Centre for Russian and East European Studies, University of Toronto by Princeton University Press, 1971 (with Franklyn Griffiths).*

Slezkine, Yuri (Слезкин, Юрий) – профессор университета штата Калифорния в Беркли. Советский эмигрант, в 1980-е гг. защитил докторскую диссертацию в Техасском университете под руководством Ш. Фицпатрик. Автор книг *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca: Cornell University Press, 1994; *The Jewish Century*. Princeton: Princeton University Press, 2004; редактор *In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to the Second World War*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000 (with Sheila Fitzpatrick); *Between Heaven and Hell: the Myth of Siberia in Russian Culture*. New York: St. Martin's Press, 1993 (with Galya Diment).

Solomon, Peter (Соломон, Питер) – профессор политологии и член Центра российских и восточноевропейских исследований в университете Торонто. Автор книг *Soviet criminologists and criminal policy: specialists in policy-making*. New York: Columbia University Press, 1978; *Soviet criminal justice under Stalin*. Cambridge, U.K.; New York: Cambridge University Press, 1996. Редактор книги *Reforming justice in Russia, 1864–1996: power, culture, and the limits of legal order*. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, c 1997 г.

Solnick, Steven (Солник, Стивен) – политолог, докторскую степень получил в Гарвардском университете, работал в Колумбийском университете. Автор книги *Stealing the State: Control and Collapse in Soviet Institutions*. Harvard Univ. Press, 1998. Работает над книгой о российском федерализме *Big Deals: Territorial Bargaining and the Fate of Russia*.

Spitzer, Alan Barry (Спицер, Алан Барри) – автор книг *The Revolutionary Theories of Louis Auguste Blanqui*. New York, Columbia University Press, 1957; *Historical Truth and Lies about the Past: Reflections on Dewey, Dreyfus, de Man, and Reagan*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1996.

Steele, Jonathan (Стил, Джонатан) – автор книг *Eastern Europe Since Stalin*, 1974; *Soviet Power: The Kremlin's Foreign Policy – Brezhnev to Andropov*, 1983; *Andropov in Power: from Komsomol to Kremlin*, 1984 (with Eric Abraham); *The Kremlin's Foreign Policy – Brezhnev to Chernenko*, 1984; *Eternal Russia: Yeltsin, Gorbachev and the Mirage of Democracy*. Boston: Faber, 1994.

Stites, Richard (Стайтс, Ричард) – профессор истории, получил докторскую степень в Гарвардском университете, преподает в Джорджтаунском университете. Автор книг *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930*. Princeton University Press, 1978, 2d ed. 1991; *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Social Experiment in the Russian Revolution*. Oxford University Press, 1989, 2d ed. 1991; *Russian Popular Culture: Entertainment and Society since 1900*. Cambridge University Press, 1992; *Culture and Entertainment in Wartime Russia, 1941–1945*. Indiana University Press, 1995.

Suny, Ronald (Сани, Рональд) – профессор истории Мичиганского университета. Автор книг *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1993; *The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States*. New York: Oxford University Press, 1998. Редактор книг *Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History / edited by Diane P. Koenker, William G. Rosenberg, and Ronald Grigor Suny*. – Bloomington: Indiana University Press, 1989; *The Russian Revolution and Bolshevik Victory: Visions and Revisions / revised and edited by Ronald Suny, Arthur Adams*. Lexington, Mass.: D.C. Heath, 1990; *Making Workers Soviet: Power, Class, and Identity / edited by Lewis H. Siegelbaum and Ronald Grigor Suny*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994.

Taylor, Sally (Тэйлор, Салли) – автор книг *Stalin's Apologist: Walter Duranty, the New York Time's Man in Moscow*. New York: Oxford University Press, 1990.

Taylor, Richard (Тэйлор, Ричард) – автор книг *The Politics of the Soviet Cinema, 1917–1929*. Cambridge, Eng.; New York: Cambridge University Press, 1979; *Film Propaganda: Soviet Russia and Nazi Germany*. London: Croom Helm; New York: Barnes & Noble, 1979. Редактор книг *Inside the Film Factory: New Approaches to Russian and Soviet Cinema*. London; New York, NY: Routledge, 1991 (with Ian Christie); *Stalinism and Soviet Cinema*. London; New York: Routledge, 1993 (with Derek Spring).

Thompson, John (Томпсон, Джон) – автор книг *American Teaching about Russia*. Bloomington, Indiana University Press, 1959 (with Cyril E. Black); *A Vision Unfulfilled: Russia and the Soviet Union in the Twentieth Century*. Lexington, MA: D.C. Heath, 1996 (with historiographic essays by William Gleason).

Thurston, Robert (Тарстон, Роберт) – профессор истории, преподавал в Техасском университете и университете Майами. Автор книги *Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941*. New Haven: Yale University Press, 1996. Редактор книги *Russian History and Politics: Selected Reference Works*. Ann Arbor: Harlan Hatcher Graduate Library, University of Michigan, 1978 (with William G. Rosenberg).

Ticktin Hillel (Тиктин, Хиллел) – преподавал в университетах Лос-Анджелеса, Глазго. Редактор журнала «Critique». Автор книги *Origins of the Crisis in the USSR: Essays on the Political Economy of a Disintegrating System*. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1992. Редактор *Gorbachev and Gorbachevism*. (with Walter Joyce and Stephen White). London, England; Totowa, NJ: F. Cass, 1989.

Tormey, Simon (Торми, Саймон) – автор книги *Making Sense of Tyranny: Interpretations of Totalitarianism*. Manchester; New York: Manchester University Press; New York, 1995.

Treadgold, Donald (Тридголд, Дональд) – докторскую степень получил в Оксфорде, в 1949–1993 гг. работал в Вашингтонском университете. Внес существенный вклад в развитие журнала *Slavic Review* – печатного органа Американской ассоциации углубленных славянских исследований. Был главным редактором этого издания (1961–1965 и 1968–1975). Автор книг *Lenin and His Rivals, 1955*, *The Great Siberian Migration, 1957*; *The West in Russia and China, 1973*; *A History of Christianity, 1979*, and *Twentieth Century Russia, 1959*; редактор *Gorbachev and the Soviet Future, 1988* (with Larry Lerner), *A History of East-Central Europe, Render unto Caesar: Religion and World Politics* (with Sabrina Ramet).

Tucker, Robert (Такер, Роберт) – историк, дипломат. Работал в американском посольстве в Москве, преподавал в Принстонском университете. Был председателем Совета международных и региональных исследований (1977–1980) и руководителем Программы российских исследований (1963–1973, 1980–1982). Член Американской академии искусств и наук. Автор книг *Philosophy and Myth in Karl Marx*. Cambridge, Eng., University Press, 1961; *The Soviet Political Mind; Studies in Stalinism and Post-Stalin Change*. New York, Praeger, 1963; *The Marxian Revolutionary Idea*. New York, Norton, 1969; *Stalin as Revolutionary, 1879–1929; a Study in History and Personality*. New York, Norton, 1973; *Politics as Leadership*. Columbia: University of Missouri Press, 1981; *Political Culture and Leadership in Soviet Russia: from Lenin to Gorbachev*. New York: Norton, 1987; *Stalin in Power: the Revolution from Above, 1928–1941*. New York: Norton, 1990. Редактор книг *The Great Purge Trial*. Edited, and with notes, by Robert C. Tucker and Stephen F. Cohen. With an introd. by Robert C. Tucker. New York, Grosset & Dunlap, 1965; *Stalinism: Essays in Historical Interpretation*. New York: Norton, 1977; *Stalinism: Essays in Historical Interpretation / with a new introduction by the editor*. New Brunswick, N.J., U.S.A.: Transaction Publishers, 1999.

Ulam, Adam (Улам, Адам) – историк. Родился во Львове (в 1922 г. это была польская территория), эмигрировал в США, преподавал в Гарвардском университете. Руководил Российским исследовательским центром (1973–1974). Автор книг *The new face of Soviet totalitarianism*. Cambridge, Harvard University Press, 1963; *The Bolsheviks; the Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia*. New York, Macmillan, 1965; *Lenin and the Bolsheviks: the Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia*. London, Secker & Warburg, 1966; *The Russian Political System*. New York, Random House, 1974; *A History of Soviet Russia*. New York: Praeger, 1976; *The Kirov Affair*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1988; *The Communists: the Story of Power and Lost Illusions, 1948–1991*. New York: Scribner's; Toronto: Maxwell Macmillan Canada; New York: Maxwell Macmillan International, 1992.

Unger, Aryeh (Анджер, Арайа) – автор книг *The Totalitarian Party: Party and People in Nazi Germany and Soviet Russia*. London; New York: Cambridge University Press, 1974; *Constitutional Development in the USSR: a Guide to the Soviet Constitutions*. London: Methuen, 1981.

Urban, George (Урбан, Джордж) – автор книги *Radio Free Europe and the Pursuit of Democracy: My War within the Cold War*. New Haven: Yale University Press, 1997. Редактор книг *Stalinism, Its Impact on Russia and the World*. New York: St. Martin's Press, 1982; *Can the Soviet System Survive Reform?: Seven Colloquies about the State of Soviet Socialism Seventy Years after the Bolshevik Revolution*. London; New York: Pinter Publishers, 1989; *End of Empire: the Demise of the Soviet Union / G.R. Urban in Conversation with Leading Thinkers of Our Time*. Washington, D.C.: The American University Press, 1993.

Viola, Lynne (Виола, Линн) – автор книг *The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization*. New York: Oxford University Press, 1987; *Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. New York: Oxford University Press, 1996. Редактор книг *A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s*. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1990 (with Sheila Fitzpatrick); *Russian Peasant Women*. New York: Oxford University Press, 1992 (with Beatrice Farnsworth).

Ward, Chris (Уорд, Крис) – автор книг *Russia's Cotton Workers and the New Economic Policy: Shop-Floor Culture and State Policy, 1921–1929*. Cambridge, England; New York: Cambridge University Press, 1990; *Stalin's Russia*. London; New York: Edward Arnold: Distributed in the USA by Routledge, Chapman and Hall, 1993. Редактор *The Stalinist Dictatorship*. London; New York: Arnold; New York: Oxford University Press, 1998.

Warth, Robert (Уорт, Роберт) – автор книг *Soviet Russia in World Politics*. New York, Twayne, 1963; *Joseph Stalin*. New York, Twayne Publishers, 1969; *Lenin*. New York, Twayne Publishers, 1973; *Leon Trotsky*. Boston: Twayne Publishers, 1977.

Wedel, Janine (Уэдел, Джанин) – антрополог, профессор школы общественной политики в Университете Джорджа Мейсона. Автор книг *The Private Poland: An Anthropologist's Look at Everyday Life*. New York. N.Y.: Facts on File, 1986; *The Unplanned Society: Poland During and After Communism*. New York, N.Y.: Columbia University Press, 1992; *Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe 1989–1998, 1st edition*, New York, N.Y.: St. Martin's, 1998.

Weiner, Amir (Винер, Амир) – профессор исторического факультета Стэнфордского университета. Автор книг *Landscaping the Human Garden: 20th Century Population Management in a Comparative Framework*. Stanford: Stanford University Press, 2003; *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2001.

Wheatcroft, Stephen (Уиткрофт, Стивен) – профессор истории Мельбурнского университета. Первую степень по экономике и российским исследованиям получил в университете Киля, а докторскую степень в области советской экономической истории – в университете Бирмингема. Работал в Московском институте национальной экономики, Московском государственном университете и Институте истории при Академии наук СССР. Редактор книг *Materials for a Balance of the Soviet National Economy, 1928–1930*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1985 (with R.W. Davies); *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1994 (with R.W. Davies, Mark Harrison); *The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933*. New York: Palgrave Macmillan, 2003 (R.W. Davies).

Wessell, Nils (Вессел, Нильс) – автор книги *Ground Rules: Soviet and American Involvement in Regional Conflicts*. Philadelphia, 1982, редактор *The Soviet Threat: Myths and Realities*. New York, 1978.

Whitfield, Stephen (Уитфилд, Стивен) – автор книг *Into the Dark: Hannah Arendt and Totalitarianism*. Philadelphia, 1980; *The Culture of the Cold War*. Baltimore, 1991.

Wildman, Alan (Уайлдман, Алан) – автор книг *The Making of a Workers' Revolution: Russian Social Democracy, 1891–1903*. Chicago, 1967; *The End of the Russian Imperial Army*. Princeton, 1980. Редактор журнала *The Russian Review* (1993–1995).

Wood, Alan (Вуд, Алан) – автор книги *Stalin and Stalinism*. London; New York, 1990.

Wolfe, Bertram David (Вульф, Бертрам Давид) – американский коммунист, исследователь периода «холодной войны». Автор книг *An Ideology in Power: Reflections on the Russian Revolution*. London: Allen and Unwin, 1969; *Communist Totalitarianism: Keys to the Soviet System*. Boston: Beacon Press, 1961; *Three who Made a Revolution: A Biographical History*. London: Thames and Hudson, 1956.

Yurchak, Alexei (Юрчак, Алексей) – профессор антропологии университета Беркли (США). Автор книги *Everything Was Forever Until it Was no more*. Princeton: Princeton University Press, 2006.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Авторханов А.* Что было, то было / А. Авторханов // Век XX и мир. 1990. № 9 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russ.ru/antolog/vek/1990/9/ideya.htm>.
- Александрова Т.С.* Вопросы истории социалистического строительства в СССР в американской буржуазной литературе / Т.С. Александрова, Г.Л. Соболев // Труды Ленинград. отд. Ин-та истории АН СССР. 1961. Вып. 3.
- Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001.
- Американские советологи. Справочник. М., 1981 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://chss.irex.ru/db/zarub/view_bib.asp?id=75.
- Андерсон Р.Д.* Тоталитаризм: Концепт или идеология? / Р.Д. Андерсон [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/fulltext/1993/3/14.htm>.
- Антикоммунизм и советология: критический анализ советологических концепций. Киев, 1986.
- Аппатов С.И.* Рец. [Филитов А.М. «Холодная война». Историографические дискуссии на Западе. М.: Наука, 1991] / С.И. Аппатов // Вопросы истории. 1993. № 4.
- Араловец Н.* Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии / Н. Араловец // Отечественная история. 1995. № 1.
- Арендт Х.* Вирус тоталитаризма / Х. Арендт // Новое время. 1991. № 11.
- Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. М., 1996.
- Арендт Х.* Тайная полиция / Х. Арендт // Новое время. 1992. № 6.
- Армстронг Дж.* Политика тоталитаризма: Компартия Советского Союза с 1934 г. по настоящее время / Дж. Армстронг. М., 1962.
- Арон Р.* Демократия и тоталитаризм / Р. Арон. М., 1993.
- Аткинсон Д.* Изучение СССР и стран Восточной Европы в США / Д. Аткинсон. М., 1991.
- Бабашкин В.В.* Россия XX века: О некоторых подходах современной западной историографии / В.В. Бабашкин // Куда идет Россия? Международный симпозиум. 1999 г. М., 1999.
- Баберовски Й.* Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Баберовски Й.* Красный террор. История сталинизма / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2007.
- Байерляйн Б.* «Предатель – ты, Сталин!»: Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны (1939–1941): Утраченная солидарность левых сил / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
- Балуев Б.П.* П.Б. Струве как историк (к постановке проблемы) / Б.П. Балуев // Отечественная история. 2001. № 2.
- Барон Н.* Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939 / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
- Барсов А.А.* Зарубежная антимарксистская историография коллективизации сельского хозяйства и развития колхозного строя в СССР / А.А. Барсов, В.С. Васюков. М., 1961.
- Баскаков Э.Г.* Документальные материалы по истории народов СССР в архивах и библиотеках США / Э.Г. Баскаков // История СССР. 1959. № 2.
- Батырбаева Ш.Д.* Эпоха сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Белгородская Л.В.* Образ Российской империи в зеркале англо-американских справочно-энциклопедических изданий XX в. / Л.В. Белгородская. Красноярск, 2006.
- Белканов Н.А.* Педагогическая советология о русских исторических корнях советской школы и педагогики / Н.А. Белканов // Педагогика. 2001. № 5.
- Белых Н.Ю.* Экономика ГУЛАГа как система подневольного труда (на материалах Вятлага 1938–1953 гг.). М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
- Бжезинский З.* Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в XX веке / З. Бжезинский. New York, 1989.
- Биггарт Дж.* Бухарин, «культурная революция» и истоки сталинизма / Дж. Биггарт // Отечественная история. 1994. № 2.
- Бирман М.А.* К истории изучения жизненного и творческого пути П.Н. Милюкова / М.А. Бирман // Отечественная история. 1997. № 1.
- Бирман М.А.* М.М. Карпович и «Новый журнал» / М.А. Бирман // Отечественная история. 1999. № 5–6.
- Блинкин А.Я.* «Kritika» – американский журнал по истории СССР / А.Я. Блинкин // Вопросы истории. 1983. № 4.
- Блинкин А.Я.* Советологические центры США: Справочник / А.Я. Блинкин. М., 1989.
- Блок М.* Апология истории / М. Блок. М., 1986.

- Блюм А., Местуле М.* Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине / Пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2008.
- Болдырева Н.Д.* Документальная «россика» в архивах Англии / Н.Д. Болдырева // История СССР. 1959. № 5.
- Болховитинов Н.Н.* «Отечественная история» и российское зарубежье / Н.Н. Болховитинов // Отечественная история. 2000. № 5.
- Болховитинов Н.Н.* Марксистские и леворадикальные тенденции в современной историографии США / Н.Н. Болховитинов, С.И. Жук // Вопросы истории. 2002. № 12.
- Болховитинов Н.Н.* Роль русских историков в становлении русистики в США / Н.Н. Болховитинов // Вопросы истории. 2001. № 4.
- Большакова О.В.* П.А. Зайончковский и его американские ученики / О.В. Большакова // Отечественная история. 2004. № 4.
- Бордюгов Г.А.* История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества / Г.А. Бордюгов, В.А. Козлов. М., 1992.
- Борисов Ю.С.* Политическая реабилитация в СССР (1950–1960-е гг.) в освещении западной историографии / Ю.С. Борисов, А.В. Голубев // Отечественная история. 1992. № 5.
- Браун А.* Памяти Алека Ноува / А. Браун [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ise.spb.ru/science/Nove/brown.htm>.
- Бреслауэр Дж.* В защиту советологии / Дж. Бреслауэр // Современная сравнительная политология: Хрестоматия / Науч. ред. Г.В. Голосов, Л.А. Галкина. М., 1997.
- Буганов В.И.* Административные реформы в России и проблемы их изучения в современной западной историографии / В.И. Буганов, А.Н. Медушевский // Отечественная история. 1992. № 3.
- Будницкий О.В.* Б.А. Бахметьев – посол в США несуществующего правительства России / О.В. Будницкий // Новая и новейшая история. 2000. № 1.
- Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции: к историографии вопроса / О.В. Будницкий // Отечественная история. 2004. № 3.
- Булдаков В.П.* XX век российской истории и посткоммунистическая советология / В.П. Булдаков // Российская империя, СССР, Российская Федерация: история одной страны? Прерывность и непрерывность в отечественной истории XX века. М., 1993.
- Буллок А.* Гитлер и Сталин: жизнь великих диктаторов. В 2 т. 3-е изд., испр., доп. / А. Буллок. Смоленск, 2000.
- Бурбанк Д.* Новые течения в американской историографии о России: Власть и культура / Д. Бурбанк // Исторический ежегодник. 1997.
- Был ли Сталин агентом охраны? / Сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 1999.
- Быстрова И.В.* Рец. [Хироаки Куромия. Сталинская индустриальная революция. Политика и рабочие. 1928–1932. Кембридж, 1988] / И.В. Быстрова // Отечественная история. 1991. № 5.
- Вайнштейн О.Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX веках / О.Л. Вайнштейн. Л., 1979.
- Ватлин А.Ю.* Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009.
- Великанова О.В.* Рец. [Дж. Брукс. Спасибо, товарищ Сталин! Культура советского общества от революции до холодной войны. Изд-во Принстонского ун-та, 2000] / О.В. Великанова // Отечественная история. 2004. № 4.
- Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Пер. с фр. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Виола Л.* Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Вишневецкий А.* Люди или население? / А. Вишневецкий, Л. Кузнецова // В человеческом измерении. М., 1989.
- «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / Отв. ред. О.Л. Лейбович. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009.
- Власть и советское общество в 1917–1930-е годы: новые источники // Отечественная история. 2000. № 1.
- Возвращение «Смоленского архива»: Сб. ст. / Сост. К.А. Дмитриева и др. М., 2005.
- Вокруг раскрестьянивания // В человеческом измерении. М., 1989.
- Волобуев О.В.* Новейшие американские публикации по истории меньшевизма / О.В. Волобуев, В.А. Клоков // Отечественная история. 1992. № 5.
- Галкин А.А.* Корпоративизм как форма отношений между государством и обществом: пределы и опасности / А.А. Галкин // Полис. 2000. № 6.

- Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории Февральской революции в Бахметьевском архиве Колумбийского университета / Р.Ш. Ганелин // Отечественная история. 1992. № 5.
- Гиндин И.Ф.* Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ / И.Ф. Гиндин // История СССР. 1971. № 4.
- Гладких Н.В.* Защита Павловой: Субъективные заметки об одной исторической защите / Н.В. Гладких [Электронный ресурс]. Режим доступа: econom.nsc.ru/eco/Arhiv/ReadStatiy/2003_01/Gladkikh.htm.
- Глебов С.* The Story of Us: Прошлое и перспективы модернизации гуманитарного знания глазами историков / С. Глебов, М. Могильнер, А. Семенов // Новое литературное обозрение. 2003. № 2.
- Глэнц Д.М.* Обзор «Журнала славянских военных исследований» (The Journal of Slavic Military Studies) / Д.М. Глэнц // Отечественная история. 1997. № 4.
- Голдман В.З.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937) / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Голотик С.И.* Население и власть: Очерки демографической истории СССР 1930-х годов / С.И. Голо-тик, В.В. Минаев. М., 2004.
- Голубев А.В.* Тоталитаризм как феномен российской истории XX века / А.В. Голубев // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.): Сб. ст. М., 1999.
- Голубев А.В.* Феномен сталинизма в контексте мирового исторического процесса. Международный семинар в Новосибирске / А.В. Голубев // Отечественная история. 1993. № 5.
- Гольдблатт Х.* К изучению славянской средневековой культуры в США. Обзор журнала «Slavic and East European Journal» за тридцать лет / Х. Гольдблатт // Отечественная история. 1993. № 1.
- Горинов М.М.* Советская история 1920–30-х годов: от мифов к реальности / М.М. Горинов // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет: Сб. ст. / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1996.
- Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р. Суни, Т. Мартина; Пер. с англ. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.*
- Гофф И.* Долгий век / И. Гофф // Октябрь. 1992. № 4.
- Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / Пер. с итал. М.: РОССПЭН, 2008.
- Грациози А.* Советский Союз в 209 цитатах: 1914–1991 / Пер. с итал. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Грегори П.* Политическая экономия сталинизма / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2008.
- Грей Я.* Сталин. Личность в истории. Троицкий Л. Сталин / Я. Грей. М., 1995.
- ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. / Отв. ред. Л.И. Бородин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2008.*
- Даниелс Р.В.* Взлет и падение коммунизма в России / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
- Данилов В.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографической катастрофе» 30–40-х годов в СССР / В. Данилов // Вопросы истории. 1988. № 3.
- Девис Р.* Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики / Р. Девис, О. В. Хлевнюк // Отечественная история. 1994. № 3.
- Девис Р.У.* Советская экономика в период кризиса. 1930–1933 годы / Р.У. Девис // История СССР. 1991. № 4.
- Дённингхаус В.* В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938) / Пер. с нем. В. Дённингхауса. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
- Джоравски Д.* Сталинский менталитет и научное знание / Д. Джоравски // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001.
- Дзевановский М.К.* Профессор Михаил Карпович (1888–1959) / М.К. Дзевановский // Славяноведение. 2002. № 1.
- Диалог со временем: Историки в меняющемся мире. М., 1996.*
- Дойчер И.* Троицкий в изгнании / И. Дойчер. М., 1991.
- Дэвид-Фокс М.* Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России / М. Дэвид-Фокс // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000.
- Дэвид-Фокс М.* Семь подходов к феномену советской системы: Разные взгляды на первую половину «краткого» XX века / М. Дэвид-Фокс // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001.
- Дэвис Р.У.* Отмена карточной системы в СССР в 1934–1935 годы / Р. Дэвис, О.В. Хлевнюк // Отечественная история. 1999. № 5.
- Дюллен С.* Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. / Пер. с фр. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009.

- Емельянов Ю.* Stalin Made in the USA / Ю. Емельянов // Слово. 2000. № 4.
- Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Жуйков Г.С.* «Критика» коммунизма буржуазными советоведами, или Апология антипартийных группировок / Г.С. Жуйков, И.М. Шишкина // Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. Л., 1973. Вып. 2.
- Жук С.И.* Современная американская историография о крестьянстве пореформенной России / С.И. Жук, Дж. Брукс // Вопросы истории. 2001. № 1.
- Задорожнюк И.* Они о нас. От старой советологии к новой русистике / И. Задорожнюк // NG. Ex Libris. 2001. 28 июня.
- Зайнетдинов Ш.Р.* Революция, насилие, прогресс (Американский историк о проблемах российской истории) / Ш.Р. Зайнетдинов // Отечественная история. 1995. № 5.
- Зараев М.* Тяжелая ноша. Документы Смоленского архива – о событиях шестидесятилетней давности, предшествовавших коллективизации / М. Зараев, С. Шведов // Огонек. 1989. № 26.
- Земсков В.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) / В. Земсков // Социологические исследования. 1991. № 6, 7.
- Земсков В.* К вопросу о масштабах репрессий в СССР / В. Земсков // Социологические исследования. 1995. № 3.
- Земсков В.Н.* Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) / В.Н. Земсков // История СССР. 1991. № 5.
- Земсков В.Н.* О некоторых проблемах «Большого террора» 1937–1938 годов / В.Н. Земсков // Отечественная история. 2000. № 1.
- Зиновьев А.А.* Русская судьба. Исповедь отщепенца / А.А. Зиновьев. М., 1999.
- Злобин Г.* Мифы американской советологии / Г. Злобин // Иностранная литература. 1976. № 7.
- И снова об историках-«ревизионистах»* // Отечественная история. 1999. № 3.
- И.Ф.* Рец. [Шейла Фицпатрик. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001] / И.Ф. // Неприкосновенный запас. 2001. № 3(17).
- Иван Smith.* Современный антиквариат / Иван Smith // Новое литературное обозрение. 2001. № 5.
- Игрицкий Ю.И.* Еще раз по поводу «социальной истории» и «ревизионизма» в изучении сталинской России / Ю.И. Игрицкий // Отечественная история. 1999. № 3.
- Игрицкий Ю.И.* Самоанализ буржуазных советологов / Ю.И. Игрицкий // История СССР. 1965. № 5.
- Игрицкий Ю.* Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе / Ю. Игрицкий // История СССР. 1990. № 6.
- Игрицкий Ю.М.* Американская советология: переоценка ценностей / Ю.И. Игрицкий, Л.К. Шкаренков // Проблемы социализма в идейной борьбе. М., 1989.
- Игрицкий Ю.* Снова о тоталитаризме / Ю. Игрицкий // Отечественная история. 1993. № 1.
- Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева* // Отечественная история. 2000. № 2.
- Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Илюхов А.А.* Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Илюхина Р.М.* Вопросы истории советского общества на страницах американского журнала «The American Slavic and East-European Review» 1941–1961 / Р.М. Илюхина // История СССР. 1962. № 3.
- Интервью с профессором Джеффри Хоскингом* // Отечественная история. 1997. № 5.
- Ирибаджаков Н.* Клио перед судом буржуазной философии. К критике современной идеалистической философии истории / Н. Ирибаджаков. М., 1972.
- Истер Дж.М.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.amstud.msu.ru/full_text/texts/dementyev/.
- История России: диалог российских и американских историков.* Саратов, 1994.
- История социологии в Западной Европе и США.* М., 2001.
- История СССР в современной западной немарксистской историографии. Критический анализ.* М., 1990.
- История сталинизма: итоги и проблемы изучения.* Материалы Международной научной конференции (Москва, 5–7 декабря 2008 г.). М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
- История сталинизма: репрессированная российская провинция.* Материалы Международной научной конференции (Смоленск, 9–11 октября 2009 г.) / Под ред. Е.В. Кодиной. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

- Кабытов П.С.* Зенит «прекрасной эпохи»: сталинизм глазами американских историков / П.С. Кабытов, О.Б. Леонтьева // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001.
- Кабытов П.С.* Новая книга по русской истории / П.С. Кабытов, О.Б. Леонтьева [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ssu.samara.ru/science/vestnik/2000web3/Life/200031403.htm>.
- Каммен М.* Современная американская историография и «проблемная история» / М. Каммен // Вопросы истории. 1998. № 3.
- Кан А.С.* Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР / А.С. Кан // Отечественная история. 2003. № 1.
- Каневский Б.П.* Национальная программа публикации исторических документов в США / Б.П. Каневский // Исторический архив. 1956. № 3.
- Кантор Р.Е.* Американский историк об изучении истории России и СССР в США / Р.Е. Кантор // Вопросы истории. 1971. № 4.
- Кантор Р.Е.* Рец. [Московский журнал «Вопросы истории». Избранная критическая библиография за 1956–1986 гг.] / Р.Е. Кантор // Вопросы истории. 1987. № 6.
- Каптелов Б.И.* Документы по истории народов СССР в архивах и библиотеках США / Б.И. Каптелов // Советские архивы. 1980. № 4.
- Карпачев М.Д.* Истоки российской революции: легенды и реальность / М.Д. Карпачев. М., 1990.
- Карпов С.В.* Российская эмиграция в информационной войне против Советского Союза / С.В. Карпов // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сб. ст. СПб., 2000.
- Карр Э.* Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929 / Э. Карр. М., 1990.
- Кваша А.* Цена побед / А. Кваша // СССР: демографический диагноз. М., 1990.
- Кенан Дж.Ф.* Америка и русское будущее / Дж.Ф. Кенан // Новая и новейшая история. 2001. № 3.
- Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009.
- Кодин Е.* «Смоленский архив» и американская советология / Е. Кодин. Смоленск, 1998.
- Кодин Е.В.* «Гарвардский проект» / Е.В. Кодин. М., 2003.
- Коммунизм, террор, человек. Дискуссионные статьи на тему «Черной книги коммунизма» / Пер. с нем. Киев, 2001.
- Кондратьева Т.С., Соколов А.К.* Режимные люди в СССР. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009.
- Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008.
- Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009.
- Конквест Р.* [Интервью] / Р. Конквест // Московские новости. 1989. № 13.
- Конквест Р.* Большой террор / Р. Конквест // Нева. 1989. № 9–12; 1990. № 1–12.
- Конквест Р.* Большой террор / Р. Конквест. Editioni Aurora, Firenze, 1974.
- Конквест Р.* Жатва скорби / Р. Конквест // Вопросы истории. 1990. № 1, 4.
- Конквест Р.* Жатва скорби / Р. Конквест. Overseas Publications Interchange Ltd., 1988.
- Конквест Р.* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом / Р. Конквест // Новый мир. 1989. № 10.
- Кораблева И.Г.* Рец. [Роберт Майер. Стахановское движение. 1935–1938 гг. Стахановское движение как катализирующий фактор сталинизации советского общества] / И.Г. Кораблева // Отечественная история. 1992. № 6.
- Корнилов А.А.* Серверы крупнейших организаций русской эмиграции в США / А.А. Корнилов // Международные отношения в XXI веке: новые действующие лица, институты и процессы. М.: Нижний Новгород, 2001.
- Коровицына Н.В.* От изучения социальных трансформаций к обновленным восточноевропейским исследованиям / Н.В. Коровицына // Социологические исследования. 2004. № 11.
- Королев С.А.* Буржуазная «советология» на службе антикоммунизма / С.А. Королев. М., 1983.
- Корчагова М.Н.* Проблемы аграрной истории Октябрьской революции и гражданской войны в англоязычной литературе (Историографический обзор) / М.Н. Корчагова // Отечественная история. 1994. № 4–5.
- Косачев В.Г.* Рец. [Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М.; Свердловск, 1991] / В.Г. Косачев // Вопросы истории. 1993. № 8.
- Косых Г.* Против буржуазной фальсификации истории КПСС и советского общества / Г. Косых. Л., 1971.
- Коткин С.* Говорить по-большевистски (из кн. «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») / С. Коткин // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001.
- Коэн С.* Большевизм и сталинизм / С. Коэн // Вопросы философии. 1989. № 7.

- Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938 / С. Коэн. М., 1998.
- Коэн С. Предчувствие сталинизма / С. Коэн // Огонек. 1990. № 28.
- Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009.
- Краснов И.М. Изучение темы СССР в США: некоторые цифры и факты / И.М. Краснов // История СССР. 1964. № 6.
- Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972.
- Критика буржуазных концепций истории СССР. М., 1982.
- Критика современных антимарксистских фальсификаций развития социализма М., 1985.
- Кром М.М. Антропологический подход к изучению русского средневековья (заметки о новом направлении в американской историографии) / М.М. Кром // Отечественная история. 1999. № 6.
- «Круглый стол». Деятельность Центра североамериканских исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 6.
- Кудров В. Достоинства и недостатки западной экономической советологии / В. Кудров, В. Трель // Вопросы экономики. 2000. № 11.
- Кузьмина В.Д. Вопросы истории СССР в Oxford Slavic Papers / В.Д. Кузьмина, А.Л. Хорошкевич // История СССР. 1958. № 1.
- Куромия Х. Сталинский «великий перелом» и процесс над «Союзом освобождения Украины» / Х. Куромия // Отечественная история. 1994. № 1.
- Куромия Х. О «слабости» сталинской России / Х. Куромия // Отечественная история. 2003. № 4.
- Лавринович М. Рец. [Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000] / М. Лавринович // Неприкосновенный запас. 2001. № 3(17).
- Лакер У. С кем вы, мастера статистики? / У. Лакер // Новое время. 1993. № 20.
- Лёве Х.-Д. Сталин / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009.
- Левин М. Режимы и исторические процессы в России XX века / М. Левин // Куда идет Россия? М., 1996. № 3.
- Лейбович О.Л. «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009.
- Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М.: РОССПЭН, 2008.
- Леонов С.В. Американские историки о советском обществе времен гражданской войны / С.В. Леонов // Вопросы истории. 1993. № 4.
- Лившин А.А. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Литвин А. Российская историография большого террора [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.infran.ru/vovenko/60years_ww2/demogr7.htm.
- Лукин А.В. Англоязычная советология и общественные науки в России / А.В. Лукин // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 9.
- Лукоянов И.В. Рец. [Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: Очерки истории. Рязань, 2002] / И.В. Лукоянов // Отечественная история. 2004. № 4.
- Люкс Л. История России и Советского Союза: От Ленина до Ельцина / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009.
- Майер Р. О чудесах и чудовищах. Стахановское движение и сталинизм / Р. Майер // Отечественная история. 1993. № 3.
- Максудов С. О публикациях в журнале «Социс» / С. Максудов // Социологические исследования. 1995. № 3.
- Максудов С. Потери населения СССР / С. Максудов. Нью-Йорк, 1989.
- Максудов С. Потери населения СССР в годы коллективизации / С. Максудов // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1.
- Малиа М. В поисках истинного Октября (Размышления о советской истории, западной советологии и новой книге Ричарда Пайпса) / М. Малиа // Отечественная история. 1992. № 4.
- Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии / М. Малиа // Отечественная история. 1997. № 5.
- Малиа М. Советская история / М. Малиа // Отечественная история. 1999. № 3.
- Малов Ю. Критика буржуазных фальсификаторов марксистско-ленинского учения о руководящей роли коммунистической партии в социалистическом обществе / Ю. Малов. М., 1983.

- Маннинг Р.Т.* Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны. 1935–1940 годы / Р.Т. Маннинг // Отечественная история. 2001. № 5.
- Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», М., 2011.
- Марушкин Б.И.* История в современной идеологической борьбе (строительство социализма в СССР сквозь призму антикоммунистической историографии США) / Б.И. Марушкин. М., 1972.
- Марушкин Б.И.* История и политика. Американская буржуазная историография советского общества / Б.И. Марушкин. М., 1969.
- Марушкин Б.И.* Против буржуазных фальсификаций истории советского общества / Б.И. Марушкин. М., 1973.
- Марушкин Б.И.* Советология: расчеты и просчеты / Б.И. Марушкин. М., 1976.
- Масловский М.В.* Исследования советского общества в неовеберрианской исторической социологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nationalism.org/library/science/sociology/maslovsky/maslovsky-sj-2001.htm>.
- Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Медведев Ж.* Личный архив Сталина – засекречен или ликвидирован? / Ж. Медведев, Р. Медведев // Вопросы истории. 2001. № 3.
- Меерович М.Г., Коньшиева Е.В., Хмельницкий Д.С.* Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
- Меерович М.Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2008.
- Международный проект «Нестор» – «Партнерство во имя истории» // Отечественная история. 2004. № 3.
- Меньковский В.И.* Англо-американская советология: история, современность, академические ресурсы / В.И. Меньковский. Минск, 2000.
- Меньковский В.И.* Власть и советское общество в 1930-е годы: англо-американская историография проблемы / В.И. Меньковский. Минск, 2001.
- Мерль Ш.* Голод 1932–1933 годов – геноцид украинцев для осуществления политики русификации? / Ш. Мерль // Отечественная история. 1995. № 1.
- Мерцалов А.Н.* В поисках исторической истины: Очерки методологии критики буржуазной историографии / А.Н. Мерцалов. М., 1984.
- Мигранян А.* Реформа политической системы: куда она ведет / А. Мигранян // СССР: демографический диагноз. М., 1990.
- Миллер Ф.* Сталинский фольклор / Пер. с англ. / Ф. Миллер. СПб., 2006.
- Миронов Б.Н.* Пришел ли постмодернизм в Россию? / Б.Н. Миронов // Отечественная история. 2003. № 3.
- Монтефиоре С.* Сталин: Двор Красного монарха / С. Монтефиоре; Пер. с англ. С. Манукова. М., 2005.
- Мурашко Г.П.* К дискуссии о типах тоталитаризма / Г.П. Мурашко // Вопросы истории. 2001. № 8.
- Надькин Т.Д.* Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Нахапетов Б.А.* Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009.
- Национальные отношения в СССР и советология – центры, архивы, концепции. М., 1988.
- Неизвестный Э.* Лик – лицо – личина / Э. Неизвестный // Знамя. 1990. № 12.
- Некрасов А.А.* Питирим Сорокин в США / А.А. Некрасов // Вопросы истории. 2004. № 2.
- Некрасов А.А.* Становление и этапы развития западной советологии: Текст лекций / А.А. Некрасов. Ярославль, 2000.
- Неуслышанные голоса. Документы Смоленского архива. Книга первая. 1929. Кулаки и партийцы / Сост. С. Максудов. Анн Арбор, 1987.
- Нитобург Э.* Русские трудовые иммигранты в США (конец XIX в. – 1917 г.): адаптация и судьбы / Э. Нитобург // Отечественная история. 2002. № 5.
- Нитобург Э.Л.* В поисках своей ниши в американском обществе (третья волна русских эмигрантов в США) / Э.Л. Нитобург // Отечественная история. 2004. № 1.
- Нитобург Э.* Русские «перемещенные лица» в США: история и судьбы / Э. Нитобург // Новая и новейшая история. 2001. № 4.
- Нитобург Э.* Русские в США: История и судьбы. 1870–1970: Этноисторический очерк / Э. Нитобург. М., 2005.
- Новейшие подходы к изучению истории в современной зарубежной историографии: Материалы Международного семинара историков в Ярославле. Ярославль, 1997.
- Ноув А.* Экономическая советология в Великобритании и Америке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ise.spb.ru/science/Nove/sovetology.html>.

- Оджей М.* К вопросу о кадрах механизаторов в советском сельском хозяйстве (1929–1939 гг.) / М. Оджей // Отечественная история. 1993. № 2.
- Олегина И.Н.* Журнал «The Russian Review» в 1998–1999 годах / И.Н. Олегина // Отечественная история. 2000. № 6.
- Орлов А.* Смоленский архив: 60 лет спустя [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mosoblpress.ru/mosk/show.shtml?d_id=370.
- Орлов И.Б.* Книги о «слабых мира сего» / И.Б. Орлов // Отечественная история. 1999. № 6.
- Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2008.
- Осокина Е.А.* Золото для индустриализации: «ТОРГСИН». М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009.
- Осокина Е.А.* Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) / Е.А. Осокина // История СССР. 1991. № 5.
- Павлова И.В.* Американский историк-русист о времени и о себе / И.В. Павлова // Вопросы истории. 2004. № 7.
- Павлова И.В.* Власть и общество в СССР в 1930-е годы / И.В. Павлова // Вопросы истории. 2001. № 10.
- Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма / И.В. Павлова. Новосибирск, 2001.
- Павлова И.В.* Понимание сталинской эпохи и позиция историка / И.В. Павлова // Вопросы истории. 2002. № 10.
- Павлова И.В.* Рецензия [Сталинское политбюро в 30-е годы: сб. док. М., 1995] / И.В. Павлова // Вопросы истории. 1995. № 11–12.
- Павлова И.* Современные западные историки сталинской России 30-х гг. (Критика «ревизионистского» подхода) / И. Павлова // Отечественная история. 1998. № 5.
- Пайпс Р.* Мiнуўшчына Расеi i яе будучыня / Р. Пайпс; Пер. с англ. // АРСНЕ. 2000. № 1.
- Пайпс Р.* Россия при большевиках / Р. Пайпс; Пер. с англ. М., 1997.
- Пайпс Р.* Собственность и свобода / Р. Пайпс; Пер. с англ. М., 2000.
- Пайпс Р.* Я жил. Мемуары непримкнувшего / Р. Пайпс; Пер. с англ. М., 2005.
- Первухина К.М.* История Октябрьской революции в англоязычной литературе конца 70–80-х годов. Основные проблемы / К.М. Первухина // История СССР. 1991. № 3.
- Петро Н.О.* О концепции новой политической культуры, или Основная ошибка советологии / О.Н. Петро // Полис. 1998. № 1.
- Петров Н. Янсен М.* «Сталинский питомец» Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2008.
- Петров Е.В.* «Русская тема» на Западе. Словарь-справочник по американскому россиеведению / Е.В. Петров. СПб., 1997.
- Петров Е.В.* Американское россиеведение. Словарь-справочник / Е.В. Петров. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://petrov5.tripod.com/welcome.htm>.
- Петров Е.В.* История американского россиеведения: курс лекций / Е.В. Петров. СПб., 1998.
- Петров Е.В.* Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США: Первая половина XX столетия: Источники и историография / Е.В. Петров. СПб., 2000.
- Пивоваров Е.Г.* Формирование коллекции славянских материалов Библиотеки Конгресса США (1800–1933 гг.) / Е.Г. Пивоваров. СПб., 2005.
- Плимак Е.Г.* «Факты, которыми мы на сегодня располагаем, внушительны». О книге «Был ли Сталин агентом охраны» / Е.Г. Плимак, В.С. Антонов // Отечественная история. 2001. № 1.
- Поварницына Б.И.* «Русский вопрос» глазами американцев (американская историография 1985–2000 годов о положении русских в СССР и в постсоветских государствах) / Б.И. Поварницына. Пермь, 2002.
- Поляков Ю.А.* Человек в повседневности (исторические аспекты) / Ю.А. Поляков // Отечественная история. 2000. № 3.
- Полян П.* Человек и большой террор / П. Полян // Знамя. 1990. № 11.
- Помпер Ф.* Троцкий и Мартов / Ф. Помпер // История СССР. 1991. № 5.
- Попов А.В.* Памяти Джорджа Фишера / А. В. Попов // Русская газета. 2005. № 29.
- Попов А.В.* Российское православное зарубежье: история и источники / А.В. Попов. М., 2005.
- Попов А.В.* Русские архивы и музеи в США / А.В. Попов // Вопросы истории. 1999. № 6.
- Попов А.В.* Русское зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования / А.В. Попов. М., 1998.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги. В 2 т. / К. Поппер. М., 1992.
- Поч Р.* Все жертвы Сталина / Р. Поч // La Vanguardia. 2001. 5 июня.
- Прозоров Б.* Преемственность основных функций американской советологии (от изучения СССР к изучению посткоммунистической России) / Б. Прозоров // Власть. 2001. № 9.

- Пространственные факторы в формировании партийных систем. Диалог американистов и постсоветологов / Под ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2002.
- Против буржуазной фальсификации истории советского общества. Л., 1967.
- Против фальсификаций опыта социалистического строительства в СССР. М., 1973.
- Рабинович А.* Меня считали буржуазным фальсификатором / А. Рабинович // Беларускі гістарычны часопіс. 1998. № 4.
- Развитой социализм и кризис «советологии». М., 1982.
- Редлих Р.Н.* Сталинщина как духовный феномен. (Очерки большевизмоведения) / Р.Н. Редлих. Франкфурт-на-Майне, 1956.
- Рейли Д. Дж.* «Изъясняться по-большевистски», или Как саратовские большевики изображали своих врагов / Д. Дж. Рейли // Отечественная история. 2001. № 4.
- Рибер А.* Изучение истории России в США / А. Рибер // Исторические записки 3 (121). М., 2000.
- Розенберг У.* Формирование новой российской государственности / У. Розенберг // Отечественная история. 1994. № 1.
- Рольф М.* Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009.
- Романовский Н.В.* Изучение истории СССР в Бирмингемском университете / Н.В. Романовский // История СССР. 1975. № 4.
- Росов В.А.* Еще раз в русских архивах в США / В.А. Росов // Вопросы истории. 2000. № 7.
- Россия в США: Сб. ст. / Ред. А.В. Попов. М., 2001.
- Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996.
- Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994.
- Рыбаков А.Н.* Роман-воспоминание / А.Н. Рыбаков. М., 1997.
- Савельева И.* Наши переводы доходят и до провинции / И. Савельева // Книжное обозрение. 2001. № 8.
- Салов В.И.* Историзм и современная буржуазная историография / В.И. Салов. М., 1977.
- Сальникова А.А.* Образ историка-россиеведа в новейшей американской историографии: характеристики и самооценки / А.А. Сальникова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rsuh.ru/win/newscience/sal.htm>.
- Сальникова А.А.* Исторический источник в американской советологии / А.А. Сальникова. Казань, 1997.
- Самуэльсон Л.* Танкоград: Секреты русского тыла, 1917–1953 / Пер со швед. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Сахаров А.Н.* История Советского Союза под пером консервативных советологов 80-х годов / А.Н. Сахаров // История СССР. 1988. № 2.
- Сахаров А.Н.* История Советского Союза под пером советологов / А.Н. Сахаров. М., 1988.
- Сахаров А.Н.* Стюарт Рамсей Томпкинс: долгий путь к истории России / А.Н. Сахаров // Отечественная история. 1995. № 5.
- Свищев М.А.* Рецензия [Источники по социальной истории СССР в 30-е годы. Справочник для исследователей. Под ред. Ш. Фицпатрик и Л. Виолы. Нью-Йорк, 1990] / М. А. Свищев // Отечественная история. 1993. № 2.
- Селунская Н.Б.* Проблемы изучения массовых исторических источников в современной американской историографии / Н.Б. Селунская // История СССР. 1975. № 4.
- Семенов А.* Чем был Советский Союз и что означает его распад. Дискуссии западных историков / А. Семенов. [Электронный ресурс] Режим доступа: magazines.russ.ru/nz/2001/6/semen.html.
- Семенов Ю.Н.* Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии: Критический очерк американских и английских теорий / Ю.Н. Семенов. М., 1965.
- Сенявский А.С.* Повседневность как методологическая проблема микро- и макроисторических исследований (на материалах российской истории XX века) / А.С. Сенявский. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.auditorium.ru/conf/histr/senavsky_povs.htm.
- Сенявский А.С.* Российский тоталитаризм: урбанизация в системе факторов его становления, эволюции и распада / А.С. Сенявский // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.): сб. ст. М., 1999.
- Скворцов Л.В.* История и антиистория: К критике методологии буржуазной философии истории / Л.В. Скворцов. М., 1976.
- Скотт Дж.* За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали / Дж. Скотт. М., 1991.
- Слассер Р.* Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции / Р. Слассер. М., 1989.
- Смирнов И.В.* Прогрессивные американские авторы о Советском Союзе / И.В. Смирнов // История СССР. 1966. № 6.
- Смит С.* Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы / С. Смит // Вопросы истории. 1997. № 8.
- «Смоленский архив» как «зеркало советской действительности» // Вопросы истории. 2003. № 9, 11, 12.
- Смоленщина на страницах американской исторической литературы. Смоленск, 2000.

Соболев В. Изучение России в США и Западной Европе: Принципы прогнозирования вероятных вариантов развития на основе анализа ретроспективной информации / В. Соболев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.whoiswho.ru/russian/Curnom/22002/ref.htm>.

Советологические центры США. М., 1989.

Советский Союз глазами буржуазных советологов: сб. в 2 ч. М., 1987.

Советское прошлое: поиски понимания. «Круглый стол» // Отечественная история. 2000. № 4, 5.

Современная буржуазная историография советского общества. М., 1988.

Современная зарубежная немарксистская историография: Критический анализ. М., 1989.

Современная немарксистская историография и советская историческая наука (Беседа за круглым столом) // История СССР. 1988. № 1.

Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / Науч. ред. В.В. Кондрашин. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

Современные буржуазные теории общественного развития. М., 1984.

Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1993. № 2; 1994. № 4, 5; 1995. № 6; 1998. № 6.

Согрин В.В. Критические направления немарксистской историографии США XX века / В.В. Согрин. М., 1987.

Соколов А.Б. Британская историография в XX веке / А.Б. Соколов // Вопросы истории. 2003. № 12.

Соколов А.Б. Введение в современную западную историографию / А.Б. Соколов. Ярославль, 2002.

Соколов А.К. Политическая система советского общества в оценке американского советолога / А.К. Соколов // История СССР. 1981. № 4.

Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения / А.К. Соколов // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999.

Соломон П. Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2008.

Сталин и немцы: Новые исследования. / Под ред. Ю. Царуски. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009.

Сталинизм в российской провинции: смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков / Под общ. ред. Е.В. Кодина. Смоленск, 1999.

Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009.

Сталинизм как всемирно-историческое явление: закономерность, угроза, вызов: Материалы Междунар. науч. конф. Новосибирск. 1992. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.icie.nsc.ru/~parinov/svecha/stalinizm.htm>.

Сталинское Политбюро в 30-е годы. М., 1995.

Степанов А.В. Рец. [В.П. Булдаков, С.В. Кулешов. История образования СССР и критика ее фальсификаторов] / А.В. Степанов // Вопросы истории. 1983. № 11.

Степанов А.Ф. Письмо в редакцию / А.Ф. Степанов // Отечественная история. 2000. № 1.

Судьба «Смоленского архива» // Известия ЦК КПСС. 1991. № 5.

Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.

Такер Р. Государство и общество в Советской России / Р. Такер // Отечественная история. 2000. № 4.

Такер Р. Сталин у власти: История и личность. 1928–1941 / Р. Такер. М., 1997.

Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879–1929. История и личность / Р. Такер. М., 1991.

Тараторкин Ф.Г. Изучение истории зарубежной России в контексте проблемы историографического диалога / Ф.Г. Тараторкин // Россия в новое время: выбор пути исторического развития: Материалы межвузовской науч. конф. 22–23 апреля 1994 г. М., 1994.

Тараторкин Ф.Г. Формирование образа России в британской России второй половины XIX – начала XX в. / Ф.Г. Тараторкин // Россия в новое время: историографический образ и проблемы интерпретации: сб. докл. I–V науч. конф. М., 1998.

Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.

Телицын В.Л. Рецензия [Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. М., 1997] / В.Л. Телицын // Отечественная история. 2000. № 4.

Тишков А.В. История и историки в США / А.В. Тишков. М., 1985.

Тойнби А. Постигание истории / А. Тойнби. М., 1991.

Тольц М.С. Недоступное измерение / М.С. Тольц // В человеческом измерении. М., 1989.

Тоталитаризм как исторический феномен. Владивосток, 1996.

Тоталитаризм: что это такое? Исследования зарубежных политологов: Сб. ст., обзоров, рефератов, переводов. В 2 т. М., 1993.

- Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. 1927–1939 / Редкол. В. Данилов и др. М., 1999. Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929.
- Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. 1927–1939 / Гл. ред. В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола. М., 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930.
- Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. 1927–1939 / Сост. В. Данилов и др. М., 2001. Т. 3: Конец 1930–1933.
- Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. 1927–1939 / Под. ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виола. М., 2002. Т. 4: 1934–1936.
- Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. 1927–1939 / Сост. В. Данилов и др. М., 2004. Т. 5: 1937–1939, кн. 1: 1937.
- Ульянкина Т.И. Культурное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.). Междунар. конф. / Т.И. Ульянкина, В.А. Москвин // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 2.
- Ульянкина Т.И. М.М. Новиков. Русская академическая акция (Прага, Братислава, Мюнхен, Нью-Йорк) / Т.И. Ульянкина, Д.А. Александров // ИИЕТ РАН. Годичная науч. конф. 1998. М., 1999.
- Ульянкина Т.И. Русские ученые-эмигранты в Великобритании (1917–1940-е гг.) / Т.И. Ульянкина // ИИЕТ РАН. Годичная науч. конф. 1998. М., 1999.
- Ульянова Г.Н. Новейшая американская историография российской благотворительности / Г.Н. Ульянова // Отечественная история. 1995. № 1.
- Уткин А.И. Рец. [Арутюнов А.А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М., 1999] / А.И. Уткин, А.И. Степанов // Отечественная история. 2000. № 5.
- Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности»: (Очерки теории) / З.И. Файнбург. М., 1991.
- Филатова Н.В. Историзм и советология / Н.В. Филатова // Вопросы истории. 1982. № 1.
- Филитов А.М. «Холодная война». Историографические дискуссии на Западе / А.М. Филитов. М., 1991.
- Филитов А.М. Научные связи историков в годы «холодной войны»: взгляд с «другой стороны» / А.М. Филитов // Отечественная история. 2000. № 4.
- Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации / Ш. Фицпатрик // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001.
- Фицпатрик Ш. Как мыши kota хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. / Ш. Фицпатрик // Судьбы российского крестьянства. М., 1995.
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. М., 2002.
- Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
- Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Ш. Фицпатрик. М., 2001.
- Фоглесонг Д. Американские надежды на преобразование России во время Второй мировой войны / Д. Фоглесонг // Новая и новейшая история. 2003. № 1.
- Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма / Ф.А. Хайек. М., 1992.
- Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. М., 2003.
- Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Хеймсон Л. Об истоках революции / Л. Хеймсон // Отечественная история. 1993. № 6.
- Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. Хлевнюк О. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы / О. Хлевнюк. М., 1996.
- Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст / П. Холквист // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001.
- Холмс Л. Социальная история России: 1917–1991 / Л. Холмс. Ростов, 1994.
- Хорхордина Т.И. Архивы и тоталитаризм (Опыт сравнительно-исторического анализа) / Т.И. Хорхордина // Отечественная история. 1994. № 6.
- Хоскинг Д. История Советского Союза. 1917–1991. 2-е изд., испр. / Д. Хоскинг. М., 1995.
- Хоскинг Дж. Я – русский националист / Дж. Хоскинг // Известия. 2001. 1 авг.
- Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы / В.В. Цаплин // Вопросы истории. 1989. № 4.
- Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья в оценке современных исследователей / В.И. Цепилова // Известия УрГУ. 2003. № 27.
- Цимбаев Н. Форум исследователей / Н. Цимбаев // Вопросы литературы. 2003. № 5.
- Чаликова В. Английские летописцы нашей беды / В. Чаликова // Знамя. 1990. № 12.

- Чейз У. Троцкий в Мексике. К истории его негласных контактов с правительством США (1937–1940) / У. Чейз // Отечественная история. 1995. № 4.
- «Через группы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. В 2 т. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. Т. 1.
- Чернявский Г.И. Рец. [Д. Брукс. Спасибо товарищу Сталину! Советская официальная культура от революции до холодной войны] / Г.И. Чернявский // Вопросы истории. 2000. № 9.
- Чернявский Г.И. Рец. [У.Дж. Чейз. Враги в собственном лагере? Коминтерн и сталинские репрессии, 1934–1939] / Г.И. Чернявский // Вопросы истории. 2003. № 5.
- Что нам позволено? Идеология и практика // В человеческом измерении. М., 1989.
- Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин / Ф.И. Чуев. М.: Олма-Пресс, 2000.
- Шахназаров Г.Х. С вожжами и без них / Г.Х. Шахназаров. М., 2001.
- Шведов А. Убить советологию / А. Шведов // Известия. 2003. 27 сент.
- Швецов В.В. С точки зрения Запада / В.В. Швецов. М., 1997.
- Шестопал Е.Б. Рец. [Такер Р. Сталин у власти. Революция сверху, 1928–1941] / Е.Б. Шестопал // История СССР. 1991. № 5.
- Шлэгель К. Террор и мечта. Москва 1937. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
- Штудер Б., Унфрид Б. Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011
- Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
- Яковлев А.Н. Омут памяти / А.Н. Яковлев. М., 2000.
- Ямпольский М. Постсоветский гуманитарий между Россией и Западом. Личные заметки о научной институции / М. Ямпольский // Новое литературное обозрение. 2001. № 4.
- Abel, L. Looking Back at Sovietology: An Interview with William Odom and Alexander Dallin / L. Abel // Occasional Papers (Kennan Institute for Advanced Russian Studies). Vol. 239. Washington, 1990.
- Abele, D. On the Crimes of Lenin, Stalin and Hitler / D. Abele // Partisan Review. 1991. Vol. 58. Is. 1.
- Ackermann, K. Das Land der stummen Millionen / K. Ackermann. Tübingen, 1951.
- Adams, A. Stalin and His Times / A. Adams. New York, 1972.
- Adams, A. The Hybrid Art of Sovietology / A. Adams // Survey. 1964. No. 50.
- Adler, L. Red Fascism: The Merger of Nazi Germany and Soviet Russia in the American Image of Totalitarianism, 1930–1950 / L. Adler, T. Patterson // The American Historical Review. 1970. Vol. 75. No. 4.
- Alexopoulos, G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man / G. Alexopoulos // Slavic Review. 1998. Vol. 57. No. 4.
- Alexopoulos, G. Stalin's Outcasts. Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936 / G. Alexopoulos. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003.
- Ali, T. Revolution from Above: Where is the Soviet Union Going? / T. Ali. London, 1988.
- Allen, R. Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution / R. Allen. Princeton, 2003.
- Almond, G.A. Commentary: The Record of Soviet Studies / G. A. Almond // Beyond Soviet Studies / Edited by Daniel Orlovsky. Washington, D.C.; Baltimore, Md., 1995.
- Almond, G. Comparative Political Systems / G. Almond // Journal of Politics. 1956. Vol. 18. Is. 3.
- Almond, G. Model Fitting in Communism Studies / G. Almond, L. Roselle // The Nature of the Soviet System. New York, 1992.
- Alt, H. The New Soviet Man: His Upbringing and Character Development / H. Alt, E. Alt. New York, 1964. American Research on Russia. Bloomington, 1959.
- Andersen, B.B. Tautologies in the Study of Excess Mortality in the USSR in the 1930s / B. Andersen, B. Silver // Slavic Review. 1986. Vol. 45. No. 2.
- Andersen, B. Demographic Analysis and Population Catastrophes in the USSR / B. Andersen, D. Silver // Slavic Review. 1985. Vol. 44. No. 3.
- Anderson, P. Trotsky's Interpretation of Stalinism / P. Anderson // New Left Review. 1983. Vol. 139. No. 1.
- Andrle, V. A Social History of Twentieth-century Russia / V. Andrle. London; New York, 1994.
- Andrle, V. Demons and Devil's Advocates: Problems in Historical Writing on the Stalin Era // Stalinism: Its Nature and Aftermath: Essays in Honour of Moshe Lewin / V. Andrle. Armonk, 1992.
- Andrle, V. Workers in Stalin's Russia: Industrialization and Social Change in Planned Economy / V. Andrle. New York, 1988.
- Angotti, T. The Stalin Period: Opening Up History / T. Angotti // Science & Society. 1988. Vol. 52. Is. 3.
- Arato, A. Dictatorship Before and After Totalitarianism / A. Arato // Social Research. 2002. Summer. Vol. 69. No. 2.
- Arendt, H. The Origins of Totalitarianism / H. Arendt. New York, 1951.
- Arendt, H. The Origins of Totalitarianism. New ed / H. Arendt. New York, 1966.

- Armstrong, J.* Comments on Professor Dallin's «Bias and Blunders in American Studies on the USSR» / J. Armstrong // *Slavic Review*. 1973. Vol. 73. No. 3.
- Armstrong, J.* Ideology, Politics and Government in the Soviet Union, an Introduction / J. Armstrong. New York, 1962.
- Armstrong, J.* New Essays in Sovietological Introspection / J. Armstrong // *Post-Soviet Affairs*. 1993. No. 9.
- Armstrong, J.* Sources of Administrative Behavior: Some Soviet and Western European Comparisons / J. Armstrong // *American Political Science Review*. 1965. Vol. 59. Is. 3.
- Armstrong, J.* The Politics of Totalitarianism: The Communist Party of the Soviet Union from 1934 to the Present / J. Armstrong. New York, 1961.
- Atkinson, D.* Soviet and East-European Studies in the United States / D. Atkinson // *Slavic Review*. 1988. Vol. 47. No. 3.
- Authority, Power and Policy in the USSR: Essays Dedicated to Leonard Schapiro. London, 1983.
- Azrael, J.* Managerial Power and Soviet Politics / J. Azrael. Cambridge, 1966.
- Backer, G.* The Deadly Parallel: Stalin and Ivan the Terrible / G. Backer. New York, 1950.
- Bacon, E.* The Gulag at War: Stalin's Forced Labour System in the Light of the Archives / E. Bacon. New York, 1994.
- Bailes, K.* Stalin and the Making of a New Elite: A Comment / K. Bailes // *Slavic Review*. 1980. Vol. 39. No. 2.
- Bailes, K.* Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941 / K. Bailes. Princeton, 1978.
- Barber, J.* The Composition of the Soviet Working Class, 1928–1941 / J. Barber // CREES Discussion Papers, Soviet Industrialization Project. No. 16. Birmingham, 1978.
- Barber, J.* Working-Class Culture and Political Culture in the 1930s / J. Barber // *The Culture of the Stalin Period*. New York, 1990.
- Barghoorn, F.* «Understanding» Stalin – or Critically Judging Him? / F. Barghoorn // *Soviet Union*. 1981. Vol. 8. Pt. 1.
- Barghoorn, F.* Politics in the USSR: A Country Study / F. Barghoorn. Boston, 1966.
- Barnett, V., Zweynert J.* Economics in Russia. Studies in Intellectual History. Aldershot, 2008.
- Baron, N.* History, Politics and Political Culture: Thoughts on the Role of Historiography in Contemporary Russia / N. Baron [Electronic resource] Mode of access: http://www.cromohs.unifi.it/5_2000/baron.html.
- Baron, N.* Stalinist Planning as Political Practice: Control and Repression on the Soviet Periphery, 1935–1938 / N. Baron // *Europe–Asia Studies*. 2004. Vol. 56. No. 3.
- Bauer, R.* How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes / R. Bauer, A. Inkeles, C. Kluckhohn. Cambridge, 1956.
- Bauer, R.* The Soviet Citizen / R. Bauer, A. Inkeles. Cambridge/Mass., 1961.
- Beck, F.* Russian Purge and Extraction of Confession / F. Beck, W. Godin. New York, 1951.
- Behind the Facade of Stalin's Command Economy: Evidence from the Soviet State and Party Archives. Edited by Paul R. Gregory. Hoover Institution Press Publication, 2001.
- Beichelt, T.* Autocracy and Democracy in Belarus, Russia and Ukraine / T. Beichelt // *Democratization*. 2004. Vol. 11. No. 5.
- Beichman, A.* From Sovietology to Putinology / A. Beichman // *Washington Times*, 2004. 8 March.
- Beichman, A.* Putinology Study / A. Beichman [Electronic resource] Mode of access: <http://hnn.us/roundup/comments/4067.html>.
- Belin, L.* Political Bias and Self-Censorship in the Russian Media / L. Belin // *Contemporary Russian Politics. A Reader* / Edited by Archie Brown, Oxford University Press, 2000.
- Bell, D.* Ten Theories in Search of Reality / D. Bell // *World Politics*. 1958. Vol. 10, No. 3.
- Berliner, J.* Soviet Industry from Stalin to Gorbachev: Studies in Management and Technological Progress / J. Berliner. Ithaca, 1988.
- Bettelheim, C.* Stalinism as the Ideology of State Capitalism / C. Bettelheim, B. Chavance // *Review of Radical Political Economics*. 1981. Vol. 13. Is. 1.
- Between Totalitarianism and Pluralism. New York; London, 1992.
- Beyond Soviet studies. Washington, 1995.
- Beyond Sovietology. International Relations Theory and the Study of Soviet / Russian Foreign and Security Policy. Helsinki, 1998.
- Beyond Sovietology: Essays in Politics and History. Armonk, 1993.
- Bialer, S.* Stalin's Successors: Leadership, Stability and Change in the Soviet Union / S. Bialer. Cambridge, 1980.
- Binner, R.* The Great Terror in the Provinces of the USSR / R. Binner, M. Junge, T. Martin [Electronic resource] Mode of access: http://www.daviscenter.fas.harvard.edu/research_portal/great_terror.pdf.
- Black, C.* American Teaching about Russia / C. Black, J. Thompson. Bloomington, 1959.
- Boffa, G.* The Stalin Phenomenon / G. Boffa. Ithaca, 1992.

- Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution. Bloomington, 1985.
- Bonnell, V.* The Peasant Woman in Stalinist Political Art of the 1930's / V. Bonnell // *American Historical Review*. 1993. Vol. 98. Is. 1.
- Boterbloem, K.* Life and Death under Stalin: Kalinin Province, 1943–1953 / K. Boterbloem. Montreal, 1999.
- Bown, M.* Art under Stalin / M. Bown. New York, 1991.
- Brandenberger, D.* From Proletarian Internationalism to Populist Russocentrism: Thinking about Ideology in the 1930s as More than Just a 'Great Retreat' / D. Brandenberger [Electronic resource] Mode of access: <http://nationalism.org/library/science/ideology/brandenberger/brandenberger-havighurst.pdf>.
- Breslauer, G.* In Defense of Sovietology / G. Breslauer // *Post-Soviet Affairs*. 1992. Vol. 8. Is. 3.
- Brinkley, G.* In memoriam: Robert F. Byrnes. 1917–1997 / G. Brinkley // *Review of Politics*. 1997. Vol. 59. Is. 4.
- Brinton, C.* The Anatomy of Revolution / C. Brinton. New York, 1952.
- Brooks, J.* Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture From Revolution to Cold War / J. Brooks. Princeton, 2000.
- Brower, D.* Stalinism and the «View from Below» / D. Brower // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 4.
- Brown, A.* Alec Nove / A. Brown // *Slavonic and East European Review*. 1991. Vol. 69. Is. 2.
- Brown, A.* Alec Nove, 1915–1994: An Appreciation / A. Brown, A. Cairncross // *Europe – Asia Studies*. 1997. Vol. 49. No. 3.
- Brown, A.* Evaluating Russia's Democratization / A. Brown // *Contemporary Russian Politics: a Reader* / edited by Archie Brown. Oxford; New York, 2001.
- Brown, A.* Soviet Politics and Political Science / A. Brown. London, 1974.
- Brown, A.* The Study of Totalitarianism and Authoritarianism / A. Brown // *The British Study of Politics in the Twentieth Century*. Oxford, 1999.
- Brumberg, A.* Changes in Russia and the American Right / A. Brumberg // *Dissent*. 1992. Winter. Vol. 39. Is. 1.
- Brumberg, A.* Leo Labeledz – An Appreciation of an Early Consultant to the «Journal of Contemporary History» / A. Brumberg // *Journal of Contemporary History*. 1993. Vol. 28. Is. 3.
- Brumberg, A.* Sic Transit Post-Sovietology / A. Brumberg // *The Nation*. 1996. Vol. 262. Is. 4.
- Brumberg, A.* Sovietology and the First Years of Problems of Communism. A Memoir / A. Brumberg [Electronic resource] Mode of access: <http://abe.brumberg.ABrumberg@compuserve.com>.
- Brunner, G.* The Essence of Stalinism / G. Brunner // *Problems of Communism*. 1981. Vol. 30. Is. 3.
- Brzezinski, Z.* Ideology and Power in Soviet Politics / Z. Brzezinski. New York, 1962.
- Brzezinski, Z.* Political Power, USA/USSR / Z. Brzezinski, S. Huntington. New York, 1965.
- Brzezinski, Z.* The Permanent Purge: Politics in Soviet Totalitarianism / Z. Brzezinski. Cambridge, 1956.
- Bullock, A.* Hitler and Stalin: Parallel Lives / A. Bullock. London, 1991.
- Bunce V.,* From Soviet Studies to Comparative Politics: The Unfinished Revolution / V. Bunce, J. Echols // *Soviet Studies*. 1979. Vol. 30. Is. 1.
- Bunce, V.* Comparative Democratization: Lessons from the Post-Socialist Experience / V. Bunce // *After Communism: Perspectives on Democracy* / Edited by Donald R. Kelly. Fayetteville, 2003.
- Bunce, V.* Paper Curtains and Paper Tigers / V. Bunce // *Slavic Review*. Vol. 54. No. 4. Winter 1995.
- Bunce, V.* Union of Soviet Socialist Republics / V. Bunce // *Handbook of Political Science Research on the USSR and Eastern Europe: Trends from the 1950s to the 1990s*. Westport, 1992.
- Burawoy M.* The End of Sovietology and the Renaissance of Modernization Theory / M. Burawoy // *Contemporary Sociology*. 1992. Vol. 21. Is. 6.
- Burawoy, M.* From Sovietology to Comparative Political Economy / M. Burawoy // *Beyond Soviet studies*. Washington, 1995.
- Burbank, J.* Controversies over Stalinism: Searching for a Soviet Society / J. Burbank // *Politics & Society*. 1991. Vol. 19. Is. 3.
- Burrowes, R.* Totalitarianism. The Revised Standard Version / R. Burrowes // *World Politics*. 1969. Vol. 21. Is. 2.
- Byrnes, R.* A History of Russian and East European Studies in the United States: Selected Essays / R. Byrnes. Lanham, 1994.
- Byrnes, R.* Don Treadgold: A Builder of Slavic Studies / R. Byrnes // *Religious and Secular Forces in Late Tsarist Russia: Essays in Honor of Donald W. Treadgold*. Seattle, 1992.
- Byrnes, R.* Soviet History / R. Byrnes // *Soviet Studies Guide* London; New Jersey, 1992.
- Carmichael, J.* Stalin's Masterpiece: The Show Trials and Purges of the Thirties The Consolidation of the Bolshevik Dictatorship / J. Carmichael. New York, 1976.
- Carnaghan, E.* Alienation, Apathy, or Ambivalence? "Don't Knows" and Democracy in Russia / E. Carnaghan // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. No. 2.
- Carothers, T.* The End of Transition Paradigm / T. Carothers // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. No. 1.
- Carr, E.* Studies in Revolution / E. Carr. New York, 1964.
- Carr, E.* The October Revolution: Before and After / E. Carr. New York, 1969.
- Carr, E.* The Russian Revolution from Lenin to Stalin / E. Carr. New York, 1979.

- Case Study: Party and Purge in Smolensk: 1933–1937 // *Slavic Review*. 1983. Vol. 42. No. 1.
- Cassinelli, C.* Total Revolution: A Comparative Study of Germany under Hitler, the Soviet Union under Stalin, and China under Mao / C. Cassinelli. Santa Barbara, 1976.
- Chandler, A.* The Interaction of Post-Sovietsology and Comparative Politics: Seizing the Moment / A. Chandler // *Communist and Post-Communist Studies* Chandler. 1994. Vol. 27. Is. 1.
- Chase, W.* Enemies Within the Gates? The Comintern and the Stalinist Repression, 1934–1939 / W. Chase. New Haven and London, 2001.
- Chase, W.* Social History and Revisionism of the Stalinist Era / W. Chase // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 4.
- Chase, W.* The Soviet Bureaucracy in 1935: A Socio-Political Profile // *Essays on Revolutionary Culture and Stalinism: Selected Papers from the Third World Congress for Soviet and East European Studies* / W. Chase, A. Getty. Columbus, 1990.
- Chatterjee, C.* Models of Selfhood and Subjectivity: The Soviet Case in Historical Perspective / C. Chatterjee, K. Petrone // *Slavic Review*. 2008. Vol. 67. No. 4.
- Choldin, M.* Area Studies in United States Libraries: Slavic and East European Collections / M. Choldin // *Advances in Librarianship*. San Diego, 1991. Vol. 15.
- Chronicle of a Revolution: A Western-Soviet Inquiry into Perestroika*. New York, 1990.
- Cockburn, P.* Getting Russia Wrong: The End of Kremlinology / P. Cockburn. London; New York, 1989.
- Cohen, M.* Theories of Stalinism: Revisiting a Historical Problem / M. Cohen // *Dissent*. 1992. Vol. 39. Is. 2.
- Cohen, S.* Bolshevism and Stalinism: New Reflections on an Old Problems / M. Cohen // *Dissent*. 1977. Vol. 24. Is. 2.
- Cohen, S.* Bukharin and the Bolshevik Revolution; A Political Biography, 1888–1938 / M. Cohen. New York, 1973.
- Cohen, S.* Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917 / M. Cohen. New York, 1985.
- Cohen, S.* Stalin's Terror as Social History / M. Cohen // *The Russian Review*. 1986. Vol. 45. No. 4.
- Communist Studies and the Social Sciences: Essays on Methodology and Empirical Theory*. Chicago, 1969.
- Communist Systems in Comparative Perspective*. Garden City, New York, 1974.
- Connor, W.* Foreign Area Research in the National Interest: American & Soviet perspectives / Connor W., Legvold R., Matuszewski D. New York, 1982.
- Connor, W.* Why We Surprised? / Connor W. // *American Scholar*. 1991. Vol. 60. Is. 2.
- Conquest, R.* Academe and the Soviet myth / R. Conquest // *The National Interest*. 1993. Vol. 3. Is. 22.
- Conquest, R.* History, Humanity, and Truth / R. Conquest // *National Review*. 1993. Vol. 45. Is. 11.
- Conquest, R.* Inside Stalin's Secret Police: NKVD Politics, 1936–1939 / R. Conquest. Stanford, 1985.
- Conquest, R.* Kolyma: The Arctic Death Camps / R. Conquest. New York, 1978.
- Conquest, R.* Power and Policy in the U.S.S.R. The Study of Soviet Dynasties / R. Conquest. New York, 1961.
- Conquest, R.* Revisionizing Stalin's Russia / R. Conquest // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 4.
- Conquest, R.* Stalin and the Kirov Murder / R. Conquest. New York, 1989.
- Conquest, R.* Stalin: Breaker of Nations / R. Conquest. New York, 1991.
- Conquest, R.* The Great Terror Revisited / R. Conquest // *Survey*. 1971. Vol. 16. Is. 1.
- Conquest, R.* The Great Terror: A Reassessment / R. Conquest. New York, 1990.
- Conquest, R.* The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties / R. Conquest. New York, 1968.
- Conquest, R.* The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine / R. Conquest. New York, 1986.
- Conquest, R.* The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities / R. Conquest. New York, 1970.
- Conquest, R.* To the Editor / R. Conquest // *Slavic Review*. 1986. Vol. 45. No. 2.
- Conquest, R.* Totalitarianism and Technology / R. Conquest // *Forbes*. Vol. 158. Is. 13.
- Contemporary Russian Politics: a Reader* / edited by Archie Brown. Oxford; New York, 2001.
- Contending with Stalinism. Soviet Power and Popular Resistance in the 1930 s*. Ed. by L. Viola. Ithaca and London, 2002.
- Continuity and Change in Russian and Soviet Thought*. Cambridge. 1955.
- Continuity and Change in Russian and Soviet Thought*. New York, 1967.
- Conway, M.* Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison. Review / M. Conway // *English Historical Review*. 1999. Vol. 114. Is. 455.
- Cowley, M.* Echoes from Moscow: 1937–1938 / M. Cowley // *Southern Review*. 1984. Vol. 20. Is. 1.
- Cox, M.* The End of the USSR and the Collapse of Soviet Studies / M. Cox // *Coexistence*. 1994. Vol. 31. Is. 2.
- Cox, M.* Trotsky and his Interpreters; or, will the Real Leon Trotsky Please Stand up? // M. Cox / *Russian Review*. 1992. Vol. 51. No. 1.
- Cultural Revolution in Russia, 1928–1931* / Ed. by S. Fitzpatrick. Bloomington, 1978.
- Cushman, T.* Empiricism versus Rationalism in Soviet Studies: A Rejoinder / T. Cushman // *Journal of Communist Studies*. 1990. No. 6.

- D'Agostino, A.* Soviet Succession Struggles: Kremlinology and the Russian question from Lenin to Gorbachev / A. D'Agostino Boston, 1988.
- Dallin, A.* Bias and Blunder in American Studies on the USSR / A. Dallin // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32. No. 3.
- Dallin, A.* Political Terror in Communist Systems / A. Dallin, G. Breslauer. Stanford, 1970.
- Dallin, D.* Forced Labour in Soviet Russia / D. Dallin, B. Nikolaevsky. New Haven, 1947.
- Dallin, D.* From Purge to Coexistence: Essays on Stalin's and Khrushchev's Russia / D. Dallin. Chicago, 1964.
- Dallin, D.* The Changing World of Soviet Russia / D. Dallin. New Haven, 1956.
- D'Amico, R.* Myth of the Totally Administered Society / R. D'Amico // *Telos*. 1991. Is. 88.
- Daniels, R.* Is Sovietology Dead Too? / R. Daniels // *The New Leader*. 1991. Vol. 74. Is. 10.
- Daniels, R.* Soviet Society and American Soviet Studies: a Study in Success? / R. Daniels // *Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia*. London; New York, 1998.
- Daniels, R.* The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia / R. Daniels. Cambridge, 1960.
- Daniels, R.* The Soviet Union in Post-Soviet Perspective / R. Daniels // *Problems of Communism*. 1989. Vol. 38. Is. 5.
- Daniels, R.* The Soviet Union in Post-Soviet Perspective / R. Daniels // *The Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. No. 2.
- Daniels, R.* Thought and Action under Soviet Totalitarianism: A Reply to George Enteen and Lewis Siegelbaum / R. Daniels // *The Russian Review*. 1995. Vol. 54. No. 3.
- Daniels, R.* Trotsky, Stalin and Socialism / R. Daniels. Boulder, 1991.
- Daniels, R.* Was Stalin Really a Communist? / R. Daniels // *Soviet and Post-Soviet Review*. 1993. Vol. 20. Is. 2–3.
- David-Fox, M.* Memory, Archives, Politics: The Rise of Stalin in Avtorkhanov's Technology of Power / M. David-Fox // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. No. 4.
- Davies, R.* Soviet Military Expenditure and the Armaments Industry, 1929–33: A Reconsideration / R. Davies // *Europe-Asia Studies*. 1993. Vol. 45. No. 4.
- Davies, R.* Stalin, Grain Stocks and the Famine of 1932–1933 / R. Davies, M. Tauger, S. Wheatcroft // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. No. 3.
- Davies, R.* The Socialist Offensive: The Collectivisation of Soviet Agriculture, 1929–1930 / R. Davies. Cambridge, 1980.
- Davies, R.* The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933 / R. Davies, S. Wheatcroft. Basingstoke, Hampshire and New York, 2004.
- Davies, S.* Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941 / S. Davies. Cambridge; New York, 1997.
- De Jonge, A.* Stalin and the Shaping of the Soviet Union / A. De Jonge. New York, 1986.
- Decision-making in the Stalinist Command Economy, 1932–37. New York, 1997.
- Deli, P.* The Image of the Russian Purges in the «Daily Herald» and «The New Statesman» / P. Deli // *Journal of Contemporary History*. 1985. Vol. 20. Is. 2.
- Deutscher, I.* Ironies of History: Essays on Contemporary Communism / I. Deutscher. London; New York, 1966.
- Deutscher, I.* Russia in Transition and Other Essays / I. Deutscher. New York, 1957.
- Deutscher, I.* Stalin, A Political Biography / I. Deutscher. London; New York, 1949.
- Deutscher, I.* The Prophet Armed: Trotsky, 1879–1921 / I. Deutscher. New York, 1954.
- Deutscher, I.* The Prophet Outcast: Trotsky, 1929–1940 / I. Deutscher. London; New York, 1963.
- Deutscher, I.* The Prophet Unarmed: Trotsky, 1921–1929 / I. Deutscher. London; New York, 1959.
- Deutscher, I.* The Unfinished Revolution: Russia, 1917–1967 / I. Deutscher. New York, 1967.
- Developments in Soviet and Post-Soviet Politics. Durham, 1992.
- Diamond, S.* Compromised Campus: The Collaboration of Universities with the Intelligence Community, 1945–1955 / S. Diamond. New York, 1992.
- Documents of Soviet History. Volume 5: Revolution From Above, 1929–1931. Ed. by Alex Cummins. Gulf Breeze, FL: Academic International Press, 2000.
- Dolan, J.* Sovietology Without Soviets / J. Dolan // *Book Review*. 1999. Is. 23.
- Dubovitsky, G.* Soviet Studies in American History / G. Dubovitsky // *History Teacher*. 1992. Vol. 25. Is. 3.
- Dunham, V.* In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction / V. Dunham. Cambridge; New York, 1976.
- Dunn, W.* The Soviet Economy and the Red Army, 1930–1945 / W. Dunn. Westport, 1995.
- East European and Russian Studies in the American South. Toronto, 1972.
- Eastman, M.* Stalin's Russia and the Crisis in Socialism / M. Eastman. New York, 1940.
- Easton, D.* The Political System: An Inquiry into the State of Political Science / D. Easton. New York, 1953.
- Economy and Society in Russia and the Soviet Union, 1860–1930: Essays for Olga Crisp. New York, 1992.
- Edele, M.* Soviet Society, Social Structure, and Everyday Life: Major Frameworks Reconsidered / M. Edele // *Kritika*. 2007. Vol. 8. Is. 2.

- Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge; New York, 1979.
- Elite Studies and Communist politics: Essays in Memory of Carl Beck. Pittsburgh, 1984.
- Ellman, M.* Soviet Industrialization: A Remarkable Success? / M. Ellman // *Slavic Review*. 2004. Vol. 63. No. 4.
- Ellman, M.* The Soviet 1937 Provincial Show Trials: Carnival or Terror? / M. Ellman // *Europe-Asia Studies*. 2001. Vol. 53, No. 8.
- Emmons, T.* Russia Then and Now in the Pages of «The American Historical Review» and Elsewhere: A Few Sentimental Notes / T. Emmons // *American Historical Review*. 1995. Vol. 100. Is. 4.
- Engerman, D.* In Memoriam: Joseph S. Berliner, 1921–2001 / D. Engerman [Electronic resource] Mode of access: http://www.slavica.com/kritika/v.3_3/TOC3_3.html.
- Engerman, D.* New Society, New Scholarship: Soviet Studies Programmes in Interwar America / D. Engerman // *Minerva*. 1999. Vol. 27. No. 1.
- Enteen G.* More about Stalin and the Historians: A Review Article / G. Enteen // *Soviet Studies*. 1982. Vol. 34. No. 3.
- Ericson, R.* The Classical Soviet-Type Economy: Nature of the System and Implications for Reform / R. Ericson // *Journal of Economic Perspectives*. 1991. Vol. 5. Is. 4.
- Erlich, A.* The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928 / A. Erlich. Cambridge, 1960.
- Essays on Revolutionary Culture and Stalinism: Selected Papers from the Third World Congress for Soviet and East European Studies. Columbus, 1990.
- Evans, J.* The Communist Party of the Soviet Union and the Women's Question: The Case of the 1936 Decree 'In Defense of Mother and Child' // *Journal of Contemporary History*. 1981. Vol. 16. No. 4.
- Fainsod, M.* How Russia is Ruled / M. Fainsod. Cambridge, 1953.
- Fainsod, M.* Smolensk under Soviet Rule / M. Fainsod. Cambridge, 1958.
- Fairbanks, C.* Comments on «One Step forward, Two Steps Back»: The Feudal Analogy / C. Fairbanks // *Journal of Democracy*. 2000. Vol. 11. No. 3.
- Fairbanks, C.* The Bard of Terror / C. Fairbanks // *National Review*. 1992. Vol. 44. Is. 3.
- Federally Financed Research and Communication on Soviet Affairs: Capabilities and Needs: Report to the Congress by the Comptroller General of the United States. Washington, 1980.
- Fetscher, I.* Von Marx zur Sowjetideologie / I. Fetscher // *Der Mensch im kommunistischen System: Tübinger Vorträge über Marxismus und Sowjetstaat*. Tübingen, 1957.
- Fields, G.* The Ascendancy and Calamity of the Planned Economy / G. Fields // *International Review of Sociology*. 1997. Vol. 7. Is. 2.
- Figes, O.* The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia / O. Figes. London, 2007.
- Filtzer, D.* Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941 / D. Filtzer. New York, 1986.
- Fisher, L.* Gandhi and Stalin; Two Signs at the World's Crossroads / L. Fisher. London, 1947.
- Fisher, L.* The Life and Death of Stalin / L. Fisher. New York, 1952.
- Fitzpatrick, S.* A Reply / S. Fitzpatrick // *Slavic Review*. 1980. Vol. 39. No. 2.
- Fitzpatrick, S.* A Response to Michael Ellman / S. Fitzpatrick // *Europe-Asia Studies*. 2002. Vol. 54. No. 3.
- Fitzpatrick, S.* Afterward: Revisionism Revisited / S. Fitzpatrick // *The Russian Review*. 1986. Vol. 45. No. 4.
- Fitzpatrick, S.* Constructing Stalinism: Reflections on Changing Western and Soviet Perspectives on the Stalin Era / S. Fitzpatrick // *The Stalin Phenomenon*. New York, 1993.
- Fitzpatrick, S.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934 / S. Fitzpatrick. Cambridge; New York, 1979.
- Fitzpatrick, S.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s / S. Fitzpatrick. New York, 1999.
- Fitzpatrick, S.* How the Mice Buried the Cat: Scenes from the Great Purges of 1937 in the Russian Provinces / S. Fitzpatrick // *Russian Review*. 1993. Vol. 52. No. 3.
- Fitzpatrick, S.* New Perspectives on Stalinism / S. Fitzpatrick // *The Russian Review*. 1986. Vol. 45. No. 4.
- Fitzpatrick, S.* Russia's Twentieth Century in History and Historiography / S. Fitzpatrick // *Australian Journal of Politics and History*. 2000. Vol. 46. No. 3.
- Fitzpatrick, S.* Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1937 / S. Fitzpatrick // *Slavic Review*. 1979. Vol. 38. No. 3.
- Fitzpatrick, S.* Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization / S. Fitzpatrick. New York, 1994.
- Fitzpatrick, S.* Stalinism: New Directions / S. Fitzpatrick. London; New York, 2000.
- Fitzpatrick, S.* Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia / S. Fitzpatrick. Princeton, Oxford, 2005.
- Fitzpatrick, S.* The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia / S. Fitzpatrick. Ithaca, 1992.
- Fitzpatrick, S.* The Great Departure: Rural-Urban Migration, 1929–33 / S. Fitzpatrick // *Social Dimensions of Soviet Industrialization* / eds. Rosenberg W., Siegelbaum L. Bloomington, 1993.

- Flaherty, P.* Stalinism in Transition, 1932–1937 / P. Flaherty // *Radical History Review*. 1987. Vol. 37.
- Flaherty, P.* The Socio-Economics Dynamics of Stalinism / P. Flaherty // *Science & Society*. 1988. Vol. 52. Is. 1.
- Fleron, F.* Post-Soviet Political Culture in Russia: An Assessment of Recent Empirical Investigations / F. Fleron // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. No. 2.
- Fleron, F.* Sovietology and Perestroika: Methodology and Lessons from the Past / F. Fleron, E. Hoffman // *Harriman Institute Forum*. 1991. Vol. 5. Is. 1.
- Fleron, F.* The Logic of Inquiry in Post-Communist Studies: Art or Science? / F. Fleron // *Communist and Post-Communist Studies*. 1996. Vol. 29. No. 3.
- Fletcher, W.* A Study in Survival: The Church in Russia, 1927–1943 / W. Fletcher. New York, 1965.
- Forced Labour in the Soviet Union. Washington, 1952.
- Foucault, M.* Discipline and Punish: The Birth of the Prison / M. Foucault. London, 1977.
- Foucault, M.* History of Sexuality; Vol. 1: The Will to Knowledge; Vol. 2: The Use of Pleasure; Vol. 3: The Care of the Self / M. Foucault. London, 1981–1986.
- Foucault, M.* Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason / M. Foucault. London, 1967.
- Foucault, M.* Technologies of the Self / M. Foucault // *Technologies of the Self*. Amherst, 1988.
- Foucault, M.* The Subject and Power / M. Foucault // *Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics*. Chicago, 1983.
- Friedrich C.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2d ed. / Rev. by C. Friedrich / C. Friedrich, Z. Brzezinski. Cambridge, 1965.
- Friedrich, C.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy / C. Friedrich, Z. Brzezinski. Cambridge, 1956.
- From Max Weber: Essays in Sociology. Selected Works. New York, 1946.
- Fürst, J.* Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention / J. Fürst, M. Edele. London, 2006.
- Fürst, J.* Prisoners of the Soviet Self? Political Youth Opposition in Late Stalinism / J. Fürst // *Europe-Asia Studies*. 2002. Vol. 54. No. 3.
- Fürst, J.* Stalin's Last Generation: Youth, State and Komsomol 1945–53 / J. Fürst. London, 2003.
- Gans-Mors, J.* Searching for Transitologists: Contemporary Theories of Post-Communist Transitions and the Myth of a Dominant Paradigm / J. Gans-Mors // *Post-Soviet Affairs*. 2004. Vol. 20. No. 4.
- Gel'man, V.* Regime Transition, Uncertainty and Prospects for Democratization: The Politics of Russia's Regions in a Comparative Perspective / V. Gel'man // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. No. 6.
- Gelb, M.* An Early Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans / M. Gelb // *The Russian Review*. 1995. Vol. 54. No. 7.
- Gelb, M.* Edited introduction / M. Gelb // *An American Engineer in Stalin's Russia: The Memoirs of Zara Witkin, 1932–1934*. Berkeley, 1991.
- Gelb, M.* Karelian Fever: The Finnish Immigrant Community During Stalin's Purges / M. Gelb // *Europe-Asia Studies*. 1993. Vol. 45. No. 6.
- Gelb, M.* Mass Politics under Stalinism: Two Case Studies / M. Gelb // *Essays on Revolutionary Culture and Stalinism: Selected Papers from the Third World Congress for Soviet and East European Studies*. Columbus, 1990.
- Gerasimova, K.* Public Privacy in the Soviet Communal Apartment / K. Gerasimova // *Socialist Spaces. Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc*. Oxford, 2002.
- Gerschernkron, A.* Economic Backwardness in Historical Perspective / A. Gerschernkron. Cambridge, 1962.
- Getty, A.* Guide to the Smolensk Archive / A. Getty // *A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s*. New York, 1990.
- Getty, A.* Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938 / A. Getty. New York, 1985.
- Getty, A.* Soviet City Directories / A. Getty // *A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s*. New York, 1990.
- Getty, A.* State and Society under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930s / A. Getty // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. No. 1.
- Getty, A.* State, Society, and Superstition / A. Getty // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 4.
- Getty, A.* The Authors Reply / A. Getty, G. Rittersporn // *American Historical Review*. 1994. Vol. 99. Is. 3.
- Getty, A.* Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence / A. Getty, G. Rittersporn, V. Zemskov // *American Historical Review*. 1993. Vol. 98. Is. 4.
- Gill, G.* Stalinism / G. Gill. Atlantic Highlands, 1990.
- Gill, G.* Stalinism and Institutionalization: The Nature of Stalin's Regional Support / G. Gill // *Essays on Revolutionary Culture and Stalinism: Selected Papers from the Third World Congress for Soviet and East European Studies*. Columbus, 1990.
- Gill, G.* The Origins of the Stalinist Political System / G. Gill. Cambridge; New York, 1990.
- Gleason, A.* «Totalitarianism» in 1984 / A. Gleason // *Russian Review*. 1984. Vol. 43. No. 2.

- Gleason, A.* Russian and Soviet Studies in the United States / A. Gleason // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet history. Gulf Breeze, 1983. Vol. 32.
- Gleason, A.* The Great Reforms and the Historians Since Stalin's Death / A. Gleason // Russian History. 1990. Vol. 17. Is. 3.
- Gleason, A.* Totalitarianism: The Inner History of the Cold War / A. Gleason. New York, 1995.
- Gleason, G.* The «National Factor» and the Logic of Sovietology / G. Gleason // The Post-Soviet Nations: Perspectives on the Demise of the USSR. New York, 1992.
- Gleason, G.* Where Academics Feared to Tread / G. Gleason // Problems of Post-Communism. 2001. Vol. 48. No. 3.
- Goldman, W.* Stalinist Terror and Democracy: The 1937 Union Campaign / W. Goldman // American Historical Review. 2005. Vol. 110. No. 5.
- Goldman, W.* Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936 / W. Goldman. New York, 1993.
- Gorer, G.* The People of Great Russia: A Psychological Study / G. Gorer, J. Rickman. London, 1949.
- Gregory, P.* The Stalinist Command Economy / P. Gregory // Annals of the American Academy of Political & Social Science. 1990. Vol. 507. January.
- Grey, I.* Stalin, Man of History / I. Grey. Garden City, 1979.
- Grey, I.* The First Fifty Years: Soviet Russia, 1917–1967 / I. Grey. New York, 1967.
- Griesse, M.* Soviet Subjectivities: Discourse, Self-Criticism, Imposture / M. Griesse // Kritika. 2008. Vol. 9. Is. 3.
- Gronow, J.* Caviar with Champagne: Common Luxury and the Ideals of the Good Life in Stalin's Russia / J. Gronow. Oxford, 2003.
- Hagen von, M.* Soviet Soldiers and Officers on the Eve of the German Invasion // Soviet Union / M. von Hagen // Union Sovietique. 1991. No. 1–3.
- Hagen von, M.* The Stalin Debate and the Reformulation of the Soviet Past / M. von Hagen // Harriman Institute Forum. 1992. Vol. 5. Is. 7.
- Hagen von, M.* The Stalin Question / M. von Hagen // Nation. 1991. Vol. 252. Is. 11.
- Hagen, A.* Richard Pipes on Sovietology / A. Hagen // [Electronic resource] Mode of access: <http://www.andrewhagen.com/archives/2003/12/03/455/>
- Halfin, I.* Between Instinct and Mind: The Bolshevik View of the Proletarian Self I. Halfin // Slavic Review. 2003. Vol. 62. No. 1.
- Halfin, I.* From Darkness to Light: Student Communist Autobiography During NEP / I. Halfin // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1997. Vol. 45. Is. 2.
- Halfin, I.* Intimacy in an Ideological Key: The Communist Case of the 1920s and 1930s / I. Halfin // Language and Revolution: Making Modern Political Identities. London, 2002.
- Halfin, I.* Looking into the Oppositionists' Souls: Inquisition Communist Style / I. Halfin // Russian Review. 2001. Vol. 60. No. 3.
- Halfin, I.* Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's «Magnetic Mountain» and the State of Soviet Historical Studies / I. Halfin, J. Hellbeck // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1996. Vol. 64. Is. 3.
- Halfin, I.* Stalin's Purges and the Question of Belief / I. Halfin // Stalinistische Subjekte: Individuum und System in der Sowjetunion und der Komintern, 1929–1953. Zürich, 2006.
- Halfin, I.* Terror in my Soul: Communist Autobiographies on Trial / I. Halfin. Cambridge, 2003.
- Handbook of Political Science Research on the USSR and Eastern Europe: Trends from the 1950s to the 1990s. Westport, 1992.
- Hanson, S.* Social Theory and the Post-Soviet Crisis: Sovietology and the Problem of Regime Identity / S. Hanson // Communist and Post-Communist Studies. 1995. Vol. 28. Is. 1.
- Hanson, S.* Sovietology, Post-Sovietology, and the Study of Postcommunist Democratization / S. Hanson // Democratizatsija: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2003. Vol. 11. Is. 1.
- Harris, J.* The Growth of the Gulag: Forced Labour in the Urals Region, 1929–31 / J. Harris // The Russian Review. 1997. Vol. 56. No. 2.
- Harris, J.* Was Stalin a Weak Dictator? / J. Harris // The Journal of Modern History. 2003. Vol. 75. No. 2.
- Harrison, M.* GDPs of the USSR and Eastern Europe: Towards an interwar comparison / M. Harrison // Europe – Asia Studies. 1994. Vol. 46. No. 2.
- Harrison, M.* Soviet Planning in Peace and War, 1938–1945 / M. Harrison. Cambridge; New York, 1985.
- Harrison, M.* Stalinism in Post-Communist Perspective / M. Harrison // Europe-Asia Studies. 1997. Vol. 49. No. 3.
- Harrison, M.,* The Soviet Military-Economic Effort during the Second Five-Year Plan, 1933–1937 / M. Harrison, R. Davies. // Europe-Asia Studies. 1997. Vol. 49. No. 3.
- Haslam, J.* The Vices of Integrity: E. H. Carr / J. Haslam. 1892–1982. London, 1999.
- Hayes, N.* Ten Years After. Reflections of a Re-covering Sovietologist / N. Hayes // Symposium. 2002. No. 3.
- Hazard, J.* Recollections of a Pioneering Sovietologist / J. Hazard. New York, 1984.

- Hazard, J.* The Soviet System of Government / J. Hazard. Chicago, 1957.
- Hedin, A.* Stalinism as a Civilization: New Perspectives on Communist Regimes / A. Hedin // Political Studies Review. 2004. Vol. 2. Is. 2.
- Hellbeck, J.* Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlubnyi, 1931–9 / J. Hellbeck // Stalinism: New Directions. London, 2000.
- Hellbeck, J.* Laboratories of the Soviet Self: Diaries from the Stalin Era / J. Hellbeck. Columbia University, 1998.
- Hellbeck, J.* Revolution on my Mind: Writing a Diary under Stalin / J. Hellbeck. Cambridge, 2006.
- Hellbeck, J.* Speaking Out: Language of Affirmation and Dissent in Stalinist Russia / J. Hellbeck // Kritika. 2000. Vol. 1. Is. 1.
- Hellbeck, J.* Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts / J. Hellbeck // Language and Revolution: Making Modern Political Identities. London, 2002.
- Hendley, K.* Rewriting the Rules of the Game in Russia: the neglected Issue of the Demand for Law / K. Hendley // East European Constitutional Review. Vol. 8. No. 4.
- Herspring, D.* Political Scientists and Sovietology / D. Herspring // Problems of Communism. 1992. Vol. 41. Is. 1–2.
- Himmelfarb, G.* A Letter to Robert Conquest / G. Himmelfarb // Academic Questions. 1991. Vol. 4. Is. 4.
- Hingley, R.* Joseph Stalin: Man and Legend / R. Hingley. New York, 1974.
- History and Historians in the Twentieth Century. Oxford. 2002.
- Hoffmann, E.* Nurturing Post-Sovietology: Some Practical Suggestions / E. Hoffmann // Harriman Institute Forum. 1993. Vol. 6. No. 6–7.
- Holden, G.* Sovietology, Peace Research and Gender Studies: Historical Disciplines and the Possibility of Integration / G. Holden. Frankfurt/Main, 1992.
- Hollander, P.* Sociology and the Collapse of Communism / P. Hollander // Society. 1992. Vol. 30. Is. 1.
- Hollander, P.* Sociology and the Collapse of Communism / P. Hollander // Society. 1992. Vol. 30. Is. 1.
- Hollander, P.* Soviet Terror, American Amnesia / P. Hollander // National Review. Vol. 46. Is. 8.
- Horowitz, D.* Isaac Deutscher: The Man and His Work / D. Horowitz. London, 1971.
- Hosking, G.* A History of the Soviet Union / G. Hosking. London, 1985.
- Hosking, G.* Homo Sovieticus or Homo Sapiens? Perspectives from the Past / G. Hosking. London, 1987.
- Hosking, G.* The First Socialist Society: a History of the Soviet Union from Within / G. Hosking. Cambridge, 1985.
- Hough, J.* How the Soviet Union is Governed / J. Hough, M. Fainsod. Cambridge, 1979.
- Hough, J.* The «Dark Forces», the Totalitarian Model, and Soviet History / J. Hough // The Russian Review. 1987. Vol. 46. No. 4.
- Hough, J.* The Soviet Prefects: The Local Party Organs in Industrial Decision-Making / J. Hough. Cambridge, 1969.
- Hough, J.* The Soviet Union and Social Science Theory / J. Hough. Cambridge, 1977.
- Huber, R.* The August Revolution and Soviet Studies: Problems, Priorities, and the Council's Program for Research and Training / R. Huber, S. Bronson // Items (Social Science Research Council). 1991. Vol. 45. Is. 4.
- Hudson, H.* Terror in Soviet Architecture: The Murder of Mikhail Okhitovich / H. Hudson // Slavic Review. 1992. Vol. 51. No. 3.
- Hughes, J.* Patrimonialism and the Stalinist System: The Case of S. I. Syrtsov / J. Hughes // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. No. 4.
- Hughes, J.* Stalin, Siberia, and the Crisis of the New Economic Policy / J. Hughes. Cambridge, 1991.
- Hughes, J.* Stalinism in a Russian Province: A Study of Collectivization in Siberia / J. Hughes. New York, 1996.
- Hunter, H.* Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1928–1940 / H. Hunter. Princeton, 1992.
- Hutton, P.H.* Foucault, Freud, and the Technologies of the Self / P.H. Hutton // Technologies of the Self. Amherst, 1988.
- Hyde, H.* Stalin: The History of a Dictator / H. Hyde. London, 1971.
- Ilic, M.* The Great Terror in Leningrad: A Quantitative Analysis / M. Ilic // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52. No. 8.
- Inkeles, A.* Models and Issues in the Analysis of Soviet Society / A. Inkeles // Survey. 1966. No. 60.
- Inkeles, A.* Public Opinion in Soviet Russia: A Study in Mass Persuasion / A. Inkeles. Cambridge, 1950.
- Inkeles, A.* Social Change in Soviet Russia / A. Inkeles. Cambridge, 1968.
- Inkeles, A.* The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society / A. Inkeles, R. Bauer, A. Raymond. Cambridge, 1959.
- Interest Groups in Soviet Politics. Princeton, 1971.
- Jacobson, J.* Soviet Communism and the Socialist Vision / J. Jacobson. New Brunswick, 1972.

- Jacobson, M.* Origins of the GULAG: The Soviet Prison-Camp System, 1917–1934 / M. Jacobson. Lexington, 1993.
- Jansen, M.* Stalin's Loyal Executioner. People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895–1940 / M. Jansen, N. Petrov. Stanford, 2002.
- Jasny, N.* The Soviet Economy During the Plan Era / N. Jasny. Stanford, 1951.
- Jones, D.* Is there a Sovietology of South-East Studies? / D. Jones, M. Smith // *International Affairs*. 2000. Vol. 77. Is. 4.
- Joravsky, D.* Soviet Marxism and Natural Science, 1917–1932 / D. Joravsky. New York, 1961.
- Josephson, P.* Physics, Stalinist Politics of Science and Cultural Revolution / P. Josephson // *Soviet Studies*. 1988. Vol. 40. Is. 2.
- Kanet, R.* Is Comparison Useful or Possible? / R. Kanet // *Studies in Comparative Communism*. 1975. Vol. 8. Is. 1–2.
- Kang-Bohr, Y.* Appeals and Complaints: Popular Reactions to the Party Purges and the Great Terror in the Voronezh Region, 1935–1939 / Y. Kang-Bohr // *Europe-Asia Studies*. 2005. Vol. 57. No. 1.
- Karatnycky, A.* Getting It All Wrong: The Fall of Sovietology / A. Karatnycky // *Freedom Review*. 1992. Vol. 23. Is. 2.
- Kassof, A.* The Administered Society: Totalitarianism Without Terror / A. Kassof // *World Politics*. 1964. Vol. 16. Is. 4.
- Kautsky, J.* Comparative Communism Versus Comparative Politics / J. Kautsky // *Studies in Comparative Communism*. 1973. Vol. 6. Is. 2.
- Keenan, E.* Muscovite Political Folkways / E. Keenan // *The Russian Review*. 1986. Vol. 45. No. 2.
- Kelly, C.* A Laboratory for the Manufacture of Proletarian Writers: The *Stengazeta* (Wall Newspaper), *Kul'turnost'* and the Language of Politics in the Early Soviet Period / C. Kelly // *Europe – Asia Studies*. 2002. Vol. 54. No. 4.
- Kemp-Welch, A.* Stalin and the Literary Intelligentsia, 1928–39 / A. Kemp-Welch. New York, 1991.
- Kenez, P.* History of the Soviet Union from the Beginning to the End / P. Kenez. Cambridge, 1996.
- Kenez, P.* Stalinism as Humdrum Politics / P. Kenez. // *The Russian Review*. 1986. Vol. 45. No. 4.
- Kenez, P.* The Cultural Revolution in Cinema / P. Kenez. // *Slavic Review*. 1988. Vol. 47. No. 2.
- Kennedy-Pipe, C.* Getting It Right, Getting It Wrong: The Soviet Collapse Revised / C. Kennedy-Pipe // *International Affairs*. 1999. Vol. 75. Is. 2.
- Kharkhordin, O.* The Collective and the Individual in Russia. A Study of Practices / O. Kharkhordin. Berkeley, 1999.
- Khlevnyuk, O.* The End of Rationing in the Soviet Union, 1934–1935 / O. Khlevnyuk, R. Davies // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. No. 4.
- King, C.* Review Article. Post-Sovietology: area studies or social science / C. King // *International Affairs*. 1994. Vol. 70. No. 2.
- King, G.* Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research / G. King, R. Keohane, S. Verba. Princeton, 1994.
- Knight, A.* Beria and the Cult of Stalin: Rewriting Transcaucasian Party History / A. Knight // *Soviet Studies*. 1991. Vol. 43. Is. 4.
- Knight, A.* Beria: Stalin's First Lieutenant / A. Knight. Princeton, 1993.
- Knight, A.* Who killed Kirov? The Kremlin's greatest Mystery / A. Knight. New York, 1999.
- Koestler, A.* Darkness at Noon. Translated by Daphne Hardy / A. Koestler. New York, 1940.
- Konecny, P.* Library Hooligans and Others: Law, Order, and Student Culture in Leningrad, 1924–38 / P. Konecny // *Journal of Social History*. 1996. Vol. 30. Is. 1.
- Kort, M.* The Soviet Colossus: A History of the USSR / M. Kort. Boston, 1990.
- Kotkin, S.* 1991 and the Russian Revolution: Sources, Conceptual Categories, Analytical Frameworks / S. Kotkin // *Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70. Is. 2.
- Kotkin, S.* Kremlinologist as Hero / S. Kotkin // *New Republic Online*. [Electronic resource] Mode of access: // <http://www.thenewrepublic.com/110600/kotkin110600.html>.
- Kotkin, S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization / S. Kotkin. Berkeley, 1995.
- Kotkin, S.* Terror, Rehabilitation, and Historical Memory: An Interview with Dmitrii Iurasov / S. Kotkin // *Russian Review*. 1992. Vol. 51. No. 2.
- Kotkin, S., ed.* John Scott. Behind the Urals: An American Worker in Russia's City of Steel / S. Kotkin. Bloomington, 1999.
- Kozlova, N.* The Diary as Initiation and Rebirth: Reading Everyday Documents of the Early Soviet Era / N. Kozlova // *Everyday Life in Early Soviet Russia: Taking the Revolution Inside*. Bloomington, 2006.
- Krylova, A.* «In Their Own Words?» Soviet Women Writers in Search for their Selves / A. Krylova // *A History of Womens Writing in Russia*. Cambridge, 2002.
- Krylova, A.* Identity, Agency, and the «First Soviet Generation» / A. Krylova // *Generations in Twentieth-Century Europe*. Basingstoke, 2007.

- Krylova, A.* The Tenacious Liberal Subject in Soviet Studies / A. Krylova // *Kritika*. 2000. Vol. 1. Is. 1.
- Kuromiya, H.* Soviet Memoirs as a Historical Source / H. Kuromiya // *A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s*. New York, 1990.
- Kuromiya, H.* Re-examining Opposition under Stalin / H. Kuromiya // *Europe-Asia Studies*. 2004. Vol. 56. No. 2.
- Kuromiya, H.* Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932 / H. Kuromiya. Cambridge, 1990.
- Kuromiya, H.* Stalinism and Historical Research / H. Kuromiya // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 4.
- Labeledz, L.* The Use and Abuse of Sovietology / L. Labeledz. New Brunswick, 1989.
- Lahusen, T.* How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia / T. Lahusen. Ithaca, 1997.
- Lane, D.* Politics and Society in the USSR / D. Lane. New York, 1978.
- Laqueur, W.* Intelligence and Secrecy: Sovietology Redux / W. Laqueur // *Society*. 1993. Vol. 30. Is. 2.
- Laqueur, W.* Stalin: The Glasnost Revelations / W. Laqueur. New York, 1990.
- Laqueur, W.* The Dream that Failed: Reflections on the Soviet Union / W. Laqueur. New York, 1994.
- Laqueur, W.* The Fate of the Revolution, Interpretations of Soviet History / W. Laqueur. New York, 1967.
- Laqueur, W.* The Fate of the Revolution, Interpretations of Soviet History from 1917 to the Present / W. Laqueur / Rev. and updated ed. New York, 1987.
- Laqueur, W.* The Fate of the Revolution, Interpretations of Soviet History / W. Laqueur. New York, 1967.
- Laqueur, W.* The Fate of the Revolution, Interpretations of Soviet History from 1917 to the Present / W. Laqueur / Rev. and updated ed. New York, 1987.
- Laqueur, W.* Why Stalin? A National Debate / W. Laqueur // *Society*. 1990. Vol. 27. Is. 3.
- Laue von, T.* Stalin Among Moral and Political Imperatives, or How to Judge Stalin? / T. von Laue // *Soviet Union*. 1981. Vol. 8. Pt. 1.
- Laue von, T.* Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900–1930 / T. von Laue. Philadelphia, 1964.
- Leadership Selection and Patron-client Relations in the USSR and Yugoslavia. London; Boston, 1983.
- Leites, N.* A Study of Bolshevism / N. A. Leites. Glencoe, 1953.
- Lenoe, M.* Did Stalin Kill Kirov and Does It Matter? / M. Lenoe // *The Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. No. 2.
- Leonard, R.* Studying the Kremlin's Secret Soldiers: A Historiographical Essay on the GRU, 1918–1945 / R. Leonard // *Journal of Military History*. 1992. Vol. 56. Is. 3.
- Lew, R.* Grappling with Social Realities: Moshe Lewin and the Making of Social History / R. Lew // *Stalinism: Its Nature and Aftermath: Essays in Honour of Moshe Lewin*. Armonk, 1992.
- Lewin, M.* Lenin's Last Struggle / M. Lewin. New York, 1968.
- Lewin, M.* Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers / M. Lewin. Princeton, 1974.
- Lewin, M.* Society and the Stalinist State in the Period of the Five Year Plans / M. Lewin // *Social History*. 1976. Is. 2.
- Lewin, M.* Stalinism Appraised and Reappraised / M. Lewin // *History*. 1975. Vol. 60. Is. 198.
- Lewin, M.* The Gorbachev Phenomenon: A Historical Interpretation / M. Lewin. Berkeley, 1991.
- Lewin, M.* The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia / M. Lewin. New York, 1985.
- Lewis, J.* Stalin: A Time for Judgment / J. Lewis. New York, 1990.
- Lieven, D.* Western Scholarship on the Rise and Fall of the Soviet Regime: The View from 1993 / D. Lieven // *Journal of Contemporary History*. 1994. Vol. 29. Is. 2.
- Linden, R.* Khrushchev and the Soviet Leadership, 1957–1965 / R. Linden. Baltimore, 1966.
- Livers, K.* The Soccer Match as Stalinist Ritual: Constructing the Body Social in Lev Kassil's The Goalkeeper of the Republic / K. Livers // *The Russian Review*. 2001. Vol. 60. No. 4.
- Lloyd, J.* Democracy in Russia / J. Lloyd // *The Political Quarterly*. 1993. Vol. 64. Is. 2.
- Lorimer, F.* The Population of the Soviet Union: History and Prospects / F. Lorimer. Geneva, 1946.
- Lovell, S.* The Making of the Stalin-Era Dacha / S. Lovell // *The Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. No. 2.
- Lowenthal, R.* Developments vs. Utopia in Communist Policy / R. Lowenthal // *Change in Communist Systems*. Stanford, 1970.
- Lynch, M.* Stalin and Khrushchev: The USSR, 1924–1964 / M. Lynch. London, 1990.
- Lyons, E.* Our Secret Allies: The Peoples of Russia / E. Lyons. London, 1954.
- Mace, J.* The Famine of 1932–1933: A Watershed in the History of Soviet Nationality Policy / J. Mace // *Soviet Nationality Policies: Ruling Ethnic Groups in the USSR*. 1990.
- Maddox, T.* Red Fascism, Brown Bolshevism: The American Image of Totalitarianism in the 1930s / T. Maddox // *The Historian*. 1977. Vol. 40. Is. 1.

- Malia, M.* A Fatal Logic. / M. Malia // National Interest. 1993. No. 31.
- Malia, M.* From Under the Rubble, What? / M. Malia // Problems of Communism. 1992. Vol. 41. Is. 1–2.
- Malia, M.* The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991 / M. Malia. New York, 1994.
- Malia, M.* To the Stalin Mausoleum / M. Malia // Daedalus. 1990. Vol. 199. Is. 1.
- Mandelbaum, M.* The Anatomy of Historical Knowledge / M. Mandelbaum. Baltimore; London, 1977.
- Manning, R.* Government in the Soviet Countryside in the Stalinist Thirties: The Case of the Belyi Raion in 1937 / R. Manning // Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. Pittsburgh, 1984. No. 301.
- Manning, R.* Peasants and the Party: Rural Administration in the Soviet Countryside on the Eve of World War II / R. Manning // Essays on Revolutionary Culture and Stalinism: Selected Papers from the Third World Congress for Soviet and East European Studies. Columbus, 1990.
- Manning, R.* State and Society in Stalinist Russia / R. Manning // The Russian Review. 1987. Vol. 46. No. 4.
- Mark, E.* October or Thermidor? Interpretations of Stalinism and the Perception of Soviet Foreign Policy in the United States, 1927–1947 / E. Mark // American Historical Review. 1989. Vol. 94. Is. 4.
- Markwick, J.* A Discipline in Transition? From Sovietology to «Transitology» / J. Markwick // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 1996. Vol. 12. Is. 3.
- Marrin, A.* Stalin / A. Marrin. New York, 1988.
- Martin, L.* Introduction / L. Martin // Technologies of the Self. Amherst, 1988.
- Mass Culture in Soviet Russia: Tales, Poems, Songs, Movies, Plays and Folklore, 1917–1953.* Bloomington, 1995.
- McCauley, M.* Stalin and Stalinism / M. McCauley. Harlow, 1983.
- McCauley, M.* The Soviet Union since 1917 / M. McCauley. London; New York, 1981.
- McClellan, W.* Russia: A History of the Soviet Period / W. McClellan. Englewood Cliffs, 1986.
- McClelland, J.* What Made Stalinism Work? / J. McClelland // History of Education Quarterly. 1984. Vol. 24. Is. 3.
- McCutcheon, R.* The 1936–1937 Purge of Soviet Astronomers / R. McCutcheon // Slavic Review. 1991. Vol. 50. Is. 1.
- McFaul, M.* One Step Forward, Two Steps Back / M. McFaul // Journal of Democracy. 2000. Vol. 11. No. 3.
- McNeal, R.* Stalin: Man and Ruler / R. McNeal. New York, 1988.
- Mead, M.* Soviet Attitudes toward Authority: An Interdisciplinary Approach to Problems of Soviet Character / M. Mead. Santa Monica, 1951.
- Mehnert, K.* The Anatomy of Soviet Man. London, 1961.
- Menashe, L.* From Stalin to Gorbachev: Moshe Lewin on Soviet History / L. Menashe // International Labor and Working-Class History. 1989. Is. 35.
- Merridale, C.* Glasnost and Stalin: New Material, Old Questions / C. Merridale // Historical Journal. 1993. Vol. 36. Is. 1.
- Merridale, C.* Moscow Politics and the Rise of Stalin: The Communist Party in the Capital, 1925–1932 / C. Merridale. New York, 1990.
- Merridale, C.* The 1937 Census and the Limits of Stalinist Rule / C. Merridale // Historical Journal. 1996. Vol. 39. Is. 1.
- Merridale, C.* The Moscow Party and the Socialist Offensive: Activists and workers, 1928–1931 / C. Merridale // New Directions in Soviet History: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European. New Year, 1992.
- Meuschel, S.* Hannah Arndt's Concept of Totalitarianism and the Post-Stalinist Constellation / S. Meuschel [Electronic resource] Mode of access: http://www.telospress.com/main/index.php?main_page=product_info&cPath=3_4&products_id=20.
- Meyer, A.* Coming to Terms with the Past...and with one's Older Colleagues / A. Meyer // Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 4.
- Meyer, A.* Leninism / A. Meyer. Cambridge, 1957.
- Meyer, A.* On Greatness / A. Meyer // Soviet Union. 1981. Vol. 8. Pt. 1.
- Meyer, A.* Politics and Methodology in Soviet Studies / A. Meyer // Studies in Comparative Communism. 1991. Vol. 24. Is. 2.
- Meyer, A.* The Soviet Political System; An Interpretation / A. Meyer. New York, 1965.
- Meyer, S.* Key Questions for Soviet Studies / S. Meyer // Chronicle of Higher Education. 1991. Vol. 38. Is. 2.
- Miller, F.* Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era / F. Miller. Armonk, 1990.
- Mills, C.* The Moral Epistemology of Stalinism / C. Mills // Politics & Society. 1994. Vol. 22. Is. 1.
- Montefiore, S.* Stalin: the court of the Red Tsar / S. Montefiore. London, 2003.
- Moore, B.* Soviet Politics: The Dilemma of Power; The Role of Ideas in Social Change / B. Moore. Cambridge, 1950.
- Moore, B.* Terror and Progress USSR: Some Sources of Change and Stability in the Soviet Dictatorship / B. Moore. Cambridge, 1954.
- Motyl, A.* Sovietology in One Country or Comparative Nationality Studies? / A. Motyl // Slavic Review. 1989. Vol. 48. No. 1.

- Motyl, A.* Sovietology, Rationality, Nationality: Coming to Grips with Nationalism in the USSR / A. Motyl. New York, 1990.
- Motyl, A.* The End of Sovietology: From Soviet Studies to Post-Soviet Studies / A. Motyl // The Post-Soviet Nations: Perspectives on the Demise of the USSR. New York, 1992.
- Motyl, A.* Will the Non-Russians Rebel? State, Ethnicity and Stability in the USSR / A. Motyl. Ithaca, 1987.
- Naiman, E.* Discourse Made Flesh: Healing and Terror in the Construction of Soviet Subjectivity / E. Naiman // Language and Revolution: Making Modern Political Identities. London, 2002.
- Naiman, E.* On Soviet Subjects and the Scholars who Make Them / E. Naiman // Russian Review. 2001. Vol. 60. No. 3.
- NARS, Dept of State Bureau of Intelligence and Research. Report № 8353. Current Penal Policy in the USSR. 1960. October.
- Neutatz, D.* Review of Sheila Fitzpatrick, ed, Stalinism: New Directions / D. Neutatz [Electronic resource] Mode of access: [http:// H-Russia, H-Net Reviews, September, 2000. http://www.h-net.msu.edu/reviews/showrev.cgi?path=23316970507821](http://H-Russia, H-Net Reviews, September, 2000. http://www.h-net.msu.edu/reviews/showrev.cgi?path=23316970507821).
- New Directions in Soviet History. New York, 1992.
- New Perspectives in Modern Russian History: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate, 1990. New York, 1992.
- Nichol, J.* Stalin's Crimes against the Non-Russian Nations: The 1987–1990 Revelations and Debate / J. Nichol // Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1991. Vol. 906.
- Nove, A.* An Economic History of the U.S.S.R. / A. Nove. London, 1969.
- Nove, A.* Economic Rationality and Soviet Politics; Or, Was Stalin Really Necessary? / A. Nove. New York, 1964.
- Nove, A.* How Many Victims in the 1930s? / A. Nove // Soviet Studies. 1990. Vol. 42. No. 2.
- Nove, A.* How Many Victims in the 1930s?-II / A. Nove // Soviet Studies. 1990. Vol. 42. No. 4.
- Nove, A.* Stalinism and After / A. Nove. London, 1975.
- Nove, A.* Stalinism: Revisionism Reconsidered / A. Nove // The Russian Review. 1987. Vol. 46. No. 4.
- Odom, W.* Soviet Politics and After: Old and New Concepts / W. Odom // World Politics. 1992. Vol. 45. Is. 1.
- Ohr, N.* Review of Sheila Fitzpatrick, Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s / N. Ohr // H-Russia, H-Net Reviews, March, 2000. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.h-net.msu.edu/reviews/showrev.cgi?path=27099953316056>.
- Organski, A.* Stages of Political Development / A. Organski. New York, 1965.
- Orlovsky, D.* Introduction: Judging the Past, Charting the Future; On Aquariums and Fish Soup // Beyond Soviet Studies. Washington, 1995.
- Orlovsky, D.* The New Soviet History / D. Orlovsky // Journal of Modern History. 1990. Vol. 62. Is. 4.
- Orwell, G.* Nineteen Eighty-Four: A Novel / G. Orwell. London, 1949.
- Parrish, M.* The Lesser Terror: Soviet State Security, 1939–1953 / M. Parrish. Westport, 1996.
- Payne, M.* Stalin's Railroad: Turksib and the Building of Socialism / R. Payne. Pittsburgh, 2001.
- Payne, R.* The Rise and Fall of Stalin / R. Payne. New York, 1965.
- Peris, D.* The 1929 Congress of the Godless / D. Peris // Soviet Studies. 1991. Vol. 43 Is. 4.
- Pethybridge, R.* Stalinism as Social Conservatism? / R. Pethybridge // European Studies Review. 1981. Vol. 11. Is. 4.
- Pethybridge, R.* The Social Prelude to Stalinism / R. Pethybridge. New York, 1974.
- Philosophical Sovietology: The Pursuit of a Science. Dordrecht; Boston, 1988.
- Pipes, R.* Russia under the Bolshevik Regime / R. Pipes. New York, 1993.
- Plaggenborg, S.* Grundprobleme der Kulturgeschichte der sowjetischen Zwischenkriegszeit / S. Plaggenborg // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2000. Vol. 48. Is. 1.
- Ploss, S.* Conflict and Decision-Making in Soviet Russia / S. Ploss. New York, 1965.
- Pluralism in the Soviet Union: Essays in Honour of H. Gordon Skilling. London, 1983.
- Podlubnyj, S.* Tagebuch aus Moskau: 1931– 1939. Ed. by J. Hellbeck / S. Podlubnyj. München, 1996.
- Pohl, J.* The Stalinist Penal System: a Statistical History of Soviet Repression and Terror, 1930–1953 / J. Pohl. Jefferson, 1997.
- Political and Economic Encyclopedia of the Soviet Union and Eastern Europe. Chicago, 1990.
- Political Culture and Communist Studies. Basingstoke; Hampshire; Oxford, 1984.
- Political Science and Area Studies: Methodology and Empirical Theory: Rivals or Partners? Bloomington, 1975.
- Political Science Textbooks on the Soviet Union // Studies in Comparative Communism. 1975. Vol. 8. Is. 3.
- Politics and the Soviet System: Essays in Honour of Frederick C. Barghoorn. Houndmills, 1989.
- Politics, Society and Stalinism in the USSR. London; New York, 1998.
- Politics, Work, and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Soviet Citizens. Cambridge, 1987.
- Pomper, P.* Historians and Individual Agency / P. Pomper // History & Theory. 1996. Vol. 35. Is. 3.
- Pomper, P.* Lenin, Trotsky and Stalin: The Intelligentsia and Power / P. Pomper. New York, 1990.

- Post-Communist Studies and Political Science: Methodology and Empirical Theory in Sovietology. Boulder, 1993.
- Priestland, D.* Marx and the Kremlin: Writing on Marxism-Leninism and Soviet Politics after the Fall of Communism / D. Priestland // *Journal of Political Ideologies*. 2000. Vol. 5. Is. 3.
- Puddington, A.* Denying the Terror Famine / A. Puddington // *National Review*. 1992. Vol. 44. Is. 10.
- Ranke von L.* *Sämtliche Werke*. Vol. 33/34, Leipzig, 1885.
- Rancour-Laferriere, D.* The Mind of Stalin: A Psychoanalytic Study / D. Rancour-Laferriere. Ann Arbor, 1988.
- Randall, F.* Stalin's Russia: An Historical Reconsideration / F. Randall. New York, 1965.
- Rassweiler, A.* The Generation of Power: The History of Dneprostroi / A. Rassweiler. New York, 1988.
- Ravindranathan, T.* The Legacy of Stalin and Stalinism: A Historiographical Survey of the Literature, 1930–1990 / T. Ravindranathan // *Canadian Journal of History*. 1994. Vol. 29. Is. 1.
- Reddaway, P.* Sovietology and Dissent: New Sources on Protest / P. Reddaway // RFE/RL Research Report. 1993. Vol. 2. Is. 5.
- Rees, E.* Stalinism and Soviet Rail Transport, 1928–1941 / E. Rees. New York, 1995.
- Reese, R.* Red Army Opposition to Forced Collectivization, 1929–1930: The Army Wavers / R. Reese // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. No. 1.
- Reese, R.* Stalin's Reluctant Soldier: A Social History of the Red Army, 1925–1941 / R. Reese. Lawrence, 1996.
- Reese, R.* The Impact of the Great Purge on the Red Army: Wrestling with Hard Numbers / R. Reese // *Soviet and Post-Soviet Review* 1992. Vol. 19. Is. 1–3.
- Reexamining the Soviet Experience: Essays in Honor of Alexander Dallin. Boulder, 1996.
- Reform in Russia and the U.S.S.R.: Past and Prospects. Urbana, 1989.
- Remington, T.* Fathers and Sons: The Dialectics of Soviet Studies / T. Remington // *Politics and the Soviet System: Essays in Honor of Frederick Barghoorn*. New York, 1989.
- Remington, T.* Sovietology and System Stability / T. Remington // *Post-Soviet Affairs*. 1992. Vol. 8. Is. 3.
- Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s. Armonk, 1990.
- Reshetar, J.* A Concise History of the Communist Party of the Soviet Union. / J. Reshetar. New York, 1964.
- Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia. London; New York, 1998.
- Revolution from Above: Where is the Soviet Union going? London, 1988.
- Revolution in Law: Contributions to the Development of Soviet Legal Theory, 1917–1938. Armonk, 1990.
- Revolutionary Russia. Cambridge, 1968.
- Rigby, T.* «Totalitarianism» and Change in Communist Systems / T. Rigby // *Comparative Politics*. 1972. Vol. 4. No. 3.
- Rigby, T.* Communist Party Membership in the U.S.S.R., 1917–1967 / T. Rigby. Princeton, 1968.
- Rigby, T.* Political Elites in the USSR: Central Leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev / T. Rigby. Aldershot; Brookfield, 1990.
- Rigby, T.* The Changing Soviet System: Mono-Organizational Socialism from Its Origins to Gorbachev's Reconstructing / T. Rigby. Aldershot; Brookfield, 1990.
- Rigby, T.* Traditional, Market, and Organization Societies / T. Rigby // *World Politics*. 1964. Vol. 16. Is. 4.
- Riggs, J.* Russia's Political Party System As an Impediment to Democratization / J. Riggs, P. Schraeder // *Democratizatsija: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2004. Vol. 12. No. 2.
- Rittersporn, G.* History, Commemoration and Hectoring Rhetoric / G. Rittersporn // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 4.
- Rittersporn, G.* Rethinking Stalinism / G. Rittersporn // *Russian History*. 1984. Vol. 11. No. 4.
- Rittersporn, G.* Soviet Politics in the 1930s. / G. Rittersporn // *Studies in Comparative Communism*. 1986. Vol. 19. Is. 2.
- Rittersporn, G.* The Omnipresent Conspiracy: On Soviet Imagery of Politics and Social Relations in the 1930s / G. Rittersporn // *Stalinism: Its Nature and Aftermath: Essays in Honour of Moshe Lewin*. New York, 1992.
- Roberts, G.* «Stalin's» Terror? New Interpretations / G. Roberts // *Modern History Review*. 1995. Vol. 6. Is. 4.
- Robinson, N.* Beyond Soviet Studies. Book reviews / N. Robinson // *Europe-Asia Studies*, 1996. Vol. 48. No. 4.
- Rose, R.* How Floating Parties Frustrate Democratic Accountability: a Supply-Side View of Russia's Elections / R. Rose // *East European Constitutional Review*. Vol. 9. No. 1–2.
- Rosefielde, S.* An assessment of the Sources and Uses of Gulag Forced Labour 1929–56 / S. Rosefielde // *Soviet Studies*. 1981. Vol. 33. No. 1.
- Rosefielde, S.* Documented Homicides and Excess Deaths: New Insights into Scale of Killing in the USSR During 1930s / S. Rosefielde // *Communism and Post-Communist Studies*. 1997. Vol. 30. Is. 3.
- Rosefielde, S.* Excess Collectivization Deaths 1929–1933: New Demographic Evidence / S. Rosefielde // *Slavic Review*. 1984. Vol. 43. No. 1.

- Rosefielde, S. Excess Deaths and Industrialization: A Realist Theory of Stalinist Economic Development in the 1930's / S. Rosefielde // Journal of Contemporary History. 1988. Vol. 23. Is. 2.*
- Rosefielde, S. Excess Mortality in the Soviet Union: A Reconsideration of the Demographic Consequences of Forced Industrialization 1929–1949 / S. Rosefielde // Soviet Studies. 1983. Vol. 35. No. 3.*
- Rosefielde, S. Incriminating Evidence: Excess Deaths and Forced Labour under Stalin: A Final Replay to Critics / S. Rosefielde // Soviet Studies. 1987. Vol. 39. Is. 2.*
- Rosefielde, S. Stalinism in Post-Communist Perspective: New Evidence on Killing, Forced Labour and Economic Growth in the 1930's / S. Rosefielde // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. No. 6.*
- Rossmann, J. The Teikovo Cotton Workers' Strike of April 1932: Class, Gender and Identity Politics in Stalin's Russia / J. Rossmann // Russian Review. 1997. Vol. 56. No. 1.*
- Rossmann, J. Weaver of Rebellion and Poet of Resistance: Kapiton Klepikov (1880–1933) and Shop-Floor Opposition to Bolshevik Rule / J. Rossmann // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1996. Vol. 44. Is. 3.*
- Rostow, W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto / W. Rostow. Cambridge, 1960.*
- Rowney, D. Transition to Technocracy: The Structural Origins of the Soviet Administrative State / D. Rowney. Ithaca, 1989.*
- Ruder, C. Making History for Stalin: The Story of the Belomor-Canal / C. Ruder. Gainesville, 1998.*
- Rummel, R. Lethal Politics: Soviet Genocide and Mass Murder since 1917 / R. Rummel. New Brunswick, 1990.*
- Rummel, R. Power Kills: Democracy as a Method of Nonviolence / R. Rummel. New Brunswick, 1997.*
- Rummel, R. Statistics of Democide: Genocide and Mass Murder since 1900 / R. Rummel. Charlottesville, 1997.*
- Russell, J. The Demise of the Shock-Worker Brigades in Soviet Industry, 1931–1936 / J. Russell // New Directions in Soviet History: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European. New York, 1992.*
- Russian and Eastern European History: Selected Papers from the Second World Congress for Soviet and East European Studies. Berkeley, 1984.*
- Russian and Soviet Studies: A Handbook, Compiled at the Russian Institute, Columbia University. Columbus, 1973.*
- Russian Peasant Women. New York, 1992.*
- Rutland, P. Post-Sovietology Blues: Reflections on a Tumultuous Decade / P. Rutland // Democratizatsija: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2003. Vol. 11. Is. 1.*
- Rutland, P. Sovietology: From Stagnation to Perestroika? A Decade of Doctoral Research in Soviet Politics / P. Rutland // Occasional Papers (Kennan Institute for Advanced Russian Studies). V. 241. Washington, 1990.*
- Rutland, P. Sovietology: Notes for a Post-Mortem / P. Rutland // The National Interest. 1993. No. 31.*
- Rutland, P. Sovietology: Who Got It Right and Who Got It Wrong / P. Rutland // Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia. London; New York, 1998.*
- Sakwa, R. Postcommunist Studies: Once Again Through the Looking Glass (darkly)? // Review of International Studies. 1999. Vol. 25. No. 4.*
- Sakwa, R. Russian Studies: The Fractured Mirror / R. Sakwa // Politics. 1996. No. 16.*
- Sakwa, R. Subjectivity, Politics and Order in Russian Political Evolution / R. Sakwa // Slavic Review. 1995. Vol. 54. No. 4.*
- Sakwa, R. The Australasian Contribution to Soviet, East European and Russian Studies / CERC Working Papers Series. 2004. No. 1 / R. Sakwa [Electronic resource] Mode of access: <http://www.cerc.unimelb.edu.au/publications/CERCWP012005.pdf>.*
- Sartori, G. Concept Misinformation in Comparative Politics / G. Sartori // American Political Science Review. 1970. Vol. 64. Is. 4.*
- Saunders, T. Stalinism and Soviet Cinema / T. Saunders // Canadian Journal of History. 1995. Vol. 30. No. 1.*
- Schapiro, L. The Communist Party of the Soviet Union / L. Schapiro. New York, 1959.*
- Schapiro, L. Totalitarianism / L. Schapiro. New York, 1972.*
- Scholars' Guide to Washington, D. C. for Russian / Soviet studies. Washington, 1983.*
- Scholars' guide to Washington, D.C. for Russian, Central Eurasian, and Baltic studies. Washington; Baltimore, 1994.*
- Schroeder, G. Reflection on Economic Sovietology / G. Schroeder // Post-Soviet Affairs. 1995. No. 11.*
- Sendich, M. Russian and Slavic Programs and Faculty in U.S. and Canadian Universities and Colleges: 1994–1995 / M. Sendich, D. Sendich // Russian Language Journal. 1995. Vol. 48. Is. 159–161.*
- Setting Things Straight: Exercises in «Comparative Sovietology». Moscow, 1977.*
- Shachtman, M. The Bureaucratic Revolution: The Rise of the Stalinist State / M. Shachtman. New York, 1962.*
- Sharlet, R. Systematic Political Science and Communist Systems / R. Sharlet // Slavic Review. 1967. Vol. 26. No. 1.*
- Shaw, T. AATSEEL: The First Fifty Years / T. Shaw // Slavic and East European Journal. 1991. Vol. 35. AATSEEL Golden Jubilee Issue.*
- Shea, C. New Faces and New Methodologies Invigorate Russian Studies / C. Shea // Chronicle of Higher Education. 1998. February 20.*

- Shearer, D.* Industry, State, and Society in Stalin's Russia, 1926–1934 / D. Shearer. Ithaca, 1996.
- Shlapentokh, V.* Soviet Society and American Sovietologists: A Study in Failure? Rethinking the Soviet Collapse; Sovietology, the Death of Communism and the New Russia / V. Shlapentokh. London, 1998.
- Shleifer, A.* A Normal Country / A. Shleifer, D. Treisman // Foreign Affairs. 2004, March / April.
- Siegelbaum, L.* Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia / L. Siegelbaum. Basingstoke, 2006.
- Siegelbaum, L.* Masters of the Shop Floor: Foremen and Soviet Industrialisation / L. Siegelbaum // Stalinism: Its Nature and Aftermath: Essays in Honour of Moshe Lewin. New York, 1992.
- Siegelbaum, L.* Robert V. Daniels and the «Longue Duree» of Soviet History / L. Siegelbaum // The Russian Review. 1995. Vol. 54. No. 3.
- Siegelbaum, L.* Soviet Car Rallies of the 1920s and 1930s and the Road to Socialism / L. Siegelbaum // Slavic Review. 2005. Vol. 64. No. 2.
- Siegelbaum, L.* Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941 / L. Siegelbaum. Cambridge, 1988.
- Siegelbaum, L., Suny, R.* Making the Command Economy: Western Historians on Soviet Industrialization / L. Siegelbaum, R. Suny // International Labor and Working Class History. 1993. Is. 43.
- Skilling, H.* Interest Groups and Communist Politics / H. Skilling // World Politics. 1966. Vol. 18. Is. 3.
- Slider, D.* Russia's Governors and Party Formation / D. Slider // Contemporary Russian Politics: a Reader / edited by Archie Brown. Oxford; New York, 2001.
- Smith, S.* Writing the History of the Russian Revolution after the Fall of Communism. / S. Smith // Europe-Asia Studies. 1994. Vol. 46. No. 4.
- Social Dimensions of Soviet Industrialization / eds. Rosenberg W., Siegelbaum L. Bloomington, 1993.
- Social Dimensions of Soviet Industrialization. Bloomington, 1993.
- Solomon, P.* Soviet Criminal Justice and the Great Terror / P. Solomon // Slavic Review. 1987. Vol. 46. No. 3–4.
- Solomon, P.* Soviet Criminal Justice under Stalin / P. Solomon. Cambridge; New York, 1996.
- Soviet History, 1917–1953: Essays in Honour of R.W. Davies. New York, 1995.
- Soviet Investment for Planned Industrialization, 1929–1937: Policy and Practice: Selected Papers from the Second World Congress for Soviet and East European Studies. Berkeley, 1984.
- Soviet Society and Culture: Essays in Honour of Vera S. Dunham. Boulder, 1988.
- Soviet Studies Guide. London; New Jersey, 1992.
- Stalin and Stalinism. New York, 1992.
- Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison. Cambridge; New York, 1997.
- Stalinism and Soviet Cinema. London; New York, 1993.
- Stalinism as a Way of Life: A Narrative in Documents / by L. Siegelbaum and A. Sokolov. New Haven, 2000.
- Stalinism: Essays in Historical Interpretation / With a New Introduction by the editor Robert C. Tucker. New Brunswick, 1999.
- Stalinism: Essays in Historical Interpretation. New York, 1977.
- Stalinism: Its Impact on Russia and the World. London, 1982.
- Stalinism: Its Nature and Aftermath: Essays in Honour of Moshe Lewin. Armonk, 1992.
- Stalinist Terror: New Perspectives. Cambridge; New York, 1993.
- Stites, R.* Stalinism and the Restructuring of Revolutionary Utopianism / R. Stites // The Culture of the Stalin Period. New York, 1990.
- Stone, D.* Tukhachevsky in Leningrad: Military politics and exile, 1928–31 / D. Stone // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. No. 8.
- Studer, B.* Liquidate the Errors or Liquidate the Person? Stalinist Party Practices as Techniques of the Self / B. Studer // Stalinistische Subjekte: Individuum und System in der Sowjetunion und der Komintern, 1929–1953. Zürich, 2006.
- Suny, R.* A Second Look at Sovietology and the National Question / R. Suny // AAASS Newsletter. 1993. Vol. 33. Is. 3.
- Suny, R.* Reform, Revolution, Transformation: Facade Democracy and Authoritarianism in the Post-Soviet World / R. Suny // Paper for ! «Transition from Communist Rule in Comparative Perspective». Session III, «Explaining Variation in Outcomes among Postcommunist Regimes: Theoretical Perspectives». Stanford University, November 15–16, 2002.
- Suny, R.* Rethinking Soviet Studies: Bringing Non-Russians Back In / R. Suny // Beyond Soviet studies. Washington, 1995.
- Suny, R.* The Soviet Experiment: Russia, the USSR and the Successor States / R. Suny. New York, 1998.
- Suny, R.* Toward a Social History of the October Revolution / R. Suny // American Historical Review. 1983. Vol. 88. No. 1.
- Swianiewicz, S.* Forced Labour and Economic Development: an Enquiry into Experience of Soviet Industrialization / S. Swianiewicz. London; New York, 1965.
- Taras, R.* Sovietology and Its Discontents / R. Taras // Handbook of Political Science Research on the USSR and Eastern Europe: Trends from the 1950s to the 1990s. Westport, 1992.

- Terry, K.* From an Iron Curtain to a paper Curtain: Grounding Transitologists or Students of Postcommunism / K. Terry, Ph. Schmitter // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. No. 4.
- Thatcher, I.* Stalin and Stalinism: A Review Article / I. Thatcher // *Europe-Asia Studies*. 2004. Vol. 56. No. 6.
- The Behavioral Revolution and Communist Studies; Applications of Behaviorally Oriented Political Research on the Soviet Union and Eastern Europe. New York, 1971.
- The CPSU's Top Bodies under Stalin: Their Operational Records and Structure of Command [Electronic resource] Mode of access: <http://www.utoronto.ca/serap/wp1.htm>.
- The Distinctiveness of Soviet Law. Dordrecht; Boston, 1988.
- The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945. Cambridge; New York, 1994.
- The Great Purge Trial. New York, 1965.
- The Landscape of Stalinism: The Art of Ideology of Soviet Space. Seattle, WA: University of Washington Press, 2003.
- The Nature of Stalin's Dictatorship: The Politburo, 1924–1953. Basingstoke, Hampshire and New York, 2004.
- The Nature of the Soviet System. New York, 1992.
- The Post Soviet Nations. Perspectives on the Demise of the USSR. New York, 1992.
- The Soviet Political Process; Aims, Techniques, and Examples of Analysis. Waltham, 1970.
- The Soviet Union and the Challenge of the Future. Vol. 1–3. New York, 1988–1989.
- The Stalin Phenomenon. New York, 1993.
- The Stalin Revolution: Foundation of Soviet Totalitarianism. Lexington, 1972.
- The Stalin Revolution: Fulfillment or Betrayal of Communism? Boston, 1965.
- The Stalinist Legacy: Its Impact on Twentieth-century World Politics. New York, 1984.
- The State in Socialist Society. Albany, 1984.
- The State of Soviet Studies. Cambridge, 1965.
- The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861. Cambridge, 1960.
- The U.S.S.R. after 50 Years; Promise and Reality. New York, 1967.
- Thompson, J.* A Vision Unfulfilled: Russia and the Soviet Union in the Twentieth Century / J. Thompson. Lexington, 1996.
- Thurston, R.* Fear and Belief in the USSR's «Great Terror»: Response to Arrest, 1935–1939 / R. Thurston // *Slavic Review*. 1986. Vol. 45. No. 2.
- Thurston, R.* Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941 / R. Thurston. New Haven, 1996.
- Thurston, R.* Reassessing the History of Soviet Workers: Opportunities to Criticize and Participate in Decision-Making, 1935–1941 / R. Thurston // *New Directions in Soviet History: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies*. New York, 1992.
- Thurston, R.* Social Dimension of Stalinist Rule: Humor and Terror in the USSR, 1935–1941 / R. Thurston // *Journal of Social History*. 1991. Vol. 24. Is. 3.
- Thurston, R.* The Soviet Family During the Great Terror, 1935–1941 / R. Thurston // *Soviet Studies*. 1991. Vol. 43. Is. 3.
- Timasheff, N.* The Great Retreat: the Growth and Decline of Communism in Russia / N. Timasheff. New York, 1946.
- Totalitarianism at the Crossroads. Bowling Green; New Brunswick, 1990.
- Totalitarianism in Perspective: Three Views by Carl J. Friedrich, Michael Curtis and Benjamin R. Barber. New York, 1969.
- Totalitarianism; Proceedings of a Conference held at the American Academy of Arts and Sciences, March 1953. Cambridge, 1954.
- Treadgold, D.* Twentieth Century Russia / D. Treadgold. Chicago, 1972.
- Treml, V.* Censorship, Access, and Influence: Western Sovietology in the Soviet Union / V. Treml. Berkeley, 1999.
- Tucker, R.* Czars and Commissars / R. Tucker // *New Republic*. 1991. Vol. 204. Is. 3.
- Tucker, R.* Political Culture and Leadership in Soviet Russia: From Lenin to Gorbachev / R. Tucker. Brighton, 1987.
- Tucker, R.* Sovietology and Russian History / R. Tucker // *Post-Soviet Affairs*. 1992. Vol. 8. Is. 3.
- Tucker, R.* Stalin as Revolutionary, 1879–1929: A Study in History and Personality / R. Tucker. New York, 1973.
- Tucker, R.* Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941 / R. Tucker. New York, 1990.
- Tucker, R.* The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change / R. Tucker / Rev. ed. New York, 1971.
- Tucker, R.* The Stalin Period as an Historical Problem / R. Tucker // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 4.
- Tucker, R.* Towards a Comparative Politics of Movement Regimes / R. Tucker // *American Political Science Review*. 1961. Vol. 55. No. 2.
- Ulam, A.* A History of Soviet Russia / A. Ulam. New York, 1976.
- Ulam, A.* Stalin; The Man and His Era / A. Ulam. New York, 1973.
- Ulam, A.* The New Face of Soviet Totalitarianism / A. Ulam. Cambridge, 1963.

- Ulam, A.* The State of Soviet Studies: Some Critical Reflections / A. Ulam // Survey. 1964. No. 50.
- Ulam, A.* The Unfinished Revolution. An Essay on the Sources of Influence of Marxism and Communism / A. Ulam. New York, 1960.
- Unger, A.* On the Meaning of «Sovietology» / A. Unger // Communist and Post-Communist Studies. 1998. Vol. 31. No. 1.
- Unger, A.* The Totalitarian Party: Party and People in Nazi Germany and Soviet Russia / A. Unger. London; New York, 1974.
- Urban, M.* Does Post-Sovietology have a Future / M. Urban, S. Fish // Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia. London; New York, 1998.
- Viola, L.* Guide to Document Series on Collectivization / L. Viola // A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s. New York, 1990.
- Viola, L.* In Search of Young Revisionist / L. Viola // The Russian Review. 1987. Vol. 46. No. 4.
- Viola, L.* Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance / L. Viola. New York, 1996.
- Viola, L.* Popular Resistance in the Stalinist 1930s: Soliloquy of a Devil's Advocate / L. Viola // Kritika. 2000. Vol. 1. Is. 1.
- Viola, L.* The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization / L. Viola. New York, 1987.
- Viola, L.* The Peasant Nightmare: Visions of Apocalypse in the Soviet Countryside / L. Viola // Journal of Modern History. 1990. Vol. 62. Is. 4.
- Walker, M.* Post-Sovietology, Area Studies, and the Social Sciences / M. Walker // Harriman Institute Forum. 1993. Vol. 6. Is. 6–7.
- Wallace, W.* From Soviet Studies to Europe-Asia Studies / W. Wallace // Europe – Asia Studies. 1993. Vol. 45. No. 1.
- Waller, M.* The –Isms of Stalinism / M. Waller // Soviet Studies. 1968. Vol. 20. No. 2.
- Ward, C.* Stalin's Russia / C. Ward. London; New York, 1993.
- Ward, M.* Controversies over Stalinism: Searching for a Soviet Society / M. Ward // Politics & Society. 1991. Vol. 19. Is. 3.
- Warth, R.* Joseph Stalin / R. Warth. New York, 1969.
- Waters, E.* The Bolsheviks and the Family / E. Waters // Contemporary European History. 1995. Vol. 4. Is. 3.
- Watson, D.* Molotov and Soviet Government: Sovnarkom, 1930–1941 / D. Watson. New York, 1996.
- Wedel, J.* Collision and Collusion. The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe. 1989–1998 / J. Wedel. New York, 1998.
- Weiner, A.* Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution / A. Weiner. Princeton, 2001.
- Welch, S.* Culture, Ideology and Personality: Robert C. Tucker's Analysis of Stalinism and Soviet Politics / S. Welch // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 1996. Vol. 12. Is. 1.
- Western and Russian Historiography: Recent Views. New York, 1993.
- Wheatcroft, S.* New Demographic Evidence on Excess Collectivization Deaths: Yet Another *Kluykva* from Steven Rosefielde / S. Wheatcroft // Slavic Review. 1985. Vol. 44. No. 3.
- Wheatcroft, S.* On Assessing the Size of Forced Concentration Camp Labour in the Soviet Union, 1929–56 / S. Wheatcroft // Soviet Studies. 1981. Vol. 33. Is. 2.
- Wheatcroft, S.* The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930–1945 / S. Wheatcroft // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. No. 8.
- Wheatcroft, S.* The Scale and Nature of Stalinist Repression and its Demographic Significance: On Comments by Keep and Conquest / S. Wheatcroft // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52. No. 6.
- Wheatcroft, S.* Towards a Thorough Analysis of Soviet Forced Labour Statistics / S. Wheatcroft // Soviet Studies. 1983. Vol. 35. Is. 2.
- Wheatcroft, S.* Victims of Stalinism and the Soviet Secret Police: The Comparability and Reliability of the Archival Data – Not the Last Word / S. Wheatcroft // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51. No. 2.
- Where are Slavic Eurasian Studies Headed in the 21st Century / 21 Century COE Program Occasional Papers. 2005. No. 7.
- White, S.* Communist Political Systems: An Introduction / S. White, J. Gardner. New York, 1982.
- White, S.* Political Culture and Soviet Politics / S. White. New York, 1979.
- White, S.* Russia, Elections, Democracy / S. White // Government and Opposition, Vol. 35. No. 3. 2000.
- White, S.* Slavists in New Times / S. White // AAASS Newsletter. 1991. Vol. 31. Is. 4. P. 1–2.
- Whitfield, S.* Into the Dark: Hannah Arendt and Totalitarianism / S. Whitfield. Philadelphia, 1980.
- Wildman, A.* Is Social History of Stalinist Russia Possible? / A. Wildman // Russian Review. 1993. Vol. 52. No. 3.
- Wildman, A.* More Controversy / A. Wildman // The Russian Review. 1987. Vol. 46. No. 4.
- Wildman, A.* The Complexities of Soviet History / A. Wildman, D. Hoffman // Russian Review. 1995. Vol. 54. No. 3.

- Willerton, J.* Clientilism in the Soviet Union: An Initial Examination / J. Willerton // *Studies in Comparative Communism*. 1979. Vol. 12. Is. 1.
- Wintrobe, R.* The Tinpot and the Totalitarian: An Economic Theory of Dictatorship / R. Wintrobe // *American Political Science Review*. 1990. Vol. 84. Is. 3.
- Wolfe, B. D.* Communist Totalitarianism: Keys to the Soviet System / B. D. Wolfe. Boston, 1961.
- Wood, A.* Stalin and Stalinism / A. Wood. London; New York, 1990.
- Wool, A.* Working Memorandum on Statistics of Population, Labour Force and Employment in the Soviet Union / A. Wool. New York, 1959.
- Yanov, A.* Sovietology Reformable? / A. Yanov // *Reform in Russia and the U.S.S.R.: Past and Prospects*. Urbana, 1989.
- Youngblood, D.* The Fate of Soviet Popular Cinema During the Stalin Revolution / D. Youngblood // *Russian Review*. 1991. Vol. No. 50.
- Yurchak, A.* Everything Was forever, until it Was no more: The Last Soviet Generation / A. Yurchak. Princeton, 2006.
- Zaleski, E.* Stalinist Planning for Growth, 1933–1952 / E. Zaleski. Chapel Hill, 1980.
- Zwick, P.* The Perestroika of Soviet Studies: Thinking and Teaching about the Soviet Union in Comparative Perspective / P. Zwick // *Political Science and Politics*. 1991. Vol. 24. No. 3.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ЧАСТЬ I. ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ	
ГЛАВА 1. ТОТАЛИТАРНАЯ ПАРАДИГМА	21
1.1. «Классическая» тоталитарная модель и ее модификации	21
1.2. Тоталитаризм и неомарксизм.....	28
ГЛАВА 2. РЕВИЗИОНИЗМ	37
2.1. Неприятие тоталитарной парадигмы.....	37
2.2. Критика «концепции непрерывности».....	41
2.3. Структурно-функциональные модели.....	50
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ «СТАЛИНСКОГО» СОВЕТСКОГО СОЮЗА	60
3.1. «Новая когорта» социальных историков.....	60
3.2. «Старые» ревизионисты против «новых».....	67
3.3. Второй раунд дискуссии.....	73
ГЛАВА 4. СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ	83
4.1. Социальная история после «архивной революции».....	83
4.2. Постмодернистский анализ советской субъективности.....	96
ЧАСТЬ II. СОВРЕМЕННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ИССЛЕДОВАНИЙ	
ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ «РОССИЙСКИХ И СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»	109
ГЛАВА 2. АКАДЕМИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ, УНИВЕРСИТЕТЫ, ИНСТИТУТЫ И БИБЛИОТЕКИ	122
2.1. Соединенные Штаты Америки.....	123
2.2. Австралийский Союз.....	148
2.3. Канада.....	151
2.4. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии.....	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	168
ИСТОРИКИ И ПОЛИТОЛОГИ (ПЕРСОНАЛИИ)	172
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	190

ISBN 978-5-906394-01-9

Научное издание

**Меньковский Вячеслав Иванович
Уль Кристина Барбара
Шабасова Марина Алексеевна**

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ 1930-х ГОДОВ В АНГЛО-ЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 ¹/₈. Уч.-изд. л. 24,1. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 100. Заказ № 6.

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»,
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36.